

К ИСТОРИИ ГЕПТАХОРА –

МУЗЫКАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Письма

С.Д. Рудневой

Н.К. Фан-дер-Флит-Бриммер

Н.В. Педьковой

нашей Маме Ю.Ф. Тихомировой

1944-1978

Автор-составитель
Софья Нуриджанова (Хордикайнен)

К истории Гептахора – Музыкального движения. Письма С.Д. Рудневой, Н.К. Фан-дер-Флит-Бриммер. Н.В. Педьковой нашей маме Ю.Ф. Тихомировой. 1944–1978/ Подготовка текста, предисловие, комментарии, примечания, указатель имён С.А. Нуриджановой. – СПб.: Изд-во _____, 2007. – _____ с.

В оформлении издания использован фрагмент экслибриса
А.М. Хордикайнена (художник Н.К. Фан-дер-Флит. 1927 г.)

Данное издание осуществлено на средства С.А. Нуриджановой,
Арсена Нуриджанова, Сергея Нуриджанова, Дмитрия Руднева.

[...] Я верю,
Что лёд разбить возможно для форели,
Когда она упорна. Вот и всё.

М. Кузмин

Я счастлива: строю мост из нашего
далекого сияющего прошлого в неведомое
будущее.

С. Руднева

ВСТУПЛЕНИЕ

Вот мгновения первых дней Маминой¹ жизни на курсах из письма Стефаниды Дмитриевны Рудневой² сестре³ 11 января 85 г.

... Есть многое, что никогда не забудешь, что живет и не умирает. Вот об одном таком мгновении я хочу Вам и Зосе⁴ и Матвею⁵ рассказать.

1909 год – осень. Петербург. 10 линия Вас[ильевского] остр[ова] – Большой конференц-зал Бестужевских курсов.

Это были дни, когда мы, т.е. Нат[алия] Ал[ександровна] Энман⁶ и я, (как многие другие в это время), задумали строить новую жизнь, создать друзей и единомышленников и жить коммуной. (Зачем? Не совсем было ясно...) Мы искали себе товарищей повсюду и, конечно, на курсах. Однажды увидели у большого окна, выходящего во двор с садом, печальную фигурку, которая сразу нас привлекла к себе каким-то удивительным очарованием. Она была одинока – просто воплощение одиночества.

Мы подумали и подошли к ней. И т а к [Разрядка С.Д.] свершилось наше Душевное соединение на всю жизнь.

Хочу описать Вам её, какой представляю. Она стояла, облокотясь о подоконник, боком к залу, но смотрела в окно, куда-то вдаль. На ней была клетчатая («шотландская») блузка [Может быть, описка, не блузка, а юбка?] красная с чёрным и чёрный гимназический передник. Кудрявая, удивительной прелести головка, глаза, губы – все дышало печалью и какой-то беззащитностью.

Мы, конечно, затащили её сразу на лекции Ф.Ф. Зелинского⁷, Ростовцева⁸ (она ведь была на отделении русской словесности, а не на нашем) [теория и история искусства]. Она узнала об Изадоре Д[ункан⁹], стала членом наших сборищ, когда мы двигались под музыку в полутемном зале школы, в кот[орой] работала тётка Нат. А., и всей нашей богатой и бурной жизни. Она была нашим гептахорским солнышком, всегда (несмотря на печальные глаза) светлая и готовая расхохотаться своим неповторимым смехом: гордая и нежная, скромная и яркая, нежная и бурная...

И еще одно письмо Стефаниды Дмитриевны сестре.

20 авг. 83. Дорогая Люсенька, месяца два назад я узнала от Гули¹⁰, что ты и твои сестра и брат участвуют в её заботах и помощи, которыми она окружает меня... Люся предложила нам с Матвеем посылать по небольшой сумме для С.Д., у которой была очень маленькая пенсия. Я посылала 15 руб. один раз в два месяца. Я была потрясена этим и глубоко взволнована: ведь мы с Вами так мало виделись, а их я даже никогда не видела... Я понимаю, что это

вы все делаете именем мамы вашей, этой удивительной женщины, словно наполненной каким-то лучезарным светом добра, красоты и силы духа...

[...] Я не могу говорить с Вами о моей благодарности – это совсем не то слово. Я ещё раз чувствую «неотделимость» нашего «Юлича» от нас, гептахорцев, от того удивительного горения и устремленности, которые связывали нас воедино. И я счастлива, что чувствую лучи этого горения в вашем добром ко мне отношении, спасибо вам всем. Это очень большое светлое счастье: я чувствую вас всех родными и близкими... С первых дней нашей встречи на Бестужевских курсах она была для Гептахора нашим «солнышком»...

Я не писала Вам сразу, как узнала всё от Гули: мне хотелось это сделать сразу всем вам троим, а адресов у меня не было... То одно, то другое мешало... Простите!

Всего вам с Колей¹¹ лучшего, светлого.

Целую. Ваша Ст. Руд.

Но были и другие письма Стефаниды Дмитриевны сестре.

С.Д. – Люсе. 9 IX 79. Дорогая Люсенька, простите, что так долго не отвечала на Ваше письмо, и большое спасибо за него. Рада была, что Вы с Зосей повидали столько красоты и древности и что она была с Вами так долго. *Мы ездили в июле с сестрой на Соловки по туристической путевке.*

Теперь уже, верно, и Коля вернулся и жизнь покатилась... Мне очень дорога связь с Вами, не отрывайтесь от меня, иногда вспоминайте. Ваша мама была гептахорским солнышком, пестовала моего сына, была мне несравненным другом и совестью.

Теперь я обращаюсь к Вам с большой просьбой, отказать в которой Вы мне не можете...

Ваша мама написала и прислала мне чудесные воспоминания о своей юности; гептахорский период я знаю, как и она сама; но мне (в наш архив) необходимо дополнение – хотя бы совершенно фактическое – о послегептахорском периоде до переселения её к Вам в Ленинград... Я всё это знаю настолько неполно и отрывочно, что оставляю это белым пятном. Я прошу Вас, хотя я и знаю Вашу занятость, написать мне так, как Вы захотите, короче или длиннее, подробнее или просто факты и даты... Они и сами, к сожалению, скажут слишком много...

Когда увидите Наталию Васильевну¹², передайте ей от меня сердечный привет.

У меня всё по-прежнему: работаю над нашим архивом, пишу свои воспоминания.

Привет Коле. Вас я целую, будьте здоровы, бодры и удач Вам в жизни.

Ваша Ст. Руд.

С.Д. – Люсе. 20 X 80. Здравствуйте, Люся!

Я ещё раз обращаюсь к Вам и к Вашей сестре Зосе с просьбой хотя бы вкратце написать историю жизни Вашей матери в период после её ухода из студии Гептахор. Вскоре я буду сдавать в Госархив все документы Гептахора, а также биографии основателей студии и метода «Музыкального движения». Ваша мама написала о своей жизни до Гептахора, я знаю всё о её деятельности в студии. Но со времени её замужества я в сущности почти ничего не знаю...

Меня просто удивляет Ваше полное молчание, неужели Вы не считаете нужным хотя бы известить меня о причинах его?

Я с нетерпением буду ждать ответ, надеясь, что Ваше молчание вызвано просто, к сожалению, обычной в наши дни привычкой всё откладывать до завтра.

Ваша жизнь и жизнь Коли меня не перестают интересовать: Ваша мать была всегда и остается в памяти как самый близкий, дорогой и замечательный человек.

С приветом

Ст. Руд.

Сестра переслала мне в Уфу оба письма С.Д., как уже не раз бывало в подобных случаях; теперь – чтобы я написала про постгептахорский период Маминой жизни. Горько читать их, но... не виню себя. Ведь и сама С.Д. освободилась от всего ежедневно-рабочего, трудового, обязательного к концу своего восьмого десятка. Сколько раз она сама сожалеет о том, что раньше не начала работу с Архивом, с историей Гептахора (28 XI 03).

Хочу верить, что последние 15 лет прожила не впустую: три моих книги – и отдавание благодарной памяти Маме и её друзьям, и история жизни Ю.Ф. Тихомировой. Здесь, в этой книге, в перекрестьи судьбы С.Д. Рудневой в дивном предвечернем свете оживают молодые горячие дружбы начала XX века и длится, длится жизнь Гептахора... И трудно, и счастливо вырастает из него Музыкальное движение (29 III 06).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Письма Стефаниды Дмитриевны Рудневой (1890–1989) я прочла лет шесть тому назад, разбирая архив нашей Мамы. Они адресованы Юлии Фёдоровне Тихомировой (1890–1979).

Письма (1963–1978) раскрывают сильную и страстную натуру Стефаниды Дмитриевны, её ясный, во многом беспощадный ум, её волю к борьбе за дело всей жизни – создание теории и практики Музыкального движения как новой самостоятельной ветви гармонического воспитания человека. Эти письма С.Д. начала 60^х–конца 70^х прошлого века возвращали обеих дам в их «лучезарное прошлое».

1909 год. Петербург. Бестужевские курсы. Увлечение античностью в лекциях Ф.Ф. Зелинского. Потрясение от первых выступлений Айседоры Дункан, увлечение идеями Дункан вернуть танцу естественность движений в передаче, в воплощении музыки, развить в себе способность выразить музыку в жестах, в движениях тела.

К 1913 г. образовался кружок из семи девушек: С.Д. Рудневой, Н.А. Энман, К.В. Тревер¹³, И.В. Тревер¹⁴, Е.В. Цинзерлинг¹⁵, Н.В. Педьковой, Ю.Ф. Тихомировой. Ф.Ф. Зелинский придумал ему название «Гептахор» – по-гречески «семь пляшущих». Я писала о Гептахоре в книге «Жизнь незабываемых людей. Дневники. Письма. Справки. Воспоминания»¹⁶, много цитировала «Воспоминания счастливого человека» С.Д. Рудневой¹⁷.

С.Д. часто и благодарно вспоминала Ф.Ф. Зелинского. В частности, С.Д. писала: «Одной из любимых античных идей, развитие и жизнь которых он [Ф.Ф. Зелинский] прослеживал в своих трудах и занятиях, была идея дружбы, её роль в жизни и общении людей». По-разному сложились судьбы членов кружка, но завету Учителя, своей дружбе, они остались верны на всю жизнь. Горячей дружбой согреты письма С.Д. к Ю.Ф.

Первоначальный план опубликовать только письма С.Д. мне показался неверным. Теснейшая, преданнейшая дружба связывала Ю.Ф. с Наталией Константиновной Бриммер¹⁸ (член «Молодого Гептахора», который возник в 1918 г. из выпускников ВВКУ), и их длительная переписка (с 1944 г.) не только держала Ю.Ф. в курсе жизненных перипетий других членов Гептахора и таким образом связывала Ю.Ф. с кругом прежних друзей, со С.Д. Рудневой, Е.В. Цинзерлинг, Н.В. Педьковой, В.З. Бульванкером¹⁹, Н.А. Энман, В.Б. Ечеистовой²⁰ ..., но и подготовила почву для встреч, прежде всего, со С.Д.

Душевная близость к друзьям жила, убеждена, всегда в сердце Ю.Ф., но именно Н.К. соединила светоносное прошлое с по-новому воссиявшей дружбой со С.Д. Без писем Н.К. 44–62 гг., в которых так ясно звучала поначалу тихая фортепьянная нота прежних дружб, как знать, соединила ли бы вновь Судьба Ю.Ф. с друзьями молодости. Поэтому я решила со-

брать из писем Н.К. в с е сведения о жизни, о работе С.Д. и других близких к Музыкальному движению лиц и дополнить ими письма самой С.Д.

Но, вчитываясь в который раз в послания Н.К., я поняла, что личность Н.К. сродни личности С.Д.: та же твёрдость воли, верность призванию и та же почти трагическая незащищённость, одиночество Художника в обществе. Письма Н.К. – жгучее свидетельство Времени. Таким образом, дорогой читатель, перед Вами третий вариант задуманной книги: представляю письма Н.К. Бриммер в это ожерелье гептахорских дружб вместе с несколькими сохранившимися письмами Н.В. Педьковой, Н.А. Энман, Е.В. Цинзерлинг, В.З. Бульванкера.

Смущает одно обстоятельство: я публикую здесь и письма Н.К. Бриммер и Н.В. Педьковой к нам, детям, в ответ на наши. Не стоит и говорить, какую духовную и нравственную роль они сыграли в нашей жизни, как помогли нам, детям Ю.Ф., жить и выстоять. Все годы нашей тартуской жизни²¹ нам сияли письма Н.К., присланные Маме. Мама читала их вслух. Эти письма не только приближали нас к повседневным заботам Н.К. о семье, о сыновьях, но открывали духовный мир Ленинграда: Н.К. писала о выставках, о концертах, о театре... Постепенно мы начинали думать о Ленинграде, о себе в Ленинграде...

Н.К. и Н.В. тревожились за нас, брали на себя свою долю ответственности за девочек Ю.Ф. и стали нам настоящей опорой в студенческие годы.

И, разумеется, письма Люсе, Зосе и Матвею были письмами и «дорогому Юличу» и «милой Юлюшке»...

Писем Ю.Ф. к Н.К. не сохранилось. Мама как истинный историк ли, филолог ли вернула Н.К. её письма. Н.К. сожгла их на даче. Горько думаю о том, с какой тщательностью распоряжалась своим художническим архивом график Н.К. Фан-дер-Флит-Бриммер, распределяя его по музеям и библиотекам. От Мамы не осталось другого архива, кроме писем. Лишить её даже этой памяти! Эти-то письма Н.К. оказались у меня по счастливой случайности: ведь Н.К. хотела и их сжечь. Письма Н.К. создают эффект двойного портрета: портрет того, кто говорит (пишет), и того, кто слушает (читает). Т а к писать о своих редких радостях и многочисленных горестях можно было только единственному другу, который всё верно услышит, поймёт и утешит. Наталию Константиновну покидает привычная сдержанность, и на бумагу ложатся такие обращения: «Мой родненький друг!», «Драгоценный мой Юлич!»...

Автобиография Н.К. (См. Приложения) прибавляет к её письмам много нового и ценного: и теперь перед нами портрет, можно сказать, во весь рост.

Письма С.Д. относятся к той поре жизни Ю.Ф., когда она стала приезжать в Ленинград из Тарту с 1963 г. и подолгу жить у сестры, помогая ей растить сына. Окончательно Мама переселилась в Ленинград в 1969 г.

С.Д. сохранила в своём архиве 13 писем Ю.Ф. В узкой алфавитной книжке для записи телефонов, в которую Ю.Ф. вписывала даты отсылаемых писем, на страничке С.Д. Рудневой с 23 II 64 по 23 X 72 – 59 дат. С.Д. много работала над сортировкой материалов и оставила только ценное. Эти письма Ю.Ф. весьма содержательны, вместе с тем, многие письма С.Д. (всего их 108) восстанавливают главное из несохранившихся писем Ю.Ф.

Я пытаюсь найти ответ на вопрос, почему так поздно после войны встретила С.Д. с Ю.Ф. Ведь и переписки не было! Нахожу единственное объяснение: страх. Страх не лично за себя, а за то дело, которому была отдана жизнь и которому могла бы помешать предосудительная в глазах властей дружба с человеком из оккупации. Пройти оккупацию да ещё остаться в живых! В недостаточно советской Эстонии! Да ещё с финскими фамилиями у детей! Известно, что территории вокруг Ленинграда не раз зачищали от «финского элемента»... Когда я, поступив в Ленинградский университет, пришла к начальнику паспортного стола за разрешением на прописку, «с милой улыбкой» он посоветовал мне поскорее выйти замуж и поменять фамилию. Я писала об этом Маме (30 IX 48). А что пережила сестра после окончания университета?! Её никуда не брали на работу из-за фамилии, из-за оккупации²²...

Жизнь Ю.Ф. не стала лёгкой и беспроблемной и в эти годы, но вернулись прежние дружбы, вернулось «светлое немеркнувшее прошлое», и трудное настоящее было пронизано этим «немеркнущим светом»... Можно сказать, что с письмами С.Д., после встреч с нею Ю.Ф. возвращалась к себе прежней, счастливой счастьем дружб и общего дела...

Та молодая гептахорская жизнь Ю.Ф. оборвалась с замужеством. Я попыталась досказать историю жизни Ю.Ф. в дополнение к тому, что есть в Приложениях. Думаю, что брак для Ю.Ф. оказался нерадостным ввиду нескольких обстоятельств. Впечатления детства, юности трагичны (См. Приложения), а ведь, как мы теперь знаем, из счастливого опыта начала жизни и вырастает талант будущего семейного счастья. Одиночество в семье. Мать, Евдокия Дмитриевна Тихомирова (1870–1959), так и осталась на всю жизнь душевно далёким человеком. Евдокии Дмитриевне, как теперь понимаю, и невозможно было понять бунтующую натуру дочери с её неудержимым стремлением бежать из Рыбинска, вырваться из мещанского окружения. Психологически трудной оказалась и жизнь на Бестужевских курсах в Петербурге в съёмных комнатах, а, может быть, и углах...

К концу 20^х гг. почти все члены Гептахора находят своё место в жизни в н е Гептахора и на новом поприще реализуют свои творческие возможности. Ю.Ф. и Нат. Вас. Педькова живут вместе, снимают квартиру.

С марта 1926 г. Ю.Ф. работает в Центральном бюро краеведения (ЦБК) и знакомится здесь с А.М. Хордикайненом²³. Видимо, осенью 26 г. начался их роман. Сохранились тетрадки дневниковых записей А.М. поры его всепоглощающей любви к Ю.Ф., сохранились посвященные ей стихи. Восторгом и преклонением дышит каждая их страница... Многое из этого семейного архива я опубликовала в книге «Жизнь незабытых людей».

А дальше вот такая хронология:

1928 16 апреля – рождение близнецов Софьи и Юлии

1929 10 апреля – рождение сына Андрея

1930 17 июня – арест Ю.Ф. и А.М. по делу ЦБК

1930 30 октября – Ю.Ф. освобождена под подписку о невыезде

1931 20 мая – приговор: ссылка на три года

1934 осень – возвращение Ю.Ф. и А.М. из ссылки с сыном Матвеем

1941 сентябрь – город Пушкин сдан – город Пушкин оккупирован. Мы в оккупации.

Т а к и х испытаний не выпало на долю никому ни из членов кружка «Гептахор», ни из членов «Молодого Гептахора». Вся государственная машина в данном конкретном случае работала на уничтожение, и только нечаянная погрешность в работе шестерёнок не превратила Ю.Ф. и А.М. и их детей в пыль, в ничто. Хотя... А.М. погиб в мае 43, Андрей – в июле 45...

Эти «минуты роковые» оказались трагическими не только для истории России XX в., но роковым образом вырвали Ю.Ф. из прежних дружеских и общественных связей. Правда, во время ссылки родителей многие из друзей Ю.Ф. приезжали к нам в Детское Село, помогали, одаривали. Сохранились фотографии нас, детей, на обороте которых написано: «Фотографировал Волк. 1933 г.». Навещала Наталия Васильевна Педькова. Много лет спустя, в наши студенческие годы, она рассказала нам, что показались мы ей тихими-претихими детьми:

- А вы умеете шалить?
- Нет, не умеем.
- Хотите, я научу вас?

Мы отказались.

Приезжала не раз Вера Петровна, мать Н.К.²⁴, с рюкзаками сухарей... Наша бабушка (С.С. Высоцкая. 1866–22 IV 1941) очень любила Веру Петровну.

Но были, мне кажется, и глубокие личные, психологические обстоятельства, которые увели Ю.Ф. от гептахорцев.

Видимо, уже в первые год-два после рождения детей Ю.Ф. осознала, что отношение к ней А.М. изменилось. На недоумение и, полагаю, на кроткий укор, куда же делась недавняя нежность, Ю.Ф. слышит в ответ:

– Милый друг, мы уже отвистали...

Эту фразу отца мы слышали от Мама много раз.

... Свою судьбу в замужестве Мама выражала строчками какого-то давнего стихотворения, которые в её адрес ещё до ссылки часто говорила Н. Вас.:

Я смиренная корова,
Нрава я была простого:
Ободрал меня мясник.

Мама приводила и другие слова Н.В., может быть, сказанные ещё до свадьбы:

– А ты не боишься разбиться о его [А.М.] подбородок?

Ю.Ф. никогда не развивала, не комментировала этих высказываний. Так, прозвучали – и всё. Наверное, они возникали в каком-то контексте. Я его не помню. Но всегда в них просвечивала и самоирония, какие-то оттенки грустной усмешки над собой, но и... смирение паче гордости. Не буду приводить других, тоже единичных подобных признаний, запавших в её сердце, застрявших в памяти... Они запали и мне в душу. Для Ю.Ф. это была д а н - н о с т ь. Мама очень любила это слово, это понятие: то, с чем надо жить.

Один или два раза в жизни Мама цитировала несколько гимнических строк:

Всюду царит,
Всюду звучит
Юлия! Юлия!

У Мама и героини стихотворения одинаковые имена. И только в 90ые гг., готовя книгу «Жизнь незабываемых людей», изучая семейный архив, я узнала, что это строки из стихотворения А.М., написанного 9 декабря 1926 г. из его третьей самодельной тетрадки стихов, в ней 10 стихотворений посвящено «Ю.Т.». Может быть, именно воспоминания о любви до рождения детей светили Мама все долгие и трудные годы потом...

Вот что крайне важно: Мама н и к о г д а н и ч е г о не рассказала нам доброго, вдохновляющего об отце... о своём муже. Десяти пальцев рук хватит, чтобы сосчитать в с е высказывания Ю.Ф. об А.М. Будет более точным сказать: Мама отмолчалась. Когда я обратила на это внимание сестры, она с удивлением заметила:

– Да, как будто его и не было...

Думаю, прежняя открытость перед друзьями стала невозможной, отсюда – невстречи, своеобразное отшельничество. Только с Наталией Константиновной Мама поддерживала общение, но, скорей всего, в качестве confidentки, как сказали бы в старину, больше слу-

шала, но вряд ли успевала говорить о себе, да и вряд ли хотела рассказывать обо всём своём. Но с 1944 г. эпистолярное общение Н.К. и Ю.Ф., особенно в первые годы после войны, было напряжённым диалогом.

Как много значили в жизни Ю.Ф. её редкие поездки в Ленинград на Карповку! Как-то я искала нужную информацию в письмах Маме 75го года и наткнулась на письмо от 24 XI, в преддверии Маминаго 85-летия. Безусловно, парадное поздравление тоже было!

«Как жаль, что не смогу быть с вами 30го!

Охватывают воспоминания...

Пушкин, воскресенья с оладьями...

Твои поездки в Л[енингр]ад, и особое сияние, красота в облике после общения с Нат[алией] Конст[антиновной].

Твои напевания романсов и арий из опер... «Мы сидели вдвоём у уснувшей реки...».

Рождество.

Пасхи.

Дни рождения.

Твои друзья в нашей жизни.

Ах, только помнить обо всём хорошем, только чувствовать жизнь как Реку, и тогда величаво, полная силы, Твоя Жизнь-Река повлечёт и нас в бесконечное движение к Добру, к Лучшему...»

Убеждена: уже в конце 20^х А.М. слышал «гул времени» много отчётливей, чем большинство современников. И, хотя в семье всё было поставлено на солидную ногу: снят двух-этажный дом, наняты (по рекомендациям!) няня и «кухарка за повара» (была такая квалификация!), А.М. предчувствовал будущее, и растущий груз ответственности за семью исключали оптимизм и чувство лёгкости бытия. Жизнь стёсывала всё польское от матери Софьи Сильвестровны, всё одухотворение, впитанное и из служб в Царскосельском костёле, и из поэзии Серебряного века, и из очарований парков... Время требовало не знания наизусть всего Блока, а глубочайшего профессионализма, потрясающей работоспособности (в 30ые гг. А.М. участвовал в проектировании новых химических заводов), и А.М. был ценным работником, энергичным руководителем. В таких условиях человек не мог не меняться, и финское становилось доминантой личности. В семье А.М. являл собою человека немногословного, даже замкнутого, чрезвычайно организованного и всегда занятого и очень-очень требовательного нам во всём, в важном и мелочах: «Съесть с тарелки всё дочиста!», «Чистить обувь с вечера!», «Не ходить по газонам!», «Не выходить за калитку сада!», «Не играть с Ваньками и Маньками!» (Они были «ребята», мы – «дети»). Вот мы и стояли у калитки, с завистью

наблюдая беззаботное веселье в соседнем дворе. Только летом 40го года мы уже вместе с дворовыми играли в лапту, в «штандар»...

В нашем воспитании всё было продумано и сформулировано: никаких телячьих нежностей, ремень как самое верное средство воспитания. Ю.Ф. всё это приняла. Мы росли в страхе перед отцом, но и перед матерью. Ведь никаких отступлений от педагогики отца наша Мама себе не позволяла. Самонадеянная непререкаемость суждений А.М. в вопросах воспитания четверых детей давала отличные результаты: мы были послушные смирные дети. Ни ласковых слов, ни приласкать-приголубить, ни снисхождения, по-моему, никаких прощений нас за что-нибудь не было. Только – жёсткость, только требовательность.

Правда, очень редко мы слышали и милые обращения: «Софузон», «Люсёнок». Я-то вообще чаще была «Софьей»... Но нестерпимо жжёт память «вахлак» в адрес Андрея...

Особая тема – явная предрекция к Матвею, к нему – открытая ласка, к любимому «Пупенчику»...

... Был диктат и в распределении семейного бюджета. Собственно, распределения не было, так как А.М. сам привозил наиболее ценные продукты из Ленинграда или из командировок (помню урюк, хамсу, халву...), сам покупал нам одежду, наши безобразные школьные сумки в виде чемоданчиков (в школе их дразнили патефонами) и т.д. и лишь некоторую часть своей зарплаты вручал жене. Только перед самой войной, после шестого класса, мы с сестрой были более или менее приодеты.

А.М. был запасливым, рачительным главой семьи, но именно его запасливость и строжайшее регламентирование в трате продуктов спасли нас в первый голодный год войны.

Думаю, никто из прежнего гептахорского окружения Ю.Ф. не знал таких материальных трудностей в эти короткие предвоенные годы. Да ни у кого и не было четверых детей. Семья – девять человек. Очевидная борьба за выживание: огород, поросята, картофельное поле за городом... Это была борьба за самоё существование семьи, детей, на которую обрекала Система. И это обстоятельство – нужда, нехватки – тоже сыграло свою роль в резком ослаблении прежних дружеских связей.

Никогда никаких разногласий, ссор между родителями я не помню. Думаю, Ю.Ф. во многом переступила через себя и – стала д р у г о й. Ведь не было и ласковой улыбки, обращённой друг к другу между мужем и женой, и ласковых слов не было, и похвалы, одобрения или сочувствия – не было. Папа с нескрываемой иронией (при нас!) частенько до войны говорил о Маминых «глазах умирающей газели». Сестра мне писала: «Видимо, Папа обозначал такими словами выражение Маминых глаз в момент ущемления, уязвлённости, горечи...» (23 II 93). И глаза, и голос, потухший, бесцветный, выдавали нечто бóльшее, чем усталость, и Папе легче было сыронизировать, чем вникать в истоки...

С другой стороны, можно с полной уверенностью сказать, что и А.М., и Ю.Ф. огромное внимание уделяли нашему духовному воспитанию, развитию ума, памяти, формированию в нас духовных потребностей, понимания Красоты в природе, в книгах, в семейном быту... Мы много читали, вели дневник.

Нашим с сестрой любимым занятием было фантазирование. Начитанные без меры, мы и сами стали выдумывать бесконечные истории. Сидишь за своим столом и – фантазируешь. Сестра в дневнике сообщает о том, чем занималась Зося: «Зося фантазировала». Мы старались поскорее справиться с домашними обязанностями, чтобы предаться воображению. Сестра пишет мне об этой стороне нашего отрочества: «Атмосфера вымышленного, придуманного життя была очень плотной» (13 II 93).

С нами до школы занималась Мария Александровна Сидорова²⁵. Она подготовила нас к школе, и мы сразу поступили во второй класс; с М.А. мы изучали французский язык и Закон Божий в католическом варианте. Много-много воскресений в году Папа совершал с нами дальние прогулки в парк и в окрестности. (Как-то были на заброшенном кладбище, где почти все могилы были «Хордикайненов».) В этих прогулках отец был каким-то удивительно свободным, лёгким. Всю дорогу он читал стихи по-русски и по-польски, читал как дышал, как песню пел... Память об этих длинных прогулках помогала мне потом жить. Зимой мы летели на лыжах, держась за ремни упряжки (сшил отец) нашей карельской лайки «Сампо». Папа привёз щенка из Медвежьей Горы, куда часто ездил в командировки, так как «принимал участие в разработке гидротехнических и гидроэлектрических проблем, связанных в Беломорско-Балтийским каналом»²⁶.

К первой исповеди (1938 г.) нам были сшиты белые, по-моему, батистовые платья, Андрею – белый костюмчик. Памятно и другое: Мама подарила нам из китайской перегородчатой эмали мне шкатулочку, сестре – чернильницу. Шкатулочка со мной до сих пор. Люсина – затерялась. Когда закрылся наш костёл в Пушкине, Папа несколько раз возил нас в Костёл на Ковенском в Ленинграде. А.М. был глубоко верующим католиком. В Ленинград же он возил нас на кинофильм «Три поросёнка». Как-то все четверо мы были у него в институте на новогодней ёлке. Но вот *pota bene*: что побудило А.М. взять нас всех четверых на гражданскую панихиду по Ивану Михайловичу Гревсу²⁷? Да, мы знали И.М. Гревса: Гревсы снимали дачу в Пушкине недалеко от нас. Мы, дети, бывали у них в гостях, как-то с Иваном Михайловичем шли вместе в парк. Да, Мама училась у И.М. и перед замужеством работала секретарём в его Экскурсионной комиссии в ЦБК. И всё же в прощании с Иваном Михайловичем, в этом поступке А.М., видится мне духовное напутствие Александра Матвеевича нам, его детям.

Тогда, на панихиде, меня пронзила мысль: хочу стать историком.

До войны в нашем доме парадно и празднично отмечались дни рождения, дни именин, Рождество, Пасха. Мы рисовали нечто вроде открыток с цветочками, аккуратно выводили «Дорогой папа!», «Дорогая мама» (В реальной жизни таких слов мы не произносили!), что-то желали, иногда – обещали. Я посвящала «стихи». Родители одаривали нас, думаю, все изящные подарки выбирал и покупал отец. Так на Пасху 41 г. мы с сестрой получили по шкатулочке из шемогодской бересты.

Сестра в дневнике (мой дневник пропал) вспоминает Рождество 41 г. в Пушкине, когда у нас в гостях был Разумник Васильевич Иванов-Разумник²⁸ с женой:

«Мы говорили стихи, которые были выбраны Папой. Я говорила, кажется, Аксакова про церковь:

И звон смиряющий
Нам в душу просится,
Окрест сзывающий
В полях разносится...

Зося – какое-то философское, а Матвей – не помню какое» (15 IX 43)²⁹.

... Мы с сестрой хорошо учились, но были какие-то не такие, как все в классе. И оставались такими всю свою юность.

... Хочу всё-таки понять душевный строй Ю.Ф., вникнуть в него. Её брак с А.М. только на поверхностный, сторонний взгляд может казаться благополучным. По-моему, это была трагедия, катастрофа (См. письмо С.Д. 17 VI 77). Но причина здесь не только в особом складе личности А.М. Было нечто в натуре Ю.Ф., что не позволило ей отдаться целиком хотя бы материнству, думать о радости детей, воплощать эту радость в жизнь. Это был не эгоизм, но поражающая меня способность к о т с т р а н ё н н о с т и, невключённость душой в сложный нервный механизм семьи.

Тот бесценный дар, которым судьба одарила её, всё, связанное с Гептахором, лежало втуне, оно пребывало в ней, но не росло, не было востребовано...

Убеждена: А.М. чувствовал, что Ю.Ф. з д е с ь чисто физически, а всё главное в ней – п р и н е й , в н е й, замуровано, но не отринуто.

В своё время я просила сестру побольше расспросить Н.К. о Маминой жизни. Сестра цитирует Н.К.: «Нельзя сказать, что он [А.М.] с большим воодушевлением относился к делам Гептахора» (30 I 95.).

... Мама ни разу не была с нами в парках, но, правда, в эти первые годы после возвращения родителей мы «ходили в немецкую группу» и с «группой» гуляли около дворцов... Мама не отвезла нас в гости к Н.К.; ничего никогда не рассказала о любимом учителе, о дру-

зьях, о Гептахоре – н и к о г д а. Я обо всём и всех узнала только, когда стала работать в ЦМАМЛС и над семейным архивом.

Мама напевала романсы – для себя; разучила с нами только одну песенку «Sur le point d'Avinion...». Не пыталась двигаться с нами под музыку, а подходящей музыки было много на радио. Что-то можно было сотворить и под напевание... после Гептахора-то! Мы с сестрой были совершенно деревянные. Да, заплетала нам косы, а мы в это время должны были читать вслух (очень неудобное положение для чтения!), потом учила нас самих заплетать косы, Мама учила нас штопать, полоть, приводить свой стол в порядок... Заставляла учить стихи (знать много стихов наизусть входило, вероятно, в понятие «домашнее воспитание»); сама наизусть почти ничего не читала, оглядываясь назад, вижу, что Мама была равнодушна к поэзии. Ю.Ф. была нетерпеливым педагогом: так и слышу треск вырываемой из тетради страницы: переписать! Я что-то не так хорошо написала. А как-то досадливое на моё непонимание чего-то – линейкой по лбу! Не слишком больно, но вот – не забыто...

Чем любила заниматься Ю.Ф. в доме, по дому? Не знаю. Не отгадаю. Наверное, только читать французские романы в жёлтой обложке на французском языке... уводившие от повседневности.

Невключённость... для меня это кодовое слово.

... Вечер. Отужинали. Мы в своей комнате. (У нас было всего две комнаты, правда, «детская» – это была большая комната, где стояли наши четыре кровати, сундук, на котором спала бабушка, два рабочих столика наши с сестрой... А где спали с 39 г. Бабушка Дуня и Сева³⁰ – ума не приложу.) Папа раскладывает на круглом столе, за которым мы и пили-ели, бумаги: просидит полночи за работой. Мама в кресле рядом читает французский роман, нечто вроде теперешних дамских романов. Недовольный голос отца:

– Шла бы Ты, Мать, спать.

Бабушка, редчайший случай, позволила себе на другой день дать совет Маме:

– Да не читайте Вы, Юлия Фёдоровна, при Александре Матвеевиче! Вот уйдёт он, Вы и почитаете! А при нём – не надо!

Мама сама пересказала нам этот эпизод как пример мудрости и доброго отношения к ней свекрови.

А ведь мы четверо в соседней комнате. Такие тихие, что нас и не слышно. Как мы укладываемся, с какими впечатлениями от прожитого дня... Нет, Ю.Ф. к нам не зайдёт, не присядет на край постели, не поцелует в маковку, не потушит свет сама... Зачем?! Мы уже сказали родителям «Спокойной ночи» и закрыли за собой дверь...

Даже в наши тартуские годы Ю.Ф. умела жить «в себе», отстраненно. Свои любовные письма Н.К. она писала на работе после работы. Смеею предположить, что эти письма требо-

вали от Ю.Ф. огромного душевного напряжения, вплоть до изнеможения: Н.К. была непомерно обидчива, её нельзя было просто пожалеть и Ю.Ф. очень трудно было балансировать на острии испытываемых чувств и необходимостью щадить гордость Н.К.

Думаю, Ю.Ф. и теперь, в 40-50 гг., видела ярко, памятно, благодарно (счастье дружбы!) ту семнадцатилетнюю девочку, которая пришла в Гептахор осенью 18го года. На глазах Ю.Ф. Н.К. формировалась в признанного художника-графика. И вот эта юная Наташка Косатая, из семьи потомственной дворянской интеллигенции, красивая и талантливая, жила в её душе все многие-многие годы потом... В те тартуские годы вся нежность и ласковость Ю.Ф. были обращены к «Зверушке»...

На всём протяжении долгой переписки между Ю.Ф. и Н.К. письма Ю.Ф. были, по-видимому, для Н.К. тем живительным источником, припадая к которому, Н.К. черпала душевные силы, чтобы жить... Но чего стоили «дорогому Юличу» ответы на исповеди Н.К. ?!

... Мама и Бабушка Дуня. Б.Д. приехала к нам со старшим внуком Севой. Б.Д. самолюбивно любила Севу. Она покупала ему (ему одному!) пирожные и сдобные булочки. Ничуть не стесняясь, на наших глазах. Неужели Мама ничего не знала?! Знала! Но ведь и потом, в Тарту, Б.Д. имела своё отдельное масло, варенье, булочку. Много из еды, что передавали для нас добрые люди, передавалось через Б.Д. И она считала, что эти дары ей лично. Мы, подростки, каторжным трудом – батрачеством добывали своё зимнее пропитание, я с октября 46 г. уже работаю старшей пионервожатой школы... а у Б.Д. всегда припрятан с в о й «сладкий кусок». Мы-то жили впроголодь.

Вот одна из горчайших записок Маме, написанная на обороте «Контрольной работы по алгебре ученицы X кл. Хордикайнен Софии», дата 11 II 46:

«Мама, бабушка Дуня спрятала сухари к себе в ящик. За что же так? И что Ты хочешь от нас, от меня? Любви, корректности?! Да не будет их никогда. [...] Не требуй же любви к ней и семье. Семья дома – это она. Ты где-то на работе. А дома: «не трогайте меня». Из-за этого всё. [...]

Но пойми же хоть когда-нибудь: это портит всё, всё разрушает – эти убранные сухари, отобранные конфеты, спрятанные булки после каждого праздника. Что же Ты хочешь? [...]

Б.Д. не просто домовничала, она покупала некоторые продукты и, самое главное, варила еду, но она и верховодила: покрикивала на нас и обзывала. Мама всё принимала, что вытворяла Б.Д. ещё с довоенных лет, но что-то ведь могла нам и сказать, попытаться объяснить своё невмешательство в образ жизни Б.Д. в нашей семье. То же самое и в отношении ссор с мальчиками, а потом и с Матвеем, который просто ничего не хотел делать по хозяйству (пилить, колоть, носить в дом дрова, приносить воду, выносить помой, мыть полы...).

Мама не хотела ничего слушать: «Оставьте меня в покое». Вот так. Жила молча. Сидела в углу дивана и под тихое радио чинила нашу одежду или читала.

Вместе с тем, оглядываясь в «Воспоминаниях», написанных по настоянию Стефаниды Дмитриевны, на прожитую жизнь, Ю.Ф. ни одним словом не отдаёт должного своей матери, которая освободила её от домашних обязанностей топить печку, покупать продукты, разжигать плиту и варить еду, к церковным и семейным праздникам печь пирожки... Ю.Ф. не знала этой домашней «бессрочной» вахты, она не коснулась её.

Уехав учиться в Ленинград осенью 48 г., мы с сестрой стали жить самостоятельно. И я очень быстро поняла, какой это несносный труд – приготовление еды! Жалуюсь в письмах Маме, как много времени приходится тратить на готовку обеда. И – интуитивно проникаюсь к Б.Д. запоздалой симпатией: постоянно посылаю ей приветы, спрашиваю о ней, о её самочувствии. Но Мама – никогда не сказала нам ни единого сердечного слова о своей маме, даже потом, через годы...

Стефанида Дмитриевна не раз пишет о «гептахорском солнышке» – о гептахорке Юле Тихомировой и о её неповторимом смехе. И Н.К. писала 10 XII 45: «[...] Так чётко слышу иной раз далёкую по времени неподражаемую руладу Твоего смеха, Юлич» («Дар любить», С. 36).

В неповторимом Мамином смехе было ликование, чудная свобода, радость через край. До войны несколько раз я слышала этот счастливый Мамин смех, несколько раз...

Вот думаю: всё светлое, яркое осталось у Мамы в прежней добрачной жизни. Вся радость – там! И вся нежность к подругам, всё любовное внимание – там! В тех дружбах. Да, Ю.Ф. отсекала от себя свою жизнь до рождения детей, замуровала этот клад любви и радости, начала другую жизнь, повторяю: стала другой. Но А.М. не мог же этого не чувствовать! Образ идеальной возлюбленной и жены истаял в обступившей действительности. Но, может быть, Ю.Ф. слишком поспешно отказалась от себя прежней, став тем новым человеком, в котором А.М. не видел прежних любимых черт?! Не знаю...

20 VI 64 г. Ю.Ф. пишет С.Д.: «Стень мой дорогой! Спасибо тебе огромное за встречу с Никоном, моим первым любимым ребёнком. Увидев его, я как-то совершенно не могу понять, как я могла позволить жизни одолеть меня и не видеть его в те годы, когда это было ещё возможно [до войны]. А, может быть, только теперь, став бабушкой, я поняла, как много в моей жизни значил Никон и какой след он в ней оставил». [...] ³¹

Ну, как же не понять, что обстоятельства жизни, о которых я попыталась рассказать, действительно «одолели» Ю.Ф. Но к аналитическому размышлению, сопоставлению причин

и следствий, мне кажется, Ю.Ф. не имела склонности. По сути дела, ведь любая «данность» лежит внутри причинно-следственных связей.

... Никон. Сын С.Д. родился в 23 г. , Ю.Ф. – 33 года. С.Д. писала в своих «Воспоминаниях»: «Главную заботу о Никоне взяла на себя Юля Тих[омирова], наша главная гептархорская сестра-хозяйка. Все последующие годы до её замужества в 1927 году она была Никону второй матерью (а, может быть, по значимости – первой)». Конечно, это было счастливое Мамино материнство как свободное, горячее, ничем и никем не стеснённое проявление нежности, заботы, восхищения. Потому-то младенчество и детство Никона и оставили след любви, самозабвения в душе Ю.Ф. Этого живого жаркого чувства любви к нам в Ю.Ф. не было. По-моему, она и сама осознала это на восьмом десятке, когда ощутила заново такую же безграничную, заполняющую всё существо любовь к внуку Коле.

Мы такого следа не оставили, но и не могли оставить, оторванные друг от друга в младенчестве. Да мы просто боялись возвращения родителей! На комодке стояла их фотография, и бабушка, указывая на неё, грозила нам:

– Вот приедут папа с мамой...

Не уточнялось, что именно нас ждёт, но что какое-то особенное наказание за непослушание – непременно...

Родители вернулись с чудненьким сыночком. Что же, мы так и приникли друг у другу?! Вот где была нужна нежность, нежность и ещё раз нежность и – способность к анализу, чтобы выстраивать отношения.

Только с осени 48 г. обнаружилась в с л о в а х мамина любовь к нам... Со страниц её писем вдруг хлынула её безбрежная нежность к нам... Какие чудные обращения мы слышали: «мои дорогие, мои любимые, мои маленькие», «Зосенька, моя любимая, дорожененькая, родная»...

Всё во мне пылко отозвалось на Мамину открытую нежность, на её понимание и сопереживание (Я была поглощена невесёлой любовью...). Мои письма II курса (1948–1949) полны безграничного доверия, ответной нежной любви и сердечного внимания. Но чувство близости к Маме родилось у меня ещё летом. Я писала своему другу А.Д. Моргунову³²: «Матвей получил тройки по всем математикам. И так жаль поэтому Маму. Маме грустно без нас. А мне – без неё. В это лето я с ней очень подружилась, как-то ближе мы стали. А теперь она одна. Так это там [в Тарту] невесело» (15 XI 48).

Я очень быстро прониклась Маминым новым мироощущением – опустелостью Дома без нас и писала ей много и часто. И Мама знала: мне нужны её письма, нужна её нежность³³... У сестры душевный контакт с Мамой возник позднее.

... С.Д. сетовала на то, что постгептахорский период жизни Ю.Ф. для неё – «белое пятно». Не знаю, помогут ли эти мои заметки представить жизнь Ю.Ф. пусть не в красках, а хотя бы в виде чёрно-белых фотографий. Материалов к биографии Ю.Ф. собралось много, но я старалась выделить главное, как оно мне открылось в результате работы. Получив «Воспоминания» Ю.Ф., С.Д. с изумлением констатировала: «Как же мы (а, может быть, я?) мало знали друг друга, никогда не спрашивали себя и других, как, почему мы стали вместе? [...] Разнохарактерность нашего прошлого кажется нарочно придуманной» (17 VI 77). Необходимое уточнение: «разнохарактерность прошлого» относится только к Юле Тихомировой. Остальные гептахорки – петербурженки из состоятельных семейств дворянской интеллигенции. Отец сестёр Тревер – инженер. (См. Примечания и Приложения.)

Но и в постгептахорский период именно судьба Ю.Ф. оказалась совершенно исключительной, ничего общего не имеющей с судьбами друзей по Гептахору.

Только старость, кажется, уравнила прежде столь отличную от других судьбу Ю.Ф. с судьбами Н.К., С.Д. Переезд в Ленинград, близость к друзьям молодости, живейшая переписка (Н.К. было написано 83 письма с 11 XI 63 по 20 XI 72; Ек. Вл. – 79 с 27 IX 63 по 28 XII 72), уютные встречи, достаточный комфорт, внимание дочери и материальная помощь сына – всё это сделало жизнь Ю.Ф. в эти годы насыщенной и в общем-то благополучной. То, что приходилось томиться и переживать из-за Коли, по-моему, не в счёт: это удел всех настоящих бабушек. Просто материнская судьба Ю.Ф. была к ней милостива: мы не доставили ей никаких особых огорчений и эти страдания с Колей были ей внове. Может быть, в воспитание Коли вкладывалось всё-таки слишком много эмоций и очень мало ума?! Я такую педагогику называла «квохтаньем».

С каким серденым вниманием выслушивает С.Д. Ю. Ф–ну и как настойчиво старается урезонить Ю.Ф., внушить ей свои взгляды на воспитание Коли, проще говоря, воспитать в этом плане самоё Ю.Ф.! Вообще тема внуков оказывается животрепещущей для обеих бабушек. Из писем С.Д. видно, что в её сердце живёт столько затаённой тревоги о Мите, что только поражаешься её сдержанности, её силе духа...

Именно в эти ленинградские годы Ю.Ф. почти заново переживала свои молодые дружбы и, прежде всего, позднюю встречу со С.Д. Позднюю (прошло чуть ли не 40 лет после их последнего свидания), но полную такого свежего, молодого чувства... «Девочка моя кудрявая», – писала С.Д. Они никуда не уходили из своего счастливого прошлого, и оно всегда жило в их настоящем.

Письма С.Д. поддерживали Ю.Ф.: так здорово, без нытья, без обид судить об отношениях взрослых, семейных детей со своими родителями, так понимать своё Время могла толь-

ко Стефанида Дмитриевна. Ясный, сильный ум С.Д. подпирал натуру Ю.Ф., уставшую от жизненных испытаний и потому так склонную ко всякого рода химерам...

Надеюсь, что, несмотря на почти полное отсутствие писем Ю.Ф., её душевный и духовный облик явственно проступает из писем, адресованных ей. Сама история жизни Ю.Ф. (факты биографии) получает своё завершение.

Хотя очевидно, что многое в Ю.Ф. было скрыто даже от дружеских глаз. Не странно ли, С.Д. ничего (!) не знала о жизни Юли до Гептахора. Она не поинтересовалась, а «Юлюшка» промолчала. Замкнутость? Или – особый склад ума воспринимать жизнь в горизонтальном измерении, без глубин в вертикаль... И так во многих случаях. Да что говорить, мне, дочери, Мама ничего не рассказала о своём любимом учителе (См. Письмо в редакцию «Комсомольской правды» в Приложениях), никогда вслух не вспомнила о нём, а я-то со школы стремилась быть именно учительницей.

Многое, самое светлое в духовном мире Ю.Ф., повторяю, было её личным сокровищем, её тайным достоянием. Как видно из писем С.Д–не, Ю.Ф. осознавала, что есть! есть! в ней эти богатства Духа, Дружбы, Культуры, наследие Гептахора, которое всегда – с н е й и в н е й...

Но совсем точно: в Ю.Ф. был редкий дар сопереживания, особенно необходимый, когда надо принять в себя горести и печали другого сердца. Её собственное сердце безудержно впитывало в себя боль другого, интуитивно эту боль предощущало. Н.В. писала Ю.Ф.: «И не мучайся так о других!»

Но в жизни и самой Ю.Ф. так случилось, что именно доброта и отзывчивость на чужую печаль, чужое одиночество толкнули тогда, в 1909 г., бестужевок подойти к Юле Тихомировой и взять её под своё крыло. Эти токи сердечного тепла стали началом великой дружбы, той сказки, которая всегда цвела в душе Ю.Ф., несмотря на все трудные годы-невзгоды (письмо С.Д. от 27 XI 72 в пересказе), и наполняла её жизнь светом и радостью.

Стефанида Дмитриевна Руднева... Она вся оттуда, из Атлантиды, по выражению С.С. Аверинцева³⁴, как и сам С.С. Аверинцев, как Д.С. Лихачёв, о котором он так сказал.

С.С. Аверинцев писал в той давней статье, размышляя о роли культуры в преемственности поколений, как важно было ему, подростку, «присутствие старших – выходцев из поглощённой историческим катаклизмом Атлантиды, ещё сохранявших на своих лицах её отсвет». Я убеждена, что на жизни, на личности С.Д. лежали не только отсветы духовной Атлантиды её юности и молодости, но и она сама – вся с в е т и э н е р г и я высочайшей духовности, которая навсегда с нами, в нас, в нашем Времени...

Мы, Люся, Зося, Матвей, дети Юлии Фёдоровны, благодарим Стефаниду Дмитриевну за её любовь к Маме.

Я благодарю Стефаниду Дмитриевну за тот свет ума, энергии, оптимизма, которым наполнены её письма. Какая интеллектуальная мощь! Независимость суждений и невероятная цельность Личности, какой всегда молодой Дух!!!

Благодарю за тот посыл, которым были заряжены письма Стефаниды Дмитриевны: помнить! любить друзей! думать! читать! верить! очаровываться и восхищаться!

И делать, делать своё Дело, всё превозмочь и – победить!

Стефанида Дмитриевна знала, «что лёд разбить возможно для форели, когда она упорна...». Она любила эти строки Михаила Кузмина*, своего современника, они воодушевляли её.

Софья Нуриджанова (Хордикайнен)

Январь 2007.

* М. Кузмин. Стихотворения. Издание второе. Новая библиотека поэта. – Гуманитарное агентство. Академический проект. Санкт-Петербург, 2000. – Форель разбивает лёд. Стихи 1925–1928.

ИМЕНА И ИНИЦИАЛЫ

главных действующих лиц переписки, её субъекты и объекты

Юлич, Юлюшка, Ю.Ф. – Юлия Фёдоровна Тихомирова

Стеня, С.Д. – Стефанида Дмитриевна Руднева

Никон – сын С.Д.

Митя – внук С.Д.

Наташа Маленькая, Н. Вас., Н.В. – Наталия Васильевна Педькова

Гусь, Гусик, Ильза – Ильза Васильевна Тревер

Наташа Большая, Н.А. – Наталия Александровна Энман

Катя, Кот, Ек. Вл. – Екатерина Владимировна Цинзерлинг

Гуля – Галлия Дмитриевна Цинзерлинг, дочь Е.В. Цинзерлинг и Дмитрия Константиновича Фандерфлита

Наташа Косатая, Наташка, Н.К. – Наталия Константиновна Фан-дер-Флит-Бриммер

Вадим – сын Н.К.

Никита – сын Н.К.

Мама, В.П. – Вера Петровна Фандерфлит, мать Н.К.

Лада – Ольда Дмитриевна Фандерфлит, дочь Дмитрия Константиновича Фандерфлита

Алёна – Елена Константиновна Вандерфлит, сестра Н.К.

Бабушка, Н.Е. – Надежда Евгеньевна Бобина, свекровь Н.К.

Дедушка, С.П. – Сергей Павлович Бобин, свёкр Н.К.

Волк – Владимир Захарович Бульванкер

Эмма – Эмма Михайловна Фиш

Люся, Люсенька – Юлия Александровна Кривулина (Хордикайнен), дочь Ю.Ф.

Коля – сын Люси

Матвей – Матвей Александрович Хордикайнен, сын Ю.Ф.

Зося, Софья – Софья Александровна Нуриджанова (Хордикайнен), дочь Ю.Ф.

Публикуя письма, я опускаю многие нежные обращения к Ю.Ф. в начале писем и всяческие пожелания благополучия – в конце. Все эти моменты обозначены [...]. Опускаю бóльшую часть подписей.

Во всех письмах С.Д. почти нет купюр, те, что есть, касаются мыслей о семье сына (таких купюр очень мало!) или, что редкость для С.Д., описания ею своего неважного самочувствия.

Письма Н.В. публикую почти без купюр.

Письма Н.К. потребовали напряжённой и скрупулёзной подготовки. Оставляю «за кадром» многое из писем-исповедей Н.К. о семейных и бытовых тяготах, описание болезней В.П. и свекрови Над. Евг., болезней Никиты, болезни и прихварывании внучек, рассказанные всегда обстоятельно с детальным перечнем лечебных процедур. Сохраняю в сжатом виде информацию о недомоганиях самой Н.К. – Опускаю длящуюся годами тему школьного учения Вадима и Никиты. Вообще тему детей и Лады в письмах Н.К. оставляю с большими купюрами. Следую примеру С.Д.: как она сдержанна и благородна в письмах, касающихся сына, внука...

Постоянная печальная нота писем Н.К. – нехватка времени, необходимость работать ночами, и как рефрен – намеченные дела не выполнены или не закончены. Эти темы значительно сокращаю.

В письмах Н.К. сохраняю её личную пунктуацию «...», эти её паузы между словами, между словосочетаниями хорошо передают неспешную, я бы сказала, аристократическую манеру речи Н.К.

В письмах С.Д. оставляю свойственный её слогу экспрессивный стиль и не подгоняю её пунктуацию под школьные правила.

Письма Н.К. большей частью сохранились в конвертах. Ю.Ф. внимательно и осторожно срезала тонюсенький край конверта, так что приходилось искать, с какой же стороны вытащить письмо. Мама в поздние тартуские годы срезала (тоже очень аккуратно!) марки с конвертов для внуков, и жаль, конверты стали какие-то безглазые...

В тех случаях, когда я цитирую письма, уже опубликованные в моих прежних книгах, я указываю сокращённое название вниг «Жизнь незабываемых людей», «Дар любить» и страницу. Все выходные данные их даны в Примечаниях.

Принятые сокращения:

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия

ВВКУ – Выборгское восьмиклассное коммерческое училище

ВЖК – Высшие женские (Бестужевские) курсы.

ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт в Ленинграде

ГРМ – Государственный Русский музей

ЗИН РАН – Зоологический институт Российской академии наук

МЭ – Музыкальная энциклопедия

РГБ – Российская Государственная Библиотека

ТГУ – Тартуский государственный университет

ЦБК – Центральное бюро краеведения

ЦМАМЛС – Центральный московский Архив-музей личных собраний

ПИСЬМА

О весна без конца и без края,
Без конца и без края весна!..

А. Блок

1914

Ю.Ф. – С.Д. Конец лета 1914. Рыбинск. *Открытка.*

Здравствуйте! Стенчики и Мишки! Я, зверь мохнатый, кланяюсь и целую, и поздравляю со всем, что на свете есть хорошего да радостного. Оччень хорошо! [*Так в открытке!*] Уголкем глаза на часы поглядываю, часы считаю, уголкем души радуюсь, что скоро дома [*в Петербурге? в Гентахоре?*] буду. Здесь дождь, с мамой пикируюсь из-за житья нашего будущего и т.д. А я о Греции читаю да вспоминаю всё невероятно и радуюсь, что столько ещё не видели мы в ней и столько ещё не повидали. Жизнь сделает ещё огромную радость – своими ногами исходить её и иссмотреть её. Сейчас Коту да Гусю голос подавала. Ваш я Юль зверич. Целую очень крепко-крепко.

На открытке ветка белой сирени в лиловатых изысканных тонах. Открытка напечатана в Лейпциге. Стефанида Дмитриевна хранила её! Хранила более 70 лет!

1941

К концу августа – первым числам сентября 1941 года относится письмо – «записочка» Н.К. Бриммер Маме. Оно без даты, написано карандашом на листке в длиненькую клеточку с водяным знаком «Polar Bear» [англ. – «Полярный Медведь»] и тремя силуэтами: на первом плане – белого медведя, на втором – контуры двух ледяных гор...

Любимый мой Юлич. Мой единственный. Уходя из дома, в который не знаю вернусь ли взяла из своих, остающихся здесь вещей вот эти два подарочка Вам и девочкам.

Мне захотелось как-нибудь переслать Вам любимой – мою эту любимую брошку и нитку памятных мне бус, которую надо разделить на две – девочкам.

Как мне хотелось бы самой увидеть Вас теперь и поцеловать крепко.

Всё что я делаю сейчас кажется мне нереальным и странным.

Я Вам напишу ещё, а эту записочку прилагаю к посылке, которую м[ожет] б[ыть] Мария Ивановна Вам сvezёт.

Н.

Эта серебряная брошка-семилистник с хризопразовым кабошончиком посередине и бусы из старой слоновой кости с нами до сих пор. Я передам их как самое памятное в Архив-музей.

«Записочку» привезла Маме соседка Наталии Константиновны.

Не расставляю знаков препинания, оставляю текст, как он есть. В других сохранившихся письмах Н.К., послевоенных, в с е знаки препинания не только присутствуют, но и выполняют особую роль, подчёркивая напряжённость монолога.

1944

Н.К. 5 XII 44. *Иркутск.* Юлич, моя родная, далекая моя, милая, перечитываю коротенькое грустное письмо, чудом добравшееся до меня, и не верится, что Ты есть у меня, любимая. Пусть далеко, но вы целы, и я увижусь с Тобой.

Нет Александра Матвеевича.

Я осталась одна уже с 41 года. Геня [*Евгений Сергеевич Бобин, геолог, муж Н.К.*] погиб 28 августа. Все еще не могу принять этого, иногда вдруг прислушиваюсь к шагам и вздрагиваю от стука двери.

Как все это страшно, Юлич.

Напишешь ли Ты мне о своих самых тяжёлых днях? Я, пожалуй, не смогу писать об этом, но мне так хочется рассказать всё-всё и выслушать Тебя, милая.

Юлич, как ужасно мне было думать, что я никогда не узнаю ничего о вас. Как с первых дней одиночества я просила судьбу, чтобы Ты была на свете, и как страшно долго я не могла ничего узнать о вас и перестала надеяться на встречу.

[...] Только что я вернулась из очередной экспедиции. Третье лето уже я уезжаю на работы. [...] Вот и теперь задержались в далеких путях и, вместо октября, только 2го декабря вернулись в Иркутск... В начале обратного пути, в маленьком городке на севере, получила телеграмму от Н.Е.³⁵ от 20 X и в ней очередное успокоительное «здоровы» и неожиданные слова «письмо Юли». Юлич, ведь это первая большая радость за долгий, долгий срок.

Я хочу знать, какая Ты (пишу «Ты» вместо привычного «Вы»), потому что сейчас, через всю бездну горя и времени, и пространства, я охвачена ощущением такой близости, что не пишется «Вы»).

Осенью 1918 г. в Студию «Гептахор» пришли заниматься выпускники Выборгского восьмиклассного коммерческого училища, в котором С.Д. Руднева и её подруги по Гептахору вели занятия. Среди этих выпускников были Вл. З. Бульванкер и «Наташа Флит» – так называла Н.К. С.Д. Руднева в своих «Воспоминаниях счастливого человека». Маме было 27 лет, Н.К.– 17.

Почему Андрюша с Тобой? Здоров ли он? Девочки? Они девушки, что Ты о них мне расскажешь? Труднее всего мне представить себе Матвеюшку. И бабушка рядом с Тобой во все эти годы?.. Как она?

Три часа ночи, я одна, все спят – эти дни я всё выбирала время, чтобы с глазу на глаз поговорить с Тобой, родная. Но дни такие перегруженные, длинные, так невероятно тесно дома, что одной не бываешь ни минутки.

С прошлого года мы с мальчиками, вернувшись из района, поселились у «стариков». Дедушка³⁶ читает в Иркутском университете небольшой курс и получает «квартиру». Комната маленькая, и в ней невероятно тесно, но я рада возможности жить семьей.

Может быть, нынче зимой, а, вернее, к весне я получу возможность ехать в Ленинград. Эти два года я работаю геологом-прорабом и по этой линии, вероятно, получу вызов, так как тема работ – и ее исполнение – будут связаны с Ленинградским геологическим учреждением. Я жду этого, должна хотеть возвращения, но меня страшит оно. Я не могу себе представить, как я увижу город, войду в дом одна. [...]

А мальчики мои большие. Ведь Никите только что исполнилось четыре года, когда умер Геня. Нынче он пошел уже в школу. Внешне он мало меняется: так же кудряв и ни на кого не похож. Вадим в пятом классе, он легкомыслен, ленив, способен, довольно красив и совершенно неоснователен.

Юлич, я пишу уже о каких-то деталях. Это выходит так, потому что мне трудно кончить говорить с Вами, тогда как в этом письме должна звучать только моя радость встречи, хоть и нереальной ещё.. жду письма и жду возможности увидеть Тебя непременно. Шлю привет всем Твоим и целую их. [...]

1945

Н.К. 1 I 45. Юлич, моя милая, любимая, родная, читаю и перечитываю странички, грустные и такие дорогие мне. Юлич, как удивительно, как чудно, что мы, хоть так далеко, нашли друг друга. Эти годы – такая бездна горя, тоски и полной самоуничтоженности.. и вдруг этот уже совсем неожиданный подарок судьбы – милая, милая и единственная Юлич.

Как мне нужно обнять Тебя, выслушать всё. Выслушать всем сердцем и, может быть, снять с Тебя тем самым долю тяжестей и как мне нужно рассказать... Писать обо всем невозможно. Порой, когда я думаю о непереносимой нашей встрече, я боюсь, что я даже Тебе не смогу передать всего, что со мной было. С момента моей катастрофы и этого неизбежного огромного одиночества я знаю: я начала обрастать какой-то корой, ледяной и шершавой.. это, очевидно, нужно было. Мне кажется, что до моего нутра, до горячего горя и моего настоящего «я» и добраться трудно. Почти три с половиной года обветрили меня.

Но сколько раз за этот срок я звала Тебя, мой милый Юлич. Юлич, мне казалось, что, если б Ты оказалась цела и я нашла бы Тебя, я и саму себя легче бы отыскала.

[...] Мне страшно сейчас оторваться от стариков. Последний год мы живём вместе. То [*Подчеркнуто двумя чертами Н.К.*], как они справились с горем, как бодро боролись со всеми трудностями здесь, как все вокруг Н.Е. жизненно и реально, заставляло и заставляет меня спокойнее и как-то нормальнее жить.

[...] В Твоем письме есть фраза «как ужасно не иметь крова». Да, Юлич, ужасно. Жить у «хозяек» – это убийственно. Отчасти потому [...] я согласилась на альтруистическое предложение стариков поселиться к ним. Дедушка получил за полгода до этого нашего возвращения в Иркутске «квартиру» от Университета. Это 18-метровая комната, в которой мы умещаемся впятером. Можешь себе представить, какая ужасная теснота и кавардак. Но зато нет «хозяев» и мы живем «семьей» [*Подчеркнуто Н.К.*], что важно во всех отношениях.

Вот. Новое разрушение этой семейственности, предстоящее в связи с моим предполагаемым возвращением в Ленинград, мне очень неприятно. Это нехорошо всё и по отношению к ним (хоть им, конечно, и хлопотно, и тесно с нами, но они не одни, и они хотят жить с мальчиками) и жизненно очень трудно для меня. [...]

У меня никогда не было душевной близости с Н.Е., но мы всегда умели хорошо жить друг с другом. За эти годы это умение упрочилось. Я глубоко ценю ее внимание ко мне и ту совершенно особую легкость отношений.. никаких обид, никаких требований – всё просто и всё на поверхности.

[...] Юлич. Едва начав говорить с Тобой, должна кончить это письмо. Родная, я не пишу о главном, о горе и веренице жестоких дней, которые сейчас, в соприкосновении с Тобой, начинают пламенеть в сознании. Это расскажет потом. Ведь Ты – единственная, кому хочется сказать всё. Жду письма сюда.

Н.К. 22 II 45. Сейчас вспомнилось, как в последние года, на Карповке [*Н.К. жила на набережной реки Карповки д.19.*], когда Ты приедешь, я ищу, на какой диван и в какой комнате сесть, чтобы по-настоящему побыть вместе... Юлич, когда осенью в тайге я получила в телеграмме слова «письмо Юли», я так была рада, так удовлетворенно и облегченно приняла эту милость судьбы, что мне казалось, я могу терпеливо ждать дальнейшего, ждать письма, ждать известия, где именно и как именно вы живёте, раз уж я знала, что вы – есть, а теперь меня заполняет желание сократить это невероятное расстояние между нами, желание услышать голос и обнять Тебя. Но это будет не так скоро.

Надо ждать встречи, а пока будут письма... Не знаю, сможешь ли Ты рассказать мне, как случилось то, что наступило одиночество? Может быть, в письме это и нельзя сказать, писать трудно... Я помню только, как в дни моего самого чёрного отчаяния, я чувствовала «если б Юля знала!» – мне было это так нужно, казалось, что бездна охватившего меня одиночества была бы не так страшна.

[...] Сейчас я не должна говорить о том, что я одна... Около меня старики, мама пишет, и есть еще человек – Елена Эмильевна Разумовская³⁷, с которой я работаю последние два года и которая очень душевно относится ко мне и очень тепла, и умна и нужна мне. Но в моменты редких остановок дневного калейдоскопа, в котором крутишься по 19-20 часов в сутки, в темноте, засыпая, вдруг с ужасом чувствуешь, как глубоко и безнадежно одиночество. Как горько это. Юлич, мне очень темно на душе, и то, что Ты все-таки цела, светится радостью.

В письме Люси, которое я читала перед тем, как распечатала Твое, как раз так успокоительно и уютно прозвучали фразы о том, что «горит свечка ради воскресенья... Мама читает О. Генри, Матвей с ней, Зося – про Генриха IV, Андрей учит зоологию, а я читаю Гоголя», я как раз почувствовала, читая эти строчки, что сквозь все невзгоды вы пронесли мирную и драгоценную семейственность...

Юлич, мне самой очень не хочется оставлять стариков. И за них, одиноких, мне страшно (хотя сейчас я им мало в чем помогаю, наоборот, Н.Е. очень много делает для меня и мальчиков), мне будет жутко и трудно, и одиноко без них... Но ведь, если вызов в Ленинград все-таки я получу, мне нельзя будет упустить его и не воспользоваться возможностью вернуться. [...]

Надо вернуться к своему делу, в ЛОСХ [*Ленинградское отделение Союза художников*], надо сохранить по возможности комнату и вещи, надо создать мальчикам возможность учиться и жить в своём городе, и не знаю, как, но надо самой как-нибудь жить при этом. Здесь я не жила и сейчас не живу, несмотря на сравнительную «спокойность». Впрочем, это не спокойность, а бесчувственность.. и мне очень трудно будет выйти из этого состояния: в сущности мне лень жить. И все же мне бывает иной раз душно... Одной нельзя остаться ни на минуту, даже для каких-нибудь переодеваний или мытья.. у меня нет своих вещей, у меня никогда нет своего времени, и я вся должна быть ежечасно как на ладони. [...]

Н.К. – Зосе. 28 II 45. Дорогая Зося, в письме Маме и Люсе я уже говорила, как я рада вашим письмам и как я жду их еще. [...]

[...] Я очень рада за вас в том отношении, что вам удастся теперь слушать музыку и бывать в театре. Музыка – это такое ни с чем не сравнимое наслаждение и утешение. [...]

Н.К. 3 VI 45. [...] Мой отъезд всё-таки близится. [...] Теперь должно начаться что-то другое. [...] Что, если мне не удастся избежать восьми-девятичасового присутствия? Мальчики быстро превратятся в беспризорников. [...] Я не могу и в Ленинграде зафиксировать себя геологом. Для кабинетной работы я недостаточно знаю. Для полевой – я не смогу быть годной при наличии ребят. Надо быть художником, быть свободной и умудриться не заморить при этом голодом ребят. [...]

Юлич, а у вас есть огороды? Неужели девочкам опять придётся «служить» летом? [...]

Н.К. 10 VI 45. [...] Юлич, вчера я искала одно из последних Катиных писем, где как раз был дан перечень о разных лицах, даже о таких, которых я с трудом вспоминаю, – я храню письма – конечно, именно этого я не смогла найти вчера.

О Стене знаю только, что за эти годы дважды положение её в связи с отсутствием работы по её линии было ужасным, но в этом письме Катя упоминала, что Стеня опять работает по специальности, что Никон кончает Военно-воздушн., нет, не помню, что, что Наташа Б[ольшая] по-прежнему с «тетей Надей»³⁸, что Г. Фиш³⁹ оставил свою семью, что Радий⁴⁰ ранен на фронте и теперь живет с Эммой⁴¹. [...]

Н.К. 25 VI 45. [...] У меня очень давно уже ощущение, что меня нет. Вероятно, оно муссируется тем, что в силу обстоятельств я не бываю одна и не бываю свободна ни минуты. Я совсем потеряла себя из виду.

Вот, когда я пишу Тебе или маме, но особенно Тебе, родная, начинаю говорить о себе и думать, я как будто снова встречаю себя и внутри звучит странная и грустная нота. Дело в том, что эта встреча происходит в том более глубоком плане, о котором Ты говоришь, что там всё тронуть страшно.

Мне иногда кажется, что я всю жизнь была вдовой, что всё красивое, живое и яркое было короткой интродукцией к тому долгому настоящему, которое идет уже громадные четыре года и протягивается в вечность.

Может быть, когда мы увидимся, Ты мне скажешь, что это не так? Как хочется поговорить!

Юлич, Ты говоришь, что у вас [в Тарту] продавались ведрами нарциссы и тюльпаны. Какая прелесть! Тут нет «культурных» цветов, и я очень соскучилась без них.

...Вчера увидела в руках у встречной женщины два больших розовых пиона и остановилась. Я не видела их много лет. В тайге в эти годы (в начале лета) видела изумительные буйные цветы. Здесь ведь цветы неизмеримо богаче наших: и пионы дикие есть, и лилии и розовые, и желтые, и красные, цветут сейчас и громадные лиловые ирисы, но «наших» цветов нет, и я давно не видела розы, душистого горошка или хоть резеды. А в этот год и таёжных цветов не вижу.. так дико складываются все мои обстоятельства. [...]

Н.К. Начало VII 45. От Кати и Гули опять получила телеграмму с нетерпеливым и гостеприимным настроением. [...] Мне очень хочется видеть их обоих. А вот Стеню – я как-то боюсь увидеть. Может быть, оттого, что я вижу её во сне и всегда очень хорошей, прежней, обаятельной, иногда какой-то прямой и значительной. Мне жаль перебивать так прочно живущий во мне образ другим впечатлением.

Н.В. 21 VII 45. Милый Юлич, я жива, получила твое письмо, к которому отнеслась, как к чуду. Была почти уверена, что вы все не уцелели. Пожалуйста, убедись, что я существую, и напиши подробнее о себе, о том, что и как предполагаешь устроиться дальше. Я прожила в Ленинграде до сентября 1942 года, то есть всю голодовку. К этому времени я так дистрофицировалась, что уже дальше не годилась на работу, и попала в Самарканд. Вернулась оттуда в октябре 44 года. [...] Работаю редактором в Главной Геофизической обсерватории, где работал до конца своей жизни Лев Васильевич⁴² [Келлер, отчим Н.В.].

Жизнь сурова. Всю зиму прожили вчетвером в заколоченной кухне, так как комнаты без окон, без стекол (а их не достать). Сейчас расселились на лето и живём, как на балконах, без окон. Работаю еще на огороде, ухаживаю за картошкой.

Вспоминаю с нежностью Самарканд за его тепло, экзотику и робинзонаду, подобную той, что мы с тобой переживали в своё время в Крыму, в Табачном сарае.

Передай мой сердечный привет девочкам и Евдокии Дмитриевне.[...]

Если Мария Сильвестровна⁴³ жива в Детском [Селе], сообщи мне её адрес, я хочу её повидать.

Буду ждать от тебя письма.

Твоя Н.

Н.В. – Андрею. 21 VII 45. Милый Андрей, очень рада была получить от тебя такое неожиданное письмо. Теперь, раз ты меня разыскал, пиши больше и чаще. Я прожила половину блокады в Ленинграде, а потом уехала в Среднюю Азию, в город Самарканд, где зимой можно почти всегда ходить в летнем пальто, а в июле и в августе печь яйца и яичницу на песке и варить суп в ящике, покрытом стеклом, на которое падает солнце. В феврале там растёт густая трава, в марте ее косят, а летом земля, как глиняный пол в хате.

Напиши, Андрюша, как вы попали в Тарту, что делают сестры, что предполагаешь делать ты сам после школы. У кого живёшь на заработках и что зарабатываешь в деревне.

Твоя крестная.

Н.В. 7 VIII 45. Дорогая Юлюшка, получила твое письмо сегодня и не могу прийти в себя от гибели Андрюши. Напиши мне, родная моя, если сможешь, побольше о своем мальчике. Годы и война разлучили нас, но с его детства я чувствовала с ним большую связь, чувствовала в нем тонкую и слишком нежную для нашей действительности душу и боялась за него. Мне так хотелось бы знать, что пережито было вами за всё это время.

Какая нелепая и бессмысленная смерть! И единственное письмо, которое я получила от Андрюши, вложенное в твоё, дышало таким мирным весельем, жизнерадостностью.

Юлич, когда сможешь, пиши и о девочках, и о себе.

Писать больше ничего не могу.

Мне кажется, что вы так все одиноки и заброшены в чужом городе и среди чужого народа; так хочется быть с тобой в это время.

Твоя Н.

Брат Андрей утонул 9 VII, ему было 16 лет.

Н.К. 10 VIII 45. *Ленинград.* Родная моя Юлич, милая, нельзя заполнить письмо одними ласкательными именами, но мне так трудно говорить сейчас с Тобой, так трудно найти слова, которые не оказывались бы бессмысленными или не нужными, как только я дописываю их. И вот хочется повторять: милая, милая, хочется тихонько гладить Твои руки в безмерном желании как-нибудь умалить Твоё ощущение пустоты и жестокости судьбы. Любимая моя...

Твою короткую страшную телеграмму получила в Иркутске за два дня до отъезда.

[...] Юлич, Юлич, мой милый, любимый Друг.

[...] В Москву мы прилетели из Иркутска. Два дня провела у Кати. Гули не было, к сожалению, она уехала на работы на Урал. Катя.. как большинство людей, которых я вижу через эти четыре года, в первый момент кажутся потухшими, а через несколько минут все чёрточки, прежде так знакомые, выплывают на первый план, маскируя морщины или худобу, и человек кажется прежним... В первый же вечер моего пребывания у Кати пришла неожиданно Стеня с Никоном. (Вот Стеню мне почему-то не хотелось видеть.. я знала, если встречу, то ненадолго и случайно, и как-то хотелось сохранить её у себя в представлении прежней, без её старости...) Стеня довольно полная и постаревшая, умное значительное лицо, но без того пряного шарма, какое ему было присуще.. мне хочется думать, что, м[ожет] б[ыть], и она бы обрела свой облик снова, если бы я дольше видела её. Может быть, не знаю.

А Никон – блестящий красивый мальчик в форме лётного состава до смешного в движениях, в мелких манерах, в каждом шаге и повороте похожий на Волка. Лицо – странное среднее между двумя такими разными обликами, как её лицо и Волка. Он где-то здесь в Л[енингра]де. К Стене приехал в отпуск.

А о Наташе Маленькой никто ничего не знает.

[...] Родная, я с первой страницы письма перешла на эту «поверхностность». Пусть уж мы говорим друг с другом о том, о чём можно просто писать.. но не подумай, что и этим перевёрнуты страницы. [...]

Обнимаю Тебя, родная моя. Глубокая ночь.

Н.К. 30 IX 45. [...] Да, Юлич, Ты себе представить не можешь, как тягостно жить в прежней квартире, ставшей чужим проходным двором, и иметь только небольшую

часть того, что было, точно для горестного эталона, растрavляющего душу... Слышать чужие голоса в коридоре, наткаться на чужие лица и «запирать» свою комнату! [...]

[...] Вчера уехала Катя. Получила ли Ты письмо от неё? [...] На днях она была опять у Ильзы и говорит, что вышло так, что там собрались близкие. Была Стеня с Никоном (Стеня приехала ненадолго), была Камилла, Над[ежда] Ст[епановна] и Вера Борисовна. Что было очень тепло так встретиться, тем более, что видели друг друга после долгих лет неизвестности. В.Б. еле узнала М. Ст. от неожиданности встречи и пролетевших лет.

Никон очень авантажен сейчас, но грустен. У него сложный и печальный роман. Стеня хорошо выглядит. А Ильза, как говорит Катя, совсем бледна и замучена. (Катя рассказывает, что блеск Ильзино дома съедает её силы.)

Юлич, я не справляюсь с жизнью. Это Leitmotiv моих чувств. Я упускаю мальчиков и теряю самое себя. Сердась на них тут на днях, я говорю: «Ведь не могу же я успеть, когда я работаю в институте за папу, в ЛОСХ'е за себя, дома за бабушку, ведшую дом и детей, и в кухне за Зину с её стирками, покупками и варкой». Ведь и, правда, это так, а я, только высказав это в схематической форме, поняла, как самонадеянно я вступила в эту фазу жизни. [...]

Н.К. 3 X 45. *Открытое письмо, самодельное.* Родная моя Юлич, я тревожусь. Так давно уже нет от вас ничего. Я писала. У меня гостила Катя и тоже писала. [...]

Н.К. 10 XII 45. Родная, на днях отправила Тебе письмо после долгого перерыва, писала его сумбурно и заполнила его перечнем всяких трудностей и невзгод. А мне так не хочется жаловаться даже Тебе и маме. Нельзя абстрагировать мысли и слов к Тебе от всего, что со мной творится, и вот получаются такие письма, которые могут вызвать жалость.

Письма встретились где-то вблизи Ленинграда. 8го вечером я нашла, вернувшись, два письма, от Тебя и Матвея и от девочек.

[...] Но, родная, как на этот раз вовремя прозвучала для меня Твоя ласковость. [...]

Не знаю, Юлич, посылать ли что-нибудь из моих фотографий. Это ведь только продукция Вадима, и все его опыты очень нехороши. К тому же я всегда выхожу очень плохо: фотоаппараты меня всегда низводят до брезгливых или жёстких лиц престарелых эстонок. На карточках, лишённых красок и выражения, остается одна неприглядность. [...]

Твою карточку я не хочу, не принимаю, родная. Я не согласна ни на Твой горький рот, с опущенными и застывшими его углами, ни на Твои глаза, в которых, кроме горечи, жёсткость какая-то. Я готова была увидеть Тебя – старушкой, но чтобы видна была все-таки Ты. И я Тебя вижу и чувствую, близкую, родную, крепко любимую в письмах, в почерке, в словах, пусть иной раз невыразимо грустных, но даже они восстанавливают у меня перед глазами весь Твой облик, и так чётко слышу иной раз далекую во времени неподражаемую ругань Твоего смеха, Юлич.

Родная, вот в чем я готова завидовать Тебе, это в том, что у Тебя умные, читающие, глубоко культурные дети. Это одно, а второе – Ты явно справляешься со временем и с каким-то укладом жизни, у меня ни времени, ни какого-либо «уклада». Ты пишешь, что у Тебя стоят цветы. Я радуюсь на них у вас. У меня их нет. Тут их вообще нет, и, когда я ставлю на рояль можжевельный веник, – я рада.

И концерты! Это нужно обязательно и для девочек необходимо прямо. Надо наперекор стихиям ходить, чтобы слышать и видеть.. без этого живут многие, но по существу без этого грех жить.

Я обещала себе отрывать себя и ребят из каких угодно бытовых обстоятельств, чтобы приобщиться [к] этим драгоценностям музыки и театра, но до сих пор я ни разу нигде не была. 4го был концерт Браудо с Семизоровой⁴⁴, и я до сих пор грущу о пропущенном. [...]

Н.К. 24 XII 45. [...] А вчера пришла открытка от Кати, она давно мне не писала и откликнулась на моё коротенькое поздравление её к 7^{му}. Говорит, что могла бы быть в Л[енингра]де между 22 и 3 I на какой-то сессии, но «некогда [Подчёркнуто Н.К.] разъезжать» и дальше – «несусь на курьерском без остановки, даже углубиться в простую открыточку тебе, дорогой, не могу, коришь себя прогулом нескольких минут». Вот как всё складывается. Но не пойму, почему у неё так напряжённо со временем... У неё Гуля такая помощница, а больше и нет поглотителей времени. [...]

Вот что чудесно по впечатлению у меня – это посещение вновь открывающихся зал Эрмитажа. Сперва я была на открытии французских зал XVII и XVIII в. в., а на днях открылась выставка французов XIX и XX в. в. Это нечто совсем новое для Эрмитажа и неожиданное для меня. Там прекрасные вещи (и графика, и живопись, и литография), трудно смотреть только, потому что в помещении очень холодно.. и, Юлич, оба раза, что я была там, надо мной тоже тяготело это чувство контрабанды.. столько дел и дома, и в работе чувствуешь остановившимися. [...]

1946

Н.К. 5 I 46. [...] А ведь, Юлич, я была в ЛОСХ'е на выставке акварелей худ[ожника] Ведерникова. Большая серия пейзажей послевоенного Пулкова и Пушкина. Я смотрела на чудесные израненные места и почему-то чувствовала Тебя со мной рядом. Очень хорошие листы есть.

Юлич, если бы меня немножко обстоятельства отпустили, я бы так поработала бы, с душой. Мне как-то кажется, что я могла бы ещё толком поработать.. но боюсь, что, если не будет тут бабушки, я не смогу добиться этой возможности и тогда в моём ЛОСХ'овском положении будет крах. К весенней выставке необходимо дать уже что-то. [...]

Ты раньше не говорила мне о «ламповом стекле» [?], конечно, моменты таких стёкол могут быть, но не вяжется во мне это с представлением о девочках, особенно о Зосе. Её лицо, её стихи, её требовательность к жизни – всё это могло бы и должно бы жить в своём изысканном и романтическом мире, отгороженном от повседневного рационализма. Но, может быть, неплохо, что он есть? [...]

Как вы встретили Новый год? Или больше – отметили ёлку? [...]

Получила я несколько подарков, очень нужных, очень ценных, но, родная, как легко сердце находит теперь повод чувствовать горечь. Вообще, с моим складом, в моём положении оказаться – худо. Где бы другой растроганно и благодарно принимал бы одолжения и знаки внимания, я бываю тронута, но и огорчена всегда ужасно. [...] Как мне не хочется чувствовать себя сиротой, и как я боюсь людской жалости. [...]

Н.К. 22 II 46. Вчера, вернувшись вечером домой, нашла на рояле два письма, от Тебя с Зосенькой и от Мамы. [...]

Н.К. 11 IV 46. Вчера столкнулась в городе с Волком, который несдержанно радовался и, не считаясь с потрясёнными зрителями, изъяснял свои чувства. Он спрашивал о Тебе и почему-то хотел написать. На днях он будет уже дедом.

Н.К. *Открытка*. IV 46. [...] Вчера в Филармонии ко мне подошла вдруг Наташа М[аленькая], рядом со мной было несколько пустых мест, и мы просидели антракт и 2ое отделение вместе. Говорили. Смотрели друг на друга. Как странно, Юлич, встретиться так особенно «из далёка», как мы с ней. Ведь до [Подчёркнуто Н.К.] войны я её не видела несколько лет. Ты ведь помнишь? Между нами издавна что-то нагородилось, не помню и не знаю даже что, и тогда ещё мы с ней раззнакомились. А тут вдруг она подошла... Голос, руки, слова о Тебе очень прежние и знакомые, а остальное всё изменилось. Очень седая голова (как хорошо, что не выкрашенная), очень постаревшее лицо (главным образом, измененное ртом)... Она говорит, что писала Тебе раза три и что, очевидно, письма пропали. Адрес она назвала верный. Она почему-то думала, что я знаю о Тебе меньше, чем она. Вместе с тем, мне показалось, что в ее представлении о вас, о девочках и их настроении, у неё очень сгущённые краски. [...]

Обо мне она сказала, что не сразу даже узнала меня. Я всё-таки страшно изменилась. Я обольщалась мнением моих друзей, что я почти такая же. Я все равно была рада ей. Ушла она внезапно, не дождавшись конца [концерта?], и наша встреча оборвалась неорганизованно. [...]

Н.К. – Зосе. 13 IV 46. Зосенька, я не написала Тебе письма, в котором мне хотелось поговорить с Тобой ещё о Твоём прошлом письме. Не написала, хоть много о нём думала и даже выписала несколько цитат из Толстого и Сизерана⁴⁵, чтобы ими возразить Тебе

или, вернее, нотах пессимизма и мрачности, прозвучавшим в том Твоем письме и огорчившим меня. [...]

Во всяком случае, Твоё последнее письмо светлее и проще, и я была ему очень рада.

У нас очень холодно. Сегодня с утра снег и ветер, и сейчас за окном я вижу, как проносится снежная мгла.. небо тяжёлое и серое.. но ведь каждый день это может и должно измениться. Весна. И ей нужно радоваться, несмотря на то, что вам, например, она несёт и приближает сроки летних трудных работ и расставание с домашней и культурной жизнью... [...]

Н.В. Начало лета 46. *Ленинград. Как ясно из контекста, это ответ на письмо Ю.Ф. раннего лета 46 г.*

Милая Юлюшка, положи гнев (вполне заслуженный) на милость и прости мне моё бессмысленное молчание. И думаю я часто и о тебе, в особенности о Зосе, а написать как следует никак собраться не могла. Ты ведь знаешь, какая сейчас жизнь, кроме того, у меня нет своего угла, негде почти сосредоточиться, уединиться. Перед Зосенькой чувствую себя особо плохо. На её большое поразившее меня письмо, к тому же и очень тяжёлое, я ответила только открыткой, да и то, сравнивая сегодня с конвертом вашего коллективного поздравления, послала её на Нарвскую 117.

Зося меня потрясла своим письмом⁴⁶ и ответить ей, легмосленно [*легкомысленно*] и банально утешая, я не могла, так я и поперхнулась в переписке с вами. Хочу как-нибудь это исправить.

Зимой как-то в концерте видела Наташу Косатую, она мне сказала, что ты летом собиралась в Ленинград. [...]

Напиши мне, как вы все живёте, какие у вас планы. Что собирается делать Зося после окончания школы, ей-то обязательно надо в ВУЗ. Пришли мне карточку всех детей.

Я дотягиваю до отпуска из последних сил, измоталась на своей очень напряжённой работе.

Пиши же мне, Юлюшка.

Передай мой сердечный привет маме, как она живёт и как себя чувствует?

Н.

Н.К. 25 VI 46. Милая моя Юлич, рада была вчера Твоему письму от 9–17 VI. Я его давно ждала, а Ты его так долго копила!

Рада, хоть грустишь Ты в нем о девочках, о потерянном духе и о многом другом и чувствуется в каждой строке безмерная усталость от этого непрерывного напряжения жизни. Мне очень-очень хочется посидеть с Тобой, погладить Твои руки, обнять Тебя и не знаю, как и чём, но развести хоть немного Твои беды, родная. [...]

Юлич, ну можно ли, родная, говорить себе такие слова о том, что Ты, может быть, не «должна была» давать жизнь им, или, что раз так, так Ты «должна избавить их от тягот её»? Гони от себя тягостные укоры. Ты была права во всем. Ты только не знала, что будет. Но и не могла знать. [...]

Юлич, Ты не принимай сейчас на свой счет тех безмерных трудностей, которые заставляют девочек сердиться на существование. Всё это пройдет. Сейчас многие и многие ждут осени как облегчения. С новым урожаем столько отпадет напряжения и трудностей. Всё будет. И потом, может быть, и в голову не придет праздновать большой жизненной ступени сытным днём. А сейчас это понятно.

У нас тоже довольно скупо. [...] Давно я не испытывала такой уничтожающей душу бедности. [...]

Н.К. 6 VIII 46. Родная моя, а я совсем не боюсь нашей встречи, потому что не вижу возможности в ней потерять Тебя. Пусть так, пусть Ты старушка. [...] Это не важно. Даже, если предположить, что Ты похожа на свою фотографию, которая мне не понравилась, я знаю, что в живом лице увижу столько знакомого и близкого, что ни впадины, ни седины котироваться не будут.

Я слышу Твой голос в письмах, усталый, иногда подавленный и грустный, но живой и всегда проникающий в сердце. [...]

Пожалуй, говоря по правде, я иногда тоже боюсь, что первое внешнее впечатление обо мне будет нехорошо, и Ты не сразу привыкнешь к моему новому «старому» виду. Но всё-таки я знаю, что мы присмотримся и найдем друг друга. У меня большое зеркало висит над кроватью, и первое впечатление встречи с собой после Иркутска, где я совсем не видела себя, отодвинулось давно. Я знаю, что очень изменилась, но иногда, когда я выплюсь и немного приведу себя в порядок, я выгляжу прилично. Часто ночью, раздеваясь, я удивленно слежу за своим отражением.

[...] Сегодня я в первый раз в институте [*после отпуска*]. Пишу растертой для поправок на чертежах тушью.

[...] У меня намечены пейзаж в цветной гравюре и две композиции на филармонические темы, и этим-то мне и надо бы сейчас заниматься, а не входить в курс старательно выброшенных из головы геологий. Не хочется.

Н.К. 1 IX 46. [...] Юлич, я все лето нынче баловала себя цветами. У меня бывали такие необычайные букеты, такие увлекательные сочетания цвета и форм, каких я давно не видела и не знала. Иногда я доставала цветы в Ботаническом саду, а чаще – на Голодае. Там, познакомившись со старой садовницей Василеостровского огородничества, я иногда получала разрешение самой нарезать себе цветов по вкусу. Это бывало чудесно. Теперь эта

возможность на исходе. [...]. А сейчас у меня стоит на рояле одна изумительная розовая роза. Я не видала их так долго, что сегодня не удержалась и купила. Изумительно пахнет она. Странно, что мне она чем-то огорчительна.

Сейчас час ночи. Все спят. Слышу приглушенные звуки оркестра: в Москве играют концерт Калининкова.

Эти дни живётся так больно. Пять лет я уже одна. И как раз я на этих днях много разбиралась в столах, шкафах и архивах.. надо было мальчикам и бабушке создать полки и ящики для их вещей.. и сколько глубоких, пронизывающих душу уколов при встречах то с одной, то с другой мелочью. Как живут вещи! Как живет почерк на какой-нибудь обёртке или этикетке. Нашла мундштук с недокуренной папиросой. Юлич, ведь это жестоко.

Надо идти ложиться. Концерт кончился, а часы, на которые я смотрю, оказывается, давно остановились. [...] Сейчас возьму очередной томик Ренье «Живое прошлое» [...] Люблю эту неспешную меланхолию, где можно любоваться каждой филигранной фразой.

Н.В. – Зосе. 11 IX 46. Милая Зося, я, наверное, очень обидела тебя своим молчанием, тем, что не ответила тебе много месяцев на твоё серьёзное письмо. С тех пор прошло так много времени; настроение твоё и взгляды могли перемениться за этот срок, так что я и не знаю, как тебе на него отвечать. Долго тебе не писала, признаюсь, из малодушия: утешить тебя серьёзно я не могла, а отписываться пустыми фразами тоже не хотелось. Хотелось быть с тобой честной.

И вот, так по-честному, я должна тебе признаться, что и мне жизнь сейчас кажется бессмысленной, и я, как и ты, жалею о прошлом. Но между тобой и мной есть очень большая разница. Это то, что я стара, и мне ждать уже от жизни нечего. А ты молода, и прошлое твоё, хоть и очень уютное, но совсем коротенькое. А увидеть, узнать и пережить в жизни ты ещё можешь очень и очень много и не только худое, но и хорошее. Если тебе отравило всё то, что ты пережила, старайся побороть это жадностью к жизни, повернись к пережитому спиной.

Мне кажется, в то время, [в] которое мы с тобой живём, и молодые, и старые, человеку может помочь и не только помочь, а дать ещё и большую радость творчество. Какое бы то ни было. Быть художником звука, красок, рисунка, слова, науки – выход для человека. И мне почему-то показалось из твоего письма, что ты могла бы писать. Выйдет ли из тебя что-либо значительное, зависит больше всего от твоей воли и способности работать упорно и долго. Моей ошибкой в жизни было как раз это неумение работать и доводить дело до конца, я всегда оставалась дилетантом.

Зося, может быть, я пишу тебе чушь, и это письмо уже не может звучать ответом на твоё. Напиши мне, как ты считаешь поступить после окончания школы. Иди во что бы

то ни стало в ВУЗ, старайся пробиться к общеобразовательному ВУЗу, ведь у вас в Тарту есть университет и, говорят, неплохой.

Пиши обо всем этом.

Целую тебя твоя Н. П.

Н.К. 16 X 46.[...] Милый Юлич! Мне хочется горячо и ласково благодарить Тебя за Твой приезд, за радость такого полного обретения Тебя, мой бесценный дорогой Друг...

Первые дни, вернее, недели [*Прошло три недели после отъезда Мамы из Ленинграда.*] я ходила с таким ярким ощущением Твоей близости, что, возвращаясь домой, грустно удивлялась, что Тебя всё-таки здесь уже нет. [...]

Н.В. 20 X 46. *Почтовая открытка.* Милая Юля, вернулась из отпуска. [...] Получила ли ты и Зося мое письмо? Довольно нагло с моей стороны спрашивать об этом после моего молчания, но все-таки жду, что положишь гнев на милость и откликнешься.

Мне трудно писать и жить, когда не имеешь своего угла, хотя ко мне и хорошо относятся у Андреевых⁴⁷, но иногда за свой собственный угол готова продаться на край света, например, на Д[альний] В[осток].

Очень меня занозила Зося, неужели она всё такая же сломленная пережитым? Жизнь у неё ещё впереди, ещё увидит она много и хорошего, и плохого и заживит как-нибудь свои раны, не то, что мы, старики. Пиши же, Юлюшка. Целую всех вас. Пришли карточку детей.

Н.

Н.В. 5 XI 46. Милая Юлюшка, посылаю это письмо с Марией Густавовной Тийсман. Это наша хорошая знакомая, с которой мы вместе горе мыкали в эвакуации. Ее мужа переводят в Тарту, где у них нет ни друзей, ни знакомых. Окажи ей внимание советом, буду тебе за это очень признательна. [...] У нас очень осложнился вопрос с продовольствием. Многие предприятия, даже заводы, лишили карточек. Прекратили торговлю коммерческим хлебом, так что люди нигде ничего не могут достать. Круп и муки нельзя достать нигде. Поэтому очень прошу: напиши мне, есть ли смысл приезжать к Вам за продуктами и за какими, т.е. какая стоимость.

Жизнь паршива [*слово не разберу*] как-то особенно. И я все больше убеждаюсь в том, что была права, когда не советовала тебе приезжать сюда в ближайшие два года.

Жизненный уровень так низок у большинства, что даже театры пустуют.

Целую тебя и девочек, и Матвея. Шлю сердечный привет Евдокии Дмитриевне.

Н. П.

Н.В. 2 I 47. Милый Юлич, что это ты подкисаешь? Мне не очень нравится тонус твоего письма. Прошу тебя, походи к хорошему внимательному доктору, есть же у вас хоть один, и посоветуйся с ним о своём здоровье. [...]

Нравится мне, что Зося увлекается хорошими вещами и делами, это выгодно отличает её от многих из молодёжи, но всё-таки в ней чересчур много экзальтированности, следовательно, будет много шишек набивать себе в жизни, и многое будет ею переоцениваться. [...]

Кроме службы, много времени у меня уходит на творческие дела, т.к. Е.В. [*Екатерина Владимировна Андреева*⁴⁸] упорно тянет меня в литературу, и мы с ней подрядились писать книгу на тему об оживлении человека. Тема научная, но подать её надо занимательно и беллетристически. Эта работа даёт большую пищу душе. Нет ничего радостнее в жизни, как творчество, всё равно, в какой области, а попутно много узнаёшь интереснейших вещей, как будто в гору лезешь, а горизонт открывается и раздвигается вширь.

В 1949 году будет столетний юбилей нашей обсерватории [...]. К этому году будет писаться научно-популярная книга о метеорологической науке, и мне там тоже отведен небольшой уголок. Вот мои дела. А пока сижу без грошей настолько, что поход в театр – денежная проблема. Даже абонемент в филармонию не взяла, хотя на концертах кое-каких бываю. [...]

Целую тебя крепко и желаю тебе здоровья и бодрости, ты ведь стойкий оловянный солдатик. – Сердечный привет Евдокии Дмитриевне и детям.

Твоя Н.

Н.В. – Зосе и Люсе. 2 I 47. Дорогие Зося и Люся, спасибо вам за письмо, меня оно очень обрадовало, зато письмо вашей мамы, напротив, обеспокоило. Вы ей меня не выдавайте, но я очень прошу вас, присмотритесь внимательней к её здоровью, настаивайте на том, чтобы показала доктору. Очень мне не нравится её настроение. Когда живёшь вместе, часто перестаёшь замечать перемены друг в друге, а я чувствую издали, что она теряет бодрость духа.

Зося, очень хорошо, что ты пионервожатый, я этому рада еще и потому, что это тебя теснее спаяет с той огромной творческой перестройкой, которую сейчас проводит советское государство. Мне казалось, что ты как-то очень в стороне жила от неё. И рада, что она тебя увлекает.

Ты пишешь, что любишь литературу, любишь изучать творчество других; если в тебе это постоянное желание и склонность, то тебе прямая дорога на литературный факультет [...]. Но лучше всего, конечно, попасть в Университет, только он даст широкую гуманитарную и философскую подготовку. Там же тебе придется изучать два языка. А отдельно учить язык, чтобы стать преподавателем этого языка, я не советую: это для тебя узко.

О Люсе я как-то мало знаю, к чему тебя тянет, к какой науке или мастерству, напиши мне об этом. [...] Пишите мне, мои дорогие девочки, о себе чаще, буду очень рада вашим письмам. Желаю вам счастья и побольше увлечений.

Ваша Н. П.

Н.К. 13 I 47. [...] Последние несколько дней я работала над маркой какого-то химического треста. Заказ этот мне передали из Торговой палаты. Мне приятно было переключиться на эту композиционную работу и встретиться на ней с целым рядом наших художников. Приятно было и то, что марка или, вернее, её эскиз у меня сразу вышел и был безоговорочно подписан консультантом Т[орговой] палаты.. а вот сегодня меня постигло разочарование. Заказчик ни за что не согласился на этот хороший и интересный для меня вариант и настоял на второстепенном и тривиальном эскизе, который я нехотя сделала. (Почему-то положено давать несколько вариантов эскизов для выбора.) И теперь надо выполнять вещь, которая мне самой совсем не нравится и которая никакого козыря в мою масть не прибавит.

Юлич, творческий заказ в ЛОСХ'е, наконец, мне предложили. Но за это время суммы, предлагаемые за него, у всех сильно снижены. [...]

По-прежнему почти ежевечерне я ухожу в ЛОСХ то на доклад, то на просмотр, то на занятия. Мне ведь надо сдавать историю партии и прослушать цикл лекций исторического материализма. [...]

Вчера получила открытку от Кати. Меня немножко покоробил Кот уж очень панегирическим по отношению к себе тоном. Доклад прочитал «блестяще».. ценные отзывы.. похвалы.. работа плодотворна.. работоспособность.. выдержка или «при моей выдержке» ест.

Н.К. *Середина февраля 1947.* [...] «Филармонию» режу, но так робко и медленно, что хорошего ничего не сделаю. Убеждаю саму себя, что естественно испортить доску и не одну после такого долгого отсутствия из творческой жизни – и всё-таки боюсь резать. А тогда, Юлич, я так и сделала, как Ты говоришь, то есть я сделала оба варианта марки, и всё-таки этот чудак-директор выбрал худший. Вчера получила ещё аналогичный заказ. К сожалению, срочный. Рада работе и тому, что опять по крайней мере на три недели заработаю, но жалко откладывать в сторону доску.

Родная. Кончаю. Оказывается, скоро три часа ночи. Завтра мы идём с Никитой на «Спящую красавицу» утром. Не прощаюсь. Наверное, допишу ещё.

[...] Сейчас мы с Никитой вернулись со «Спящей красавицы», этой прославленной балетной феерии.. и оба были очень разочарованы. Никита тем, что «они за всё время так ни слова и не сказали». Дурачок! А я – решительно всем.. начиная от декораций Коровина, хорошо придуманных, но давно пожухших.. музыки, которая подчинена балетному действию с бесконечными на полутакте перерывами для аплодисментов и пауз и, главное, дурацким

либретто с натяжками и режиссёрскими провалами. Словом, Юлич, очень ярко чувствую опять ту непомерную требовательность, которая выросла за эти годы, хотя, казалось бы, она, наоборот, должна была смирить всяческую гордыню.

Н.К. 1 Ш 47. Юлич! Живу, страшно тревожась и волнуясь непрерывно моей обязательной и всё такой страшной для меня ЛОСХ'овской работой. Я о ней всё время думаю. Я похудела от этой напряженной настроенности и страха за неё, но, Юлич, она всё-таки почти не движется. Я всё не могу сняться с этой мели, на которой так давно сижу. Я писала Тебе о том, что вдохновилась темой шахматного чемпионата. *Это письмо не сохранилось*. В сущности, я думала о шахматистах когда-то давно. [...] В голове уже сложилась композиция, но такая сложная, пёстрая и трудная, что, по существу, мне совсем не по плечу браться за такую штуку. Я не в форме. И какой-нибудь пейзаж или «Скверы Ленинграда», которые мне прочили, неизмеримо легче и безответственнее. [...]

Сегодня сдала третью марку в Торговую палату. Опять она меня отвлекла от настоящей работы. Но нельзя было отказаться от этого заработка. [...]

Решаю привести здесь письмо Наталии Константиновны мне в Уфу от 20 VI 91.

Здравствуй, милая Софьюшка! Ты, наверное, удивишься этому .. нетрадиционному посланию... Мне захотелось передать Тебе привет, потому что.. сегодня у меня зацвела маленькая красная герань! /Года два назад Ты принесла мне эту веточку. / Раньше у меня никогда не бывало герани, да я и не думала о ней.. но вот, когда и в прошлом году она скромно зацвела, я была ей признательна... Потом долго этот цветок стоял в граненом стакане на полке, над моим столом. Глядя на него, я со всеми деталями вспомнила, как еще в 26ом году по заданию в Академии [художеств] я награвировала этот nature morte (в 4 цвета) «Шахматы», ставший, пожалуй, моей лучшей работой... /Там, на подоконнике еще Старого Дома, перед мокрым от дождя стеклом шахматная доска с разбросанными фигурами.. и только белый конь стоит и настороженно смотрит на улицу, где на противоположной стороне стоит извозчик и его понурая мокрая лошадь... На краю шахматной доски стоит граненый стакан с цветком красной герани/.

Вот, благодаря этому цветку, ожила в деталях целая страница из жизни Старого Дома и Академического периода и, главное, молодости! А Ты имеешь к этому косвенное отношение, и вот я с благодарностью и тёплым приветом – пишу Тебе... [...]

Сохранилось около 30 писем Н.К. мне в Уфу. Многие опубликованы в книге «Дар любви».

Н.К. 6 IV 47. Родная, родная моя, я так давно уже не пишу Тебе, Юлич, и сейчас не напишу ничего хорошего. Но сегодняшнее Твоё письмо, ласковое и душевное, мне не хочется отложить в ящик стола, не сказав Тебе в ответ хоть несколько слов...

Юлич, я живу в невероятной депрессии, в невероятной тоске и тревоге. [...] Главное – это моя работа. [...] До Художественного совета Н.К. показала эскизы двум влиятельным членам совета, и оба жестоко раскритиковали их. Ты понимаешь, как мне нельзя [Подчёркнуто Н.К.] в «дебюте» допустить осечки – и вот она налицо. [...] Ты понимаешь, это моё собрание играющих, тёмная сцена, пёстрые блики на демонстрационных досках и мелкие сосредоточенные фигуры дали какой-то неприемлемый, мрачно-мистический тонус всей композиции.. я привыкла к ней и не замечала этого аспекта, а тем, кто увидел её, это «настроение» бросилось в глаза. [...]

Н.К. 19 IV 47. Юлич! Здравствуй, родной, дорогой друг. Так долго я не могла писать Тебе, меня просто не было на свете, мне кажется. [...]

Моей главной и страшной проблемой были эскизы к двум гравюрам по творческому договору с ЛОСХ'ом. Вокруг этих заказов к 30-летней выставке [30-летия Октября] вообще очень много серьёзного шума и внимания. Срок показа работы для утверждения эскизов приближался неумолимо. Наконец, наступило роковое число, но я просила отсрочки. Я знала, что это было вредно для меня, ведь дебютировать с таким началом не годилось, [...] а, главное, второго эскиза и в помине не было, и я мысленно металась от темы к теме, и каждая была неубедительна, а официально числящаяся за мной «Скверы Ленинграда» невозможна просто потому, что зимой никаких материалов набрать и невозможно было, а в моём «портфеле» их и не было... Что мне было делать со сроками и с собой?

Тут ведь ещё и то очень глупо обстояло, что до утверждения эскизов денег почти не давали [...] и надо было изыскивать и выполнять всякие заработные работы. [...]

Я решила показать «Шахматный чемпионат» Курдову, председателю нашей секции и члену Художественного совета. Захватила ему и несколько эскизов на филармонические темы и пару маленьких сибирских пейзажей, чтобы спросить, нельзя ли, может быть, ими заменить предложенную ранее тему (мне казалось, что «Сплав хлеба» в фонд армии по таёжной реке можно было бы предложить...).

Это было в конце марта. [...] Я выслушала всеокрушающую и жестокую критику. Когда потом я с пылающими щеками и туманом в глазах шла по тёмным улицам, я повторяла только слова «как худо»...

К[урдов] говорил, что я «не поняла задач», что это «странная геометрическая композиция».. «неубедительно», «неизвестно ещё, что они делают», «это собрание мистиков» etc., etc... А, когда я показала «Филармонию», он сказал какие-то слова об «изыске», «великосвет-

скости», что сейчас, кажется, считается синонимом всех смертных грехов. Он «предостерегал» меня и, словом, повергал во прах, Юлич. И это мой первый выход на зрителя! Если бы он мог это учесть, может быть, он был бы осторожнее. [...]

Ну вот и на этом фоне /у Вадима за четверть двойки по устному русскому, зоологии и прилежанию. В голове его – только фотография / – моё бедственное положение.. необходимость работать. В комнате, где за моей спиной ходят, говорят, спорят, сердятся, кричат... И всё же я стала что-то делать... Закусив губы. Шахматистов спрятала далеко в стол. По холодному, грязному, мокрому городу из конца в конец проезжала в автобусах, ища скверов и горько иронизируя над собой. Дома рисовала по беглым наброскам и памяти таёжные реки. В одну из поездок я обрела идею взять сквер у Финляндского вокзала с перенесённым к Неве памятником Ленина. Фигура неожиданно с одной точки зрения рисуется на фоне реки, Литейного моста и старого здания и деревьев Артиллерийского училища.

Словом, порисовав дома, я чувствовала, что, может быть, что-то я обрела. Сдала эскиз. Потом обратилась к Сибири, сдала три эскиза и выдохлась на этой жаркой от отчаяния работе. [...]

Совет был 17го. Последние дни я уже не работала: не могла. Мучительное утро, день, мучительное ожидание кворума в ЛОСХ'е и мучительная процедура: вызывают к сидящему из 12^{ти} человек синклиту. Ты должна предпослать своим работам какое-то слово, объяснение или замыслы, задаются вопросы. Затем автор должен удалиться: его судят и вызывают опять для сообщения участи.

Я, придя в этот ареопаг, сказала, кажется, слишком громко и «бойко» (от обратного) о первой теме – «Сквер Ленина» и о том, что вторую свою тему, спортивную, не показываю, так как при выборе её, по-видимому, сделала ошибку, что взяла чемпионат, который в силу своей специфики увёл меня в сторону геометризма и мрачной гаммы, что товарищи (не называя) не советовали мне настаивать на этой теме.. что в качестве «встречной» темы хотела предложить тему сплава хлеба в военные годы.

Смотрели, переговаривались, молчали, кое-что спрашивали, несколько реплик положительно отозвались о пейзажах, потом спросили, почему я всё же задержалась с этой работой. Я опять упомянула о шахматах. Меня спросили, нет ли у меня с собой эскизов. Я захватила на всякий случай первый, самый сырой и самый мрачный вариант «мистиков-марабу», просто на этот случай оправдания.

И вот, посоветовавшись, объявили мне курьёз!

Сквер утверждён без изменений, а второй темой мне предложили именно чемпионат. Заклеймённый, отложенный, трудный и недоработанный. Я только посмотрела на К[урдова]. [...]

Ну вот. Теперь я чувствую, что ещё можно жить и дальше работать. В сущности, ещё ничего не сделано. Навалилась страшная ответственность. Они страшно трудны, эти мои ма-ньяки. И, конечно, встретятся возражения, но пока я всё это ощущаю индугльгенцией. Для работы есть время. Два дня прошло. Завтра ещё отдышусь (буду печатать один новый цвет-ной пейзаж, который, если выйдет, пошлю Тебе). Вечером пойду с Алёной на «Тристана и Изольду». А потом начну резать.

За всё это время я никуда не ходила, ничего не слышала и не видела. Сделала ещё две марки. Маме не писала целый месяц. Не могла. [...] Жду Твоего письма. В Твоём последнем – ласковые, ободряющие слова и грели, и мучили меня. Ты говорила о вере в мои способно-сти, а я была в тот момент в отчаянии...

Н.К. – Люсе. 27 IV 47. [...] Кстати, я только что прочла Сергеева-Ценского, о книге которого Ты упоминаешь. Она написана очень сдержанно, я нахожу, но мне понрави-лось это. Я читаю так медленно и такими маленькими (ночными, сонными) порциями, что не могу объективно судить о книге, так как впечатление дробится и искажается.

Н.К. – Зосе. 28 IV 47. [...] Недавно мы с Алёнушкой смотрели премьеру [*спек-такля*] «Тристан и Изольда» в Театре Ленинского комсомола. Это драматическая трактовка прекрасной легенды. Все, кто снова воспринимает эту изумительную поэму (ведь она надол-го выбывала из кругозора), радуются её существованию, но мнения о самой постановке очень пёстры и разноречивы. Мне многое казалось досадным: разнобой в стиле художника, давшего приподнятый, условный характер декораций, с реалистической трактовкой артиста-ми персонажей, которые в чудных костюмах не умели ни двигаться соответственно, ни про-изнести слова... Голоса звучали как в Островском, а Изольда со своими золотыми волосами и [6] струящемся платье двигалась, как партизанка или трактористка. Траурный, красивый за-навес, спустившийся в заключение, был украшен безвкусной виньеткой, а два надгробия, изображенные на нём внизу, как-то неожиданно и неоправданно взвились вверх при первых звуках аплодисментов, чтобы дать возможность ожившим артистам раскланяться. Вот таких сценических ошибок никогда не делали в Худ[ожественном] театре. И всё-таки: существу-ют чудесные, лирические вещи.

Я очень люблю бывать в концертах и театре именно в обществе сестры. Мы неизмен-но дополняем и обостряем впечатления взаимно. Сегодня мы с ней идём на концерт Софро-ницкого, который играет Шопена, а 5го нам предстоит большое удовольствие – Кукольный театр Образцова. Эти спектакли кукол дают самые театральные [*Подчёркнуто Н.К.*] и самые сильные сценические впечатления... Их пьеса «Король Олень» по Гоцци совершенно восхи-тительна. Мы смотрели её два раза, и я готова ещё и ещё раз видеть их маленькую вырази-

тельную сцену и совершенно неотразимого Труффальдино. Теперь нам предстоит «Золушка» в их новой постановке.

Предполагается ещё и органнй концерт с участием Семизоровой, которая очень хороша с органом. [...]

Н.К. 18 V 47. [...] Мне нужно обнять Тебя и с надеждой на всё лучшее сказать: «Спи, спи: всё будет», как говорила когда-то Наташа М[аленькая].

Видела, наконец, Волка. Мы столкнулись с ним в фойе Образцовского театра, где он «затейничал» с ребятами. Я не знала, что он там будет и, раздеваясь у вешалки, издали откуда-то услышала страшно знакомый прежний голос.. а потом уже увидела бледноватого и лысого постаревшего Волка. Странно всё. Такими встречами – измеряется время. [...]

Н.К. 30 V 47. [...] Час провела на выставке Акимова. Эскизы декораций и портреты его очень ярки и самобытны, но на всём лёгкий налёт шика и манерности. Потом это неприятное собрание – очередной «самоотчёт»... Эти самоотчёты мне даже вчуже утомительны и страшны, так безжалостна и многообразна критика; ругают всегда: «почему человек работает над этим, а не над тем-то?»; «почему мало натуры?», а если много натуральных зарисовок, то «почему нет свободной композиции?», «почему превалирует карандаш?», а если выставишь много акварелей, то «хотелось бы видеть рисунок» etc., etc. И это ещё я привожу примитивные возражения, кроме них, говорится масса идеологических возражений. [...]

Юлич. Ты спрашиваешь о Кате. Она только что приезжала сюда и была у меня два раза. Она очень поглощена собой, Гулей и своей работой. Настолько, что с трудом слушает тебя. Она спросит о тебе, но ответа не ждёт и продолжает говорить о своём. Часто проскальзывают самодовольные или вернее хвастливые нотки. Но, может быть, есть ведь и чем хвастаться. Мне не хочется писать о ней и Гуле, и не хочу я, чтобы снова мысль о них приводила Тебя к ненужным сравнениям и самоуничижительным мыслям, которые у Тебя являются именно в ассоциации с Катей. [...] [Катя] балует дочку очень, ни к чему, и хорошо, что Галлия как-то не избаловывается при этом и продолжает всему радоваться и свежо воспринимать все блага. Гуля развлекается, увлекается спортом, бывает в театре и как-нибудь, как выйдет, сдаёт между всем этим зачёты. Всё это у неё выходит очень мило. Катя тоже находит, что её *modus vivendi* правилен и в качестве антитезы приводит Ильзину Люсю, которая уже сейчас засушена и заучена до крайности. [...] Спорт, общество, театр – всё отмечается как мешающее. Гуля про Люсю говорит тоже, что она «пропускает всё на свете», и это не в период экзаменов, а всегда. [...]

Н.К. 4 VI 47. [...] Вчера мне опять вдруг позвонил Волк. Говорил страшно ласково. Он носится с идеей собрать и повидать «всех». На этот раз он имел в виду Алё Преснякова⁴⁹ (я как раз на днях его встретила в первый раз за все эти годы на площади у Исаа-

кия), Бубу Бражникова⁵⁰ и Куку⁵¹, который должен на днях приехать. Я хочу на всех посмотреть, но (должно быть, это остатки кокетства) мне не хочется, чтобы они видели меня. Встретиться, чтобы констатировать то, как мы все постарели. Пожалуй, этого совсем не надо.

Мы были с Алёной на чудном концерте Софроницкого. Он играл Шуберта, Бетховена («Лунную») и совершенно замечательно – «Карнавал». Зал был переполнен, настроение приподнятое и праздничное. Много знакомых лиц и милых встреч. И с Алёной мы всегда с интересом и уютностью встречаемся именно в Филармонии.

Н.К. 7 VIII 47. *Сестра приехала в Ленинград сдавать экзамены в Университет и живёт у Н.К.*

[...] Всё смотрю на неё. Как она похожа на бабушку Софью Сильвестровну. Волосы, ресницы и руки (особенно) – совсем Твои. В полуобороте и в профиль лицо очень хорошо. В фас – это характерный овал лица, который хочется чуть-чуть уменьшить (видишь, как я придираюсь). Нет, чудесная Люсенька. Теперь хочу посмотреть на Зосеньку.

Юлич. Я рада тому, что решается Ленинградский университет... Конечно, жить будет трудно, но Ты говоришь – Зосенька стойка, а к тому же мы все надеемся на лучшее. Целую вас всех.

Н.К. 18 V III 47. [...] Всё у неё [у Люсеньки] хорошо, Юлич! Я не пойму, в чём Ты видишь такую застенчивость Люсеньки, мешающую ей жить? Нам с Н.Е. совсем этого не кажется. Всё в ней мило и просто, чуть наивно, деловито... Мне было очень приятно с ней.

Н.К. *Начало X 47. Я приехала на несколько дней в Ленинград.* [...] Внешне, не смотря на общий облик, они [Люся и Зося] очень различны, конечно. Любуюсь всё на чудесный и выразительный Зосин рот. Представляю, как лицо её одухотворяется, когда она худощавее [Летом, работая на кухне санаторного лагеря, я «поправилась»], но что она не в авантаже из-за поправки, уж не думаю. Чудесная голова.

Н.К. X 47. Мой родненький Друг! Пишу наспех эту карандашную приписку, чтобы сказать Тебе, что сейчас получила большое тройное письмо от Тебя и девочек. [...] Девочкам, их жизни, им самим, их молодости и очарованию радуюсь. Люблю их, думаю о них и всем сердцем хочу им счастья. Обе чудесные, очень разные и приняты мной в самую душу, не надо ничего говорить.

Н.К. 22 XI 47. Юлич! 30го Твой день рождения. Верно это? В каждой такой дате теперь больше грустного, чем праздничного, но тем не менее даже такие должны быть отмечены в ряду других. Хорошо, когда есть кто-то близкий, кто сумеет окрасить этот день тёплым вниманием и традиционной торжественностью. [...] Я буду непременно думать о Тебе.. буду у вас в гостях...

Нынче, 26го, мы смогли спраздновать день очень скромно, так как полоса скудости всё тянется у нас. [...] Меня только Катя побаловала. Больше некому было. Но Катя сделала мне чудный (и очень смутивший меня своей непозволительной ценностью) подарок. Не знаю, как это вышло.. я, кажется, опрометчиво помечтала в Филармонии (мы были с ней и девочками [Гулей и Ладой] вместе на концерте, открывшем мой сезон этого года) о духах, которых у меня давно нет. И вот Катя принесла мне 26го флакон «Манон». Наличие духов – для меня очень ощутимый психологический фактор. Я ловила себя даже на смутном ощущении (вдыхая их), что «ну вот теперь должно же, наконец, наладиться!»

Н.К. 22 XI 47. А о том концерте я непременно хотела Тебе тогда же написать, и вот письмо так нелепо затянулось. Я хотела Тебе сказать, что так странно на этом концерте почувствовалось время [*Подчёркнуто Н.К.*]. Большой срок прошёл, и во встречах, в людях, в атмосфере и даже в исполнявшейся музыке это почувствовалось с ясностью.. без грусти, но с какой-то странной меланхолией. [...]

Как нынче хороша Филармония, после ремонта, сделанного с большим тщанием и вкусом, она ещё пленительнее! [...]

И вот на этом концерте как-то произошёл «смотр молодёжи» и старых филармонических знакомых и друзей: Катя с Гулей, мы с Вадимом, Лада, Женя Тагац⁵² с сыном, Муля [А.С. Мончадский]с Люсей, Д.И. Насонов⁵³ с девочкой.. впереди, недалеко сидел И. Ершов⁵⁴ (правда, это уже целый дядя, артист и художник), но и он чем-то подчёркивал эту атмосферу «смены». И тут же Вера Борисовна, Наташа Б[ольшая] с Н[адеждой] С[тепановной], Катя Беккер⁵⁵, старушка с палочкой, и ещё много-много давно знакомых людей и лиц, которые всю жизнь встречались вот так на таких вечерах.

... Люсю я видела девочкой лет 12^{ти}. Теперь, в Филармонии, я смотрела на неё, стараясь увидеть в ней знакомые черты Ильзы и почти не находя их. Она небольшая, довольно кругленькая, очень холёная, прекрасно причёсанная и одетая.. оживлённая, но физиономически почему-то не привлекла меня. Мне кажется, что она больше всего похожа на Мулину мать. Вот у Жени Тагац очаровательный юный интеллигент с милым и вдохновенным лицом. [...]

Я так не хочу ничего [*писать*], что касается меня самой, что всё откладываю наболевшую тему. [...] Мои работы приняты Художественным советом (конечно, и это хорошо).. на выставку (которая, в сущности, и является мерилем жизни художников) приняты не все. И что хуже всего, что висит работа, которую критиковали и которая мне самой не нравится, а то, что называли «творческой удачей», отсутствует. [...] Напрасно я говорю себе, что у многих из моих товарищей вообще ничего не взяли на выставку, напрасно напоминаю себе о том, что всё это естественно, что нельзя безнаказанно так долго не работать [*творчески*] –

всё-таки всё перекрыто досадой и, главное, очередными сомнениями в собственных силах и возможностях. [...] Сейчас я опять погружаюсь в нудную заработную работу, не оставляющую ни времени, ни душевных сил для настоящего дела. Надо собрать силы и опять добиваться возможности всплыть.. а я так устала от лета, от работы, волнений и.. тесноты. Если б Ты знала, как мне хочется побыть дома одной, ну хоть полчаса. Этого никогда [*Подчёркнуто Н.К.*] не бывает. [...]

Н.К. XII 47. [...] На днях мы с Ладой были в Филарм[они] на концерте Г. Виноградова. Это певец, давно меня (по радио) пленивший своей манерой петь. Я хотела проверить свои впечатления. Оказалось, что он действительно изумительно поёт.. даёт «вещь», а не свои эффекты, и вся литературно-музыкальная композиция у него чётка и одухотворена чудесно. 30го мы идём нашей большой концертной компанией: Гуля, Лада, Алёнушка и я на органный вечер. [...]

Я скучаю без Тебя очень. У меня нынче чёрный год, мне страшно во всём не везёт, и мне очень хочется слышать Твой голос. [...]

1948

Н.К. 21 I 48. [...] Ты говоришь в письме, что иногда, потом, написав мне о какой-нибудь неладности с Софьей, Ты жалеешь о сказанном, потому что всё проходит и снова видишь её хороший улыбающийся образ.

... Не жалея никогда о рассказанном мне. Я не храню теней тёмных облаков, пролетающих над Тобой. Вот это-то и радость нашей большой Дружбы. Я пишу Тебе о страшных и обидных для меня огорчениях, нависших надо мной беспросветными тучами, и удивляюсь даже тому, что говорю об этом, но не сказать Тебе – не могу. И знаю, что Ты всё услышишь, как нужно, и не осудишь.

Н.В. 6 II 48. Милая моя Юлюшка, как-то в письме ты прашивала моё мнение о твоих девочках; тогда я сознательно тебе не ответила, т.к. мало знала их. Хочешь теперь напишу тебе, что думаю о Зосе? *На I курсе (194--1948 учебный год) я училась в Тартуском университете. Екатерина Владимировна Андреева и её друг Наталия Васильевна Педькова, которая жила в семье Андреевых, пригласили меня на зимние каникулы в Ленинград.* Зося всем здесь очень понравилась своей непосредственностью и очень хорошей жадностью к музыке, картинам, лекциям и т.д. Голова у неё, безусловно, умная, и особую прелесть ей придаёт то, что всем она обязана себе. На вещи она смотрит при этом трезво (без этого сейчас не проживешь). Но при такой чудесной горячности и непосредственности, трезвости этой, пожалуй, слишком много. Например: Ал[ександр] Дан[илович] часто водит ее в театр и покупает ей билеты. Зося решила свой билет отбирать у него для себя. Это не совсем вежливо по отношению к тому, кто её приглашает. Или так: приглашений у неё было больше, чем хвата-

ло времени, и она легко отказывала первому предложению ради более привлекательного. Такие черты немного диковаты. Мы все над ней здорово подтруниваем, может быть, она и обижается. Но Андреевы все зубоскалы, и это не мешает очень тёплому отношению к ней.

Теперь о планах. Мне кажется, что решение Зоси остаться в Тарту, чтобы как-то дать дорогу Люсе, очень неверно. Если стремиться к переезду в Л[енинград] для учёбы, надо устраиваться непременно вместе, вдвоём [Оба слова подчёркнуты.], так легче прожить. Если обеим девочкам удастся перевестись сюда, то и я, и, думаю, Наташа [Н.К.] по мере сил будем помогать им. Кроме того, Зося настолько общительна, что знакомств и связей у неё будет достаточно.

Думаю, и с работой можно будет устроить какие-нибудь подзаработки. Держать Зосю в Тарту при возможности ей перевестись сюда – просто грех ещё и потому, что своей специальностью она выбрала русскую филологию и литературу, а язык, обороты речи у неё часто уже нерусские. Голова у неё, безусловно, блестящая, и надо дать ей ходу. Тебе, может быть, не очень приятно это читать, но решила быть искренней: лично я к ней за эти две недели очень привязалась.

Зося рассказывала про тебя, что ты очень устаёшь на работе, которая плохо оплачивается. Отчего же ты так за неё держишься? Не лучше ли найти что-нибудь поспокойнее?

Я сильно дряхлею. Болят очень ноги и руки (то ли это ревматизм, то ли подагра), и иногда подкашивают желудочные дела. Но все это в порядке вещей, и жаловаться не приходится.

Целую тебя и Люсеньку. Шлю привет Е.Д.

Твоя Н.

Н.В. 8 II 48. Юлич, перечитала письмо, и получилось, что оно может тебя огорчить, что ты неверно поймешь и придашь большое значение моей характеристике Зоси. Сегодня она уезжает, и мне уже грустно, я ее очень полюбила. Она чудесная девочка, а, м[ожет] б[ыть], во многом уже взрослый человек, и хочется, чтобы дорога жизни открылась бы перед ней широкой и увлекательной: тем более, что она наделена редкой способностью (у нынешних-то молодых её нет) увлекаться и наслаждаться ценностями человеческой культуры. За это её очень одобряет Ник[олай] Ник[олаевич]⁵⁶, который довольно разборчив к людям: он с завистью сравнивает её со своей невесткой, такими качествами она не обладает.

Как-то сидел у нас Ал[ександр] Дан[илович] (Зося уходила в лавки), и мы с Е.В. взяли его в переплет – щупали. Он нам очень понравился. Если у Зоси это серьезное увлечение, мне кажется, он мешать ей в жизни не будет. Ну вот. Теперь кончаю. Целую тебя еще раз.

Н. П.

Притиска карандашом. Пожалуйста, Зосю не кори за Ал[ександра] Д[аниловича] и билеты, с неё уже и у нас хватит!

Н.К. 18 II 48. [...] Юлич, я так понимаю Твою грусть по поводу Зосиных «срывов» в первых разговорах после приезда и её жестокость к Тебе. Конечно, ей и тревожно, и обидно, и горько возвращаться в будни Тарту после ярко проведённых тут каникул... Наверно, теперь всё вошло в свою колею и этот момент стал прошлым и давно заглажен, и Ты, может быть, опять жалеешь о том, что написала мне?

...Не жалей никогда.. мне кажется, я так верно слышу то, как и что Ты говоришь мне, что во мне не копятя и не откладываются неверные впечатления. [...]

Н. В. – Зосе. 23 II 48. Моя Зосенька, наконец, пришло письмо (и книжка) от тебя. Я не знала, что думать: беспокоиться или обижаться. А оказалось, почта, которая от вас ползёт две недели до нас. Книжке я очень рада, я никогда не представляла Таллинн в виде европейского города и только сейчас осознала, что он входил в цепь ганзейских городов, следовательно, и в цепь европейской культуры. Очень хороши старинные уголки и бюргерские интерьеры.

О том, что ты плакала по приезде, я понимаю, что это малодушие, а не сентиментальность, как ты пишешь. Я уверена, слышишь, уверена, что тебе удастся пробиться к учебе и жизни в Л[енингра]де, только это надо готовить, с неба это не свалится в готовом виде. Надо готовить, строить и организовывать исподволь. Жалко мне только твою маму, которая останется с Матвеем, и всё-таки надо карабкаться и её тянуть в будущем.

[...] Из впечатлений последнего времени большую радость принесло посещение художницы Остроумовой-Лебедевой. Мы ходили к ней собирать материал для очерка. Вообрази себе маленькую старушку – ей 77 лет – с глазами молодыми, пытливыми и оживлёнными. [...] От неё веет таким человеческим обаянием. Вот пример, Зося, воли к труду, к творчеству, к постоянному совершенствованию своего таланта. А сколько сомнений она пережила и горя! Блокаду пережила в Л[енингра]де! [...] Я читала её воспоминания запоем и с волнением. Они написаны прекрасным языком и говорят о целой эпохе русской культуры. Прочти их, Зося, они называются «Автобиографические записки», I^{ая} ч[асть] вышла в 1935 г., II^{ая} – в 1945 году. *В моей библиотеке есть эти книги, изданные в Москве. «Изобразительное искусство». 1974 г. Да, целая эпоха русской культуры... И образ Петербурга...* [...]

Пиши, Девочка. Очень я к тебе привязалась за эти две недели, и недостаёт мне кого-то, кто возится в углу за ширмой.

Передай сердечный привет маме, Люсе и бабушке.

Е.В. и Н.Н. шлют привет. Ты победила старика. Он ведь у нас суров и фыркает на людей, а ты растопила его сердце.

Ал[ександр] Дан[илович] звонил о том, что ты хорошо села в поезд, а затем провалился в неизвестность.

Целую тебя.

Твоя Н. П.

Н.К. 28 II 48. [...] На прошлой неделе я была на концерте Рахманиновского абонемента. [...] Издали видела Наташу М[аленькую], но не могла в антракт к ней подойти. Потом у входа мы с ней столкнулись.. она была приветлива.. мы давно хотим встретиться, и она предложила взять нам билеты на 5ое, когда в Филармонии будет концерт изумительного Московского пианиста Рихтера с Ниной Дорлиак.

Н.К. – Люсе. *Начало марта* 48. [...] Дорогая девочка, Люсенька. Сначала я получила письмо от Мамы, радовалась ему.. но вот села писать и начала письмо Тебе... Ты писала мне. [...] Хотела Тебе в своё время написать о нескольких чудных вечерах в Филармонии, но, упустив момент, сейчас не могу восстановить того, что мне хотелось рассказать. Один концерт Святослава Рихтера и его жены Нины Дорлиак был совершенно прекрасен. Она пела Шуберта – Winterreisen [нем. – «Зимний путь»] и другие вещи, и он играл ей, и все эти знакомые, очаровательные песни в этой сдвоенной артистической трактовке захватывали по-новому. Кроме того, Нина Дорлиак прелестна была, а он давно своей игрой завоевал меня. Мы были на этом концерте с Нат[ашей]. Вас[ильевной] .. нам давно хотелось встретиться и поговорить.. последнее осуществилось только отчасти.. мы обе были слишком захвачены концертом, так что в антракте не смогли углубиться в другие темы.

В Эрмитажном театре читаются три или даже четыре цикла лекций по истории культуры и истории искусств [...]. Вот куда бы мы сходили! В этот вторник был интересный рассказ о Веласкесе. А в ЛОСХ'е у нас по субботам читается курс эстетики марксизма. Лектор оказался совершенно обаятельным эрудитом и эту свою работу преподносит, хоть и в трудной, но в такой изысканной и убедительной форме, что приходится ходить и слушать, не смотря на то, что всё это некогда... Текущий мой «спех» завершается тем, что ко вторнику мне надо подготовить доклад об XI Партсъезде (представь себе!). Я уверена, что Ты или Зосенька с лёгкостью написали бы вместо меня блестящее сообщение на эту тему. Мне, увы, надо перестроить всё в моей голове, чтобы повернуть это совершенно непривычное дело.

Н.К. 31 III 48. [...] С Нат[ашей] М[аленькой] встретились тогда на Рихтере, мы не насытились разговором. Говорилось легко и просто и с интересом.. но было некогда.. занимал сам концерт. Хотели встретиться ещё, но как-то пока не привелось. Как всё, всё некогда в этой жизни...

Н.К. 5 V 48. [...] Ты пишешь о горьких минутах с девочками, когда Тебе кажется, что они корят Тебя за все трудности жизни. Родная. Это Твоё больное место. Может

быть, Ты слышишь укор и там, где его нет? Девочки, умные и душевные, не могут думать несправедливо о Тебе. Грустно, что они, утомлённые какой-нибудь невзгодой, срываются с тона и причиняют боль, которую Ты потом долго чувствуешь.

Не могу вспомнить, писала ли я Тебе про приезд Кати? Ну вот Катя. Это идеальная мать по современным представлениям и условиям... Но ведь это же случай, и это единицы могут так обставлять свою дочку. Нет, но она неподражаема! Я что-то мыла в комнате в кавардаке предпраздничной уборки.. не слышала звонка, и вдруг полубегом, улыбающаяся, трёпаная, в модной шляпе и с букетом чудесных тюльпанов является Катя. Загорелая, энергичная, не дав мне даже времени удивиться её появлению, она уже сидела и вязала какую-то белую блузку Гуле. [...]

Н.К. 18 VII 48. [...] Вчера я заходила к Наташе М[аленькой]... Она просила рассказать ей о Люсеньке, которая, конечно, совсем не могла успеть держать её в курсе своих многотрудных дел. [...] *Люся сдавала летнюю сессию на заочном отделении географического факультета университета.*

Н.К. 23 VIII 48. *Мы с Люсей бьёмся за то, чтобы со II к. учиться в Ленинградском университете.*

Конечно, всё будет очень трудно, даже если стипендии и останутся такими, как в прошлом году. И как девочки будут жить, нельзя себе ещё представить, но всё-таки я верю, что эта линия наибольшего сопротивления совершенно правильна и при их здравом смысле и выдержке, я уверена, преодолеются и все материальные задачи. [...] Я еще не знаю, как и чем мы можем помочь им жить, но, во всяком случае, наш «дом» или, вернее, эти два-три квадратных метра между диваном, роялем и моим столом и овальный table d'hôte [фр. – общий обеденный стол в пансионе, санатории и т.п. местах.] Надежды Евгеньевны всегда с «любовью и охотой» встретят их. Как худо, что у меня нет «дóма».

Ю.Ф. – Зосе. 20 IX 48. [...] Относительно работы, поговори, Зосенька, с Татьяной Борисовной [Лозинской]⁵⁷, Асей⁵⁸, (с Асей для Люси). Когда придет Гуля, пусть она сведёт тебя к Камилле Тревер и к Наташе Большой. Она и её приятельница, друг Надежда Степановна, тоже, может быть, что-нибудь придумают. Они работают в музее Кирова. [...]

Это из письма Мама, которое она написала нам после получения известия о нашем зачислении в ЛГУ. [...] В трудный момент жизни её девочек (неясно, дадут ли нам стипендию) Мама считает возможным просить о помощи старых друзей. Для меня здесь крайне важно увидеть и сохранить в памяти те нити, которые соединяли Маму с её бестужевским гептахорским прошлым, её нерасторжимую сердечную связь с ним.

Работу нам нашла Наталия Васильевна.

Н.К. 27 II 49. [...] Эта неделя была страшно напряжённой и утомительной. Я спала одну ночь, две – по два-три часа, а две – и вовсе не ложилась. Вчера, в субботу, сдала адрес. Обложка вышла слишком строгой и сдержанной, но вторая страница с текстом, написанным поверх водяного знака, изображающего слюнную железу кузнечика [*Подчёркнуто Н.К.*], вышла очень красиво. Вся грусть в том, что деньги задержат, как водится.

Н.К. 11 III 49. Я очень недовольна и обеспокоена собой, вернее, своей работоспособностью. Ты вот в письме упоминаешь о том, что я сдала работу и что, значит, «кошке рыбка будет».. а у меня вышел афронт с этим адресом. [...] Уже после сдачи, порассмотрев, магнаты остались недовольны обложкой адреса. Водяной знак и текст им очень понравились, а обложка их не убедила. Я отошла в ней от эскиза и сделала всё светлее и матовее.. а им хотелось блеска и помпезности, которые померещились им в карандашном эскизе. И вот пришлось переделывать. В промежутке между этими работами я делала заголовок для академической стенгазеты. [...] Всё в нём не ладилось, не выходило, и я проклинала день и час, когда взялась за эту работу. Громадная, двухметровая полоса прямо извела меня. Подряд эти две неудачи и связанное с этой задержкой безденежье.. и я опять страшно томлюсь и нервничаю. Пропустила ряд важных мероприятий в ЛОСХ'е, и это [*Подчёркнуто Н.К.*] меня беспокоит. [...] Кашляю страшно сильно и надоедно. [...]

Завтра приезжает Катя. Она почему-то вообразила, что ещё может застать Тебя тут, и была разочарована моим сообщением, что Тебя давно нет.

Н.К. 21 III 49. Юлич, моя родная, получила Твое письмо от 14–15го. Уже несколько дней, не дожидаясь его, хотела написать Тебе под свежим впечатлением разговора с Зосенькой.. но не нашла времени.. Не знаю, как жить? Эти авралы с работой, ничего существенного не приносящие и изводящие столько сил, главное, эти работы, анонимные, бесследные и потому обидные, меня просто изводят... Вот и теперь: взялась в месячный срок сделать громадную кропотливую карту.. не думаю, что она оплатится как следует.. а я буду денно и ночно сидеть с ней, а «Самсон» и всё другое будет безнадежно черстветь и блекнуть невыполненное. [...] Ты пишешь, чтобы я не сдирала с себя кожи.. упростила бы жизнь.. трудно.. хозяйство в руках Н. Евг. И у нее свои ритуалы, а я слишком мало даю, чтобы не хвататься за всякую подворачивающуюся работу...

[...] Вчера вечером мы были в гостях у Гули и Кати. Я заехала за Алёной, а потом Лада туда пришла. Катя угощала рафинированно... Девочки хохотали на кинотеке, а я с Катей разговаривала. Катя звала девочек [*Люсю и Зосю*] к ним.. не знаю, удастся ли сговориться о сроках и успеют ли они повидаться.

[...] Посылаю Тебе фототворчество Никиты. Эти две кикиморы всё же не так устрашающи, как Вадимины, а Нитка обижался, что я не посылаю.

Н.К. 5 IV 49. [...] Девочки писали Тебе, вероятно, о свидании с Н.П. Анц[иферовым]⁵⁹? Мне в пятницу позвонила Лозинская о том, что в воскресенье утром намечено свидание с ним, и просила как-нибудь уведомить девочек. Посылала к ним Нитку с запиской.

А вечером в то же воскресенье пришла Зосенька. От меня шла на концерт в Филармонию. Была оживлена и очень авантажна. Это синенькое платье с белыми бусами очень к ней идет. [Так у Н.К.!]

[...] Из приятных впечатлений последних недель только и могу сказать об одном концерте в Филармонии (Requiem) и о милых двух-трёх вечерах тут у нас, когда приходила с прощальным визитом Катя (с Гулей и Ладой). Катя угощала нас Nord'ом. «Nord» – лучшая кондитерская тех лет в Ленинграде, теперь «Север». Лада пела, а Гулька смеялась, как всегда. И другой вечер с Алёной, Ладой и Гулей, как раз в тот же день были и девочки [Люся и Зося], но ушли в театр.

Ты пишешь о невыигранных выигрышах.. я никогда не жду ничего от таблиц... [...]

Н.К. 13 IV 49. [...] Сейчас я совершенно завязла в картографическую работу, досадную, неинтересную, нерентабельную. Опять вижу, какой я плохой антрепренёр и как не умею обусловить и обставить своего труда. [...]

Н.К. 21 IV 49. [...] Пишу короткую грустную записку...

Вчера умер дедушка.

[...] Вероятно, похороны будут в субботу. Над[ежда] Евг[еньевна] страшно измучена, утомлена и грустна, но на ногах и старается что-то делать по дому, чтобы меньше думать.

Никита угрюм и очень к ней внимателен и предупредителен.. а Вадим и тут умудряется отсутствовать. Люсенька обещала мне завтра прийти помочь убрать комнату. [...]

Н.К. 18 V 49. *Серьёзно, тяжело болен Никита. Он с больницы.* [...] В комнате как-то пыльно и неуютно. Цветы стоят, а я на них не гляжу, ничего не хочу делать.. меня нет дома, сейчас запечатаю письмо и сяду рисовать каких-то идиотских жуков для Академии наук до двух часов.. а на душе такая страшная скука.

Апик, Юлич. Целую Тебя. Я всегда чувствую Твоё тепло, и мне так нужно, чтоб Ты меня любила.

Н.К. 29 VII 49. [...] Нынче мне Катя часто пишет.. Гуля в Ольвии на раскопках.. видит много интересного и от всего в восторге. Кот, как всегда, скромно хвастается и тем, как работает, и тем, как шьёт, и как снарядила Гулю, не потратив почти ничего, но в общем очень мило. – [...] Опять не смогла отказаться от энтомологических рисунков для Ак[адемии] наук и сидела с ними [...], вот и пропадаю с ними, благо они постоянно есть и хорошо у меня выходят... Но всё равно, это не то, что мне надо делать. [...]

Вадим [*он самостоятельно устроился в экспедицию*], к удивлению, регулярно и мило пишет. Правда, по-прежнему бестолково.. но всё же... Он бодр, заеден комарами, говорит, что похудел, что не хватает сна, и мечтает даже о нашем ломаном диване. Просит починить его к его приезду.. но это р[ублей] 200, словом, уже не «кошке – рыбка», а – целый кит. Ещё мечтает о Филармонии, а это елей для меня. [...]

Н.К. 20 VIII 49. [...] Но главная пустота у меня – это полное отсутствие творческой работы. Что я могу сделать, если нет возможности переключиться на эту бесплатную работу... И так концы с концами не свожу... [...]

Починка дивана много-много лет стояла у нас на очереди и теперь, особенно после Вадиминого письма, была осуществлена. Диван стал очень нарядным. Обивку для сокращения расходов я, выкрасив тяжёлую занавеску, создала сама. Но зато в нашем бюджете за это лето уже третья серьёзная брешь зияет. Первой – было моё платье, второй – поездка бабушки и Никиты на дачу... [...]

Н.К. 28 VIII 49. [...] Сейчас у меня час ночи. Все спят. Радио чудно играет «Тамбурин» Рамо и другую старинную танцевальную музыку. Я с утра, не поднимая головы, работала и решила сегодня раньше лечь спать... Последние дни я всё до 3^х сидела... [...]

Н.К. 7 X 49. Юлич мой дорогой, получила Твоё письмо и хочу сразу написать Тебе, чтобы не отложить и не затянуть ещё и без того длинный перерыв в моих письмах. [...] Может быть, инстинктивно я прячусь от высказывания, от конкретизации своих тяжёлых настроений.. правда, так плохо нынче я справляюсь с собой.. [...] что письма мои могут превращаться в сплошную Klage lied [*нем. – жалобную песню*].. а я не хочу.

[...] Работаю, Юлич плохо, потому что всё делаю страшно медленно и с какой-то невероятной натугой. М[ожет] б[ыть], действительно нельзя не отдыхать годами, как я. [...] Делала марки для Торговой палаты, а регулярнее всего – скучные рисунки для Зоол[огического] инст[итута] Академии наук.

А гравюра не сдвинулась. На очередную выставку ничего не дала! Теперь жду всяких репримандов и боюсь бывать в ЛОСХ'е.

Н.К. 7 X 49. [...] Вадим... Я, верно, писала Тебе, что с экспедицией у него как будто было хорошо, но затем серьёзности и деловитости, которые мне в нём померещились в первые дни по его возвращению, не осталось и в помине. Попав в атмосферу приятелей и прежних взаимоотношений и домашней обеспеченности, Вадим предался беспардонному легкомыслию, фланированию и безответственному времяпрепровождению. Я не вижу его за приготовлением уроков, он вечно.. где-то, и где-то на ходу делаются уроки...

Вот, например, в субботу: приходит в три часа, швыряет сумку, отказывается от обеда, потому что ему некогда, его ждут.. «скоро приду».. исчезает. Является в 10 вечера, гряз-

ный, худой, голодный, оказывается, на мотоцикле с кем-то ездил в Токсово.. бросается за стол, жадно ест и тут же справляется, есть ли у него чистая рубашка. Ему нужно скорей идти... куда? «так сегодня же суббота.. надо пойти потанцевать»... Приходит в два часа. Ложась, просит разбудить его пораньше.. в 10 часов он должен быть у Юры – снимать его во время соревнований в бассейне... Приходит в пятом часу с кортежем мальчиков и при них садится за стол готовить уроки.. из этого, конечно, ничего выйти не может... Один из благо-разумных приятелей уводит компанию... Вадим сидит полчаса, потом начинает читать с Ладой по-английски, но через 10 минут они поют английские песни, потом поёт Лада, а Вадим только аккомпанирует, и затем снова появляется компания, которая, весело и шумно подхватив Вадима, удаляется...

Ю.Ф. – Н.К. 14 X 49. *Письмо Ю.Ф., случайно и так счастливо оказавшееся в пачке писем Наталии Константиновны Юлии Фёдоровне: живой голос Мамы! Переписываю без купюр.*

Получила, наконец, Друг мой дорогой и любимый, письмо от Тебя, и стало ясно, что какое-то письмецо Твоё пропало, потому что то, что пришло, было первое после отъезда Зосеньки. Какая жалость!

Зверушка, ни в какой дом отдыха я не еду, нет путёвок, с 18 до 1 XI я сижу дома и жду Тебя. Приезжай без всяких околичностей. Денег на дорогу, я думаю, Ты раздобудешь, это, наверное, что-нибудь около 160 руб[лей] и – всё, разрешаю привезти только один кил[ограмм] сахара, другой – есть для меня у Зосеньки, и нам хватит, чтоб в этом пункте не изменять Твоих привычек. А во всём остальном поживёшь по моему *modus'у vivendi*, плоть немножко, может быть, и ущемится от картофельно-овощного режима, но зато Дух рассеется, немножко встряхнётся. Сегодня, жалко, испортилась погода, но, может быть, потом опять будет хорошо, и мы с Тобой побродим по Тарту. Он ещё не облетел и, думаю, Ты найдёшь в нём что-нибудь хорошее.

Зверушка, приезжай! Это даст Тебе ещё одно положительное: посмотрев на Матвея, Ты будешь более объективно и спокойно смотреть на Вадима. Вот я прихожу домой в семь часов. Матвея нет, он приходит без 20 минут девять и говорит, что сейчас он уходит в кино, а бабушка сообщает, что ушёл он «болтаться» в половине пятого, оказывается, у какого-то приятеля слушал заграничные фоксы [*фокстроты?*]. Он должен играть Сергея Тюленина и ничего не мог мне об этом рассказать, [*только*] что по ходу пьесы он должен подавать реплику во время еды с набитым ртом: «Значит рубать (есть хорошо) будем». Поведение его и его приятелей в классе не поддаётся описанию: кого-то загоняют в угол, кого-то дубасят по голове, с кем-то дрались. Жуть! И всё это рассказывается с весёлым зубоскальством. Сегодня ему исполнилось 16 лет, и мне так жаль, что я не смогла устроить ему праздник, но – ничего.

Может быть, судьба всё-таки когда-нибудь подарит возможность устроить праздник. Я как-то совсем не помню, чтоб для Матвея мы что-нибудь устраивали, он всегда праздновался с Ал[ександром] Матв[еевичем]⁶⁰... *Может быть, это первая часть письма: нет прощальных пожеланий, «целую», подписи.*

Н.К. 23 X 49. Родная моя, если бы Ты знала, как фантазмагоричен Твой план относительно моего приезда сейчас к Тебе.. как совершенно неожиданно Твоё очаровательное приглашение. И потом – это совершенно неожиданно и уже по одному этому трудно осуществимо. [...] И дело не в деньгах, конечно, их бы можно было найти, но в том (и этого никто не понимает), что я не могу создать себе отпуска, у меня его не бывает, никто мне его не даёт, и к этим 160 р[ублям] мне надо прибавить те 500–600, кот[орые] я непрерывно должна зарабатывать. И при том ещё [надо] учесть невозможность оставления Н[адежды] Е[вгеньевны] на весь наш большой дом, когда сейчас все в сборе и когда так много дела. Твоё письмо застало меня в невероятном аврале. За неделю спала две ночи, две –совсем не ложилась, а остальные – только прикладывалась: должна была делать рисунки для пригласит[ельного] билета, программы и обложку для празднования юбилея Геофизической обсерватории.. всё срочно, напряжённо и потому неприятно. (А теперь ещё неизвестно, кто и когда заплатит за этот аврал.)

Кроме того, у меня заключено ещё два договора на обложку и рисунки для Академии наук. [...] Нынче за лето я смогла к Алёне в Финл[яндию] только на три дня выбраться. Я завидую всем людям, которые могут ежегодно ну хоть две-три недели проводить для себя и без мысли о прогуле. Я сейчас прямо отравлена этой обязанностью зарабатывать.. да и куда деваться от этого!

[...] Я греюсь Твоим горячим желанием повидать меня и перечитываю Твоё письмо, но слова «брось всё и приезжай» заставляют грустно улыбаться. [...] Работа; дом; Никитино здоровье (постоянно мы с ним должны ездить на анализы, консультации etc.); занятия в ЛОСХ'е – круговорот, из которого я не умею вырваться. И только как утешительные и целебные блёстки – концерты в Филармонии. Была уже на трёх со дня её открытия и 25го пойду слушать орган.

Н.К. 31 X 49. [...] Рада за Твой тихий домашний отпуск.. книги, домашние дела.. если бы у меня мог существовать «отпуск», я бы его хотела именно так провести, не делая над собой никаких усилий в смысле сборов, отъездов, новых встреч etc. [...] Юлич, я почти не читаю.. немного читаю в трамвае и на сон, но сон у меня начинается так поздно, что уж тут остаётся. Видно, так и не успею прочесть целого ряда класс[ических] произв[едений], которые в молодости отложила до более «спокойного» времени, и современную литературу,

которую хочется знать. Сейчас читаю Г. Фаста «Дорога свободы». Читала ли Ты «Это было под Ровно» Медведева?

Юлич, в день рождения я неожиданно купила себе подарок – ноты «Романсы Шапорина на слова Пушкина». Среди этих песен «Заклинание», романс, который неизменно сидит у меня в голове, непрерывно поётся внутри, но который так труден, что я не пробовала даже разобрать аккомпанемент и хоть приблизительно обучить мелодии Ладу. Эта вещь такая страшная и красивая, что я давно ещё, услышав её на концерте, была ею заинтригована. Если доведётся, послушай внимательно.

Зосенька не была у нас 26го. Забыла об этом дне и была смущена этим, глупенькая. Я её утешила. [...]

Ты так верно сказала о Е[лене] Эм[ильевне]. Я действительно потеряю с ней [Е.Э. Разумовская уезжала на два года в Якутск.] опору и прикрытие. Хотя мы с ней так мало, так редко виделись последний год.

Н.К. 28 XI 49. Родная моя, дорогая Юлич! Мне хочется поздравить Тебя в Твой день без опоздания. [...] Шлю Тебе все лучшие и крепкие пожелания.. обнимаю горячо и так хочу побыть.. поговорить с Тобой. [...]

Вчера пришлось быть [*несмотря на срочную работу*] на траурном митинге и похоронах крупнейшего нашего художника и просто моего сверстника по Академии – К. Рудакова. Было очень грустно.. ко всему митинг происходил в Циркульном зале Академии, и, как это бывает, остро и мучительно одолевали всякие воспоминания, связанные с этими стенами, и чувствовалось, сколько страниц жизни перелистнулось так быстро и безвозвратно.

... Ты знаешь.. так ведь бывает...

А потом вечером пришла тётя [*Екатерина Петровна Ивашиёва*], и я с ней часа два-три разговаривала на всякие несущественные темы.. потом Вадим появился с товарищем.. всё это не давало работать. Сегодня с утра рисовала какого-то возмутительного червя для Ак[адемии] наук и сейчас иду туда срочно. [...]

Вадим в новом романе. По этому поводу даже чуть-чуть подтянулся в школе. В субботу даже пятёрку принёс. Разоряет меня на театр, куда сообразно вкусам своего предмета наповадился ходить. Или они идут в Эрмитаж. (Девушка, очевидно, серьёзная, и хоть это меня утешает.) Но как я всего этого боюсь и не хочу вообще.

Н.К. 28 XIII 49. [...] Шлю Тебе самые ласковые приветы. Хочу Тебе здоровья, спокойствия (и знаю, что это почти неосуществимо) за девочек, радости от Матвея, пиастров, пиастров и хорошей встречи Нового года. Как Ты его встречаешь? У меня уже предвидится огорчение.. Вадим предупредил, что он дома не будет встречать.. он приглашён всё той же девушкой на встречу. [...] Уж поскольку заговорила о Вадиме, скажу ещё, что школь-

ные дела его нынче лучше, чем в прошлом году. Нет-нет – пятёрку принесёт, а двоек вообще нет. [...] Но и в этом есть для меня горечь: сама я не умела заставить его заниматься.. пока сам он не счёл этого нужным, или, м[ожет] б[ыть], это не понадобилось в честь «дамы». [...] Выглядит он отменно: купленные на свой заработок брюки и прекрасная куртка, сшитая бабушкой, (всё чёрное) сидят на нём великолепно. Он и с одеждой успел так избаловаться, что сладу с ним нет. [...]

Я Тебя очень-очень жду и хочу видеть. Помнишь, Ты говорила, что с началом нового года опять возникнет билетная возможность... *Как служащая железной дороги Ю.Ф. имела право бесплатного проезда по железной дороге раз в год.* К студенческим каникулам сможешь Ты выкроить недельку-другую? Милая моя! Приезжай.

1950

Н.К. 21 I 50. Дорогая моя Юлич, [...] глубоко огорчена Твоим состоянием, болезнью, грустью, всем тонусом его. [...] Родная, как можно тщательнее отнесись к себе.. чтобы не на полтора года хватило Тебя! Как можно так говорить? Ту будешь долгие-долгие годы ещё нужна и девочкам и Матвею, как бы самостоятельно они ни жили и куда бы они ни уезжали. Такая Мама [*Подчёркнуто Н.К.*], как Ты – особенно. И потом, мы с Тобой тоже должны пожить вместе, когда разбредутся детёныши, мы будем ходить слушать музыку, читать и много разговаривать. Как я много ещё не читала! Всё откладывала, не хватало времени.. сперва потому что слишком полна и интересна была своя жизнь, а потом – потому что стала слишком трудна, хлопотлива и утомительна. [...]

Сегодня забегала Люсенька по делу. Я очень рада: мы идём с ней на концерт Г. Виноградова в Малый зал. Знаешь, последнее время я безбожно кучу в смысле музыки. Рихтер в Л[енингра]де – и я не в силах пропустить ни одного его концерта. Как играет! А тут ещё вот и Виноградов, а на днях – опять мой абонементный концерт. Плохо то, что нет времени, и каждый поход – в ущерб работе или, вернее, за счёт сна... [...]

Н.К. 13 II 50. Как я жду Твоего приезда! Мы непременно пойдём в Филармонию. Это лучшее место на свете. Я только там, кажется, ощущаю себя человеком.. не думаю о своей несостоятельности.. обо всём наболевшем. Я ведь измучила себя укорами. То, что не могу выбраться на поверхность, не могу вернуться к творческой работе, не справляюсь с жизнью и вишу на волоске в ЛОСХ'е – всё это переполняет меня мраком и ощущением обречённости. [...]

Утешаю себя тем, что я никогда не отдыхаю, что я ни разу за девять лет не была в отпуске, что, если бы я отдохнула, как все, я могла бы опять нормально трудиться. А, м[ожет] б[ыть], это не так, просто я хватаюсь за это объяснение с горя.

Не пиши мне ничего об этом. Я сказала это всё нечаянно.

Н.К. 22 II 50. [...] Последние полторы недели и особенно эти дни прошли у меня в очередном и очень трудном аврале. Две ночи я почти не спала.. надо было сегодня сдать две разные работы: приятную (и красиво получившуюся) обложку для нот «Старинная танцевальная музыка» и адрес одному маститому ихтиологу от Акад[емии] наук. С этим последним я очень беспокойно и напряжённо возилась. [...]

Что нового, моя дорогая, относительно сроков и возможностей Твоего приезда? Я жду письма от Тебя, как всегда, нетерпеливо.

Хотела ещё в прошлом письме спросить Тебя, не читала ли Ты книгу Бородина «Дмитрий Донской» (Изд[ание] 49 г.). Мне очень нравится и язык и вообще вся форма. – А потом, не помню, откликнулась ли я на Твою уже давнишнюю фразу в письме о слышанном Тобой концерте Аренского. Это чудесный концерт, вернее – Фантазия для ф[ортепьяно] с оркестром на тему «Рябинушка», и играет её обычно Мария Гринберг, пианист, которого я ставлю наравне, а, м[ожет] б[ыть], и выше Рихтера. [...]

Н.К. 3 V 50. [...] Вчера вечером пришла ко мне М.Н. Орлова, м[ожет] б[ыть], помнишь это имя – художница-гравёр, с кот[орой] мы вместе кончали Академию. Зашла, вернувшись из двухмесячного пребывания в «доме творчества и отдыха», места, куда было отправляли и меня. Её рассказы о невероятно напряжённом темпе работы всех художников, живущих там: чуть ли обязательном восьмичасовом «творческом» дне со всякими отчётами, просмотрами и обсуждениями продукции, о том, как идёт и кипит у людей работа и как ей самой пришлось там мобилизоваться, уставать и отчитываться, меня и взволновали, показав лишний раз застойность и невылазное болото, в которое я попала, и обрадовали меня, что избежала этой участи, которая мне просто была бы сейчас не под силу... А я думаю отказаться от скромного труда зарисовщика в Акад[емии] наук, чтобы переключиться на более квалифицированную работу! А на самом деле, ведь так мало творческих возможностей, что мне вот вчуже страшно стало за то, что бы я делала, если бы попала в такую творческую «фабрику». Неизвестно, стоит ли мне ещё топорщиться. На днях секция наша снова сделала «демарш» в отношении меня.. выдвинув меня в качестве кандидата на книжку в одном из ведущих Лен[инградских] издательств.. пойду туда завтра, но не уверена в своих силах. [...]

Н.К. 27 V 50. [...] Так бы мне надо побывать одной! Я писала Тебе, что мне предстоит «командировка» от ЛОСХ'а, т.е. работа по подготовке к выставке. (Для меня это совершенно обязательная вещь.) Затем за мной на лето большая и ответственная книга для Литиздата и, что особенно важно, с гравюрой на дереве. А ещё я получила заказ на оформление Сборника песен в Музгизе. И тут тоже много работы. Теперь я могу отказаться от рисования жуков и пр[очего], и это, конечно, очень приятно, но зато всё предстоящее мне требует

внимания, вдохновения и большой творческой выдержки. А лето вступает в свои права.. опять мой цветочный календарь на рояле отмечает быстрый ход его.

[...] Ты мне долго не отвечала на последнее письмо. [...] М[ожет] б[ыть], Тебя сейчас отвлекают огородные дела.. ведь, наверное, опять вы сажаете? [...] Мне очень хотелось бы всё-таки побывать у вас осенью, но это будет возможным, только если я полноценно поработаю всё лето.. а на это у меня мало надежд. Что же, когда мне хочется только или спать или слушать музыку...

Получила вчера от Кати открытку, которая опять оставила во мне какую-то оскомину. Зачем она мне всё это пишет? Какие-то полуприглашения Лады в дом отдыха с Гулей, и тут же серия «но» и всяких оговорок и всяких сетований на трудности. [...]

Н.К. 19 VI 50. [...] Н.К. пишет о планах на лето. [...] Энергичная бабушка поехала в эскападу (я уже была больна к этому времени), т[ак] к[ак] почему-то нас привлекла платформа «Фан-дер-Флит», которая под таких архаическим названием до сих пор существует по Варш[авской] ж[елезной] дор[оге], то туда Н. Евг. и отправилась, к счастью, с Нат[алией] Серг[еевной] [Яхонтовой], которая тоже заинтригована нашим планом. И они там наняли два класса в чудно стоящей в парке школе. [...] Мне хочется думать, что я попаду туда хоть на 10 дней.. но предстоят такие авралы, что это может и не получиться. А на короткий срок туда не стоит ехать. Дорога стоит 25 р[ублей]. Ещё не знаю, как я успею поработать на эту «дачу». Стоит она 400 р[ублей]. [...]

Н.К. 24 VII 50. [...] Здесь я «отдыхаю» и томлюсь этим отдыхом с непривычки уже пятый день. [...] Над. Евг. старается меня напичкать едой и бездельем, чтобы эти 10 дней сошли за месяц. Сажу на крытой каменной террасе большого достаточно безвкусного дома моего однофамильца, стоящего над чудным тихим озером. Широкая каменная лестница тремя маршами спускается к воде. Озеро, видимо, зарастает: оно окаймлено камышом и цветущими лилиями. Напротив дома – мостки и вышка для прыгунов в воду, где непрерывно с утра до вечера кто-нибудь плавает. В доме довольно многолюдно и шумно. Здесь помещается школа (мы занимаем «ех-зал» [экс-зал] – класс с выходом на эту веранду, где я сажу. Рядом два других класса занимает Наталия Сергеевна. Наверху живут учителя и служащие местного совхоза, устроенного на базе этих бывших помещений и угодий. *Далее – о том, как проводят время Вадим, Никита, Лада.*

Взяла с собой краски и карандаши, но так не тянет работать.. не хочется ни о чём думать. Читаю (Федина) и чиню бесчисленные дырки на штанах и прочем. [...]

Не осуждай этот наш grand train [фр. – *высокий стиль (образ) жизни*].. я чувствую, что здесь много нелепого и, конечно, это форс-мажор, но эта дилемма лета для Никиты и Лады томительно висела над душой.. второе – это моя потребность побыть одной хоть немного.

[...] Если б не моя болезнь и прорыв материальный из-за этого, то мы бы справились благополучно с этой антрепризой. Теперь же, очевидно, я начну зиму с долгом Н[*аталии*] С[*ергеевне*]. Брешь увеличится из-за необходимости полной экипировки Никиты.. он всё сносил и из всего вырос. [...]

Н.К. IX 50. [...] С момента приезда наша тесная шумная жизнь завертелась усиленно. Столько народу бывает, говорит, шумит, ест и пьёт, что просто голова кругом идёт. Иногда бабушка умудряется накормить 10 человек (с нами): Нат[*алия*] Серг[*еевна*] просила Надежду Евгеньевну кормить Нину [*дочь Н. Серг.*] обедом вместе с нами; к Вадиму заходят товарищи, а иногда и Лада с подругой в обеденный час придут... И всё это должно как-то уместиться в нашей комнате и не уйти голодным. И пусть, но только работать мне бывает очень трудно. Я ещё не совсем расплатилась за дачную эпопею, но, по-видимому, выбираюсь из прорыва. Но зато столько срочно нужного накопилось в моём списке «Кошке – рыбку». *«Кошке – рыбку» означало вот что: как только в доме будут деньги, кошке купят рыбку.*

[...] А у меня нынче есть абонемент в Малый зал Филармонии. Для того, чтобы ходить туда без ущемления, мне надо купить себе туфли. Ну и т.д. [...]

Вчера остановилась около продавщицы цветов на углу Невского и Караванной и вдруг на меня налетел приветственный возглас: «Наташка, девочка моя, Наташка!» и т.д. Это был Волк.. в рыжем костюме, совсем лысый – и вместе с тем тот же Волк, восторженный и неумеренный.. словом, на нас кругом все оглядывались... Он мне говорил, что я всё такая же краси.. но на этом слове он честно запнулся. Нам обоим было очень некогда, но всё-таки мы некоторое время тепло беседовали. Прощание опять было занимательным для проходящей публики. Волк.

Юлич. Ты не помнишь, чей это романс, кот[*орый*] пела Стеня: «Stell auf den Tisch die duftenden Reseden» [*нем. – Поставь на стол душистую (благоухающую) резеду...*].. он очень часто у меня внутри поётся.. он очень грустный. [...]

Н.К. 13 IX 50. [...] В общем, эта летняя эскапада была удачной. Н. Евг. даже считает, что и она отдохнула и налюбовалась озером и лугами. [...] Из-за болезни и летней эскапады, вернувшись после моего десятидневного отдыха, я должна была навёрстывать. Надо было срочно заработать и, вместо того, чтобы рисовать и готовиться к выставке, и даже вместо того, чтобы кончать давно у меня залежавшуюся работу по Музгизу, я тут же набрала всякой спешной заработанной работы. [...] Не даю себе никуда пойти, ни с кем не вижусь, и только одна у меня отдушина, но и она требует большой затраты энергии: я хожу в яхтклуб. Решила для гравюры взять гонки спорт[*ивных*] яхт. Пошла посмотреть в яхтклуб, и так меня это захватило опять. И не столько для дела, для рисования, сколько само по себе, для меня,

для души.. прямо не уходила бы оттуда. Три-четыре раза уходила далеко в залив под парусом, и это было восхитительно.

Всегда мне казалось, я была женщиной своего возраста, а тут впервые мне стало досадно на то, что я не могу как все там обретающиеся молодые, ловкие и обладающие каким-то несметным количеством свободного времени люди отдавать свои дни этому изумительному времяпрепровождению.

... Город далеко, в мареве дыма, хлопотливый, тревожный, утомительный, а на воде, с отражением облаков и парусов и вех неслышно скользят яхты, иногда и не скользят, а так.. колышутся, отдыхают (я всё попадала туда в безветренные дни), и время скользит неспешно. Сумею ли я только что-нибудь сделать с этой темой... За мной уже пошла худая слава, что я умею находить прекрасные темы и потом их замораживаю.

Н.К. 14 XI 50. [...] Филармония открылась таким фейерверком увлекательных афиш и анонсов, что невозможно не идти на некоторые концерты... Я была на открытии, а теперь пойду 17го на органнй концерт. А на Гринберг и Камерный концерт Баха пока не могу себя пустить. [...]

Н.К. 26 XI 50. [...] Всё думаю о том, что надо как-то иначе переkreить и спланировать дни, чтобы снять с Н. Ев. часть работы по дому, чтобы успевать (главное) хоть немного работать творчески, чтобы успевать зашивать дырки – ничего у меня не получается. А найти такую работу, которая была бы настолько рентабельна, чтобы оставлять мне немного свободного времени – не удаётся. Вероятно, собака зарыта в том, что я всякую работу делаю очень долго. Правда, кое-какие следы этой «долгой», тщательной работы есть. Последнее время как маленькие блёстки масла на тощих щах будней мелькают приятные моменты: так результат жюри выставок промышленной графики (я там была единственным художником, у которого было принято всё, что я дала); потом полное признание в Музгизе, что сказали, что я единственная женщина-художник с настоящим стилем работы, не дамским etc.; потом ещё один протокол графич[еского] жюри, где особо отмечена высококачественность работы... Ну, словом, нахвасталась.. но, Юлич, это всё мелочи, а на большой выставке художников Ленинграда я всё-таки отсутствую. И это ужасно. Так ничего и не успела сделать! [...]

Видела Наташу М[аленькую] на чудном концерте М. Гринберг. Юлич, я всё-таки была уже на семи концертах в нынешнем году. Как это чудно!

Н.К. 28 XII 50. [...] Будет ли у Тебя на этот период [к Новому году] интересная книга? Я буду очень с Тобой мысленно. Сейчас перечитываю (по ночам) «Хождение по мукам» и совсем по-иному, чем прежде, принимаю эту книгу. – Я не видала «Скандала в Клошмерле», но готова присоединиться к Твоему мнению об этом фильме, потому что вижу по людям и их разноречивым мнениям, что мне бы понравилось. Все люди с культурой и ис-

кушённостью говорят об острой и тонкой сатире, французской типичности фигур и т.д. А вчера пошла с бабушкой на «Далеко от Москвы». Хорошо, но очень урезан Ажаев. [...]

1951

Н.К. 1 III 51. [...] Я, Юлич, сейчас особенно занята, потому что, наконец, в ЛОСХ'е меня привлекли к большой общественной работе... До сих пор мне почти ничего не поручали.. я стояла совсем в стороне от жизни Союза, и, должна сказать, меня пугало это, и огорчала такая оторванность.. так что я даже рада этому изменению. Дело в том, что у нас в секции очаровательный человек – секретарша. И она, зная и помня все мои трудности и безвременье, всячески оберегала меня, отводя все нагрузки, но обратной [стороной] этой заботы оказалась моя отчуждённость. Я думала, что уже на меня рукой махнули.. а теперь я попала в самую гущу дел, т[ак] к[ак] меня просили редактировать бюллетень нашей секции. Масса дела! Не знаю, как буду успевать потом, но сейчас трачу бездну времени, благо нет срочной работы. Правда, это «благо» тоже сильно бьёт...

Н.К. 19 IV 51. [...] В ЛОСХ'е я по-прежнему загружена работой и варюсь в самой гуще событий графической жизни... Зато дом в забросе. Во вторник должна читать пространный доклад на нашем семинаре.. вот к этому готовилась в ущерб заработной работе и всем домашним делам... [...]

Н.К. 29 IV 51. Дорогая моя, хочу сейчас же, в вечер праздничного дня написать Тебе... [...] Последнее время я всё живу в прорыве.. не успеваю сделать к сроку работы.. тороплюсь, нервничаю и как-то особенно медленно и неудачно работаю. Четыре разных, в разные места задания случайно столкнулись в один срок.. и все мешают друг другу, а я хватаюсь то за одно, то за другое дело, и всё это выходит и утомительно и нелепо. Вот и к этим праздничным дням мне некогда было и подготовиться.. до последнего дня всё лежало на одной Н. Ев. Наконец, в субботу вдруг выяснилось, что можно отложить сдачу работы до «послепраздников», и я, вздохнув свободно, принялась за уборку, покупки и проч[ую] возню. Устала очень, но хоть немножко привела всё в порядок.. а вечером пришла Люсенька (она ещё утром звонила, что зайдёт за лопаткой, так как сегодня предполагала поехать в Гатчину).. я была ей очень рада.. спекла им маленький куличик.. вечером посидели-поговорили о её новых планах на лето.. [...] потом она, узнав о том, что мне ещё предстоит мыть кухню, с готовностью и решительностью отправилась мне помочь в уборке.. и это было так мило с её стороны. Ах, Юлич, меня так возмущают невниманием ко мне мои мальчишки.. так они мало и неохотно помогают мне, что такое отзывчивое движение трогает меня до глубины души. Ну, словом, день прошёл, и я присела за работу. Завтра должна очень много сделать, чтобы 4го–5го сдать её. [...]

[...] Да! Юлич, я не написала Тебе, что 24го я читала доклад в ЛОСХ'е (в нашей группе марксизма), и всё получилось очень хорошо.. теперь опять на значительный срок установится мнение, что я «умна и эрудит». А моя обществ[енная] работа продолжает отрывать у меня массу времени, но и доставляет мне много оживлённых и интересных моментов. Вчера очередной номер выпущенного нами бюллетеня подвергся жестокой критике, с которой я согласна. Дело в том, что мне не удалось, хоть я и старалась, смягчить тона [Так у Н.К.!] двух редакционных статей.. со мной спорили.. мне пришлось уступить... А теперь нас укоряют в грубости и etc. Правда, говорили и о заслугах в нашей работе. А «мы» – это художник [Ю.П.] Мезерницкий [1907–1971], [М.И.] Разулевич [1904–после 1980] и я. Мезерницкий, которого я считала всегда очень резким и иногда даже «хулиганским» человеком, сейчас прельщает меня умом, живостью мысли, решительностью и горячностью. Но я из своей тихой заводи и полного молчания попала неожиданно в деловой и буйный круговорот. И дома, и в работе из-за этого целая куча недоделок и срывов.

Юлич! Вложу в конверт для примера регулярно мной получаемую программу концертов.. это, действительно, очень культурно выглядит. – Должна Тебе сказать, что только что прочла Чапыгина «Степан Разин». Читала с интересом. Красочно и полнокровно, но в нескольких местах можно возразить автору. Ты читала это? [...]

Н.К. V 51. *Экзамены мальчиков и связанные с этим волнения.* [...] Всё это на фоне длительной и утомительной конференции в ЛОСХ'е с затяжными заседаниями, работа, которая так нужна и так утомительно ответственна, и так медленно двигающаяся, и, наконец, во всё это встрявший огород, который стал пережитком, но в который я всё-таки ввязалась, чтобы не потерять (на всякий случай) полученный с трудом в прошлом году участок. [...]

Н.К. 25 VI 51. [...] Опять роковым образом сгущаются мои обязательства по отношению к ЛОСХ'у. Надо рисовать, надо гравировать, а когда? как? – Не знаю. Ведь непрерывно надо делать какую-то заработную работу. Сейчас, правда, мне удалось немножко загнать «гонорар», но всё же это не такая сумма, которая бы мне позволила сделать перерыв, отказаться от какого-либо следующего рабочего предложения. Сейчас мне пришлось делать по предложению Торговой палаты рисунки брошек для «Ленэмальера». Мне казалось, что это очень лёгкое и простое задание.. но оказалось, что и над этим пришлось много думать и менять эскизы. А мне так хочется ни о чём не думать.. хоть неделю. Почитать.. послушать музыку...

Н.К. 13 VII 51. [...] 9го уехала отсюда Гуля. Ехала в Москву, но почти плакала, отрываясь от Л[енингра]да. У неё тут много хорошего, любимого, весёлого и молодого остаётся.. впереди «будни» и «Москва», которую она любит гораздо меньше Л[енингра]да. Я её уговаривала устраиваться на археолог[ические] работы в районе Великих строек. Эта воз-

можность у неё была. Но Катя, кот[орая], конечно, наскучалась без дочки, прочила ей работу где-то в Библиотечном инст[иту]те в Москве, где хотела потом добиваться [для неё] аспирантуры. [...]

Н.К. 25 VII 51. [...] Мне так нужно быть сейчас хоть сколько-нибудь спокойной и свободной, чтобы, наконец, хоть что-нибудь успеть сделать для своего ЛОСХ'овского существования. [...]

Н.К. 10 VIII 51. *Вечером 6²⁰ из Чкалова приехала Вера Петровна.*

Очень худенькая старенькая мама! Но ходит хорошо – всем интересуется, всех любит и помнит. Теперь живёт между тремя «домами»: тётей, мной и Алёной. У меня всё обстоит очень досадно в том смысле, что как раз с 1го числа я корплю над очень трудной, ответственной и срочной книгой, на которую особенно в период эскизов приходится тратить всю себя. Хочется побыть с мамой хорошенько.. поездить, походить, поговорить, а всё приходится переступать её тётё и Алёне. Мама думает уже числа 18–20 ехать обратно в Ч[калов]. Как это ни грустно! [...]

Н.К. 11 IX 51. *Брат Матвей поступил в Горный институт. Мама надеялась, что Мария Степановна⁶¹ сможет дать ему пристанище. Этой возможности у неё не было, и она сама приехала сообщить об этом Н.К.*

[...] Теперь, когда случается соприкоснуться с человеком, который всё так любовно и горячо помнит и хранит в сердце и с которым этих общих милых сердцу кусочков прошлого много, – так это приятно бывает. [...]

Н.К. 12 X 51. [...] Последний месяц я просидела, сплошь работая над оформлением интересной книги о Ломоносове. [...] Все зимние дела, ЛОСХ'овские присутствия и занятия завертелись полным ходом, а у меня никакой зарядки на зиму нет. [...]

Н.К. 24 XII 51. [...] Катя мне написала какое-то совершенно заполошное письмо.. ей пришла в голову «гениальная мысль» о том, что я должна сейчас приехать в М[оскву], у неё 10 дней неиспользованного отпуска, «и потому – кати»! Как будто я свободна вообще и могу в любой день и час ехать отдыхать, благо она свободна. Мне, правда, очень хочется куда-нибудь.. я уже чувствую, что поросла мхом, но не могу же я всё бросить. [...]

Н.К. 28 XII 51. [...] Юлич, прости, что пишу карандашом: Никита унёс куда-то чернильницу. [...] Хочу для Тебя спокойных дней и блёсток радости. Видишь, как я скромно выражаюсь.. но я привыкла к тому, что удачи и радости вот так.. поблёскивают, а не разливаются долгим и радостным светом. [...]

1952

Н.К. 1 I 52. Дорогая моя Юлич, пишу Тебе под свежим впечатлением милого новогоднего визита. Это было поздравление in corpore, и я была рада повидать всех Твоих

троих сразу. [...] Девочки от меня направились в оперу. [...] Все были (или по крайней мере казались) в хорошем настроении, и наше чаепитие было уютным и праздничным.

Мы встретили Новый год очень скромно. [...] Но ёлочка на рояле стоит очаровательная. К тому же нынче у меня замечательный цикламен, давно уже купленный с крошечными бутонами. И расцвёл он чудно, и цвет оказался самый мой любимый светлый, нежно-розовый. И сегодня на нём уже три цветка. [...]

Н.К. 2 III 52. [...] Теперь хоть коротко скажу и о себе. Всё время много работы.. как-то медленно я её делаю. И за это время одна работа оказалась особенно трудной, и я с ней как-то не справилась. Это книжка в «Советском писателе». Мне как раз очень хотелось зарекомендовать себя там, и вот заставки и титульный лист вышли, а с обложкой до сих пор всё не утряслось. Редактор забраковал эскиз. А я на него потратила очень много сил и времени и теперь совсем не знаю, как переключиться на что-то другое. Вообще у меня в связи с этим беспокойно и неприятно на душе. – За это же время ещё несколько работ было, но с ними всё пока благополучно, но всё спешно, всё как-то одно за другим перекрывается, и нету ни дня, ни часу [*Подчёркнуто Н.К.*] для себя.. буквально. Очень много берут семинарские занятия в ЛОСХ'е. Опять возобновилась работа в газете, и это уже совсем не знаю, из какого времени выкроить.

Н.К. 18 III 52. [...] Сейчас целую неделю прохворала. [...] Хорошо, что хоть самую срочную работу успела сделать; но мне просто нельзя болеть: сразу намечается экономический прорыв... С другой стороны, я с удовольствием поспала и почитала. Ты спрашиваешь, кстати, о книгах.. напишу, как только буду иметь ввиду что-нибудь интересное, а сейчас, Ты знаешь, как мне чудесно повезло! На эти дни была у меня «Сага о Форсайтах». Я её чудно просмаковала. Читала в далёкие времена и сейчас всё заново воспринимала. [...]

Н.К. 21 V 52. [...] Как ни странно, но вот уже только теперь, «на склоне лет», у меня возникли какие-то связи с людьми (в ЛОСХ'е), с которыми, встречаясь десятилетиями, мы оставались почти незнакомыми. Но сейчас у нас там, в Союзе художников, какая-то тягостная атмосфера.. много несправедливого делается.

Я Тебе писала о предполагавшейся выставке Ленинградских графиков? Она, к сожалению, отменена. Но я удовлетворена уже тем, что у меня семь работ принято на эту выставку. Мне надо было хоть самому узкому кругу лиц сказать, что я что-то делала. [...]

Н.К. 29 V 52. *Мы с сестрой окончили университет, точнее сдали последние экзамены.* Мне нужно с ними [*с Люсей и Зосей*] заранее стовориться, потому что хотелось бы отметить это соответственно. У меня сейчас сравнительно свободные дни (и как всегда к ним отвратительно примешивается тревога за непременный прорыв в бюджете, если затянется этот «отдых»). Всяких дел, конечно, много и по дому, и по ЛОСХ'у. Там надо ещё один но-

мер газеты выпустить и потом ещё ряд и деловых, и просто неприятных заседаний предстоит. [...]

Н.К. 20 VII 52. [...] Этот месяц мне вообще трудно успеть в работе: я заменяю сейчас худ[ожника]-консультанта в Торговой палате, то есть четыре раза в неделю по три часа должна там быть. [...]

Н.К. 13 VIII 52. [...] Пишу «контрабандой» на «службе» и потому торопливо и странно. Сейчас нет никого из моих «клиентов»-художников, но каждую минуту могут оторвать [от письма]. [...] Одно из утешений моих здешних часов – это то, что стол стоит у большого зеркального окна на Неву, против Меншикова дворца, и я люблю реку и небом и оживлённым ходом лодок, катеров и пароходов. [...]

Н.К. 19 IX 52. [...] У меня всё также мало удовлетворения своей деятельностью.. и многое в связи с этим так страшно, что живёшь, пряча голову под крыло, и работой, музыкой или книжкой мешая себе думать о всех своих несостоятельности. Опять начинается бурная жизнь в ЛОСХ'е.. а мне туда так не хочется идти. Дома не всё ладно: Вадим попал в Боткинскую больницу по подозрению в дифтерите. Этого не оказалось, но его держат там в изоляторе с его ангиной.

Н.К. 14 X 52. [...] Мама давно ждёт встречи с Люсенькой. Её жизнь тут пока не устроена. Всё ещё тянется дело с пропиской, и не знаю, дойдёт ли всё до благополучного конца. Мама базируется на тётину квартиру, но через день-через два проводит у меня, сидя с каким-нибудь шитьём у меня под боком. Вечером часто бывает у Алёны. Словом, бродит. А в наши невероятно дождливые и хмурые дни это не так уютно... – Завтра иду с ней «открывать» филармонию Бетховенским концертом Гринберг. Вообще «зимний сезон» вступает в свои права: уже начались занятия в ЛОСХ'е. С тех пор, как роковой вопрос с выставкой для меня несколько рассосался, хожу туда без тяжёлого ощущения дамоклова меча. Мальчики тоже втянулись в свою учёбу. [...]

Н.К. 25 XI 52. [...] Маму, наконец, прописали на три месяца, можно отдохнуть от этой гнетущей заботы. Нет! Но Ты представь, какая незадача! Вчера, вернувшись домой с занятий, села срочно и напряжённо работать на всю ночь: надо было закончить к 12 утра марку и ехать её сдавать... Перспектива ночи и перегруженного дня скрашивалась предстоящим завтра интересным совещанием в Русском музее, а главное (!) – удачно, с трудом раздобытыми билетами на два концерта Рихтера, на которого теперь стало просто невозможно попасть. Так что весь остаток недели должен был быть таким интересным! И вот – представь себе: после добродетельной и напряжённо проведённой ночи.. утром вдруг заболел нос и началась опять моя «рожа». Всё-всё пропадает. И вот сижу и грущу. Болит нос. [...]

Н.К. 25 XI 52. [...] Рада очень Твоему отзыву о Гульке. Она действительно прелесть и свет. [...]

Н.К. 27 XI 52. [...] Скучаю без Вадима, который из-за карантина в своём училище уже третью неделю не показывается. Скучаю ещё и над своей работой.. рисую раковины, от которых нельзя было отказаться, а из-за этого пришлось отказаться от (уже двух) книжек. Я совершенно не умею выбрать и рационально спланировать работу.

Юлич, напиши, пожалуйста.. может быть, Ты не пишешь оттого, что заскучала очень после этой поездки? Не надо, родная.. всё образуется. Целую крепко. Н.

1953

Н.К. 10 III 53. Юлич моя родная! Не сердись на меня! [...] Сама не могу уяснить, как это я так долго затянула ответ. [...] За рядом спешных дел, трудностей, неурядиц, затянувшимся безденежьем и беспокойством.. перелистнулось несколько страниц жития без рассказа Тебе о них, и мне самой это было очень скучно. [...] А теперь.. эта неделя, которая своей мрачной напряжённостью и страшной значительностью перекрыла все мысли и все впечатления. Прекрасная и тяжёлая музыка наполняла всё. До поздней ночи и дома, и на улице, над Невой, над мостами слышишь, не прерываясь, траурные мотивы и музыкальные произведения, которые страшно редко всплывают... Плач Танеева так и стоит у меня в голове... Теперь опять переход к деловым дням...

[...] Декабрьской усиленной работой и испорченной биноклярной лупой, которой мне приходилось пользоваться для серии заключительных рисунков, я сильно переутомилась и испортила себе глаза. Они долго болели у меня. Надо бы сделать перерыв в графической работе. (Тогда это было ещё возможно.) После Никитиных каникул поехала в Москву.. Катя давно настойчиво звала меня, и надо было посмотреть выставку 52го года. Там, в Москве, всё – сумбур, пёстрые впечатления, калейдоскоп прекрасного, значительного с ничтожным и иногда провинциальным.

Катя! Её гостеприимство (в котором тоже смесь трогательного внимания и каких-то хозяйственных нелепостей и неувязок) – это ряд анекдотов, кот[орые] так рассказать трудно.. разве что при случае. [...] Приехала к каникулам Вадима, [они] повели к большим расходам. Купили ему (правда, он вложил в это свою стипендию тоже) громадный, толстый, дорогой свитер.. а до этого – туфли (он свои казённые сносил совсем, досрочно). Да и вообще всё времяпровождение шло и безалаберно, и с тратами. Вот я и выбилась из колеи.

За этот период отказалась от одной работы: боялась её мелкости и утомительности. А другой работы долго не подворачивалось. И та, которая, наконец, подвернулась, оказалась такой бесконечной, трудоёмкой и нерентабельной, что я теперь буду в длительном экономи-

ческом прорыве. Я делала цветной ковёр на тему «Лукоморья». Вышло красиво. Всем нравится. Мне даже жалко отдавать его Торговой палате. А заработка – никакого.

Теперь надо начинать две другие работы, но обе неинтересные и, боюсь, опять трудные для глаз.

Большим гнётом была для меня предстоявшая к концу февраля прописка мамы. Срок прежней, с трудом полученной, кончался 20 II. Два дня целиком провела в разных инстанциях, и, к счастью, это увенчалось успокоительным успехом. Живёт мама по-прежнему у тётки, [...] и очень часто они ходят с тёткой по лекциям, концертам, кино. [...] Алёна часто мечтает стать старушкой, чтобы успевать бывать в Эрмитаже и на концертах. [...]

Сегодня узнала о смерти Прокофьева. Видимо, в газетах этого не было. Он умер в тот же день.. 5го. И потому это не получило никакого резонанса. Жаль. Недавно я слышала его последнюю Седьмую симфонию в Филарм[онии]... Кажется, каждый бы день ходила туда. И, хоть сейчас мне это совсем не по возможностям, взяла билеты на два концерта. Тут сегодня в Русском музее открытие выставки-филиала Третьяковской галереи. Шла туда и вот нечаянно завернула в Филармонию. [...]

Н.К. – Люсе. 10 III 53. В Томск. [...] Я делала цветной ковёр (рисунок для сплошной вышивки) на тему «У лукоморья дуб...». Кот вышел таинственным и сказочным. Вообще всё получилось красиво. Но времени ушло на это ужасно много. Мне жаль, что пришлось отдать заказчику этот рисунок. [...]

У нас тут сейчас в ЛОСХ'е выставка графики и книги. Очень хорошая, хоть и небольшая. Всё лучшее за последние пять лет, а в Русском музее сегодня открылась выставка «Филиал Советского отдела Третьяковской галереи». После этого сюда приедет большая Московская выставка за 1952 год.

Дома, если не считать «бедности», всё благополучно. Маму, наконец, «постоянно» прописали. Н[аталья] Евг[еньевна] по-прежнему хлопочет. Вадим в разгаре своего романа с Верочкой. У Никиты – «голова набекрень» из-за нового великолепного велосипеда, купленного за счёт продажи старого и его долголетних накоплений. Он совершенно одержим им.

Люсенька, пиши. Всегда хочу знать о Тебе. Целую Тебя и пересылаю привет от обеих бабушек.

В.П. Фандерфлит. 11 IV 53. Дорогая Юлия Фёдоровна, поздравляю Вас с днём рождения Зоси и Люси, радостей в жизни желаю Вам и им, радости у вас ведь общие. [...] Часто ли пишет Люся, спокойны ли Вы за неё? Какая она чудесная девушка, такой смелый и крепкий человек, она очень на Вас похожа и потому, верно, Наташе так близка: Вы-то ведь её самый глубокий друг. [...]

Н.К. 14 IV 53. [...] Был у меня тут чудный период непрерывной Филармонии.. подряд шесть концертов, один другого изумительнее... Но сейчас и в этом смысле [*как и в работе*] скверный перерыв. [...]

Н.К. 28 V 53. Словом, впервые за последние годы я живу с долгом, из которого никак не удаётся выпутаться. Много времени уходит на художественные советы. А это, хоть и лестно (я в двух издательствах), но совсем бесплатно.

[...] Жду от Тебя письма. Наверно, Ты и о Кате напишешь пару слов. Она тут у меня была в очень хвастливом настроении. [...]

Н.К. 22 VIII 53. [...] Опять как-то глупо сложились обстоятельства. Взясась за книжку, которую надо было кончить к 15^{ому}... Из-за этого отказалась от других работ.. а мой партнёр по книге как-то задержал работу. Теперь и эта работа не сдана и не оформлена. [...] Утешаюсь феерическим букетом на рояле. [...]

Н.К. 2 X 53. [...] Вообще кругом одни проблемы [*беспокойство о романе Вадима, об учёбе в 10 классе Никиты, о маме*]. А мне так хочется начать лето сначала и ещё не приступать ко всем зимним вопросам, работам, занятиям, заседаниям etc. И несостоявшийся отпуск (в смысле временного одиночества) тоже не подготовил меня к зиме. Из всех зимних возможностей жду и хочу только Филармонии.

[...] Жалела о том, что не случилось ей [*Люсе*] посмотреть выставку Индийских художников. Она бы её не пропустила, будь она в городе. *Сестра была в экспедиции*. Очень интересные там вещи были. И в Эрмитаже, вдоль Зимнего висячего сада, всё это было очень красиво расположено. И как красив был город всё это время. Розовая дымка над Невой. Осенние деревья этой дымкой подвечены как-то особенно ярко и мягко... Я всё ловлю моменты, чтобы пройти пешком и полюбоваться городом... Только сегодня всё захмурилось и размокло в дожде.

[...] Юлич, не сказала Тебе о нелепости, смешной, трогательной и дикой: я получила «предложение» в мои 52 [*года*]. Нет, Ты подумай, какая бессмыслица!

Н.К. 27 XI 53. [...] А у нас тут за это время совершился переезд Мамы на самостоятельное житьё. Приехала Катя.. к этому дню уже определилась возможность найма половины комнаты у одной старой женщины (на Фонтанке). Чужой, но довольно приятной гражданки. Мама с тётей там были.. договорились.. но, когда я перевезла мамины вещи, чтобы устроить её, мне стало ужасно грустно за неё.. за всю эту нелепую и неприемлемую ситуацию.

Убогая, чужая, чужая комната.

Пусть хоть мама и будет там только ночевать (днём она или у меня или у Алёны).. но это не устройство, конечно. Стоит ей захворать – и неприемлемость этого поселения станет очевидной. Я всё время хожу угнетённая всем этим [...].

Все эти дни с Твоего отъезда я очень мало, неусидчиво работала и очень много ходила по всяким делам.. советам.. собраниям etc. [...] А вчера был дурацкий разговор в Ун[иверсите]те.. предложили делать адрес, вызвали туда и (!) начали самую неожиданную и неприемлемую торговлю по поводу стоимости моей работы. Я просто не знала, как кончить этот диалог. Хотела уйти.. не отпускали, снова возвращались к тому, как трудно собрать эти деньги и т.д. Никогда не встречалась с такими заказчиками. Отказалась.. ушла.. а вечером этот представитель приехал к нам домой (!) опять обсуждать этот адрес и сумму. Возмутительно. Не то, что они мало платили, а то, что, соглашаясь на эту минимальную плату, ещё говорили о том, как трудно им эти деньги создать!

Теперь, *post factum*, я рада, что была определённа и не сдала своих позиций. Меня и так часто корят, что я не дорожу своей фирмой.

[...] Завтра иду на мессу Баха в Капеллу. [...]

Н.К. 16 XII 53. [...] Мама на днях переезжает на новое место. Удалось найти очень близко подходящую комнату. От меня это в 10 мин[утах] ходу.. и от Алёны – минут 15. Всё, всё это нелепо. Но пока иначе никак не устроиться. Сегодня она целый день пробыла у нас. Сидела уютно и шила.

[...] Никита всё мечтает о поездке в Москву. [...] Пиастры я ему уже прикопила на дорогу. Помогло и то, что тут как-то мы 250 р. всё-таки выиграли. [...] – Вчера был трудный день. Всё утро лихорадочно листала философию, накануне тоже весь день занималась, и, т[ак] к[ак], конечно, времени на подготовку к семинару не хватало, то жила в неприятно напряжённом ожидании вечера. Днём должна была быть на совете.. отсюда – в ЛОСХ на семинар и отсюда с опозданием на концерт Баха в Консерваторию. Всё разрядилось неожиданно, т[ак] к[ак] оказался заболевшим руководитель семинара, и я ушла из ЛОСХ'а в Консерваторию. Там всё было очень интересно... Чудесная органистка (Н. Оксентян). И скрипки с органом были хороши. Но всё-таки совсем другой колорит концертов, чем в Филармонии.

Там уже давно не была.. всё из-за той же неприятной спешки.. М[ожет] б[ыть], теперь.. до н[ового] г[ода] смогу спокойнее работать.. хотя всё-таки надо два задания осилить до 25го числа.

Н.К. 28 XII 53. Дорогая моя! Мне хочется пожелать Тебе здоровья, покоя и радости в Новом году. [...]

А неделю назад тут была Катя (приезжала на сессию). Юлич! Знаешь, на этот раз я была потрясена её перешедшими всякие границы хвастовством и непомерным самодоволь-

ством. В первый приход сюда (при Н. Евг. и Нат. Серг.), она стала рассказывать о себе всё подряд: и важное, и бытовое.. с таким выражением упоения собой, своими возможностями, своей активностью, подвижностью, успехами etc.. что мне было неловко за неё. Как это человек не чувствует меры.

1954

Н.К. 6 I 54. [...] Юлич, моя родная и мудрая, сегодня в Твоём письме Ты (как не раз в моей жизни) говоришь, проясняя, уточняя, успокаивая, и мне как-то легче становится. Я слышу сейчас, как Ты осудила бы меня, если б могла слышать мой последний разговор с Вадимом. [...] Он был прав, сказав мне: «Всё было бы так хорошо, если б не Ты и Твоё отношение к этому» [*к его жеманности*]. [...]

Что Тебя нанесло на «Дамский мир» для чтения? Ведь это, вероятно, всё смешно и наивно до крайности. Впрочем, я сейчас читала романы и повести тоже совершенно наивные и архаические. Это Эркман Шатриан. Но, действительно, так уходишь от себя и своих будней и забот, что, м[ожет] б[ыть], для ночного чтения это и неплохо. – А на самом деле мне надо все вечера заниматься философией.. и это после целого дня так трудно... Вот опять 18го у нас труднейший семинар, и надо к нему успеть подготовиться.

Н.К. 18 II 54. [...] Вчера была в Филармонии на Вагнере. В конце вечера встретила Матвея Александровича. Был очень подтянут, мил, внимателен. Он сказал мне о своей радости с получением прав. Горячо его поздравила. И Тебя, Юлич, тоже. Матвей очень хорошо выглядит. Хороший цвет лица. Весь как-то в порядке. Говорит, что живёт приятной и культурной жизнью. Ходит в Фил[армонию] и т.д. [...] Помог мне одеться, проводил. Всё было очень хорошо.

[...] Юлич, милая. Твоё последнее письмо очень меня поддержало и помогло мне в трудные дни. Ты, как всегда, сумела найти доводы к урезониванию моих материнских огорчений и обид в отношении Вадиминого раннего ухода и Верочки. Ты помогла мне найти внутренние опоры к переходу на новые позиции... И как-то сейчас я объективнее смотрю на всё происходящее. [...] К Верочке я присмотрелась и как-то попривыкла. Она очень неглупенькая. Мило себя держала эти дни. И даже внешне была милее, чем всегда раньше. [...]

Н.К. 26 II 54. [...] А я, Юлич, веду нынче очень подвижный образ жизни сравнительно с прошлыми годами. Мои всякие общественные обязанности сталкивают меня с людьми, и редко я могу весь день проработать, как раньше, сидя дома. Благодаря этому и воздухом больше дышу, а это как раз предписывалось мне доктором. [...] Я Тебе писала, что он велел мне между пр[очим] просыпать один день в неделю насквозь [*Подчёркнуто Н.К.*], просто не вставать до следующего утра. Конечно, это не осуществимо. – Вчера окончательно сдала одну трудную работу, давно тяготившую меня, но как-то удачно вдруг получившуюся

(это на тему Воссоединения). Получила всемерное одобрение от двух художественных советов и как-то очень этим успокоена и удовлетворена.

Прочат меня постоянным консультантом по графике в Художественный фонд. Это интересно и лестно довольно, но я очень боюсь потерять свободу, и, главное, ещё меньше будет времени для своей работы. Вот весной будет выставка, а мне, пожалуй, нечего будет и дать.

[...] Юлич, когда будет сюда какая-нибудь оказия, купи для нас, пожалуйста, пачки две эстонского цикория, мы с бабушкой пропадаем без него, а здешний – горький, как хина.

Н.К. 25 III 54. *Матвей не пишет подолгу Маме, сестра, вернувшись из экспедиции, «мечется» (выражение Н.К.) между подругами и тоже не шлёт вестей в Тарту...*

[...] Твои письма, родная, полны горечи и, конечно, Твоя усталость и измотанность *Нет, причин особой усталости и измотанности в условиях тогдашней тартуской жизни у Ю.Ф., по-моему, не должно было быть: я работала на кафедре русского языка университета, её работа старшего бухгалтера шла обычным манером...* – это фон, на который особенно безжалостно и мучительно ложатся все знаки невнимания, все обиды и все тревоги.. бесконечные тревоги. Как я хорошо знаю эту вибрацию чувств, когда ждёшь.. не знаешь.. тревожишься и переходишь непрерывно от гнева и раздражения к волнению, страху и снова к возмущению...

[...] Но вот Ты в письме говоришь: «Напиши мне о ком-нибудь, кто счастлив.» И, хоть это пример легковесный, я посылаю Тебе «на посмотренье» эту фотографию. Эта «возлюбленная пара» [*Вадим и Верочка*] пока вполне довольна своей судьбой, по-видимому. Найти кого-нибудь, о ком можно было бы сказать со спокойным удовлетворением, что он счастлив, очень трудно. Катя, Ты говоришь? Ну, конечно, она во многом счастлива, благополучнее нас с Тобой.. но и у неё есть свои «но». Писала ли она Тебе о смерти Вл[адимира] Вл[адимировича]? Его очень тяжёлые последние недели и дни омрачили их с Гулей. Да и о Гуле она пишет с грустью. [...]

[...] Была на выставке чехословацкой. Очень разномастное искусство. У меня не осталось большого впечатления. А в ЛОСХ'е у нас сейчас выставка прикладного эстонского искусства. Много приятных вещей показано. Теперь, пока Никита свободен, пойдём с ним в Театр: Образцов приехал.

Н.К. 14 IV 54. [...] Знаешь, Юлич, я Тебе говорила о так странно всплывших моих отношениях с Бражн[иковым]. Сейчас переписка с ним стала для меня трудной морокой. Тон его писем мне кажется нелепым. Мои – угнетают его своим трезвым спокойствием. Но ведь это же наваждение – думать, что можно писать и говорить иначе. [...]

[...] Слыхала ли Ты два концерта французской музыки по радио? Франк, Дебюсси, Равель... Мне они дали много наслаждения. И видала ли Ты итальянские фильмы? Упомяни об этом, когда будешь писать. [...]

Н.К. 21 IV 54. [...] Какой сегодня ледоход на Неве! Я шла в Торг[овую] пал[ату], любуясь Невой. [...] Обрато шла с Наташей Э[нман]. Она теперь часто приходит в Торговую пал[ату].. любовались Невой.. разговаривали. Она рассказала, что знала о Стене (много грустных моментов), о Лиде Ген[ераловой] (тоже очень огорчительные вещи) и о всяких своих планах. Она очень рада, что теперь встречается со мной, и всегда очень ласкова. [...]

Н.К. 27 V 54. *Открытка.* [...] Юлич, что до наших писем, то, конечно, ни спокойными, ни лучезарными они никогда не будут: такова жизнь. [...]

Н.К. 20 VI 54. [...] Как-то случилось, что много изумительных концертов сгрудилось на весну, и я всё как-то то случайно, то планомерно попадала на них и наслаждалась ими. И сейчас бурно заканчиваю сезон: три вечера подряд буду в Ф[илармонии]. Завтра – на Софроницком, послезавтра – на симфонии Бизе, а «закрываю» сезон Рихтером, которого всю зиму тут напрасно ждали. Теперь тут студенты завели ужасный обычай предварительной записи на билеты. Раньше это касалось только абонементов, а теперь чуть что не на все концерты. Какие-то добровольцы открывают «запись», и изволь ходить к ним через день «отмечаться». На «Рихтера» отмечались три недели, и я, конечно, не могла бы этого успеть.. но мне случайно уехавшие приятели передали свой номер, и я почти безболезненно получила билет.

[...] Вот Юлич! Тут приезжал немецкий хор мальчиков «Гоманер хор». Они пели Баха и музыкантов XV века. Ничего подобного я не слышала! Этот Лейпцигский хор существует с 1212 года, храня все традиции, стиль и репертуар. Впечатление такого откровения, которое описать трудно. Сложнейшие полифонические, неожиданные и своеобразные по ритмике вещи в изумительном небесном звучании...

Вера Борисовна, которую я встретила на концерте, сидела вся взбудораженная и говорила: «Какая я счастливая, что я это перед смертью ещё услышала!» Ну, словом, это чудно было и необычайно.

Н.К. VIII 54. [...] Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы можно было поделиться с Тобой удачами, яркими впечатлениями, бодрими настроениями, а вот приходится говорить о печальном. Но ведь Ты, мой единственный Друг, должна знать мои обстоятельства.. а Твоя душевная мудрость всегда находит для меня слова ясности и умиротворения. [...]

Я очень устала волноваться. Началось с весны, с выпускных экзаменов Никиты.. потом приехал Ефрем [*племянник, сын Дмитрия Константиновича Фандерфлита*].. сдавал экзамены.. Вадим кончал год и уезжал. Потом Верина болезнь. Смерть её отца... Ухудшение Вериного здоровья и операция... [...]

Начало экзаменационной страды [*поступление в институт*] у Никиты. [...] Нет, Ты представляешь, что тут происходит? Как тут обретёшь спокойствие для работы? Немудрено, что я бросаю эскиз за эскизом.. порчу бумагу, просрочиваю время сдачи работ и вообще чувствую, что не могу, не могу больше работать, что надо сделать какой-то перерыв, успокоиться.. начать всё с начала.

В эти же дни происходит ещё одно печальное и странное событие, которое мне не удаётся до сих пор осмыслить и принять. Я Тебе говорила, что в прошлом году из долгого небытия в моей жизни появился Кука Б[*ражников*]. Встреча была неожиданной, странной.. мы не виделись чуть ли не тридцать лет.. всю жизнь. Он принёс мне «рассказ» своей неудавшейся оставшейся пустой жизни... Потом он писал мне. В письмах всегда была горечь, обиды... Обида на тон моих писем, на обращение, на форму прощального привета, даже на почерк, который «совсем изменился». Чудак! Как могло бы быть иначе? Вперемешку с этими обидами была любовь.. вероятно, к своей прежней любви. Словом, всё в этих письмах было и трогательно, и тягостно, и непонятно.

На днях мне позвонил его брат [*М.В. Бражников*]. Он получил известие о том, что К[*ука*] в больнице. Потом выяснилось, что он купался (он вообще занимался спортом.. видимо, наперекор возрасту).. и стал тонуть.. его вытащили, «откачали», но, открыв глаза, он опять потерял сознание и был отправлен в больницу. Там констатировали кровоизлияние в мозг. Очевидно, это и было причиной катастрофы в воде, а затем откачивания [*Подчёркнуто Н.К.*] довершили степень кровоизлияния.

Через четыре дня он умер... О его смерти я узнала позавчера. Но странно было то, что на другой день после того, как Буба сообщил мне о катастрофе, я получила письмо, написанное Кукой в день его гибели.. просто за час, может быть, до неё. И, зная о том, что он умирает, я читала его письмо, полное обиды на меня и полное чувств самых молодых и верных.

Всё это так грустно и так странно.

Вчера вечером пришёл ко мне Буба. Сегодня он едет туда, в Сталинград, чтобы сделать всё, что нужно.

Я не знаю, почему, но ко всем моим мыслям и чувствам примешивается ощущение, будто я сразу стала на много-много лет старше.

Юлич! Я буду очень ждать нашей встречи и разговора на диване... Очень хочу для Тебя сейчас смены впечатлений: красоты Львовской архитектуры, хороших погод, цветов,

тепла, а главное – удачной и своевременной встречи с Люсей. *Ю.Ф. поехала в Закарпатье повидать Люсю в её геологической экспедиции. [...]*

Н.К. 24 IX 54. Мама всё также живёт в четырёх домах. И это, конечно, не устройство... Не знаю, как это изменить. Она, к счастью, здорова и охотно ходит.. радуется всякому поручению, я её в этом смысле разочаровываю, так как никаких покупок или работы ей не приходилось для меня делать. Мама ставит мне в пример Алёну, которой всегда от неё что-то нужно. И, действительно, чувствовать себя «нужной» – это единственное, что поддерживает человека. А мне всё хочется, чтобы, когда она у меня, она тихонько сидела, читала бы или штопала и просто отдыхала... Тут тоже, однако, возникают свои трудности. Я совсем не могу говорить, когда работаю, и даже слушать не могу, т[ак] к[ак] очень сосредотачиваюсь... Мама говорит, что, конечно, понимает это.. но всё-таки нет-нет обидится или загрустит от моей «холодности». Жалуется. Мне – на Алёну, Алёне – на меня. [...]

Н.К. 4 XI 54. [...] Юлич! Спасибо за предложение «подписки». Здесь действительно просто неосуществима она. Я многое из того, что хотела, пропустила безнадежно. Сейчас я не знаю, ещё что будет.. Чехова? У меня многое есть. Лондон? Я напишу Тебе, как только у меня возникнет острое желание, и Ты pomoжешь мне. Вот в Филармонию нынче тоже так трудно попадать. Теперь уничтожили организованную добровольцами-студентами запись (и переключки) на билеты... Было трудно доставать билеты, но всё-таки таким способом наверняка билет добывался. А теперь перед Филармонией бывают толпы и свалки, и, когда начинается самая осада, не знаешь и упускаешь возможность попасть. Мне очень хотелось послушать все концерты Абендрота.. и ничего я не могла достать. Но вот сегодня вдруг позвонил мне Гросс⁶² и предложил билет. Так что две симфонии я всё же услышу. К сожалению, не люблю Девятую, а она как раз сегодня.

Я Тебе писала, что нынче в августе я ездила с Гр[оссом] на то озеро, где мы жили в детстве. Он года два нет-нет приглашал меня в эту эскападу, и вот теперь она осуществилась. Чудесная была поездка. К счастью, его супруга отсутствовала. С ним была его старая и болезненная сестра, которую я смутно помнила с тех далёких Голицынских времён. И все трое мы с восторгом бродили по местам далёкого прошлого. Жаль, если сегодня эта его разговорчивая супруга будет в Филармонии, что, впрочем, совершенно естественно.

Я никогда не встречала его первую жену [*А.И. Сидорову*]. Случайно вчера в ЛОСХ'е в каком-то разговоре слышала, что «у Аси, в её 40 лет, родился прекрасный ребёнок».

[...] Юлич, сейчас я подумала, что Ты как-то совсем обошла молчанием моё письмо, которое я писала Тебе перед Твоей поездкой. Помнится, я там суммировала многообразные трудности и события этого моего года и писала Тебе о странной и взволновавшей меня смерти Бражникова. Мне хотелось тогда услышать Твой голос. [...]

Н.К. 3 XII 54. [...] В ближайшие дни должна сделать два листа, над которыми трудилась столько времени. Это рисунок форзацной бумаги.. мелкая сетка графического узора, точного, сложного, бесконечно повторяющегося... (Просто труд крепостного). Не знаю, почему в наш век безмерных фотографических и технических возможностей нельзя было размножить узор механически.

[...] Юлич, помнишь, Ты мне как-то писала о том, что, если бы мне хотелось подписаться на книги, Ты бы могла мне помочь. Тогда же я и подумала, что если и решусь Тебя этим затруднить, то ради Ромена Роллана. Рассказала об этом Зосе, и она сказала, что не откладывая в долгий ящик припишет об этом в своём письме. [...] Только, Юлич, это, конечно, на вполне деловых началах происходит. Я перешлю деньги незамедлительно. (Об этом я пишу, потому что Люся как-то упомянула об этом как о презенте).

1955

Н.К. 21 IV 55. [...] Юлич, я упустила возможность Тебя крепко поцеловать ещё и за Роллана! Это просто замечательный подарок.

Н.К. 4 V 55. [...] Наверно, Ты уже знаешь о смерти Ильзы... Тяжёлая её болезнь, о которой я говорила Тебе, подготовила всех в какой-то мере к такому исходу. И всё же.. так это мрачно. Мне позвонила 30го Наташа Б[ольшая] о том, что ночью её не стало. [...] 2го были похороны. Удалось это сделать на Шуваловском кл[адбище] в чудном месте, на склоне соснового холма, над озером. Много народу провожало её. 30го сюда приехала Гуля. Мы с ней и пошли... Была Стеня, она приехала на несколько дней в Л[енинград]. Наташа М[аленькая] пришла в последний момент.. она только в день похорон узнала о них. Наташа Б[ольшая], Вера Борисовна, Мария Ст[епановна].. и все такие постаревшие. Мар[ия] Ст[епановна] грустно говорила: «Вот как Ильза нас всех собрала».

Много народу было из ЗИН'а, Мулиных сослуживцев, и много эрмитажных. Камилла с Орб[ели], который стал глубоким, грустным и очень выразительным стариком. Я не видела Ильзы. Не пошла посмотреть на неё, чтобы помнить живую.

Как раз, когда мы с Гулей торопились уже ехать на похороны, забежала, чтобы повидаться с Гулей, Зосенька. Из этого свидания ничего не вышло.. мы опаздывали. З[ося] проводила нас до такси. У меня была мысль сказать ей, чтобы она поехала с нами «за Тебя», но как-то в тот момент я не нашла слов предложить ей это. Ей могло, конечно, показаться странным [это предложение].. она ведь не видела, наверно, Ильзы?..

Не видела Ильзы, не читала её стихов... почти ничего не слышала от Мамы о Гептахоре, о гептахорках. Я писала об этом в Предисловии. Но почему всё-таки Н.К. не позвала меня с собой? У меня есть этому объяснения, но оставляю их при себе.

Существенно другое: в 90ые годы, собирая книгу «Жизнь незабываемых людей. Дневники. Письма. Справки. Воспоминания», работая в Архиве, я многое узнала о дружеском кружке «Гептахор», о Музыкальном движении и опубликовала эти материалы в своей книге.

Н.К. 18 V 55. [...] Через три дня кончается мой «отдых» тут. Здесь очень мило. Главная удача – это малолюдство. М[ожет] б[ыть], холод объяснение этого. До сих пор на заливе целые айсберги. Но пусть холод. Я наслаждаюсь пустыми пляжами и брожу по ним в полном одиночестве. В лесу тоже очень хорошо, но он мокр, как губка. Конечно, я отдохну.. я так нелепо и удивительно чувствую себя в этом отрыве от работ.

Н.К. 2 VI 55. Дорогая Юлич, утром получила Твоё письмо.. хочу сразу написать. Огорчилась поникшим Твоим духом. Ты устала, родная моя, и скучаешь... Оттого всякие несуразно-мрачные мысли.. «дотянуть до Зосинога окончания аспирантуры». Нет, Юлич, ведь вот совсем недавно в Твоём письме звучало противоположное: Ты говорила, что надо поддерживать здоровье, потому что «всё-таки так много интересного ещё». И это глубокая правда! После окончания Зосей аспирантуры непременно встанет в душевном плане какой-нибудь следующий этап, которого надо будет (и интересно будет) ждать. И потом ведь вообще – даже трудная и одинокая жизнь интереснее небытия. А у Тебя, хоть всё и трудно, но ведь никак не одиноко, когда трое Твоих ребят завоёвывают жизнь и все Трое ощущают Тебя, пишут Тебе и думают о Тебе. Надо только строить планы переустройства дома, чтобы быть ближе всем друг к другу. [...]

[...] Вот представь себе нашу «заторканность» и занятость. Давно ли мы с Алёной учредили ежегодную прогулку в разгар белых ночей вдвоём по Неве.. хоть раз. Но вот в прошлом году не успели сходить. И нынче – тоже, уже несколько раз намечали вечер и так и не можем осуществить этот невинный план.

Юлич, попадался ли Тебе в руки 6ой номер «Нового мира»? Там очень интересны «Две поездки в Лондон» Образцова. Прочитай. С интересом прочла там Бунина. И Паустовский там же есть... Я очень мало успеваю читать. Так и останется многое ни разу не читанным.

[...] Восьмого я должна ехать в Москву. [...] Я поеду дней на пять. Хочу посмотреть Дрезденскую галерею, выставку и пр. [...] Едет целая ЛОСХ'овская компания. [...]

Н.К. 27 VII 55. [...] Я так сейчас перебудоражена всеми этими событиями [*Никиту перевели на дневное отделение института*] и Московскими впечатлениями, что, не в пример обычной любви к одиночеству, томлюсь невозможностью поговорить.

В Москве видела много всего.. и не успела посмотреть всего, что хотелось. Самое главное – это то, что удалось очень хорошо посмотреть галерею. Возможно, это было потому, что были пропуска на семь часов утра, т.е. до прихода толпы, шумной, душной, сплош-

ной и нелепой по своему составу. Идут ведь люди, часто никакого понятия не имеющие, что они идут смотреть, ничего не понимающие (судя по убийственным репликам и комментариям), и те, которые с трудом попадают и которым нужно [*Подчёркнуто Н.К.*] попасть туда, [*они*] в ужасной и раздражающей тесноте смотрят выставку.

Ах, Юлич, целый ряд вещей (но не те именно, которые описаны в каталоге) меня глубоко задела, и я очень радуюсь, что видела это: Ван Дейк, Вермеер, Терборх так и стоят перед глазами. А Мадонна.. хорошо, что её можно было смотреть, стоя перед ней в одиночестве. Меня поразило её лицо.. её голова.. её движение. Но в лице не кроткость и доброта, как часто пишут, а.. Ты знаешь, оно, это лицо, выражает такую растерянность грустную, что трогает до глубины... И в движении её – она и несёт Младенца людям и не хочет его отдавать. Вот это меня взволновало как-то.

Очень много я получила в Галерее.

А, кроме этого, смотрела очень интересную выставку Японского искусства... Индийскую выставку... Всесоюзную выставку и Врубеля в Третьяковской... А потом мы с Катей два раза были на Сельскохозяйственной... [...] Цветы там замечательные, действительно! Такой розарий! А в павильонах и особенно в фонтанах много перегрузки и просто аляповатости. Эффектно всё очень вечером: тогда не видно излишеств и сусальности, а остаётся феерия света, освещённых прожекторами струй и цветов. [...]

Н.К. 4 VIII 55. [...] Была с Наташей Б[*ольшой*] на выступлении югославских танцоров. Очень интересно. [...]

Н.К. 10 X 55. [...] У меня начался зимний сезон [...], опять всякие советы, консультации, встречи с людьми, а вместе с этим и всякие разочарования, и – но это уже приятно – начался сезон в Филармонии. Вернее, открытие её будет послезавтра, но я была уже на четырёх концертах иностранцев. А на этой неделе у меня предстоят два концерта и с радостью жду их. Нет, право, так много трудного и скверного вокруг, что мне всегда кажется, что это единственное место, где отходишь от всего, от чего хочется отдохнуть. [...]

Н.К. 20 XI 55. [...] Целое воскресенье сидела над обложкой для Музгиза. Завтра надо нести её, а у меня не всё утряслось ещё. До этого утомительно и в спешке делала пригласительный билет для Русского музея, выставки Мицкевича, и глаза от мелкой работы очень устали. Хочу написать Тебе о многом: о концертах, о мальчиках – но не сегодня. Надо ещё поработать. [...]

Н.К. 20 XI 55. [...] Юлич! Ты не упоминала о своих впечатлениях [*от*] французского фестиваля. Что Ты видела из их фильмов? Смотрела ли «Терезу Ракен»? У нас тут так много шли эти вещи, что вся осень была посвящена этим французским впечатлениям. К тому же ещё и французское изобразительное искусство, которое пока в чудных репродукциях (в

Академии художеств) выставлено, а потом из Москвы приедёт в виде полной выставки. А я ещё погрязла во французское чтение, так что муссирую впечатления. – Весь город у нас засыпан снегом. [...] Всё бело, мягко... Даже окна замело до половины... Я нынче кормлю воробьёв... Никита мне за окном сделал площадочку. Прилетают целые толпы... Как я теперь в этот сугроб им накидаю еду? [...]

Послала Люсе ещё пару репродукций из числа дрезденских. *С 1955 г. Люся – геолог Амакинской экспедиции Якутского Геологического управления, посёлок Нюрба.*

Н.К. 4 XII 55. *Ю.Ф. сообщает Н.К., что хочет купить сыну, студенту V курса Горного института, костюм.* [...] Его форменная тужурка (без погон и лишнего блеска) выглядит на нём недурно. Вопрос в том, что Ты, м[ожет] б[ыть], поторопилась написать ему об этой тысяче [помощь сестры Маме]. Дело в том, что Тебе 65 лет! До последнего вздоха человек должен хотеть и стараться держать себя «в форме». И, конечно, шинель надо будет заменить. *Ю.Ф. ходила в форме железнодорожной служащей: в шинели. Она была и её зимним пальто.* ... Но я понимаю Тебя в том, что, м[ожет] б[ыть], сейчас, в этот ответственный период жизни, и личной, и деловой, костюм может быть нужен просто экстренно. Ведь, м[ожет] б[ыть], это последняя перед долгим отъездом зима в Л[енингра]де... Год окончания и защиты.. и, наконец, – «пора любви»... [...]

1956

Н.К. 2 I 56. [...] Ты страшно верно охарактеризовала эту безумную Катину патологическую гонку. Мы с Тобой, очевидно, одинаково прореагировали на это её «послеболгарское» машинописное телеграммного стиля письмо. Я тоже боялась, что она обидится на мой протест... Но нет, она мне потом прислала нормально написанное коротенькое письмо с оправданием. [...]

[...] Ты пишешь о повторении детьми судеб родителей. Действительно! Как повторяются эти круги жизни в своих особенностях! [...] Это Твоё письмо такое интересное.. такое человечно-умное. О Кате, об этом «вертепе» и о *regretuum mobile* [лат. – вечный двигатель; в переносном смысле – о человеке, находящемся в постоянной гонке, спешке в работе, творчестве, «по жизни»] её – Ты так верно всё сказала.

А о своём ощущении «уродства» и «косолапия», связанном с девочками, и их пока одинокой жизни, Юлич, это так образно [?!] и понятно мне, несмотря на всю нелепость всей концепции. Люсенька! Пусть Весна даст ей «немножко сердечного тепла», чтобы она смогла не пройти мимо человека, тянущегося к ней. Ведь в ней, в её голове так всё разумно разложено, а трезвость, лёгкий скепсис и неверие в свои возможности шарма ей, конечно, мешают. Но подождём говорить. В один прекрасный день «случится всё, что предназначено». *Наверное, Н.К. цитировала М. Кузмина, его эпитафию к книге стихов «Вожатый»:*

Случится всё, что предназначено,

Вожатый нас ведёт...

Как хорошо, что вопрос с Твоим пальто и Матвеевым костюмом решился таким образом, т.е. что пальто Ты уже носишь, а костюм Люсей самой обещан брату. А, раз Ты говоришь, что Тебя в шубе не узнают, значит, метаморфозы разительны. [...]

Юлич, я попала на оперный спектакль американской негритянской труппы «Порги и Бесс». Шла с недоверием... Сердилась на безумно высокие цены на билеты (В 19ом ряду билет стоил 42 р.). А теперь очень рада тому, что видела: очень особенный, очень музыкальный и интересный спектакль. Это кусочек неприглядной жизни южного городка, вернее, его «чёрной» окраины... Нищие, рыбаки, торговцы наркотиками, женщины.. проходят перед глазами со своими страданиями и радостями, объединённые интересной напевной и, вместе с тем, ритмизованной музыкой.. все, самые третьестепенные персонажи всё время своим поведением и движением отражают музыку. А хоры –просто изумительны. [...]

Н.К. 25 III 56. [...] Ты знаешь, вообще меня сердит и огорчает теперь (я говорю о моих уже поздних годах), что не успеваешь увидеть.. не успеваешь прочесть и услышать ещё так много красивого и драгоценного. Сейчас я читаю «Гойю» Фейхтвангера. Ты читала? Эта книга у нас тут нарасхват. [...]

[...] Знаешь ли Ты что-нибудь об Наташе Мал[енькой]? Я за весь этот год её ни разу не видела. Она теперь давно не бывает в Филармонии, а мы только там и встречались.

Н.К. 14 IV 56. [...] В городе много выставок и открытых, и внутренних. Я просто не успеваю всё посмотреть, что нужно. Ну и (это уже совсем другое и отрадное) – у меня Филармония занимает много вечеров... Только что прошли изумительные концерты Рихтера. Я была на трёх, хоть и очень трудно было попасть на них, и полна впечатлениями громадного, глубокого искусства... Как ни знаешь возможностей Рихтера, он как-то ещё всё удивительнее, ярче, покоряюще играет.. что-то ещё и ещё новое [Подчёркнуто Н.К.] появляется в его исполнении. Что это за существо такое! Видела на концерте Наташу М[аленькую], впервые за этот концертный год. Она постарела и потолстела и была усталой.. м[ожет] б[ыть], потому, что Рихтер ошеломил и подавил её своей игрой. Его, правда, трудно слушать.. как-то уж слишком захватывает. [...]

Н.К. 1 V 56. [...] Мы [с Н. Евг.] тут затеяли шить тёплое одеяльце будущему Флиту [ребёнку Ефрема и Беллы], и у меня давно всё куплено... Надо разложить на рояле милый клетчатый материал верха и подогнать к нему лёгкий ватин и розовую подкладочку... Словом, изобразить ganz gemütlich [нем. – очень уютно] обшивание предстоящего внука.[...]

Н.К. 26 V 56. [...] Юлич! На днях ко мне приходила Лида Генералова⁶³. Мы не виделись с нею целую жизнь... Встреча была взволнованной и очень тёплой и немного грустной. Ну, обо всём этом поговорим подробнее при встрече, надеюсь, скорой.

Н.К. 27 VI 56. [...] На следующий день после Твоего отъезда я была в Филармонии, и первый человек, кого там встретила, была Стеня (Легка на помине.. ведь мы с Тобой о ней говорили). Она здесь проводит свой отпуск, живя у Л. Розинг⁶⁴. На концерте была с Олей Ганд[ельман]⁶⁵. Мы весь антракт разговаривали, и было всё хорошо.. не чувствовалось далёкости и натянутости, как могло бы получиться.

Н.К. 7 VIII 56. [...] Представь себе, завтра неделя, как я «отдыхаю». Мне кажется, я давно-давно уехала из дому и всё и все странным образом подёрнуты дымкой отдалённости. Мне даже неприятно, что так притушено и привычное беспокойство за Никиту, и ощущение всех моих домов и обязательств. Всё это, наверное, от долгой отвычки уезжать, отрывать от дома и отдыхать. [...]

Поехала с Татьяной М[ихайловной]. Выехали мы первого. С трудом добрались [...] – и полная неизвестность впереди, т[ак] к[ак] адреса «назначения» у нас не было.[...] На полустанке оставила Татьяну сидеть с вещами, [...] и я отправилась искать пристанища. Шла в деревню Дорищи, где мы жили два лета перед войной. Не два лета.. второе лето мы приехали сюда все и с Геней. Это было единственное лето, когда он должен был быть в отпуску и когда было всё так изумительно тут.. у нас была лодка, мы далеко с ним вдвоём уплывали.. и не раз говорили друг другу, что нам так хорошо, что даже страшно! И это страшное – война [Подчёркнуто Н.К.] и разразилась...

Вот я шла от станции.. узнавала места, волновалась и плакала, и вспоминала, и одновременно наслаждалась дивным запахом полей и мягкостью земли и шелестом в лесу ветра. Устроились хорошо. Меня вспомнили уцелевшие тут прежние хозяева избы (а ведь 15 лет прошло). Да и другие старики-соседи. Все проявили участие и, хоть избы были заняты, определили нас с Татьяной к «бабке Марине», замечательной, как оказалось, чистой и хозяйственной древней старушке. Сама она переселилась на печь, а мы – в хате с окошками на озеро [Селигер?], с сухостью и теплом ежедневно топящейся печи, (а лето-то ведь продолжает буйствовать дождями и ветрами), с заботливой стряпнёй хозяйки и с её своеобразными певучими и печальными повествованиями о своей жизни.

К сожалению, Татьяна – не ходок, а мне хочется всё время бродить по лесам. Одной – и хорошо, но и «сумно» как-то. Так и выходит, что с утра я ещё её проманежу по дорогам и лесам.. соберём ягод и грибов.. ну, а потом она сидит, покряхтывает, и мне приходится идти одной. Но последние дни выходит так, что ко второй половине дня летящие непрерывно тучи собираются в неприглядную синь и обрушиваются дождём, арестуя нас в избе.. а потом

рано и спать ложатся все. Вот такой травяной жизнью я живу. Но, правда, ещё только одна неделя осталась.

Н.К. 25 IX 56. [...] Мой «отпуск» затянулся. Я не работала после Заозёрья из-за ремонта, а потом из-за невозможности при всём многолюдстве сесть за стол. [*Н.К. писала о безумной осени в своём доме*].

Н.К. 6 XI 56. [...] Да! И всё это.. необычайное многолюдство дома и приёмы.. отягощено и окрашено тягостными и тревожными событиями наших дней. Хватает за сердце то страх, то возмущение, то полная неуверенность в завтрашнем дне. [...]

Читаю сейчас очень страшную книгу «Время жить и время умирать» Ремарка. Очень тяжёлая и вместе с тем сильно написанная вещь. Это в «Иностранной литературе» есть (№№ 8 и 9). Это у меня за последнее время второе сильное запоминающееся и страшное впечатление. Первое – это виденный мною итальянский фильм «Дорога». Талантливая и жуткая картина, которая как-то мучительно и чётко запомнилась. Почему-то одно за другим нанизываются какие-то впечатления macabre [*фр. – ужасов*]. [...]

Н.К. 27 XII 56. [...] Не знаю, как и встречать этот год? Дело в том, что в ЛОСХ'е меня нагрузили «общественной работой» по устройству графической выставки.. дела много, а, главное, я не очень представляю себе, что именно должна делать я как председатель Выставкома.. и делаю, по-видимому, гораздо больше и беспокойнее, чем это нужно и чем это делал бы другой на моём месте. Выставка должна открыться 5го числа, и вот я забросила свою работу (от которой зависит наша экономика января), не готовлюсь к празднику и вообще не живу нормально. [...]

1957

Н.К. 12 II 57. [...] У меня, Юлич, ощущение, что я вернулась из какого-то путешествия. Этот поглотивший меня на две недели выставочный аврал в ЛОСХ'е со всеми его волнениями и утомительной работой совсем увёл меня из дому. Выставка открылась 27го... благодарили.. хвалили, а у меня остался от всего угар и полный прорыв в экономике. [...] Вчера сдала самое срочное, наконец. Но вот что мне осложняет настроение: просят «выступить» на обсуждении выставки. Я не могу, не хочу волноваться, а говорить во многолюдстве не умею и не хочу и, конечно, потрачу на это много сил. Зачем всё это? [...]

Я сейчас читаю Лескова. Мне Верочка [*невестка*] устроила эту подписку, а мне давно хотелось его иметь. Но какие у него есть страшные вещи. [...]

Н.К. 16 III 57. [...] Тут чуть-чуть не поехала было в Майори.. предложили бесплатную путёвку в Дом творчества. Но ехать надо на два месяца. Для одинокого человека – рай. А для меня, как это ни дико, неосуществимая комбинация. Как всегда, упирается в вопрос о том, что дом не оставишь без денег на всё это время, а это по крайней мере три меся-

ца, пока ещё по приезде что-нибудь наработаешь. [...] Видишь ли, всё это сложно и потому – Ты догадываешься, наверно – что я очень люблю пожить дома одной, а ведь там, в Майори, опять было бы сплошное многолюдство.

Слыхала ли Ты, что у Люси Мон[чадской] родился сын? [...] Мне сказала об этом мимоходом, на концерте, Барба. – Цинзерлинги всю зиму молчат, а если Катя напишет, то это одно междометие какое-нибудь!

Вчера у нас было «шумство» по поводу маминого дня. Ей уже 82 года. Были все родные.. на рояле стоял большой букет мимозы. Мы с бабушкой Н. Евг. завертелись в хлопотах с пирогами и салатами. Сегодня мне нужно навёрстывать упущенное время: у меня давно уже в работе обложка для Эрмитажных репродукций фламандцев и всё не совсем она получается. [...]

Н.К. 1 IV 57. *Н.К. зовёт Ю.Ф. приехать в Ленинград, если не в июне, то в августе.*

[...] В августе и тут [*не только в Москве*] будет много интересного. Говорят, что и юбилей города, столько раз уже откладывавшийся, отодвинули к фестивалю, на август. Невский, Кировский – это сплошная нарядная декорация. Так спешно и так авантажно украшаются фасады красиво подобранными цветами окраски. Жаль, что фасады.. всегда только фасады.. а что делается во дворе? [...]

Н.К. 2 V 57. [...] Да, вот ещё почему мои дни сумбурны! Как-то случилось так, что целый букет концертов (абонементных) сгрудился на этих двух неделях. [...] Видела на днях в Ф[илармонии] Веру Борисовну и Люсю Мон[чадскую]. Люся говорила, что это её первый «выход в свет» [...] Она очень похудела, но имеет очень счастливый вид. [...]

Если Ты, Юлич, приедешь в первой половине июня, мы с Тобой в концертах побываем непременно. И потом – Город, наверно, будет уж очень хорош в светлые ночи. Ведь он так сейчас красиво обновлён.

У меня наступает очень беспокойное время: экзаменационный месяц у Никиты. При Н.Е. я меньше волнуюсь, она всегда настроена так здраво и спокойно, что и я меньше трепыхаюсь.. а сейчас всё будет очень остро. *Надежда Евгеньевна уехала «в отпуск» в Харьков к племяннице.* А тут ещё и большая и ответственная работа предстоит. [...]

Н.К. 4 V 57. [...] Юлич! Ты говоришь о том, что по-новому остро воспринимаешь окружающее.. и даже высказываешь рядом с этим мрачное предположение. Я это очень понимаю и ощущаю. Много воспринимаешь полней и звучней.. многое кажется ценным, ясным.. вероятно, освободились какие-то внутренние силы, прежде занятые собой.. может быть, накопились знания, и во всём видишь глубокий смысл.

Но, наряду с этим, острее приступы нетерпимости и осуждение.. объектов так много.

Н.К. 25 V 57. [...] Чувствую себя усталой, и часто противно покруживается голова. А живу хлопотно. [...] Хочется не снижать рациона Никиты в это время, когда он успешно занимается.. в Горный он не ходит, а ведь всю зиму он обычно там обедал. Так что стряпня волей-неволей какая-то ведётся. И меня ужасает, что на самый простой обед вылетают часы. Но, конечно, мне с ним очень уютно живётся. [...]

На днях мне позвонил вдруг Волк. Как-то мы совсем не встречались целый год. Он сказал, что встретил Веру Борис[овну], и она сказала ему о приближающемся Твоём приезде. Он просит дать ему знать и непременно хочет повидать нас... Это я как-то недавно, встретив «Барбу» [Кавычки у Н.К.!] в Филармонии, упоминала, что жду Тебя – и вот уже это имеет такой резонанс. [...]

Н.К. 10 VI 57. [...] Юлич! Так я очень жду Тебя! [...] Мне так хочется обо всём с Тобой поговорить. [...] И потом хочется, чтобы Ты посмотрела Город в красе необычайной сейчас... Да ещё и белые ночи! Пусть бы только ни погода, ни хвори, ни другие наваждения не помешали нам. [...]

Н.К. 1 VIII 57. [...] Позавчера была у нас поздним вечерком Зосенька. [...] Зося очень удачно попала ко мне.. ведь я ещё не «вернулась» в город из Комарова, где продолжаю свой «отпуск». Приехала, чтобы посмотреть, нет ли писем от сыновей (их не было!) [...] А сейчас мне даже не хочется уезжать в Комарово.. пора кончать этот бездельный и недомашний период.. пора начинать работать... Мой отпуск затянулся, и грозит экономический кризис. А потом, Ты знаешь, я совсем потеряла себя [Подчёркнуто Н.К.], живя там на чужой даче, в чужом саду, без всякой работы и настоящих дел в обществе почти чужих, но очень милых людей. М[ожет] б[ыть], всё это и составило отдых [Подчёркнуто Н.К.]? Но я там была совсем как будто не я. Потому мне и писать было трудно. Хотелось для этого сесть за свой стол, в своей обстановке, в своей жизни...

Вот что значит засидеться в своей раковине и совсем разучиться менять обстановку.

Как начну работать, с чего начну, пока не знаю, и это меня беспокоит... Но главное – это бесконечная тревога, то тлеющая, то мучительно вспыхивающая – за сыновей... [...]

Родная моя! Я Тебе очень благодарна за подписку Паустовского, но, Юлич милая, ведь это было дружеское поручение-просьба. Я очень тронута Твоим желанием подарить мне его, но пойми, что мне это на этот раз совсем невозможно. Ведь я сама ввергла Тебя в эту антрепризу. [...]

Ты права, сейчас так много интереснейших вещей в радиопередачах. [...] Я не написала Тебе о многом. Постараюсь не забыть, о чём... Напишу, напр[имер], о милой встрече с Таней Ивашёвой...

Н.К. 28 VIII 57. Дорогая Юлич! Наши последние письма, кажется, оба написанные 18го, как водится, встретились в пути. [...] Благодарю за Паустовского. Я получила первый том.. некоторые угрызения совести по поводу той возни, которая сопряжена с этими пересылками, я ощущаю. Надеюсь, пиастры, пересланные Тебе на эту антрепризу, Ты получила. [...] Мне хочется иметь Маршака. Но, м[ожет] б[ыть], это уже опоздавшее пожелание, и потом ведь опять хлопоты для Тебя, увы!

[...] Звонила мне Наташа Б[ольшая], говорила о том, как ей досадно было не повидать нас этим летом. – В работу я понемножку втягиваюсь.. вчера сделала эскиз обложки, которую делала для конкурса. – Г. Николаевой я не читала. Напишу, если прочту. [...]

[...] *Притиска на полях письма.* Береги себя! Не мой пола! Это недопустимо!

Н.К. 15 IX 57. [...] Родная, совсем не согласна с мотивом и с самим решением ещё продлить работу. Юлич! Не надо! Велика ли разница будет между пенсией и зарплатой? А для Тебя самой необходим покой и возможность мирно пожить. [...]

Н.А. Энман. 26 IX 57. *Дата по штемпелю на конверте.*

Дорогая Юлюшка, Юлич родной! Вот опять я не писала тебе целую вечность и даже не знаю, как и в глаза твои взглянуть... Так мне было горько и досадно, что не видались мы в твой последний приезд, а узнала о нём я из сообщения Над[ежды] Ст[епановны] в письме её в Репино. Как ты теперь живёшь, Юлич? Как твои ребята? Что-то знаю от Барбы (Вера Борисовна) о них. Её я вижу, хотя нечасто, но от неё многое узнаю. Недавно здесь была Стеня, и мы часто собирались (у Барбы, у Лёлищи⁶⁶, у Леон[ида] Васильевича⁶⁷) – жаль, что не вижу с Нат[ашей] Косатой, хотя изредка звоню ей, она всегда перегружена работой. Теперь собираюсь к дочке Ильзы нашей, ушедшей так рано. У Люси Мончадской родился сынок Мишка, ты всё это, наверно, знаешь. Он мой тёзка [?!], а я его ещё не видела. Недавно приезжал Пиканич с женой и сынком Димкой. У нас на сей раз они не были, но Ник[олая] и его жену Иду я видела. А в прошлом году мы и Димку видели у себя. Парень хоть куда – плутишка (в Волка!). Волка тоже видела недавно. Он вернулся с Фестиваля из Москвы и был весь выжатый, какой-то сутулый. Спина у него не гнётся и шея. Страшно подумать, как он двигается на своих танцах, хотя именно это занятие движением его и сохраняет ещё. У нас [Н.А. Энман жила вместе со своим другом Над. Ст. Судаковой] часто бывают Оля (б. Гандельман) и Лид[ия] Ивановна (Шелкова)⁶⁸.

У Лёльки иногда собираемся. У неё есть неплохой рояль, и Леонид В[асильевич] играет свои вещи, Баха, Шуберта. На Нов[ый] год он нам всем подарил по вальсу, каждому сочинил персонально. Очень хороши они. Лид[ия] Ив[ановна] и Ольга даже показали однажды один из вальсов в движении на маленьком кусочке пола между столом и буфетом.

Мы с Над[еждой] Степ[ановной] теперь имеем достаточные для жизни пенсии, и мне уже не нужно очень много рисовать, хотя я не могу без этого жить и понемногу что-нибудь да придумываю для вышивки. Зимой вышел из печати альбом рисунков кружка, где я работала, есть там и мои «произведения». Потом вышла ещё книжка «Юным рукодельницам», м[ежду] пр[очим], и с моими рисунками. А сейчас скоро появится руководство по худож[ественной] вышивке на швейной машине – там только мои рисунки. Всё это, м[ожет] б[ыть], нужно тебе? [...] – Я за лето отдохнула неважно: в санатории болела желудком, потом, перед отъездом, меня угораздило упасть, зашибить ногу, а до отъезда в Репино болела печень и было что-то вроде желтухи. Над[ежда] Ст[епановна] говорит, что я снова похудела, и лицо стало «как у пёсика, кем-то обиженного»... Ну, ничего. [...]

Юлич родной, как же ты-то поживаешь? Мне стыдно просить тебя, но, м[ожет] б[ыть], напишешь мне хоть несколько слов? – Я эту осень бывала на вечерах танца и песен разных народов (Индия, Индонезия, Вьетнам, Аргентина) и по телевиз[ору] видела цейлонских артистов, и это так замечательно интересно, такие они все разные, по-своему прекрасные, такие движения, костюмы, песни... Вообще и на выставках бываю! Но ведь у меня теперь есть болезни. [...] Я не особенно-то обращаю внимание на них, но должна держать диету, иногда отдыхать и т.д. [...]

Юлюшка, я о тебе очень часто помню [вспоминаю?], а вот всё не пишу. Вот и сейчас: я ясно вижу тебя, и улыбку твою, и говор, всю тебя. Когда Ильзу хоронили, мне ясно стало, как мы мало общались между собой, а кто знает, м[ожет] б[ыть], так и уйдём из жизни, а столько пережито вместе, столько радостей и тяжёлого. Как приду к Барбе, она всё вспоминает, всё спрашивает: а помнишь то то – то, то – другое?

Целую тебя, родная моя, крепко. Не сердись на меня. Над[ежда] Ст[епановна] шлёт тебе свой привет.

Эту [почтовую] бумагу подарила мне Стеня с фестиваля, а Надежда Степановна раскрасила значок.

Твоя я Наташа.

Н.К. 9 XI 57. [...] Милая, милая Юлич! [...] Сейчас, взявшись за перо, к своему стыду и, главное, огорчению, не могу восстановить в памяти своё письмо к Тебе. [...] Я написала или только мысленно беседовала с Тобой, как я это часто делаю?

[...] Ты так долго не сообщала, как доехала до дому, что нашла там, как поступила со службой. Теперь, в этом Твоём письме, Ты об этом говоришь, но вот только через две недели Ты освободишься от службы. [...]

Н. Евг. упала на улице [...], её уложили в постель недвижимо на две недели. [...] Опять многое отложено, многое «неуспето», и эрмитажная работа приостановлена в самом начале. [...] Юлич, спасибо за 12ый том Р. Р[оллана]. Прости эти почтовые хлопоты.

1958

Н.К. 24 I 58. [...] Но как же сложилось с Катиним отпуском? Состоялись ли её дни отдыха в Тарту? У меня никаких сведений из Москвы нет.

[...] Да! Знаешь, какой у меня тут был необычный и «волнующий» эпизод? Приезжала сюда Стеня. Я знала от Наташи Б[ольшой], что её ждут тут. Стеня звонила ко мне и сказала, что непременно хочет меня видеть и что я нужна ей. [...] Видишь ли, Стеня мне разъяснила, что теперь у неё новая форма работы, что, помимо групп, им разрешили открыть Студию, где главным преподавателем будет Эмма.. что им придётся, помимо учебных программ и новых вещей, возобновить самое значительное из старого репертуара и что вот она ждёт меня и Волка для того, чтобы попробовать хоть кое-что вспомнить.. особенно из Бетховенских вещей.

Представляешь себе, как странно? Я была полна пессимизма, но, вместе с тем, решила пойти, чтобы попробовать помочь Стене. Мы в результате кое-что вспомнили.. кое-что наметили... Аккомпаниаторша без конца играла нам Bagatelle [*фр. – пустяк, безделица; короткая, лёгонькая пьеса*] [Бетховена]. И странно.. откуда-то из глубины, из преисподней выплывали какие-то отдельные движения, расположения... Со стороны.. если бы кто-нибудь увидел нас! Почтенные дамы и джентльмен.. во всех своих цивильных одеяниях.. так совершенно непредвиденно и странно металась по комнате, натываясь на мебель и друг на друга... Волк иногда говорил: «Нет, у меня сегодня будет инфаркт!» Усталые, но не обескураженные, мы, наконец, разошлись. У меня опять, как это бывает в соответствующих случаях, возникло ощущение того, как прошла жизнь.

[...] Второе наваждение [*первое – экзамены Никиты*], выведшее меня из нормального хода дней, это то, что на меня свалилось написание двух рецензий на дипломные работы студентов, оканчивающих полиграфический институт. Никогда не делала подобных вещей и потому потратила на этот литературный труд массу времени и сил. Вот так у меня всегда получается [...], не умею решительно отказаться, чтобы соблюсти свои интересы. Ну, к счастью, это позади. [...]

Н.К. 2 III 58. [...] Я Тебе говорила уже о том, что мне пришлось опять работать на выставке.. я уже много времени потратила на эту тему [...]. А потом.. об этом-то я писала Тебе? Я ведь оказалась выбранной в Бюро Секции графики, и (ах, Юлич!) теперь всё это бесконечные человеко-часы заседаний, забот etc., etc. Я очень огорчена и раздосадована этим, [...] у меня такая куча общественных нагрузок, что это не может самым скверным образом не отразиться на моём бюджете.

Но это не главное! Та компания, в которую я попала (для этой длительной работы в Бюро), так разношёрстна, так чужда мне, так сравнительно молода, что я себя буду чувствовать там очень неладно. [...]

[...] Ну, довольно перечислять все мои нынешние беды. Все прошлые года их было меньше, и жизнь шла нормально.. хотя бы тем, что я нет-нет шла в Филармонию и слушала то, что хотелось и что держало душу в каком-то присущем ей строе. Нынче и это как-то разладилось. Начать с того, что мой абонемент злосчастным образом бездействует [*из-за болезни Мравинского*]. А, не выходя в Филармонию, я пропускала и другие там концерты.. хотя нынче вообще сезон идёт как-то тусклее, чем обычно. [...] Вот я живу без этого живительного блага. [...]

Н.К. 23 III 58. [...] Нет! Но посуди сама! Она [*Е. Вл. Цинзерлинг*] становится не-сносной. Я тут как-то, заждавшись каких-либо сведений из М[*осквы*], написала открытку, как они и что? Ответ Кати начинался словами: «Трудно писать, когда все мысли в работе».. дальше «Брюссель», диссертация, «меня просили фотографировать».. «бешеный темп».. и вдруг кончается письмо «сама видишь, что писать нечего» (?). Мы с Тобой не раз говорили о её невозможном стиле. Сейчас я просто обиделась на это письмо. Ни слова человеческого.. ни грана интереса к нам.. ни одного вопроса.. и только какое-то досадливое, на бегу, отмахивание от людей, которые всё равно во всей её тематике ничего не поймут. К тому же в этом Wirbeln [*нем. – вращение, круговерть*] ей кажется, что мы тут, как улитки в застойном болоте, сидим...

[...] А у меня, Юлич, всё ещё не кончились заботы с выставкой графики (задерживает ремонт в зале), и осталось-то очень ответственное дело – сама экспозиция. Заседания в секции часты и очень утомительны своей безалаберностью. В Эрмитаже пока работу приостановила, хотя и не закончила. [...]

Эти дни сижу дома, так как простудилась. Работаю не спеша.. надеюсь успеть кое-что починить и пошить.. но не знаю, успею ли. У меня ведь ужасное свойство: пока я не унесу из дому уже сделанную работу, всё время в ней что-то подправлять, доделывать, а иногда (как это ни глупо) всё переделывать сначала. Вот и сейчас так.. лежат две работы, и я нет-нет их извлекаю и начинаю ревизию. А нет, чтоб книгу или шитьё в руки взять! Ведь и о том, и о другом – мечтаю!

Н.К. 16 IV 58. [...] Эта моя общественная деятельность и бюро, и выставки приносят столько нервного напряжения и усталости, что я не успеваю от одного до другого мероприятия прийти в форму. Правда, не всё время так будет [...], с мая всё начнёт стихать, но всё равно, я буду связана с секцией и должна буду появляться «на люди».. а мне как раз это и трудно. [...] Всё это последнее время [...] единственным моим «интересом был музы-

кальный конкурс. Мне жаль, что всё это кончилось! Удалось ли Тебе по-прежнему ловить все эти замечательные выступления? Я довольно многое услышала и многим насладились. Но многим и взволновалась... Не всё в результате конкурса меня удовлетворило. В частности, игра японца Мацуура мне очень понравилась, и я бы его поставила на место Штаркмана. А услышать Ван Клиберна в концерте не удастся.. уже второй (если не третий) день вокруг филармонии ходынка, записи, переключки, словом, ажиотаж!

Как всё-таки всё это было интересно и грандиозно! [...]

Н.К. 21 V 58. [...] А сейчас тут Катя. Приехала на сессию и на Международный (!) конгресс.. «два доклада».. «ответственные встречи» etc. В день её приезда она побывала тут, и мы немного успели поговорить.. она спросила о Тебе и говорила, что тоже давно от Тебя ничего нет. [...]

Да! Ведь вот ещё что относилось к моей страде тут. В прошлое воскресенье было великое стояние и волнение по поводу абонементов будущего года в Филармонии. А этому предшествовали ещё ежедневные «переключки» и «отметки». Хорошо, что это кончилось. [...]

Н.К. 27 V 58. [...] Сюда приезжала почти на две недели Катя. «Международная конференция», важный «доклад», «приходится экскортировать американского профессора», «банкеты, театры, экскурсии» и во всём этом непомерное одобрение себе, своей мобильности и всех возможностей... Уж таков Кот. (Мне всё же последние годы неприятна нотка противопоставления всего этого нам.. «сидите сиднем».. «всё у вас тихо, скромно» и т.д.).

[...] У меня ещё не кончился концертный сезон. Сегодня иду на Лю-Шикуня (конкурсанта). Потом будет концерт Филадельфийского оркестра и хочу попасть на Реквием Моцарта.

На будущий год запаслась всё-таки одним абонементом в Большой зал. День продаж этих абонементов курьёзен: в пять-шесть часов утра по пустым улицам города идут и едут на машинах люди на площадь к Филармонии. И там в сплошных очередях, переключках и ожиданиях живут этот день: все единомышленники, все «знакомы», все разговаривают, обсуждают и волнуются.

Н.К. 6 VI 58. [...] Сегодня получила письмо от Стени.. она приезжает и хочет «поработать» со мной и Волком. Не знаю, что из этого выйдет. [...]

Н.К. 11 VIII 58. «Покидая пределы Вашей гостеприимной и прекрасной страны», мне хочется «выразить», дорогой и добрый мой Друг Юлич, благодарность за всё тепло и уютность этих дней. Не знаю, почему я не сказала этого Тебе при прощании достаточно членораздельно.

Мне было очень хорошо с Тобой. Прости, что, м[ожет] б[ыть], слишком много говорила с Тобой о своих трудностях с бабушкой.. я не люблю жаловаться.. но Твоё понимание, сочувствие и советы так нужны мне, так облегчают наболевшее...

[...] Знаешь, я всегда, когда пишу Тебе, как-то стесняюсь того момента, когда моё письмо [Подчёркнуто Н.К.] оказывается в Твоём ящике, вместо напряжённо ожидаемых детских. Пришло ли что-нибудь новое от них?

Н.К. 23 VIII 58. [...] Видела Наташу М[аленькую].. она была довольно тепла и мила и расспрашивала о девочках. [...]

Юлич, а, м[ожет] б[ыть], Ты так поедешь, что успеешь посмотреть немецкую выставку в Эрмитаже? Она до 9го сент[ября]. Это ведь очень интересно.

Н.К. 9 X 58. [...] Пока я лежала [спазмы сосудов] и старалась не читать, я перелистывала 2ой том Маршака и многим (среди лирики) очень восхищаюсь. Так есть, например, «Словарь» или следующее за ним, или то, что на стр. 25ой. Посмотри.

P.S. А мне не удалось «открыть» Филармонию органным концертом Шетелиха. Концерт не состоялся, а потом я заболела. Теперь у нас с Никитой первый концерт 24го. [...]

Н.К. 27 X 58. [...] Ты упомянула об отзыве обо мне Нат[аши] М[аленькой], и мне было очень приятно... Я ведь часто бываю угнетена своей внешностью.

Н.К. 19 XI 58. [...] Работая в Эрмитаже, я сижу у окна третьего этажа.. над Невой. Эти дни были так ясны и хороши, что перед глазами просто феерия. Вода, розоватая башня Петропавловской колокольни, в лиловатых оголённых деревьях весь остров. – Вчера по радио выступал по поводу своих впечатлений директор приехавшего сюда французского цирка. Речь звучала прелестно, и я была тронута отзывом о городе. Он говорил, что он очарован, что освещение было неожиданно и merveilleux [фр. – удивительно; превосходно], а что сам город «magnifique, magnifique» [фр. – великолепный; прекрасный]!

Н.К. 4 XII 58. [...] И ко всему [работа, визиты] я ввязалась в очередь на добывание билетов на английский Шекспировский театр. Надо ходить, отмечаться, а сегодня ночью даже продежурить часа два-три.

Юлич! Я всё-таки выбрала Тебе поднос. Пусть он будет к 30^{му}, тем более, что оно должно быть отмечено чем-то памятным. [...] Я сейчас только пришла с «Шекспировской» переключки. Надо найти себе тёплую экипировку на ночь. [...]

Н.К. 22 XII 58. Милый мой Друг! Послала Тебе поднос. Не будь разочарована. Он, м[ожет] б[ыть], немножко мал? Но он мне приглянулся. Ведь на них, этих тагильских подносах, эти букеты всегда различны, т[ак] к[ак] писаны «от руки». Этот был менее компактен, чем остальные, и мне понравились его чуть блёклые краски... Словом, «прошу любить и жаловать»! [...] Кстати, если бы в них [в дырочки] продеть шнурок и вешать

горизонтально, колокольчиками вверх, было бы лучше: так скомпанованы цветы. Юлич! Это мой презент Тебе. Пусть он будет новогодним приветом!

[...] Я все эти дни в плену театральных Шекспировских впечатлений! Я видела все три их спектакля! (Ведь я вообще-то в театре не бываю, а тут сразу такая порция.) Это всё очень интересно.. далеко не всё понятно, так как старый язык Шекспира очень труден, но захватывающе театрально. Игра у большинства актёров великолепна, особенно Джонсон – Ромео и Редгрейв – Гамлет. Всё очень красиво по краскам и костюмам, неожиданно и умно по мизансценам. Вчера мы пришли с Никитой с последнего спектакля около часа ночи, а ведь это было рядом, в «Промкооперации». Так долго длились прощальные овации и речи в конце спектакля. [...]

Как, Юлич, Ты будешь встречать Н[овый] г[од]? [...] Как рада я была бы посидеть с Тобой за ночным столом! [...]

1959

Н.К. 11 I 59. [...] Я очень рада за ваше с Люсенькой свидание.. за обретенного Твоими руками внука. А теперь! В сегодняшнем Твоём письме это замечательное сообщение от Зосеньки! *Внук Николай родился 29 XI 58, внук Арсен – 5 I 59.* [...]

Ну, кончаю. «Роман» опять вышел длинный. Целую вас троих.

Н.К. 27 I 59. [...] А мне так хотелось попасть на выставку Марке, что впору было поехать в Москву специально. Говорят, что её не привезут в Ленинград, и это более чем досадно и возмутительно. [...]

Н.К. 21 II 59. [...] У меня куча работы (большой частью с просроченным сроком). Очень плохо в смысле темпов я работаю. Ко всему этому страшно много времени отнимают всякие общественные поручения. В ЛОСХ'е много неприятного и трудного, ну да об этом расскажу при встрече. – Всё время чувствую себя мельником Доде. – Музыки слушаю много, а больше никуда не попадаю. «Стояла» уже в очереди на абонемент будущего года и на Клиберна, который, по слухам, приезжает сюда в марте. [...]

Сейчас уже поздно. [...] Лягу и буду читать Ремарка. Ты читала «Три товарища»? Но ведь и «Время жить и время умирать» – хорошо. [...]

Н.К. 2 III 59. [...] Три ответственных задания надо закончить именно в течение марта, [...] но, если я не изменю своего «modus» на это время, будет плохо. Это я говорю о бесконечных выходах в свет: тут были и выставки, и концерты, и приёмы. Да и таверна у нас действует всюю!

Ты спрашиваешь, что за машина, над которой трудятся сыновья. [...] Вадим выхлопотал право купить у одного завода списанную рухлядь, когда-то бывшую автомобилем.. и из этой старой лепёшки, приобретённой за 1173 р. 40 к., они надеются создать кар. – По радио

передают Реквием Верди. Много красивых мест, но насколько он светский и оперный (если думать о Моцартовском).

Да! Я Тебе ещё не рассказала о моём выступлении с критикой радиопередач? М[ожет] б[ыть], Тебе попала газета «Сов[етская] культура» за 27 II? Не подумай, я не писала в газету, а я раскатилась таким письмом в Союзрадио, что они мне прислали телеграмму в 16 слов, упомянули вечером (в День радиослушателей) и ещё и в газете упомянули. Ну, потом расскажу.

Н.К. 20 V 59. [...] Тут последнюю неделю была Катя (на сессии). Вчера вечером перед отъездом провела вечер с нами. Мы скромно отмечали Никитино окончание [института]. Но Катя была в своём репертуаре и не могла переключиться на это наше событие и потому говорила о сессии, о своих работах и роли научной переводчицы и «хозяйки».. так что праздничное настроение началось, когда мы с ней ушли (я её провожала). [...]

Н.К. 2 VII 59. [...] Никита защитил диплом. Готовится к отъезду [к месту работы] [...] И вот, Юлич, он отчалит, и я предчувствую сильную душевную тьму. Ко всему, они, к сожалению, летят на ТУ-104, для меня это навсегда страшно, и эти несколько дней до телеграммы я не буду, кажется, дышать. [...]

Н.К. 3 VIII 59. [...] Мне что-то очень хочется попасть на чешскую выставку стекла [в Москве] [...] Теперь жду следующего гонорара, и если не растрачу его на варенье, которое всё-таки тоже надо сварить, то поеду в Москву. А 28го у меня, представь себе, уже концерт... Приезжает американский оркестр, и я «записана» на билет...

[...] Я не представляла себе, что с такой тяжестью буду отпускать сына в его взрослую жизнь и работу...

Н.К. 14 X 59. [...] Никита благополучно вернулся и теперь налаживается на новую для нас жизнь. [...] Так вот.. постарайся не хворать, суши и отсылай все «петрушки» и собирайся к нам! [...] Хочу ещё, чтобы оказался интересный концерт по нашим абонементам для похода в Фил[армонию]. [...] Очень жду Тебя.

1960

Н.К. 1 II 60. *Открытка.* [...] Твоё письмо с фотографиями я своевременно и с удовольствием получила и проштудировала. Не пишу пока в ответ, во-первых, из-за Zeitnot'a, а, во-вторых, потому, что сперва задержала карточки, чтобы дать их в субботу посмотреть маме (по мере её возможностей).. а теперь хочу завтра донести их до Барбы. Тогда сразу и пошлю их Тебе. — Вчера была приглашена на Волчий юбилей. Отметили его 60-летие. Звонила мне Стеня и приглашала, а всё происходило опять-таки на квартире О.М. Каменецкой⁶⁹.. я не очень люблю подобные встречи, но не уклонилась на этот раз. Там много говорили и о Барбе

и о том, как она жадна до сих пор к жизни, людям и как всех любит и помнит... Вот я и подумала, что мне надо бы к ней зайти и показать Твоих внуков. Не правда ли? [...]

Н.К. 5 II 60. [...] Вчера, не застав в Доме книги нужного мне редактора, я пошла к Барбе. [...] К удивлению, достала пару срезанных гиацинтов и к ним пару светло-розовых цикламенов. Барба была очень, видимо, рада и цветам, и фото, и моему приходу. Неизменно живая память её сердца обо всех и всём и интерес к жизни завязывают нескончаемую, торопливую, жадную беседу. [...] Но сама она.. ну, да Ты знаешь... У неё распухли ноги, и она в этот день лежала. Она очень тепло вспоминала Твой визит к ней и говорит о том, как её поддерживают люди, которые там бывают. Особенно Наташа Б[ольшая] и её постоянная забота. Теперь здесь довольно давно живёт Стеня, и она тоже в какой-то день недели бывает у Барбы.

На Волчьем юбилее, о котором я упоминала Тебе в открытке, фигурировал акварельный портрет В[еры] Б[орисовны], который сделал с неё муж Каменецкой⁷⁰. Портрет немного замученный, но выражение лица, глаз подхвачено хорошо.

Волк имеет вид процветающий.. он розовый, толстенький и спокойный.. его работа идёт хорошо. [...]

Ольга Гандельман – страховидная еврейская старушка очень *dévoné* [*фр.* – *приверженно, преданно*] восторженно настроенная. Неизменная Лёля Иванова, старенькая Лида Розинг, Тася⁷¹, которую я совсем не знаю и Ольга Ив[ановна]⁷². Ещё и музыкант Леонид Вас[ильевич], который играл свои сочинения, Баха и Генделя.

Стеня.. она была в каком-то ажиотаже. Произнося речь и упомянув Айседору, она почти всхлипывала.. да и потом её тосты звучали как-то истерично.. не знаю, права ли я. – Я принесла к столу (не найдя в тот день ничего другого) пушистой мимозы. Перед началом праздника Стеня организовала шествие с «очами» etc. [...]

Н.К. 12 IV 60. [...] Дорогая Юлич! Действительно, в нашей давней тёплой переписке возникли какие-то серьёзные простои. [...] Ты и сама отмечаешь в письме от 17го, что не писала долго, несмотря на то, что получила от меня известие о начале моего аврала с мамой. Тогда же я спрашивала Тебя о чём-то.. ни на вопросы не было ответа.. ни о маме Ты ничего не спросила. А ведь тут прошло время и до Твоего отъезда в Москву и после возвращения. Я старалась объяснить это ослабление интереса к письмам перспективой поездки к Люсе, а затем ремонтным авралом.. но как-то ничто не успокоилось в душе. Ведь вот и прошлое, уже совсем давнее своё письмо в середине февраля Ты начинала словами, что « не писала целую вечность», и тогда причиной были просто встречи с дамой, имеющей отношение к «балету в Париже», и «бестолковое» времяпрепровождение.

И вот невольно и с огорчением я убеждаюсь в том, что Ты как-то мало ждёшь моих писем, раз сама так мало пишешь и ни о чём не спрашиваешь. Вот оно и замолчалось как-то...

Далее о болезни Веры Петровны, о болезни Надежды Евгеньевны. Вот и посуди, что происходило тут у нас и в каком отчаянном положении была моя работа. Тут и недовольства издательств, и срыв финансового плана, и etc. Ведь к этому надо добавить непрекращающуюся общественную нагрузку по ЛОСХ'у: очередное устройство выставки, а теперь подготовка к отчёту работы нашего созыва Бюро секции. Какое счастье, что это кончается! 23го будут перевыборы, и хоть это с меня снимется в дальнейшем. [...]

Как с ремонтом дома? Скоро ли возможно возвращение к себе? Приедет ли Матвей? Уж очень неуютно было бы принимать сына в чужой комнате за занавешенной дверью. И что дальше в планах?

Целую Тебя, Юлич.

Н.К. 11 V 60. *Открытка.* [...] Юлич, я забыла Тебе сказать, что Никита просит узнать, нельзя ли в Тарту достать ту книгу Ремарка, кот[орая] у Тебя была тут. Кажется, «Жизнь взаимы». Ему хочется [её] иметь, а здесь не достать. [...]

Н.К. 6 VII 60. Дорогая Юлич! Как же Ты? Судя по Катиным письмам, измучилась и устала до предела... И теперь вернулась не на покой.. предстоит, может быть, приятное, но многотрудное installation [*фр. – размещение, устройство*]. Мне ничего не пишешь.. ни слова, о Твоём приезде в Москву узнала из Тикси [*из письма Люси*].. об отъезде – от Кати. Я знаю, что это от усталости и безвременья.. но всё-таки. Ну хоть бы пару слов в открытке. Не знаю, застало ли Тебя в Москве моё письмо. Я писала о том, что у меня внучка. [...] Видишь, какие события. А Ты совсем не в курсе. [...]

Н.К. 14 VII 60. [...] Благодарю Тебя за поздравление с внучкой. [...] Разве я Тебе не писала, что её зовут «Юлька»? (Это я в том письме вам с Катей написала). Представь себе! И никакого разговора об именах раньше не было.. имя, как и пелёнки и ремонт комнаты и пр. были суеверным табу [*к этому были серьёзные основания*]. И только через пять дней после рождения [...] стало можно что-то делать. Тогда же в одной из записок Вадиму Верочка написала м[ежду] пр[очим]: «Сейчас принесли Юльку»... Так оно и осталось. И мне очень приятно. [...] Да, Юлич! Я хотела спросить Тебя, не сможешь ли Ты помочь мне, купив в Тарту пару кофточек бумажных, трикотажных или даже сшитых.. Ты себе представить не можешь, какое тут всё грубое, огромное и безвкусное. Как опытная бабушка Ты представишь себе, что это может быть по размеру на два месяца. Знаешь, это может быть и какие-нибудь миниатюрные носочки или чепчик.

Юлич, а я тут на прошлую субботу и воскресенье уехала с Бархатовыми в Новгород (контрабандно оставив работу). Насмотрелась архитектурной чудесной старины, походила и излазила всё возможное... Съездили мы и в Юрьев монастырь (около Ильменя), так что впечатлений оказалось очень много. И на их машине всё это было так просто и приятно! [...]

Н.К. 18 XI 60. [...] Я хочу сказать Тебе, что ощущение прелестного тихого и тёплого уюта до сих пор живёт во мне после дней, проведённых в Твоём милом доме... Я очень рада, что сподвиглась на этот короткий, но очень нужный и приятный визит к Тебе. Ехала обратно довольно мучительно. В автобусе было холодно, а главное, если б окно было у меня справа, я бы поспала, а прислониться налево, как всегда, не давало сердце. Какой-то спутник, толстый комфортабельный эстонец, видя, что я кручусь, галантно предложил мне свою чёрную с розами подушку. Я ею пользовалась. [...]

А вечером в ЛОСХ'е было многолюдно, и «мероприятие» – выставка Митрохина, которую я «организовывала», прошло удачно, и я получила благодарность за организацию. Так что ничего, что я сбежала в самый ответственный момент в эту эскападу. – Цикламены, которые я везла, не все перенесли дорогу. Два цветка завяли, а три – чудно стоят на роале.

Н.К. 27 XI 60. [...] Я получила Твоё письмо. Хорошо, если дружеские профилактические меры, предпринятые Сер[афимой] Констант[иновной]⁷³, принесли свои плоды и к приезду Люсеньки Ты была в форме. [...] Спасибо за присылку забавных и таких далёких по времени мальчишеских писем... [*Письма Вадима 45 и 46 гг., они теперь в моём архиве*]. У меня копяты кипы писем, но мне всегда так трудно и грустно обращаться к прошлому, что я медлю их разобрать. [...] Я хотела послать к Твоему дню рождения репродукцию для овальной рамки, но ни одна из найденных не вкомпановывается как следует. [...]

[...] Я не удивляюсь, что Твой новый мальчик-студент прельстился атмосферой уюта в Твоём доме. Она так очевидна, эта тихая уютная атмосфера. *Ю.Ф. сдавала маленькую комнату студентам, сама оказываясь в проходной. В наши студенческие годы плату за комнату Мама присылала нам, потом – Матвею, а потом пускать жильцов стало почти потребностью – не жить одиноко. К тому же, Ю.Ф. часто уезжала ко всем нам и дом не сиротел.*

Н.К. 24 XII 60. [...] Спасибо, дорогая, за присылку носочков для Юльки. Меня огорчало всегда, что Верочка держит её голышом.. в одной кофточке... Все мои и знакомых ребята в этом возрасте болтали обутыми ножками и имели какое-нибудь прикрытие в виде三角льничков или трусиков.. а она вся наружу. [...]

Что же Ты слушаешь по коротким волнам? Я-то часто слушаю наши музыкальные программы на 4.26 м. На днях как раз на этой волне был интересный концерт Гилельса: сонаты Скарлатти, Баха-сына, Клементи. [...]

Я так мало успеваю работать... [...] А в ЛОСХ'е и по секции, и по выставкам образовалась такая куча дел и вопросов, что от мелькания лиц, решений, выступлений, споров я устаю ужасно и на следующий день не могу уgomониться. Надеюсь, что станет легче, когда пройдёт выставка графики. [...]

Я шлю Тебе самые душевные пожелания благополучия на 1961^й год!

1961

Н.К. 7 I 61. [...] Вчера получила Гулину «поздравительную» открытку из Тарту (Между прочим, это первое эпистолярное её ко мне обращение за два года!). Значит, эта их эскапада к Тебе удалась и вы вместе встречали Новый год! Как это всё было? [...]

Я живу в непрестанной горячке дел.. приближается срок выставки, и я клянусь себя за то, что не сумела отказаться от председательства в выставкоме.. столько уходит времени.. столько неприятных разговоров.. а своя работа лежит без движения. [...] Мне так туго с работой, что хотела написать Тебе только открытку, а вот уже растёт контрабандное письмо.

Н.К. 14 III 61. [...] М[ожет] б[ыть], мне будет предстоять двухнедельная поездка в наш дом отдыха. Видишь ли, в ЛОСХ'е меня так заездили, что им, вероятно, бросилось в глаза, что меня надо срочно подправить, и мне предложили эту даровую путёвку. [...] М[ожет] б[ыть], всё же поеду, а то у меня кружится голова, и вообще я слишком устала.

[...] Юлич! Я была у Барбы. Не смогла пойти к ней в день похорон Наташи [Н.А. Энман], хоть и следовало это. Но у неё в этот вечер, я знаю, был Волк и Ольга Марковна [Каменецкая]. Барба, конечно, очень горюет. Одно [Подчеркнуто Н.К.] останавливает в этом.. ведь оказалось, что весь организм Наташи был так израсходован, так (неожиданно) изношен, что её грозила бы мучительная жизнь [...]. В больнице она пролежала около полутора месяцев или нет, меньше, но этот сложный перелом ноги оказался роковым. Похоронили Наташу на далёком и незнакомом кладбище за Автовым.. теперь почему-то там возможно хоронить... Было довольно много народа. Много незнакомых мне. Была Камилла, элегантная, очень старая и очень одинокая.. были Мончадские, Волк с Трудой. Волку я передала Твои слова о его письме, и он был рад, что оно дошло до Тебя, и сказал, что непременно напишет Тебе.

Приписка на полях письма. Юлич, я рассказала Барбе о Зосином и Твоём письме и кое-что из них ей прочла. Я думаю, что это ничего?

Н.К. 26 III 61. Я всё-таки оказалась на 12 дней в Зеленогорске. [...] Я надеялась, что смогу где-нибудь в лесу или на берегу сидеть с карандашом или с книгой в руках, но это не выходит. Холодно. Часто снегопады и ветер. [...] Залив подо льдом, и вдали от берега на границе мелей громоздятся высокие торосы. Моё устремление к одиноким и дальним прогулкам было бы не осуществимо, если бы мне здесь не выдали казённых высоких резиновых

сапог, которые теперь сделали меня независимой от шоссе и людных мест. И я удаляюсь от общества, шагая прямо по целику в лесные тущобы.

В субботу 25го был мой абонементный концерт, и я приехала в город, вот тогда и нашла Твоё письмо...

Должна сказать, что здешние обстоятельства и примитивность нашего «дома» таковы, что в комнатах нет покоя особого. В моей, например, помещается ещё трое разных людей: благочестивая старушка-художница, хромая, невзрачная и очень разговорчивая, миловидная натурщица, работающая здесь, и бойкая молодая художница-энтузиастка, которая в ватной куртке и брюках пишет этюды налево и направо весь светлый день... В комнате пахнет олифой и от неё самой, и от массы развешенных по стенам этюдов. [...] Я буду рада вернуться к своей многотрудной жизни. Надеюсь, что это хорошая доза изумительного лесного, морского и снежного воздуха сделает своё дело и поможет мне в предстоящем большом аврале. Я сразу же должна буду заканчивать замучившую меня книгу, а к 23^{му} мне надо с моими ближайшими, но ленивыми соратниками открыть книжно-графическую выставку. [...]

Ты спрашиваешь о нём [*Никите*].. он очень изменился за этот год, и я тоскую без него прошлого. Он часто срывается с тона... Да что говорить.. всё это легко объяснимо. И вообще трудно жить втроём в одной комнате! А когда происходит серьёзный, видимо, роман, и все встречи должны протекать на улице или в кино – ведь это ужасно. [...]

С прошлого года я обратилась в ЛОСХ за помощью в этом смысле. Но хоть там и идут навстречу – всё-таки моя работа там за последние три года что-то значит – всё это требует времени. Мне предлагают «мастерскую», но всегда эти мастерские даются далеко, в районе нового строительства, и, что особенно важно, в них не прописывают. Отдать мастерскую Никите я не смогу.. а ездить туда самой «работать»? Да добро бы дело было бы только во мне! Н. Ев.-то всё равно тут. Вот и не знаешь, что предпринять... Хлопочу ещё о возможности замены мастерской дополнительной площадью тут же в квартире, имея в виду ту маленькую прикухонную комнатку в 10 м², где постоянно у нас сменяются жильцы, но говорят, что эти 10 м ЛОСХ'у гораздо труднее отхлопотать, чем мастерскую в 24 м². По нетерпению, с каким Никита интересуется всем ходом дел, вижу всю внутреннюю «погоду» обстоятельств. [...]

[...] Вадим оптимистически предполагал, что я поживу с Юлей, и недавно только я ему (с тягостным чувством) разъяснила, что, пока я не оформила себе пенсии, мне нельзя делать большого перерыва в работе, иначе я опять на год отложу себе эту возможность. И так уж из-за этой общественной нагрузки я теряю в заработке и тем самым готовлю себе печальную участь в будущем.

Что говорить.. я не умею жить.

Сейчас пришла из леса.. как там чудно! Ночью опять шёл снег. По его нетронутой волнистости повсюду бегут какие-то следочки птиц и зверушек. Даже лисьи следы с полосками, оставленными хвостом. – Обнимаю Тебя, мою милую.

Н.К. 14 V 61. [...] Повидалась с Люсей, она была у меня два раза, и потом мы в день её отъезда были у Барбы.. я даже не успела по свежим следам написать Тебе... [...]

Выставка вышла большой и, говорят, интересной. 18го на её основе будет большая книжно-графическая конференция, где мне опять бы надо участвовать. [...]

Н.К. 12 VII 61. [...] Вчера, 11го, мы похоронили Надежду Евгеньевну. Она умерла в ночь на воскресенье, 9го; в 8 ч. вечера мы все простились с ней, когда за ней заехали Разумовские. Как-то вышло так, что мы все [*Вадим, правнучка*] оказались тут. А на следующее утро позвонил Андрей Разумовский о том, что в 3 часа ночи после двух сердечных приступов она умерла в окружении и заботах о ней Разумовских и вызванного из Мги врача.

Н.К. 11 VIII 61. [...] Тут, наконец, мои «хождения по мукам» по поводу комнатки увенчались успехом. [...] Всё это для ЛОСХ'а звучало как необходимость иметь маленький (там 8,5 м²), но отдельный угол для работы. На деле же я, конечно, мытарилась из-за Никиты.. чтобы иметь возможность ему иметь какую-то закуту. Некогда он мечтал о ней, чтобы поставить там стол, верстак и станок, теперь же, вероятно, он будет склонен сделать из этого купе другое употребление. Но об этом пока не говорится. Я же ощущаю это как почти непосильный материнский вклад в наше хозяйство. Ведь если бы не моя бурная общест[венная] деятельность в ЛОСХ'е, я не получила бы того обменного фонда, который сделал реальностью эту «людскую». [...]

[...] У Барбы я была.. застала там Стеню, кот[орая] приехала по делам и сейчас тут задерживается, имея в виду и состояние Веры Борисовны. Её ноги как будто немного лучше, но сама она заметно сдала. Вот и Стене это кажется. [...] Она очень радуется тому, что это время Стеня будет у неё бывать, чередуясь с Олей Ганд[ельман]н. О Тебе расспрашивала много и непременно хотела написать. [...]

Н.К. 23 IX 61. [...] Думаю о нескольких днях с Тобой в Тарту как об обетованном рае с неспешным разговором, в котором всё яснее и становится на свои места. [...]

Н.К. 15 X 61. [...] Сейчас в Тарту открыта выставка, на которую мы отправили часть работ с той нашей графической выставки, которую я тогда весной организовывала. Следовало бы её посмотреть, но не знаю, долго ли она провисит. Если узнаешь об этом сроке, упомяни в письме. [...]

Родная моя! Напиши мне для бодрости. Непременно надо повидаться. [...]

Так странно всё сложилось с этой новой комнатой... Она, как ни странно, получилась уютной и удобной, а я сижу одна в этой похолодевшей и просторной комнате, которую сей-

час не люблю (без Никитинога стола и его книжных полок). И вообще всё так непривычно с этим зимним одиночеством. Раньше ведь он только по летам уезжал...

Н.К. 5 XI 61. [...] Когда последний раз была у Барбы, там была и Стеня. Собственно, они меня просили зайти в связи с моим юбилеем. [...] У Барбы Гептахор в образе Стени (потом и Волк подошёл) подарили мне прекрасное чешское издание «Фриз Парфенона» с милой надписью: «Дорогой Наташке Косатой в непостижимый день её шестидесятилетия» и дальше шесть подписей. Это было очень приятно. – Там же (что я Тебе по секрету говорю) Стеня дала мне подписать письмецо, кот[орое] предназначается Тебе, но мне кажется, что они ошиблись в датах или счёте времени. [...]

Н.К. 3 XII 61. [...] Хочу ещё раз поблагодарить за тихие и уютные три дня у Тебя, дорогая моя Юлич! Доехала я чудесно. Этот сидячий поезд – просто прелесть. [...] Тепло, светло, удобно, поят чаем и т.д. От дороги – никакого утомления. [...]

1962

Н.К. 21 I 62. *В Джезказган.* [...] Странное ощущение возникает, когда читаешь повесть или роман не наших дней.. впечатление замедленной и безмятежной съёмки.. а тут... *В письме о трудном романе Никиты.*

Н.К. 6 IV 62. Юлич, мой дорогой друг! Твоё письмо, которого ждала так долго, получила почти неделю назад... Вникла в него с чувством горечи за все невзгоды Матвея.. ощутила те безмерные перегрузки, которые в связи с этим достались там на Твою долю. Огорчилась Твоими словами об опустошённости и тем оцепенением, в котором Ты вернулась домой... Юлич, Ты же страшно устала и измучилась! В тишине Твоего милого дома всё понемногу уляжется, все трудности и огорчения обдумаются и расценятся объективнее.. а весна с солнцем и голубизной помогут вылечиться. Но к доктору, надеюсь, Ты всё же собралась? [...]

[...] На этой неделе я опять бывала в ЛОСХ'е, чтобы организовать выставку [С.М.] Штейнберга [1911-1960] к этому воскресенью. Это одна из двух выставок, которые ещё оставались на моём попечении. [...]

Ты спрашиваешь о Барбе... Я долго не была у неё и, конечно, терзалась этим. На днях в Филармонии, где тоже не была целую вечность, на концерте Баршая (Вивальди) неожиданно встретила Стеню. Она слегка укоряла меня тем, что я не прихожу к Барбе.. говорила о хлопотах, которые она всё время продолжала относительно Дома учёных, где есть стационар для престарелых, в который очень трудно попасть.. и о том, что всё это может сорваться из-за того, что Барба совсем не может ходить, и что тогда она совсем не знает, что предпринимать. [...]

Н.К. 8 IV 62. Дорогая моя Юлич! Неожиданно для себя пишу Тебе подряд второе письмо. Знаешь что? Сегодня позвонила мне утром Стеня. Прежде всего она сказала, что, к счастью, Барбу удалось устроить в Дом учёных. [...] Стеня много сделала, чтобы выхлопотать это. [...]

Юлич, а затем Стеня мне сказала, что перед отъездом в Москву она очень хочет повидать Тебя и что хочет на пару дней съездить в Тарту. Я знаю, что Ты была бы рада этому, но не знаю, как Ты в смысле здоровья, в смысле «формы».. Стеня думает поехать после 20 IV сразу. [...] Я сказала Стене, что к 1 V к Тебе хотела приехать Катя. [...]

Заклеила конверт, забыв написать ещё об одном вопросе Стени. Ещё в ту нашу встречу в Филармонии Стеня говорила о том, что не знает, как ей поступить с портретом Наташи Б[ольшой], написанным А.Я. Волею, что портрет хороший, но что себе в Москву она его не может взять.. у Барбы его теперь тоже не повесить и что ей пришло в голову передать его Тебе. Я не видела этого портрета и не представляю себе, как он был бы в Твоём доме... Но думаю, пусть бы Стеня, как она это предполагает, захватила его к Тебе. Вы посмотрите.. Катя увидит его, а потом мы с Тобой решим, как с ним поступить в дальнейшем. [...]

Н.К. 15 IV 62. *Открытка.* [...] Получила ответное письмо утром и очень рада, что Ты именно так отозвалась на перспективу Стениного посещения. Я думаю, что, м[ожет] б[ыть], встречу её сегодня в Филармонии [...] и передам ей всё. Понимаю волнение и трудности, но всё-таки в такой поздней встрече большие ценности и человеческое тепло. Пишу так скверно, потому что без очков, на почте. Зашла сюда мимоходом опустить поздравительное письмецо Зосе... [...]

Ю.Ф. – С.Д. 29 IV 62. Стень, милый, дорогой, я была глубоко обрадована твоим желанием увидеться со мной. Всю эту неделю томительно ждала, но я очень хорошо понимаю, как обстоятельства могут встать на пути наших желаний и планов. Но я глубоко верю, что мы встретимся, теперь я сделаю всё возможное для этого. Последние годы я часто бывала в Москве (хотя и проездом, но всегда с остановкой). А, может быть, дела понудят тебя в течение ближайших трёх месяцев быть в Л[енинград]е. Я тоже буду где-нибудь в Пушкине пасти внука Николеньку. Я хочу сказать тебе, как бесценен для меня тот свет, которым ты осветила мою юность. Детям своим я передала любовь к жизни и мужество жить.

Целую тебя, моя дорогая.

Юлич.

Н.К. 2 V 62. *Большое письмо посвящено бракосочетанию Никиты с Наташей Правосудович и Наташи Пини [племянницы, дочери Алёны] с Андреем.*

А вчера опять была у меня Юлька... При ней же была у меня Стеня (и я совсем, к сожалению, не могла с ней как следует побыть.. внимание раздваивалось) Да! Стеня оставила мне для Тебя (от Барбы) репродукцию Леонардо.

Н.К. 26 VI 62. [...] Вчера была на выставке Пикассо и очень жалела о том, что Ты её не посмотрела. Сегодня опять пойду в Фил[армонию], чтобы «выходить» билеты, но и потому, что интересная музыка Бартока «для струнных, ударных и челесты».. только бы не было дождя.. сейчас с утра всё время льёт... [...]

Н.К. 10 VII 62. *Открытка.* [...] Сегодня вечером я уезжаю. Это небольшая эскапада на Онежское озеро в Кижы, наконец, как-то организовалась. [...] *Письмо от 25 VII в большей части посвящено путешествию на Кижы, в Петрозаводск.*

[...] Но главное – это необычайное, фантастическое сооружение на острове, которое теперь охраняется, поддерживается и «спит» над водами.. всё в высоких травах и тишине, но которое, когда оно жило, теплилось свечами и собирало народ с 30^{ти} окрестных островов и оглашало озеро звонами...

Н.К. 4 VIII 62. [...] Юлич, [...] представь себе: я послезавтра еду в Москву дня на три. Если б не то, что это «контрабанда» во многих отношениях, т[ак] к[ак] 1) надо работать; 2) я уже «проездила»; 3) нет лишних денег; 4) и, главное, я плохо экипирована – то всё было бы хорошо! В М[оскве] открыта выставка ювелирных изделий античности (VII [век] до н.э. по VII в.) Я узнала в Эрмитаже, что сюда её не привезут, и мне хотелось её увидеть. К тому же у Цинзерлингов – Лада. Пока я обо всём этом размышляла, Никита пошёл и нахрапом взял мне билет туда и обратно. [...]

Н.К. 16 X 62. [...] Сегодня утром мне звонила Стеня.. я упомянула, что Ты здесь сейчас, и Стеня проявила живейше желание повидаться с Тобой. [...] Я предложила [...] такую встречу у меня и, например, в пятницу. Стеня хотела мне звонить. [...] Твои хризантемы, Юлич, прелестно стоят и радуют меня. [...]

Н.К. 10 XII 62. [...] И вот ещё грустное событие, о котором сообщаю Тебе в последних строках, тогда как из-за этой темы я, собственно, и решила написать Тебе не откладывая.

Вчера похоронили Барбу. Она умерла 5го вечером. Оле Ганд[ельман] сообщили об этом только 6го вечером. Последнее время она почти не узнавала никого.. для неё конец наступил гораздо раньше по существу. Стени не было, не могла или не успела приехать, не знаю. Вчера утром было так ветрено и так холодно на этом жутком пустыре, недавно отведённом под новое кладбище и никак ничем не прибранном, не приведённом в пристойный вид. Кому-нибудь из нас надо будет весной сделать всё возможное, чтобы привести это [могилу] в христианский вид.

Я ещё сильнее кашляю.. вчера прибавила к давнишней простуде этот кладбищенский озноб. Хорошо ещё, что рядом был Волк с его необычайно тёплой душой. [...]

Н.К. 26 II 63. [...] Во вторник 19го я должна была делать этот давно обещанный коллекционерам Дома учёных доклад. Пришлось усиленно к нему готовиться, и половину субботы, воскресенье и понедельник я писала. [...]

Н.К. 9 III 63. Милая моя Юлич, любимый большой мой друг! Твоё последнее письмо, затронувшее очередную и болезненно звенящую внутри тему снова (как много-много раз) дало мне драгоценное ощущение Твоей души и мысли рядом со мной. Всё понятно, всё принято и прочувствовано Тобой после одного короткого разговора... Спасибо.

Вчера я, наконец, утвердила в Издательстве давно залежавшийся у меня эскиз оформления Эрмитажного издания. Сразу как-то стало легче на душе. [...] А то, когда работа стоит, а кругом непрерывные *funérailles* [*фр.* – похороны], всё заполняет тоска. – 2го в ЛОСХ'е мы с большой горечью провожали Конашевича, этого замечательного художника и совершенно очаровательного человека.

А у меня это были пятые похороны почти подряд.

[...] 15го иду на концерт Английского фестиваля. Очень жду этого, потому что «ползаю во мраке», а концерт должен быть очень интересным. [...]

Н.К. 28 III 63. [...] На днях сдала оформление альбома скульптуры. К счастью, вышло удачно. Предыдущая работа ведь тоже получилась неплохо.. значит, есть ещё возможность как следует работать, а роковой затор в издательствах продолжается. И прогнозы в этом смысле прескверные. В наших сферах царит такая неразбериха и растерянность, что её [*их?*] надолго хватит. – Перебивая саму себя, хочу сказать о гиацинтах. Сегодня неожиданно для себя и «контрабандно» купила два дивных срезанных цветка, тёмно-лиловый и нежно-розовый, и вот сейчас, вечером, они до того разблагодухались, что я сижу, как замороженная!

Знаешь, Юлич, вот сейчас только что позвонила Стеня. Она приехала сюда уже дней 10 назад, но уезжала отдыхать в Гатчину... Сейчас звонила, чтобы пригласить на «встречу старой гвардии». Спросила сразу о Тебе.. где Ты, и огорчилась, что разъедется с Тобой, очевидно, потому что будет здесь числа до 12го. До 13го останется, только если будут шансы попасть на 13^{ью} симф[онию] Шостаковича. Мне бы тоже хотелось её услышать, но вряд ли это будет просто осуществить. – Я была недавно на концерте Английского фестиваля. Это было интересно.. особенно песни Пёрселла в обработке Бриттена.

Н.К. 24 IV 63. [...] У меня есть план пойти с Тобой в пятницу 26го в Филарм[онию]. Это наш абонементный концерт. А ребята заняты и не идут... Мы могли бы повидаться тут, поговорить, а потом пойти послушать Янсона с Берманом. (А что в программе, пока не знаю) [...]

Н.К. 20 V 63. [...] Наметь, пожалуйста, день нашей встречи. [...] И мама хотела Тебя повидать.. вот она сидит тут у меня сейчас и просит переслать вам с Люсей её привет. Не откладывай, Юлич!

Н.К. 10 VII 63. [...] Сейчас у меня есть работа и, как водится после долго отсутствия, получила сразу три заказа. А голова пустая, и пока мне не нравится ни один из начатых эскизов. Надо бы бросить дом.. не делать.. главное, не думать об этих обедах и уборках, чтобы хоть для начала погрузиться в свою сферу. [...] Сейчас в длительной командировке Алёна – значит, мне нужно одной опекать маму. Я не могу не помочь Вере, когда у неё SOS там с Юлькой... [...]

С какой радостью сегодня вечером я зашла бы к Тебе поговорить и выпить чаю за Твоим круглым столом с цветами в гуцульском кувшине. Мы встретимся через месяц с небольшим, но как? [...]

Я ничего не знаю о Кате. [...] Я была бы рада её повидать. [...]

Н.К. 17 VII 63. Юлич! Пересылаю Тебе письмо Стени, вчера полученное мною для переправы к Тебе (Она не знала, где Ты.). Это письмо я прочла по её же просьбе, чтобы ей дважды не писать о последних радостных оборотах её трудного дела. [...]

С.Д. 8 VII 63. *Мукачево*. Юлич, остальной из стаи славного гептахорского воинства, пишу Тебе, чтобы сказать, что наше светлое и святое дело, наконец, получит права гражданства! 40 лет висели над ним вечные обвинения в семи смертных грехах: [в] мистике, [в] искусстве для искусства, [в] буржуазной идеологии, [в] сектантстве и т.д. и т.п., и только теперь это с нас снято; снято официальной высшей властью – Комиссией ЦК: нашему начальству в Д[оме] [Дворце?] культуры велели «предоставить» нам всё [*Подчёркнуто С.Д.*] для работы; сказано, что мы имеем все права на существование, никаких идеологических сомнений мы не вызываем. После трёх месяцев (нас закрыли без объяснения причин с 1го апр[еля]) велено нас «открыть». Мы живём. Курилка не сдался и не погас. О чём рапорту! Больше ведь некому сказать: Ты одна знаешь все истоки, все искания, всю веру, всю радость и всю любовь нашу. Ещё скажу: столько лет нам приходилось замалчивать дорогое имя и родство духовное наше с Ysador'ой. Теперь этого больше не надо, мы свободно можем произносить её имя и считать себя её наследниками по самой главной чисто идейной линии.

Так что, Юлюшка, Кузмин был прав тысячу раз: «И форель пробивает лёд, когда она упорна». Возрастает непомерная ответственность. Ах, почему всё приходит так поздно, когда немощно тело и «крылья желаний повисают»? Таков закон Геракла... Как нам с Эммой, двум старухам, выполнить то, что от нас требуется? Ведь теперь наступает «государственный экзамен». Ведь сейчас все: и друзья, и враги – ждут, ну что же мы сможем сделать? Одна надежда на помощь тех, кто «послал на этот путь», называй их, как хочешь.

Впрочем, одного из них я чую рядом с собой, ибо сижу на камне, оббитом плющом... Сколько лет я его не видела в природе! Невольно поклонилась низко ему и, признаюсь, всплакнула. Вокруг меня гудит буковый лес на крутом склоне Закарпатского холма [хребта?]. Почему это только Закарпатье? Почему на долю нашу выпала вечная тоска по голубой родине [по Греции?], как по Граалю? Но здесь хорошо. Здесь прелестные горы, мохнатые, зелёные; леса, виноградники, горная речка, солнце, тишина. Я дышу полной грудью и отдыхаю перед теми большими делами, что ждут с осени. Мне спокойно, потому что я знаю, что и Эмма поехала отдыхать, получив зарплату за незаконный простой с 1го апреля. Вообще я могу сказать, что совесть у меня в общем чиста. То, что я могла, я делала. Не всегда это было удачно, часто неумело, невпопад... Что делать? Я не дипломат и, что хуже, – я не боец, драться никогда не умела. Белоручка в этом смысле. Но вот оказывается, что, если честно работать, делать своё дело, всё же можно когда-нибудь победить [им] самим, без других средств. Правда, нас бы давно не было, если бы не друзья и не друг Л.В. Кулаковский⁷⁴, который не раз спасал нас в минуту жизни трудную, благодаря своим связям и энергии неугасимой...

Ну, вот так. Как всегда, я не знаю, где ты, и посылаю через Наташку, хочу, чтоб и она получила этот рапорт.

Целую тебя нежно, мой дорогой друг, в тебе – нашу неумирающую юность.

Н.К. 30 VII 63. [...] Через несколько дней начнётся отпуск у моих молодых, и я мечтаю опомниться в тишине одинокого дома. [...] Сейчас я ещё не в очень плохом настроении, так как вчера узнала, что мои эскизы одобрены, и, значит, полдела по этому заданию выполнено. Вероятно, Ник[ита] и Нат[аша] 5го уедут в отпуск, и я очень надеюсь быть в форме и работать всю. [...]

Написала ли Ты Стене? [...]

Н.К. 18 VIII 63. Юлич милая! Вечером после Твоего ухода получила эту открытку Стени. Т[ак] к[ак] главной темой Стениного послания являешься Ты, так я и пересылаю Тебе его. [...]

Вот эта открытка «Закарпатский пейзаж».

С.Д. 13 VIII 63. Дорогая моя Косатенькая! Спасибо за письмо. Меня очень беспокоит, что Юлия мне ничего не ответила: это на неё так не похоже! Всё ли у неё благополучно? Получила ли она моё послание, которое ты ей переслала?

Н.К. 14 X 63. [...] Вчера ко мне приезжала Цинберг (в качестве худ[ожественного] совета) и благословила мой вариант обложки. [...]

Н.К. 21 X 63. [...] Юлич! Третьего дня я вдруг получила милую коротенькую записку от Стени. Она говорит, что 26го приедет сюда недели на две и по делу и чтобы по-

быть с Митей. Стеня спрашивает, где Ты. Говорит, что потеряла Твой ленинградский адрес.. потом пишет, что «30го её день рождения. Если она в Л[енингра]де, очень хочу её увидеть в этот день». Она путает.. ведь Твой день в ноябре? Но, если Ты напишешь письмо для Стеня, будет хорошо.. я передам ей при встрече. [...]

У меня нынче всякая суматоха продолжается: завтра «сборище выборжцев»... Сегодня звонил Волк и спрашивал, приду ли я. И Бражников звал... В четверг – выставком в ЛОСХ'е, а в субботу, 26ое, мне уже несколько человек сказали, что помнят об этом [*день рождения Н.К.*] и придут. [...]

Н.К. 8 XI 63. [...] Тут было и окончание эскизов, теперь утверждённых окончательно и ждущих своего выполнения; были деловые встречи по поводу выставки; посещение Эрмитажа (на две уже закрывающиеся выставки) и, наконец, дурацкая хворь, выбившая меня из колеи...

У Тебя ли Катя? Если да, то вы уютно и тихо сидите и разговариваете в Твоей тихой милой комнате с тёплой кафельной печкой... [...] О Стене ничего не знаю. К моей досаде, я потеряла номер телефона Каменецких и не могу им позвонить и узнать.

Друзья Паркеры звали Н.К. погостить в Москву.

Да где там... [...] Вот разве напечатаю ряд гравюр для Музея Из[образительных] иск[устств] и тогда повезу их... Ну, да это ещё за горами.

Н.К. 26 XI 63. [...] Катя! В нескольких строках Твоего письма передо мной ясно обрисовался её теперешний облик... Не все умеют спокойно и достойно стариться. У Кати как раз есть все возможности жить тихо, интересно, элегантно и уютно. А она живёт трудно, курьёзно, утомительно для себя и для других и выглядит так нелепо и так назойлива со своим «я». [...]

Последние полторы недели действительно не давали дням течь, пусть хоть напряжённо, но без эксцессов и трепыханья. Пожалуй, самым трудным были мои вынужденные «выступления» в ЛОСХ'е. Я Тебе, наверно, говорила, что вновь и довольно императивно я была выбрана в выставком следующей графической выставки. [...] А тут начались раз за разом какие-то странные демарши в адрес будущей выставки и её выставкома со стороны бюро Секции, Правления или каких-то персонажей. И всё это как-то глухо.. за спиной и довольно безобразно. В конечном счёте, мы просили собрать бюро и общественность, и я произнесла там довольно сердитый и взволнованный спич, я его подготовила и знала, что [*Подчёркнуто Н.К.*] мне надо высказать, но, к сожалению, не смогла сказать это с ледяным спокойствием, как хотела бы. Мне говорили, что моя «тронная речь» была прекрасна.. не знаю. Во всяком случае, это надо было сделать.. перед нами извинялись.. признавали недемократичность поведения по отношению к выставкому и пр... Нашу «отставку» категорически отказались

принять.. но факт в том, что и без того необычайно трудное по нашим временам дело организации выставки теперь ещё осложнилось тем, что некоторые влиятельные личности, посрамлённые нами, затаили злобу и будут вставлять нам палки в колёса уже по ходу дела. Вообще всё очень трудно.

Трудно и с моей личной работой. Вот сделала эскиз, утвердили его, и все были довольны. А я не справляюсь с его выполнением... Он очень труден, и оригинал выходит хуже первоначальной наметки. [...]

Н.К. 26 XI 63. *Письмо послано в Уфу, где у меня в это время гостила Ю.Ф.* [...] 14го (кажется, это было именно 14го) я была приглашена Стеней на «сборище» перед её отъездом обратно в Москву. Это было на территории Лиды Рознич в её красивой несовременной комнате с видом на пять мостов. К моему огорчению, я не знала, что это Стенин день рождения [именин!], который особо отмечается Олей Г[андельман] и всей компанией преданных.. Тася.. Лёля Ив[анова], др[угие]. Стене подарили чудную недавно вышедшую книгу о греческой скульптуре. Для Стени главным на этот вечер было чтение длинных стенограмм тех заседаний, которые (в который уже раз?) должны были решить судьбу студии.

Стеня была до краёв полна этой темой, с завидной молодостью и оптимизмом упирая на каждый положительный момент в отзывах и игнорируя (или смазывая) всё нежелательное. Оля Г[андельман], сидевшая рядом со мной, шёпотом говорила мне, что всё хорошо, если бы не то, что Эмме (а это ведь единственный проводник системы) было бы не 65 лет (!).

1964

Н.К. *На новый 64 год.* [...] Большое письмо Гуле потребует много усилий и, может быть, не скоро напишется. Если Ты пришлешь его мне, как мы говорили, я со всем душевным вниманием прочту его. [...]

Н.К. 31 I 64. [...] С работой по-прежнему трудно и безрадостно. Сейчас мне приходится очень нервозно и утомительно работать, заканчивая работу Т. Цинберг, у которой очень серьёзно разболелись глаза и которая передала мне завершение своих издательских обязательств. А это и трудно и особо ответственно. [...]

Н.К. 18 IV 64. [...] Вчера мне звонила Стеня.. спрашивала о Тебе и хотела бы сговориться о встрече, и я предложила мой плацдарм. Так вот, если Ты позвонишь, мы, может быть, сговоримся об этом.

С.Д. 26 V 64. *Открытка на ул. Типанова, в Ленингра.* Дорогая моя Юлюшка, не удивляйся моей безголовости... Когда мы были у Лиды, у меня в портфеле лежала для тебя маленькая памятка, но она благополучно уехала со мной в Москву!.. Я посылаю её тебе – пусть так же, как твоя, она тебе ежечасно напоминает город нашей юности, нашу жизнь и ну, и меня тоже. – Знаешь ли ты, что вчера было 50 лет, как мы двинулись в нашу сказку, как

начался ни с чем не сравнимый праздник нашей жизни в лазурном краю? Целую тебя крепко-крепко. Ужасно много спешной работы, потому не пишу много. Твоя Ст.

Ю.Ф. 20 VI 64. Стень милый! Повинную голову меч не сечёт! Прости, очень прошу! И твоя открытка и милый дар всё пришло, как положено [*ко дню именин 31 V*], только в это время болел Николушка и были всякие волнения, что он не успеет поправиться к выезду на дачу, не говоря уже о том, что целыми днями он был на мне. К счастью, 8 VI мы всё же проводили его здорового, но грустного («Мы расстаёмся, Бауленька!»).

И вот я дома [*в Тарту*]уже полторы недели. [...] Я не могу тебе объяснить почему (у дочек мне совсем неплохо), но я глубоко рада быть у себя, я вся словно в плену у своих стен, вещей, книг, растений. Мне всё хочется привести в порядок, и я тружусь, пока не сваливаюсь⁷⁵. Дух бодр необыкновенно и деятелен, а вот плоть немощна и явно не поспевает за Духом. Скоро приедет сестра [*Базанова Надежда Фёдоровна (1895-1995)*], и я примусь за лечение: ведь не успеешь оглянуться и опять – в поезд, опять – вахта.

Стень мой дорогой! Спасибо тебе огромное за встречу с Никоном, моим первым любимым ребёнком. Увидев его, я как-то совершенно не могу понять, как я могла позволить жизни одолеть меня и не видеть его в те годы, когда это было ещё возможно. А, может быть, только теперь, став бабушкой, я поняла, как много в моей жизни значил Никон и какой след он в ней оставил. Напиши ему, что я глубоко рада встрече с ним.

Рада за тебя, что едешь опять в Закарпатье [...] Напиши мне оттуда, каким образом Мукачево стало твоим летним pied à terre'ом [...] Напиши ещё о семинаре, о том, как кончился год.

Целую тебя, мой дорогой Дружочек, и прости меня за то, что так долго тебе не написала [...]

А я, между прочим, буду стараться получить путёвку в санаторий: надо что-то делать с моим неумением и небрежением следить хоть немножко за здоровьем.

Н.К. 8 VII 64. [...] Позвонил по телефону, а затем и пришёл Б[уба] Бражников. Он собирался ко мне ещё в январе.. потом пропал и вот внезапно появился с рассказом о своих невероятных семейных обстоятельствах и крушениях. Прожив с женой 33 года, любя свою дочь и обожая свою внучку, он ушёл из семьи. Он выбирал между терпением и желанием довести свою редкостную и важную научную работу, которая всячески бойкотировалась и подавлялась его супругой. Он больше не мог жить дома и ушёл к какому-то давнишнему своему другу... Как был, в одном костюме, с охапкой самых нужных книг. (Всё остальное: квартира, инструмент, библиотека и все личные вещи – остались и заперты от него на замок). Пишу вечером, после его ухода, уже поздно. Я под сильным впечатлением [*от*] его рассказа о жизни, откровенном дружеском повествовании о безмерных трудностях, долге,

терпеливо выполнявшемся, и, наконец, (уже под занавес) – фиаско семьи для куска свободы и работы. [...]

[...] У меня в ящике стола лежит следующая работа, от которой, раз уж она мне предложена, не могла отказаться и ради денег, и ради пенсионных крох, которые мне надо собирать. – Юлич, родная, я не оставляю мысли о поездке к Тебе [...]. Даже отложила для этой цели немного пиастров. Но когда это будет? [...]

Н.К. 5 VIII 64. [...] Дорогая! День за днём перелистываются, а я не пишу Тебе! [...] Напиши мне, пожалуйста, сразу хоть несколько слов.. что-то я очень затосковала. Если бы не то, что Ты приедешь в Л[енингра]д, я собралась бы всё равно, хоть на пару дней. [...]

Н.К. 18 IX 64. *Открытка.* Ну как Ты себя чувствуешь, дорогая Юлич? Я пишу Тебе столь срочно, чтобы сказать, что во всех обстоятельствах пути и затяжного «причаливания» к городу я не сказала Тебе простого и тёплого слова благодарности за всё Твоё внимание и радушие. Не знаю, как это у меня так получилось. Говорю эти слова теперь самым душевным образом...

Н.К. 3 X 64. [...] Я очень соскучилась без Тебя. [...] Но не могу назвать дня, когда бы я могла без помех побыть с Тобой.. тут и ЛОСХ (с теперь трудными и безрадостными заботами о выставке.. без Там[ары] Ц[инберг], [Л.С.] Хижинского [1896–1972] и [Г.П.] Фирингофа [1905–1975]я чувствую себя во враждебном лагере) и работа (и своя и Т.Ц.), и дом, и мама. Я была у мамы сегодня с только что полученной бандеролью... Мама была тронута Твоим вниманием и особенно письмом.. оно действительно чудно «сформулировано», и традиционное поздравление превратилось в душевный и умный привет. Мама просила меня написать Тебе все тёплые слова благодарности.

В открытке от 8 II Н.К. передавала просьбу В.П. о носочках. Не ищи их, пожалуйста.. только если подвернётся подходящее, ну чепчик или кофточка, купи, пожалуйста.

[...] Завтра с утра развешиваю Лермонтовскую выставку в Доме писателей (Почему? Никому не известно)... В понедельник я в издательстве, а во вторник – опять в ЛОСХ'е. Значит, впереди маячит среда. [...]

1965

Н.К. 4 I 65. Юлич моя дорогая! Спасибо за письмо, за поздравления. Рада, что дом Твой встретил Тебя хорошо.. и парни были на высоте [*студенты, которые снимали комнату*].. и кактус цвёл... Представляю сейчас себе всю тишину и мирный уют Твоего уголка, а тут!

[...] А почему Ты говоришь, что Стеня грустно пишет?

[...] У меня перед Новым годом была трудная пора. Сдавала работу (Хогарта), я чувствовала прохладное отношение к ней редакторов.. отдельные мелкие замечания (к каким я

не привыкла) и затем неопределённость, так как мне сказали, что теперь у них ничто не решается без директора и какого-то совещания. Я ушла оттуда с тяжёлым сердцем, и только через три дня мне позвонили, что директор утвердил работу. Ну, а совещания до сих пор не было. [...] Возжусь с макетом каталога, по поводу которого ни у кого из товарищей «голова не болит». Впереди аврал с экспозицией злосчастной выставки, и до этого мне необходимо подытожить все свои работы. А всё так медленно идёт. [...]

[...] Получила много писем. От Кати – стандартное поздравление.

Тут, числа 25го, мне звонил Волк и сказал, что 27го празднуется день «первого урока» у Стени (по адресу Эммы), и думал, что я пошлю телеграмму. А я предпочла 27го написать Стене письмо. [...]

Н.К. 13 II 65. [...] Две большие задержавшиеся у меня работы (Хогарт и Ингал) только что на днях ушли с моего стола и из мыслей. И по той и по другой книге, к моему огорчению, всё требовались какие-то дополнения: то это заглавная буква, то корешок и т.д. Ещё не освободившись от всей этой муры окончательно, я имела смелость (или «нахальство») взяться за срочное оформление книги для Московского Детгиза. Это книга с рисунками [Кс. Ал.] Клементьевой [1896–1984] «Детство и отрочество», которая очередным образом переиздаётся. Я очень боялась связать себя с этим, потому что это могло (и должно бы было) совпасть с последним грандиозным авралом по выставке. На моё счастье, оказалась продлённой на неделю выставка акварели, и за эту неделю я должна была доделать книжку. Сейчас сделала обложку и форзац и придумала титул и два шмуцтитула. Но дела ещё много, а времени до начала нашей экспозиции шесть дней. [...]

Оттого ли, что две замучившие меня работы позади, оттого ли, что в ЛОСХ'е удачно обошла очередные подвохи с устройством выставки, оттого ли, что впереди не так безнадежно с заработком, но у меня как-то бодрее всё внутри, хоть устала и задёргалась очень.

Н.К. 10 IV 65. Открытка на Витебский. [...] У меня в четверг кончился мой выставочный аврал, и эти дни, вместо облегчения, я чувствую какую-то растерянность и депрессию. Выставка будет открыта до 18го. Если Ты захочешь, мы побываем там.. а нет, так просто тут дома повидаемся. [...]

С.Д. 13 V 65. *Открытка.* Родная моя Юлюшка! Совершенно неожиданно я снова буду в Ленинграде 16–25 мая: надо помочь провести репетиции и выступление в музыкальной школе. Ещё не знаю, где буду жить, сообщу, и увидимся.

Н.К. 30 V 65. Дорогая моя Юлич и милая Люсенька! Поздравляю вас в Именинный День! [так у Н.К.] [...] Только вчера к вечеру вернулась из эскапады в Пушкинские горы. [...] У меня много впечатлений, большей частью чудесных... Устала от больших маршрутов и насыщенности этих бродячих дней. И хочется рассказать о многом. [...]

Н.К. 20 VI 65. В Тарту. [...] Я получила милую открытку от Стени о том, что она с Эммой и Эвелиной⁷⁶ едет в Мукачево и что думает о том, что я на несколько дней приеду побродить с ней. Мне очень хочется, но возможно это будет, только если к августу мне заплатит за работу Московское издательство, которое молчит пока глухо. [...]

Юлич! А Ты знаешь, что делается в Москве? Кати нет, вероятно, но она мне вообще давно (и перед отъездом) не писала. Гуля молчит беспардонно. Сейчас, может быть, там и Лада приехала... Уроды все.. молчат, как чужие.

[...] На весь июль ко мне переезжает мама. Я понимаю, как ей скорее хочется быть тут... М[ожет] б[ыть], и не всегда справедливо, клубок обид в ней всё растёт. Да и то, что она плохо ест там (в одиночестве и в слепоте ей это плохо удаётся), и то, что она не бывает на улице, – всё это очень неладно.

Н.К. 10 VII 65. [...] Никита уехал в Мурук-Тау. [...] Надо Тебе сказать, что на эти последние перед отъездом дни пришлось ещё всякие хлопоты и волнения, связанные с этой Никитиной страстью к машинам. Лихорадка возникла в связи с возможностью «пересесть» на машину другой марки. [...] Никита провернул всё это дело, договорившись с той же В.В. Зенькович [1906–1985], которая ссужала его и при покупке первой машины, о займе. (И это, конечно, к моему особому огорчению.. ведь при моей бедности единственное моё утешение – это отсутствие долгов.. и потом.. Никита вторгается с этим делом в мир моих [Подчёркнуто Н.К.] людей и моих [Подчёркнуто Н.К.] взаимоотношений и не понимает, что это меня тяготит. Правда, при своих разговорах с В.В. он оговорил мою позицию, а она, очень вообще благоволя к Никите, охотно откликается на его просьбу.. но всё-таки...)

Словом, «новая» машина стоит в гараже. Она непотребного вида.. её надо красить и приводить в порядок, а Никита, удовлетворённый и предвкушающий возню с этим «Москвичом», отправился в это пекло, где сейчас 36–38°, надеясь тамошними мытарствами заработать на эту машину. [...]

Мои дни текут сейчас очень хлопотно. [...] Мама так изголодалась по ощущению семейности, внимания и тепла, что, как-то компенсируя это, я трачу много времени на неё.. надо просто говорить с ней, иногда читать, кормить как следует, обчинить её ест. А у меня из-за этого очень затягивается работа, конечно. Да и вообще дела всякого масса. И с друзьями не успеваю повидаться: огорчается на моё полное отсутствие Е.Э. Разумовская, Там[ара] Цинберг хочет меня видеть, а мне не урваться... Не успеваю попасть на выставки и фестивальные кинокартины. [...]

Н.К. 21 VII 65. Дорогая моя Юлич! Спасибо Тебе за цикорий, Ты выполнила мою просьбу cito [лат. – срочно]. [...] Спасибо. Твоё письмо затрагивает все мои кардинальные темы.. а они все или горьки, или очень трудны. *Купленная машина потребует массу*

времени, но его [Никиты] время дома будет по-новому нужно [ждут младенца] и.. «вопрос о дальнейших квартирных делах. Я думаю (с отчаянием) о том, что я должна буду [Подчёркнуто Н.К.] поступиться своей комнатой, хоть и знаю, что это «смерти подобно». [...]

Моя последняя работа – марка для Ак[адемии] наук неизвестно когда и как оплатится. – Сейчас жду августа в смысле собственного времени [Подчёркнуто Н.К.]. Не варить обедов, не соблюдать часов и (надеюсь!) работать. Мама, конечно, требует большого внимания [...], всё время надо поддерживать её настроение; она часто плачет: ей грустна тема «никчемности», которую она всячески муссирует. [...] А стоит ей послушать хорошую литературную передачу.. стоит мне ей что-то рассказать или повспоминать что-нибудь, она радуется и оживляется.. а мне так часто некогда, так иногда трудно отключиться от своих забот, мыслей, работы... Но в общем-то я себя сейчас не могу укорить, и маме у меня, конечно, гораздо лучше, чем дома. [...] Юлич.. я увлеклась и давно опаздываю к своим делам. Надо сходить за мамой – она гуляет, кормить её и уходить по всяким делам в город. [...]

Н.К. 5 VIII 65. В Тарту. [...] Теперь, Юлич, скажу о себе: видимо, я не попаду к Тебе. Всё так складывается, что это было бы *parforce* [*фр. – сверх силы, чрезмерно*]... И времени мало, и дел очень много, а с Тобой (и это главное) мы скоро увидимся...

[...] От Стени я на днях получила совершенно чудесное, ласковое и зовущее письмо... Мне очень грустно будет писать ей ответ. Но что делать? Мама ещё у меня...

[...] Я всё ждала, что Московское издательство, наконец, расплатится со мной, и тогда я бы поехала во Львов и к Стене. Об этом я очень мечтала, но на это нужно много времени и ощутимое количество денег.

Н.К. 23 IX 65. [...] Я сегодня получила письмо от Кати.

... Так теперь иногда получается: я писала Гуле (в ответ на её милое письмо и именнинную книгу), а отвечает мне Катя. Первая страница – довольно бредовое рассуждение обо мне.. потом о Гуле, о своих успехах, немного о Ладе... Конец – не могу понять, о ком, и в P.S. – план полета на Кавказ с 23 по 3 X. Но я рада общему теплему тону письма.

Матвей должен был приехать с детьми из Джезказгана, планировал остановиться у Цинзерлингов. Опекать детей хотела поехать из Ленинграда Мама. Но тут Люся предложила свой дом для встречи. [...] Мне представляется Люсин план гостеприимства в Ленинграде единственно правильным и наиболее возможным для Тебя, если Люся может пойти на такую родственную жертву времени. Всё, что Ты можешь дать Матвеевым ребятам там, в гостинице или на территории Кати, будет напряженнее, труднее для Тебя, беспокойнее. И потом – это опять Катина территория... Я знаю, как по-сестрински она Тебя любит и принимает.. но тут всё сложнее... И у меня перед глазами последнее письмо с перечислением их гостей за это лето. [...]

Н.К. 3 XI 65. В Джезказган. [...] У меня была Стеня. Много интересного рассказывала.. ей предоставляется много важной и увлекательной работы (для печати), и она горюет, что всё это приходит так поздно... Я ей отдала конверт Твоего письма, чтобы она знала Твой адрес... [...] Матвею шлю привет.

[...] Девчоночка растёт хорошо.. очень трогательно улыбается [...], но, Боже, как она поглощает всё [*Подчёркнуто Н.К.*] время.. все силы! И если я иду в Эрмитаж или Филармонию, то это *tour de force* [*фр. – большое напряжение; «напряг»*].

Н.К. Дата на конверте 11 XII 65. В Джезказган. Милая, милая Юлич! Сегодня, наконец, получила письмо от Тебя. [...] Рада письму очень, хотя успокоительного к нём мало, потому что, зная, что делаешь непосильное, Ты всё-таки проворачиваешь утомительную работу по Reinhaus'у [*нем. – уборка, чистка дома*].

[...] Стеня звонила мне два раза.. хотела придти, но, к сожалению, оба дня совпали.. [*один*] – с неизменным присутствием в ЛОСХ'е, а другой – с очередным походом с Наташей [*невесткой*] и девочкой к врачу. Обещала позвонить завтра и сговориться о приходе... Твою мысль о том, что при ней хочется быть в бодрой форме, я очень разделяю. И немножко опасаюсь, что мой сугубо пеленочный фон и рваное внимание, отвлекаемое внучкой, как-то её шокируют. Стеня оба раза спрашивала о Твоих письмах и разделяла мою тревогу.

[...] Юлич! Уже поздно.. иду ложиться. Обнимаю Тебя крепко. Ради Бога будь здорова. Передай привет Матвею.

1966

Н.К. 15 II 66 В Джезказган. [...] Хотела ещё сказать, что приехала Стеня.. что она, позвонив, приглашала меня встретиться с ней в Филармонии, и мы провели с ней чудесный вечер там в разговорах и интересных музыкальных впечатлениях. (Была «Свадебка» Стравинского. Очень хорошо.)

У Стени много дел, как всегда, но всё идёт очень трудно из-за далекого и холодного жилья у Никона и траты энергии на морозные путешествия. Тебя она здесь не дожждётся – она думает. [...] Из Москвы ни от Кати, ни от девиц не было ни звука за всё это время. Я даже не знаю, приезжала ли Лада. Странно это всё-таки.

Н.К. 3 III 66 В Джезказган. [...] Стеня уже уехала в Москву, больше мы не виделись. Она была очень тут занята. Я звонила к Ольге Марковне, и та сказала, что Стеня будет тут в апреле.. [...] Сегодня получила посылку от Цинзерлингов для Анчутки к её «полугодию». Но ведь ей только пять месяцев завтра. Это послание – первое за очень долгий срок. Была там [*в Москве*] Лада, но ни от неё, ни от Гули – ни звука! Как-то не умеют люди жить.

Н.К. 13 IV 66. В Тарту было 17 IV. Сейчас уже совсем поздно, но мне хочется написать Тебе несколько строк, чтобы Никита, уходя, захватил письмо и до 16го [*к нашему с*

сестрой дню рождения] к Тебе успели бы дойти мои самые душевные приветы по поводу отмечаемого семейного дня. [...]

Я забыла отдать Тебе Катины письма, которые Ты присылала мне для прочтения. [...]

С.Д. 5 IX 66. Родной мой Юлич, доживаю последнюю неделю в Мукачево и хочу теперь как следует ответить на твоё письмо.

13го еду вместе с Эммой и Эв[елиной], но они прямо в Москву, а я с остановкой дней на 5–6 в Киеве, у Галины Ильиной⁷⁷. Меня удручает, что она из-за домашних дел, неурядиц, внука и своего нездорового состояния не двигает готовую диссертацию. А мне до зареза нужно, чтоб она была защищена и издана, так как это твёрдый базис для всей нашей работы. Попробую её «подвинтить» и встряхнуть, как иногда удавалось.

Лето прошло. [...] О Москве и работе думаю без большого энтузиазма, но с готовностью. А зима будет очень нагрузочная: окончательное редактирование и доделывание двух книжек; статьи (очень серьёзные), заказанные министерством ещё в прошлом году; Ленинградские семинары и работа в муз[ыкальной] школе в Ленинграде... Хватает.

Есть и ещё кое-что: после прочтения бестужевской книжки [*Санкт-Петербургские высшие (Бестужеские) курсы (1878–1918 гг.) – Сборник статей. Изд-во Ленинградского университета, Л-д, 1965*] не могу успокоиться: на мне и, мне кажется, на тебе лежит обязанность написать многое, чего не хватает в ней. Это нужно: нельзя, чтобы какие-то важные и прекрасные черты бестужевской жизни навсегда пропали. Ты пишешь, что сейчас у тебя до января спокойная жизнь будет, может быть, ты бы занялась и попросту, не мудрствуя, стала бы писать всё, что вспомнится как важное и прекрасное?.. А потом и я бы присоединилась, может быть, вместе мы бы осилили это дело...

Ужасно огорчают меня твои семейные дела. «Нет мира под оливами...», везде одно и то же. Всё, что ты пишешь о Зосе и твоих с ней отношениях, так знакомо мне. Часто-часто мне кажется, что совсем я потеряла контакт с Никоном. Это появилось несколько лет назад и по пустяшному поводу: разговор о фильме, в котором, по его мнению, «все уж очень хорошие». И вот так как-то вдруг раскрылось такое – увы! – современное отношение к людям, отрицающее всякую веру в человеческую душу... Я помню, как, к полному изумлению Иды [*жены Никона*], я расплакалась (к этому она не привыкла), прощаясь с ними, и сказала: «Душу не теряйте». Но что я могу сделать. Чем дальше, тем больше выстраивается загородок, колючих и жестких, и добраться до его души я уже не умею (при, я знаю, непоколебимом чувстве ко мне). Всё меньше нахожу я тем для разговора и меньше понимания взглядов друг друга. А тут ещё Митюшка [*внук*].

Честно говоря, я стараюсь не думать об этом: ибо, когда это всё на меня налезает, всё гаснет: и работа, и жизнь. Виню себя бесконечно во многом: я была плохой матерью. И

очень мало сумела ему дать. Смешно, что он, выросший до 12 лет в атмосфере Гептахора, до такой степени равнодушен к моей работе (мне часто кажется, что он, вместе с Идой, считает её «блажью»). А Радик [*сын Э.М. Фиш*], наоборот, очень её понимает и высоко ставит. Конечно, он жил рядом с Эммой всю жизнь, а Никон с 18 лет – один.

А может ли быть сейчас иначе? Я думаю, это почти неизбежно: всё-таки они живут в совсем другом мире, которого мы не понимаем (а во многом и не принимаем).

Ну, ладно. Теперь и я нагнала на тебя всё «зверье».

Я рада, что Шлиман тебя порадовал. Он поражает и вдохновляет. И врачует. А теперь мне попала совершенно изумительная книга – спроси в библиотеке (я здесь получила в библиотеке): Дж. Адамсон «Рожденная свободной» (Изд. «Мысль», 66). Это о львице, воспитанной людьми. [...] Может быть, найдешь в Джекказгане?

Всё ещё нахожусь под обаянием поездки в Бескид (в горы). Какая там красота, величие и покой. И как горько контрастируют с этим ужасающие условия жизни населения: нищета, полуголодное существование. Полная неорганизованность: такие богатства лесов – и полная бесхозяйственность. Леса гибнут: у опушки стоят ели сказочной красоты, а сунешься внутрь – сухой мертвый лес. Никакого лесного хозяйства: варварские вырубki, захламленность, никакого ухода. Овцеводство не приносит прибыли, так как госрасценки низкие. Тяжёлое зрелище. А вокруг – рай. [...]

Родной мой друг, береги себя, своё здоровье. Ты ведь так нужна и детям, и внукам... и очень – мне. Мы с тобой – во многом могикане и о многом только друг другу можем сказать и – напомнить.

Целую тебя крепко и нежно, будь здорова, светла, бодра.

Ек. Вл. Цинзерлинг. 15 IX 66. *Друскининкай. Письмо написано карандашом.*

Дорогой Юлич! [...] Живу я в комнате [...] при музее им. Чюрлёниса, это дом, где жила вся его семья. Здесь я познакомилась с его музыкой. Многие его вещи меня глубоко захватывают. Диапозитивы его картин сказочны. [...] Наслаждалась в Каунасе музеем Чюрлёниса. [...]

Н.К. 7 X 66. Дорогой мой, бесценный друг Юлич! Третьего дня получила Твоё письмо, в котором Ты ещё не знаешь о смерти мамы. [...] [*Веру Петровну*] похоронили на далёком Парголовском кладбище. Там, потому что это лучшее из трёх возможных [...]. И действительно, это просто лес, который частично вырубают, оставляя лучшие сосны и ели, и который довольно тесно заселяют могилами, запрещая, наконец, ставить заборчики etc.

Н.К. 19 V 67. *Открытка на Витебский.* Юлич, моя милая, мне только что звонила Стеня! Я чувствую себя страшно виноватой!.. Н.К. «ошиблась в числах» и полагала, что встреча будет где-то позже, хотя она была обговорена заранее со С.Д. на 20ое.

Завтра она думала придти сюда, а Ты была у меня сегодня! [...] Завтра она попробует проехать к Тебе... Неужели случится, что она Тебя не застанет? Позвони, пожалуйста, поскорей! Как всё досадно вышло!

Н.К. 29 V 67. *Письмо Ю.Ф. в Москву, куда она поехала с Колей.* [...] Вчера у меня была Стеня. Мы с ней очень хорошо и много поговорили. [...] Стеня пришла в 1 ч., и мы проговорили до 7^{ми}, когда она отправилась к Камилле. Она 31го едет в Москву и надеется на встречу с Тобой. [...]

Я очень много тут думала о Тебе, о том, как вы с Николкой доехали и как сошло его installation [*фр. – введение в должность, здесь – приезд к другой бабушке, матери отца*].

Н.К. 14 VII 67. [...] [*Получила*] открыточку от Стени, написанную за три дня до её отъезда в Мукачево. В ней опять вопросы, где Ты и куда Тебе писать.. и опять тёплое приглашение и ожидание меня там. [...]

Хорошо, что Ты дома! Видимо, он первое время совсем поглотит Тебя. Я так хорошо понимаю и ощущаю это чувство дома [*Подчёркнуто Н.К.*] и.. так боюсь, что обстоятельства лишат меня этого блага. Сейчас у нас опять оживилась эта тематика, мешая моему «отдыху», моему лету и контакту с любимой комнатой.

[...] Я уехала 2го в Сортавалу и вернулась 10го вечером. Мой Ausflug [*нем. – поездка, короткое путешествие*] был коротким, но увлекательным.. если бы погода была менее взбалмошной.. и более тёплой. Но и так – я насмотрелась на скалы и сосны, налюбовалась водой и насквозь продулась ветрами. Расскажу подробнее. Если приеду.

Н.К. 22 VII 67. [...] Сможешь ли Ты сама создать себе медленные, тихие «прохладные» дни без всяких «заданий», чтобы перевести дух?

[...] Сегодня у меня одинокий и как раз «прохладный» день [...] И во всей квартире [*коммунальной!*] нет ни одного человека! (Я даже на рояле поиграла ввиду такого необычайного обстоятельства.) По комнатам гуляет ветер... Я ходила днём в Русский музей с конкретной целью посмотреть там старое разрисованное украинское стекло и, не найдя тех штофов, которые раньше были там в экспозиции, отправилась в Эрмитаж к Петровским горкам с их бокалами и графинами. Я много лет собираюсь подарить Никите разрисованный штофик, и всё Бог часу не давал. Сейчас, м[ожет] б[ыть], и осуществлю этот презент.

Весь завтрашний день я буду тут одна. Что ж, в этом есть свой charme [*фр. – очарование*]. У меня в доме тоже не будет еды, как у Тебя в тот день, когда Ты писала письмо. (А это

в общем-то «не модель».) Я просто не могу себя заставить что-нибудь состряпать для себя одной.. только кофе варю.

Передо мной лежат две книги о Старом Львове. Это Цинберг, сочувствуя моим планам поездки во Львов и в Мукачево, снабдила меня ими. Я листаю их и терзаюсь тем, что и эта давно обговорённая и интересная поездка сейчас срывается. *Н.К. лечила зубы.* А Стеня так тепло зовёт меня.

Сейчас ещё и то терзает меня, что опять приблизились сроки книжной выставки! Уже два раза выставком собирался для компоновки работ.. неужели и эта интересная, хотя и трудная работа отпадёт от меня?

[...] Юлич, сейчас пробежала написанное и вижу, что беспардонно донимаю Тебя своей злободневной темой... Ещё я усмотрела частое обращение к французским словам.. вероятно, это потому, что я перечитываю Сизерана.

Вот «галлицизмы» из этого письма:

нотки macabria в связи с ремонтом [*dans macabre – фр. пляска мертвецов; нотки ужаса*];

презент [*фр. – présent*] – подарок, написано по-русски;

маленький Ausflug [*нем. – прогулка, поездка*] в Тарту был для меня самым желанным;

дом городской, со всеми commodites [*фр. – удобствами*];

а мои Никита с женой «sans gene» [*фр. – «без церемоний»*] и не думают ни о чём.

Наташина мама очень уставала на даче с внучкой;

в этом есть свой charme.

Н.К. 4 IX 67. Дорогая моя Юлич! Очень жду Тебя 7го, но очень прошу позвонить, чтобы всё уточнить. Дело в том, что наша злосчастная выставка открывается (окончательно) 8го! [...] Очень возможно, что 7го днём я должна буду появиться в Р[*усском*] м[*узее*], чтобы проверить этикетаж и пр[*очее*].

Н.К. 8 IX 67. Юлич моя дорогая! Это я пишу несколько строк для продолжения или дополнения нашей вчерашней встречи. [...] Поставила Твои гвоздики в большую резную деревянную чашку на обеденном столе на белой кустарной скатерти – и получилось нечто очень необычное и нарядное. Пахнет цветами и яблоками [7 IX – *Натальин день, день Ангела*] [...]

Ещё не прошла взбудораженность от последних спешных хлопот и доделок на выставке, потом многозначительных и торжественных речей и потом этой толчеи знакомых и незнакомых людей в залах, где столько вложено сил, столько происходило споров и душевных затрат... Теперь это всё отдано, и вряд ли я ещё попаду туда... Но, знаешь, я была удивлена и тронута тем, что ещё утром, до открытия, мне выставкомовская молодёжь подарила

букет дивных роз.. и потом ещё два цветочных подношения было; так что я почувствовала праздник. Да и сказано было много хороших слов... [...] Ну вот, Юлич, поговорила с Тобой немножко.. доигрывает пластинка Баховский концерт (вот как я кучу сегодня!), и сейчас я с наслаждением вытянусь на кровати с книжкой в руках. А завтра начнётся крутёж.

Ек. Вл. Цинзерлинг. 15 IX 67. Дорогой Юлич! Как вы трое живёте? Вот и осень подкатила. 24–30 IX буду в Харькове в командировке на сессии по дислокациям. Сейчас всё время (пять последних дней) ушло на оформление выставок научных работ по кварцу. У меня было 13 подопечных, за которых приходилось делать многое самой. – От торжества своего 80-летия отказалась [*Подчёркнуто Ек. Вл.*]: не хочу трепать своих нервов. Фонвизин хотел писать мой портрет: ему было заказано шесть портретов учёных к выставке в Манеже [к] 50 юбилея [*Октября*]. Я тоже отказалась. [...]

Продолжение письма на этом же листе.

Ек. Вл. 26 IX. Родная, два дня отсидела на заседаниях [*в Харькове*], прослушала 40 с чем-то докладов и должна ещё столько же – ах, жутко! [...]

27 IX. Сегодня ходила в парки, красота. Розово-красные клёны... Была в двух музеях, истор[ическом] и художеств[енном]...

Ек. Вл. 29 IX 67. Родные именинницы, дорогие Юлич и Люсенька!

От всей души желаю вам вечного благополучия, удач и успехов, радостей и здоровья! [*Ек. Вл. ошиблась: именины Юлии – 31 мая.*]

Крепко вас обеих целую. Я закрутилась с докладами, их было более 100. Два дня не обедала, было некогда, ибо ещё было посещение лабораторий других ин[ститу]тов. Вчера был чудесный концерт: виолончель с роялем. Первая вывернула мне всю душу от воспоминаний... знаешь, звуки виолончели действуют на меня, на весь мой организм. Бах, Рахманинов, Шостакович, Глазунов и Кабалевский.

Погода изумительная. Сегодня уезжаем вечером домой.

Ещё и ещё целую.

Тётич.

К письму прилагался Приглашенный билет на концерт.

С.Д. 8 X 1967. Дорогой мой Юлич, письмо твоё я прочла несколько дней назад, вернувшись из Киева, где провела сентябрь. Посылаю его через Наташу, так как ты пишешь, что собираешься ехать домой при условии нахождения «пастуха» для Коли... Зная, что это дело нелегкое, предпочитаю воспользоваться её посредничеством: уж она-то, верно, знает, где ты сейчас...

До последних дней августа всё было как нельзя лучше – я в Мукачево жила блаженной жизнью, ни о чём не ведая, кроме прелести и красоты вокруг и работы над статьёй на тему «Я хочу, чтобы музыка была живой речью» (Игумнов).

Затем С.Д. простудила ногу, а, приехав в Киев, в такси забыла чемодан со статьёй, паспортом и другими вещами. От этой неприятности поднялось давление и пришлось лечиться.

Наше школьное пособие всё ещё в редакции, никак не может встать на рельсы производства. Но как будто это уже недалеко. Оно обещает быть очень милым по оформлению, хорошо и изящно иллюстрировано. Но кому оно понадобится? Сейчас в школах даже те ростки, которые были последние годы, вянут. Конечно, главное, чтоб оно было напечатано. «Остальное – молчание».

В Мукачеве я упивалась чтением очень и очень хороших и захватывающих книг: «Сыновья» и «Настанет день» Фейхтвангера (особенно последняя – несравненна по силе и размаху); «Резерфорд» Данина, в магии которого я и до сих пор нахожусь... И многих других. [...]

Эмма и Эвелина лето провели чудесно под Ригой, погода была великолепная, и Эмма выглядит хорошо, как давно не выглядела. Но мучительное раздумье, что делать с её студией и как быть, быстро доконает её. Жизнь такова, что никто сейчас не волен её строить и использовать по-своему и согласно стремлениям. Девушки в той же ловушке и работать, собственно, не могут по самым разным причинам. Это мучительно и безвыходно. [...]

Н.К. 13 X 67. Моя любимая Юлич! Пересылаю это письмо Стени, полученное вчера. [...] Звонил Волк.. рассказал о вашем свидании в очень хороших тонах. А как всё Тебе показалось? Жду, что напишешь... [...] Третьего дня урвалась на конференцию по нашей выставке. Чувствовала себя далёким гостем. Впрочем, всё шло мало интересно. Так как среди прежней группы гравёров несколько раз упоминалось моё имя, почувствовала себя в далёком прошлом и случайно живой среди всех упомянутых имён. – Стоит всё ещё красивая осень. Я вижу её только поблизости, гуляя с Анюткой. [...]

С.Д. 4 XII 67. *Письмо в Тарту.* Родной дорогой мой Юлич, вот мы сидим тут с Косатой и болтаем о всяком и разном и всё время возвращаемся к Тебе и чувствуем Тебя с нами. И очень ждём, когда это свершится на самом деле [*то есть, когда Ю.Ф. переедет в Ленинград*]. [...] Все друзья шлют Тебе привет и строгий наказ выздороветь.

Крепко целую и обнимаю нежно! Всегда с Тобой.

Стеня.

На этом же двойном листе письмо Н.К.:

Юлич, дорогая! Мы разговариваем со Стеней, и уже который раз нить разговора возвращается к Тебе... Как-то Ты теперь, любимая Юлич?

[...] Сейчас читала Стене Твоё письмо... Конечно, это страшно трудно лежать на проходе и во многолюдстве.. а, может быть, теперь удалось переместиться в более спокойную палату?

[...] Стеня ушла. Сейчас уже половина одиннадцатого, я только что проводила Стеню и посадила её на автобус. [...] Как всегда, я была очень рада встрече со Стеней и, как всегда, очень устала от большого душевного напряжения... У Стени опять много огорчений по её работе. [...].

1968

С.Д. 1968. *Открытка. Просто дата в углу открытки. Наступившего года?*

Родной мой Юлич! Вот снова наступает Новый год. Сколько их мы с тобой встречали и вместе, в радостном угаре студийного гептахорского веселья, и порознь, в тишине и шуме, в счастье и в горе, в сокрушении и надежде... Были года обманчивые, коварные и лживые; были года, приносившие нежданно-негаданное, светлые и прекрасные, радостные и уверенные дни. Пусть этот не приносит плохого, пусть не обманывает, пусть принесёт покой и свет; унесёт огорчения уходящий год вместе с собой и болести, и слабости, и разочарования. Пусть будет Новый год тихим и благостным.

Целую моего дорогого, милого дружка нежно и много. [...]

Н.К. 7 I 68. *Открытка в Тарту.* Родная моя Юлич! Получила Твоё письмо. Мне ужасно думать, что исчезновение моих писем (а их было два новогодних и ещё маленькая записка) доставило Тебе неприятные недоумения. Ничто на свете не станет обидным барьером между мной и Тобой.. и если я иной раз не успеваю написать, то это – Zeitnot. [...] Я всё время с Тобой мыслями, а сейчас предпринимаю всё, чтобы поехать к Тебе. От Люси и от Гули (по тел[ефону]) знаю, что, м[ожет] б[ыть], Катя поедет (или уже поехала) к Тебе. От Твоего письма щемит. Как это случается ужасно, когда никого нет, а тут ещё плитка сломалась... Что же? Ты так и была без горячей еды и питья? Невозможно! Юлич моя милая! Пожалуйста, не давай наматываться этим клубкам волнений, которые не дают Тебе крепнуть. [...]

С.Д. 12 I 68. *Открытка.* Родной мой Юлич! Как я была рада твоей телеграмме! Спасибо. Мы справляли 27го [День Гептахора] 28го, так как был свободен зал. Было хорошо: девушки устроили маленькое угощение при свечах (смешная мода сейчас!!) и потом двигались и плясали. Но мне всегда как-то грустновато бывает: всё это не по-нашему как-то, чего-то не хватает. Может быть, потому, что, кроме уже проверенных «наших» девушек, присутствуют временные, новые... [...] Напиши, как здоровье. Что читаешь? Целую крепко и нежно мою дорогую. [...]

Н.К. 28 I 68. [...] Что у Тебя? [...] Как Ты себя чувствуешь? Я Тебе писала уже, что чуть не собралась к Тебе [...]. Но тут получила от Гули письмо о том, что Катя едет в Тарту, а потом и от Тебя, что она тут и со всей энергией взялась за Тебя и что будет до 19го. Меня тогда это очень успокоило, а вот теперь так долго я ничего не знаю о Тебе.

[...] В Москве очень парадно и с большим успехом открылась наша выставка. Я должна была поехать туда (от ЛОСХ'а) в числе прочих устроителей и участников. Не смогла всё из-за тех же моих неудачных обстоятельств. [...] Родная моя! Я очень жду весточки от Тебя. Не пиши длинно, если Тебе трудно, но давай знать о себе. Я ведь всё время мысленно с Тобой. [...]

[...] Никита опять в пароксизме поисков квартиры. Знаешь, в этой теме во мне что-то перегорело. Я отношусь к этому без прежней нервной дрожи. Или, м[ожет] б[ыть], выработался какой-то фатализм?..

С.Д. 10 III 68. *Открытка.* [...] Хочется поделиться нашими делами. Было очень удачное и успешное выступление, и после него – фото в «Вечерней Москве» и в «Комсомольской правде» (2 и 8 III). Успех был шумный при полном зале. [...] Родная моя! Я крепко надеюсь, что хорошая врачебная помощь восстановит твои силы, и в апреле я увижу тебя бодрой и светлой, как и подобает. [...]

С.Д. 15 III 68. Родная моя Юлюшка! Ты меня страшно тронула телеграммой [*к дню рождения*] и памятью. Спасибо тебе за все пожелания. [...]

С.Д. IV 68. *Открытка.* [...] Я уже подняла паруса на Киев, еду туда 26го. Очень хочу хорошенько поработать, сдвинуть нашу теорию. [...] Крепко тебя целую, мою дорогую, родную. Твоя Стеня.

Н.К. 19 VI 68. [...] Сейчас, вечером, получила чудесное большое письмо от Стени.. она одобряет и наставляет меня.. она едет всё-таки в Мукачево и всё-таки зовёт меня. [...]

С.Д. 9 VII 68. *Мукачево.* [...] Пока, как у меня полагается, первые недели бездельничая. Дальше примусь полегоныку за работу. Она манит и влечет, и моё «я» не желает понимать, что «ничего через меру» – непреложный закон и надо его выполнять. Всё во мне возмущается провололочкой. [...]

Перечитав твоё письмо, вижу, что часть страхов твоих так или иначе уже позади: Коля, вероятно, уже водворён в новый лагерь. Надеюсь, что всё произошло гладко. Очень хочу знать всё о твоей сегодняшней жизни, как ты встретила с Зосей и как твоя борьба за нормальное существование – не перестарается ли ты? Смотри: «всё в меру»!

[...] Кнебель я читала с удовольствием [...], хотя немножко по-дамски сентиментально, но искупает искренность и увлеченность. Всё же она проигрывает после «Люди театра» Шверубовича (сына Качалова) в первых номерах «Нового мира». Это просто упоительно во всех смыслах. Может ли кто-нибудь тебе это достать? Я прочла здесь Кусто «Мир без солнца» [...]. Как всегда, это захватывает [...]. А сейчас читаю (и ругаюсь) книгу, которая только что вышла и была расхватаана (мне достали) – «Библейские сказания» Косидовского (с поль-

ского). По идее книга бы очень нужная – пересказ Библии с историко-археологическим комментарием. Но сказания так грубо искажены, с них сорвана вся поэтичность, легендарная возвышенность, изъят смысл, оставлены очень тенденциозно подобранные факты; при этом я бы сказала, тенденция совсем скверная, какая-то антисемитическая... Еврейский народ с самого начала предстаёт в каком-то специфическом освещении: на первый план выпячено торгашество, обманы, предательства, половина всего этого имеет простую историческую эпохальную оправданность, а комментарии настолько примитивны и элементарны, и к тому же много необубедительного в сопоставлениях с другими культурами Междуречья... Гадкая, противная книга, и для чего её было переиздавать по-русски второй раз с 65 г.? В издательстве политической литературы!! Это называется антирелигиозная пропаганда! [...]

Невольно вспоминается «Дочь И.» [роман «Иефай и его дочь», 1957 г.] Фейхтвангера! Какая могучая поэма, какая жестокая картина жизни, какая красота ищущей человеческой души, в полных потёмках нащупывающей свет. Вот это – «антирелигиозная пропаганда» – раскрытие единого процесса исканий, ошибок и героизма человеческого рода, которому никто не помогает... А ведь её вот не переводят, не издают у нас. [...]

Если будет время и силёнки, напиши. Я очень всегда жду твоих писем-весточек из глубины наших душ, из непреходящей части нашей жизни, из «праздника, который всегда с тобой». (Читала ли ты эту книжку Хемингуэя?) Целую тебя очень, очень крепко.

Н.К. 7 VIII 68. Из Берзциемса, Литва. [...] Как Ты, мой драгоценный друг? Значит, на днях уехала Зося, и Ты, вероятно, до 20го в тишине. Даёт ли Тебе здоровье ощутить все преимущества одиночества? Я-то очень люблю побывать одной, хоть и бывает иной раз смутно... Но как-то многое уясняешь себе без помех... [...]

Как спокойно, неторопливо и уверенно живут тут люди.. не мудрствуя лукаво. Может быть, не думая особо, но привычно строя дни, строя дома, разводя цветы и огороды и коптя и соля рыбу. [...]

С.Д. 21 VIII 68. Мукачево. [...] Знаю от Оли, что она побывала у тебя и вы хорошо поговорили. Она пишет, что твой ласковый приём очень её согрел, а она в этом очень нуждается, бедная, загнанная, не имеющая ни минуты отдыха и душевного покоя.

А я, «по вольности дворянства» буду сидеть здесь по 1 октября, когда переберусь в Киев недельки на три. Там поработаем с Галиной, а пока я на всех парах сижу и пишу, хожу и думаю, лежу и размышляю...

[...] Я только что сменила в стакане букетик львиных зевов – их столько расцветок, что каждый раз делаешь новую гамму. – [...]

Посылаю тебе стихотворение Евтушенко, которое мне очень понравилось, хотя, как всегда, оно не доделано (неловкие выражения, некрасивые созвучия, неясные образы), но и,

как обычно, хорошие мысли, неожиданные и чёткие образы. Ассоциации. Оно прямо по твоему адресу, моя дорогая. [...]

С.Д. 7 IX 68. *Открытка.* Дорогой мой любимый Юлич!

Не знаю, в Ленинграде ты или уехала, как хотела, домой? Поэтому пишу наугад. У меня всё хорошо, погода теперь стоит чудная, как у Кузмина, «наступили осени румяные дни, прозрачную светлость неся с собой». На днях, раньше обычного, улетели ласточки, я горевала, а сегодня провожала в дальний путь уже ваших северных: они летели на большой высоте стремительными стайками и наполняли воздух серебряным звоном... Счастливого пути! [...]

Если ты кончила «Библейские сказания», то попроси кого-нибудь отправить их по адресу [...]. А если их заграбастала Ольга наша, то пусть читает себе и потом пошлёт. – Целую тебя крепко, мою родную, милую. Я всегда всем сердцем с тобой.

С.Д. Сент. 68. *Открытка в Тарту.* Дорогой любимый мой друг! Так была рада получить письмо: не знала, где ты и куда писать. Всё, что пишешь, глубоко понятно и близко мне: и про комнату, и вещи, и про необходимость быть нужной. Но всё равно время от времени нужен свой укромный уголок, и ничего, что он мал и ещё не обжит, это придёт. Кто же эти люди, которые будут теперь жить с тобой, из кого семья? Знаешь ли ты их или только их мать? Буду ждать от тебя весточки в Киеве. Там буду не меньше трёх недель. – Посылаю тебе «Афины», книжечка очень милая, главное, уж очень хороши фото. Когда насмотришься, пришлешь мне её в Москву. – Я прочла сейчас очень интересную книгу У. Дюбуа «Мансарт строит школу». Это II часть трилогии о неграх в США «Черное пламя». Первой, «Испытание Мансарта», в библиотеке здесь не было. По-моему, это так знакомит с негритянским вопросом, как никакие другие книги. Очень талантливо и своеобразно. Спроси в библиотеке. – Я закончила свою летнюю работу и теперь жду свидания с Галиной и дальнейшего углубления. – Здесь с 10 сентября пошли дожди, холод и мрак, совсем для этих мест невероятные. – Целую крепко. Как будет хорошо, если Матвей будет около Москвы!! Я всегда с Тобой.

Н.К. 21 X 68. *Суббота.* Мой родной, мудрый Друг!

Утром получила Твоё письмецо, и хочется сразу немножко поговорить с Тобой. «Немножко» – потому что я, как всегда, в Zeitnot'e. Ты не думай, на этот раз – не кухня и не Reinhaus [нем. – уборка дома].. я тут попала в оборот: для праздника в детском саду меня просили нарисовать занавес для Петрушки. Во вторник – очередное Выборгское собрание. У меня уже не лежит к ним душа... Столько всегда некрологов, и столько ещё живых старичков и старушек! Но в этом году «дирижирует» танцами Волк.. он приходил ко мне на днях.. мы славно «поболтали», и он просил меня помочь ему в оформлении зала и стола, а я не знаю, что придумать. [...] Вот почему мне некогда.

Юлич! Ты пишешь мне обо мне и об отвоевании от моих обстоятельств кусков человеческой, а не только «бабушкиной» жизни. Всё это так (Ты, как всегда, об этом особенно ясно и своевременно заговорила). Я думала об этом [...].

[...] Я ощущаю, как много ушло времени и как я многое потеряла в своей «форме». Вот то ли дело Кот! Катя была у меня. Сегодня она, вероятно, с Тобой. И радуешься на неё и.. чуть-чуть внутренне посмеиваешься. Как Ты опять верно говоришь об «отсутствии вкуса» в этих её демаршах. Вкуса и ощущения достоинства. Мне всё (что и Ты рассказывала) было подробно и хвастливо изложено. Восклицательные знаки и паузы приглашали к удивлению и восторгу... (Это было за столом и обращено не только ко мне, но и к Никите с Наташей). Что уж тут...

[...] Конечно, мне надо появиться на люди [*после долгого сидения дома с внучкой*]. Вот вчера получила открытку от Зенькович и хочу просто так [*Тебе*] послать, чтобы увидела, как «les beaux idées» [*фр. – прекрасные мысли, чувства*] одновременно мне выражены. – Сегодня с утра Анюта щебетала, как птица. И завтра – дома. А каково будет в понедельник? Правда, в понед[ельник] я приглашена этой Стениной ученицей на их урок (не только в Анютину группу), и Аня знает, что мы пойдём в сад вместе.

Катя привезла ей в подарок (дело рук и инвенции [*invention – фр. выдумка, изобретательность*] Гули): чудесные светлые туфельки и, главное, ещё более чудесные «чешки» – тапочки, которые мы тут тщетно искали. Кроме того, кукла!

... Так вот обо мне. Сейчас, видимо, и сама жизнь представляет мне маленькие возможности к тому, чтобы вырваться из раковины: Анечка пошла в детсад... И тут.. знаешь, всё для неё оказалось так трудно, так горестно (а для меня – до слёз тяжело), что не знаю, как всё это осилить. [...]

Н.К. 28 X 68. [...] А тут 22го было собрание «выборжцев», я, кажется, говорила Тебе о том, что мне предстоит помочь Волку в устройстве этого вечера.. тоже всяких хлопот было достаточно, но расскажу об этом при встрече. [...]

То, что пишешь о Коленке, – очень «слышу». Как это трудно! Не знаю как, но необходимо защищаться в трудные дни или часы каким-то душевным забралом.. чтобы не раниться понапрасну. Ведь Ты знаешь его отходчивость и его неизменные чувства к Тебе...

Н.К. 21 XI 68. [...] И вот я сижу дома, никуда не выходя и растеряв всех своих людей [*болеет внучка*]. Мне необходимо появиться в ЛОСХ'е и у товарищей.. но я даже не знаю, хочу ли я всего этого, если это так дорого обходится Анютке, да и для меня так мучительно. Вчера, однако, мы с Наташей [*невесткой*] уходили на концерт, абонементный. Была мобилизована Мария Николаевна [*сватья*]... Отвыкла ли я? Я провела вечер без подъёма. Да нет, просто очень повышена требовательность. Пианистка (Вирсаладзе), к которой по заоч-

ным впечатлениям радио и рецензиям я относилась с большим интересом, разочаровала.. всё слишком быстро, слишком технично, слишком шумно.

[...] От Стени была открытка с «поздравлением, опоздавшим» к праздникам (?).. уже из Москвы. По тону – очень добрая. Стеня надеется в конце месяца или начале декабря быть тут. [...]

Ко мне всё грозятся придти всякие неблизкие мне официальные люди [*Н.К. приводила в порядок свой художнический архив*], а мне это так трудно сейчас. Два раза уже появлялись такие чужие и неожиданные люди: один – искусствовед и другой – охотник до старых портретов. *В комнате Н.К. всегда висел портрет её предка декабриста В.П. Ивашёва.* – Перед окнами сегодня опять красиво: деревья в лёгкой изморози, а далеко за ними – голубоватые огни стадиона. Ну, Юлич, спокойной ночи. Ты пишешь мне с душевной грустью, это я слышу.. ну, а как сердце, как голова? [...]

С.Д. 26 XI 68. Дорогой мой Юлич! Надеюсь, что моё письмо не опоздает к 30^{му} и принесёт тебе всё то, что всегда, везде, ежечасно и навсегда живёт во мне для тебя, мой родной дружок! Сегодня отправила тебе малюсенький «теплый» привет и надеюсь, что он будет ласково греть тебя или бы я хотела это делать всегда.

[...] Я приеду 4го вечером и надеюсь, что вы с Наташкой спишитесь, когда мы встретимся, у неё ли, или у тебя, и так бы хорошо заполучить Волчика на это время (это довольно сложно...): ведь в этом году исполнилось 50 лет нашей встречи с ними, а мы никак и не отметили! Ну, эта организационная часть уже, очевидно, ляжет на Косатую, а мне она сообщит по телефону «время и место». [...]

Крепко тебя целую, желаю, чтоб крепло здоровье, чтоб всё было более или менее благополучно и приемлемо во всей твоей превеликой семье. [...] Ещё раз обнимаю тебя и радуюсь скорой встрече.

Н.К. 28 XI 68. [...] Стеня, вероятно, приедет на более или менее длительный срок, и мы сговоримся о встрече, я очень хотела бы, чтобы это было здесь у меня. [...] Одним словом, или я приеду 6го или пришлю телеграмму, как я сговорила со Стеней. Я буду ей звонить, конечно. (А Ты не пугайся телеграммы).

1969

С.Д. 30 I 69. Родной мой Юлич! Сразу отвечаю на милое и грустное твоё письмо. Не повезло нам с тобой с внуками... Но я оптимист в этом вопросе и уверена, что «пути ребенка неисповедимы» и куда он вывернется в конце концов, никто вперёд не знает, а терпение, терпение – наш удел. Твой-то ещё маленький, а мой-то кончает 8ой класс!!! И всё не лучше... А внутри там что-то есть, но никак не выходит на ясность...

Заранее спасибо за «Тоledo», ещё он не прибыл. [...] Кто не тяготеет к Тоledo после «Испанской баллады»!!! (Ведь Фейхтвангер зажжёт кого угодно чем захочет)... [...]

Раз в неделю езжу в город на занятия к Эмме, в конце февраля у них будет концерт и новая программа. Очень интересно работают девушки, но уж очень их мало, а у них – мало сил и времени, а условия – никуда... Эмма – подвижница.

Любимая моя, не горюй так ужасно и не падай духом: жизнь сильнее и нас, и наших страхов, и наших горестей.

Живу довольно одиноко: Эмма с Эвелиной сейчас живут у Радика (с внучкой, так как родители уехали в командировку), это далеко, и туда не еду – незачем. – [...] Много слушаю музыки, иногда совершенно первоклассной (у меня ведь приёмничек – «мой друг дорогой!»), без неё я бы скисла, наверное. Вокруг меня всё моё самое дорогое и любимое, вся жизнь в «символах» глядит со стен и с полок. Всё, что люблю и любила. И мне хорошо: «Жизнь проходит, сказка – нет! Хорошо мне: я поэт» Ну, надо кончать и приниматься за дело. Юлюшка моя, целую тебя, обнимаю, глажу по головушке. – С тобой всегда.

В письмо вложен Пригласительный билет
На 24 февраля 1969 г.
Дом культуры ПРАВДА

Юлич мой родной! Вместе с приветом в 8 марта посылаю тебе привет от Эммы и от её студии. Думаю, тебе приятно получить это фото? Это концовка прелюдии 24 Шостаковича. Концерт прошёл благополучно, несмотря на многие трудности. [...]

С.Д. 12 III 69. Юлич мой родной, хороший! Ну что же ты тратишься! Посылаешь мне подарки, ведь это тебе трудно да и хлопотно... Спасибо тебе тем не менее. Очаровательная упаковка и внутренности – всё пленительно и говорит о Любимом Городе, о любимой жизни и любимом дружке. Спасибо. [...]

Я тоже Наз[ыма] Хикмета ещё не прочла и только просмотрела, и тоже кажется, что хорошо. Радик – вообще молодец: стал хорошим и настоящим писателем. Читала ли ты его «репортажные» книжки «За окунем в Атлантиду» и другую, тоже морскую, о Кубе? – Эмма и Эвелина всё ещё живут у него на квартире, и я их совсем почти не вижу, и это непривычно и сиротливо. (Рад[ик] с женой в Латвии в Доме творчества работают; в Москве – телефоны, приезжие турки и пр[очее] не даёт работать).

В Ленинграде думаю быть в середине апреля. У Никона всё очень неладно: Митька ведь в 8 кл., что с ним будет дальше, неясно. Больно. [...]

Н.К. 26 III 69. Дорогая моя Юлич, получила я открытку от Стени и думаю, что она и Тебе написала на эту тему. Она подтверждает дату своего приезда и просит нас назначить день нашей встречи. [...] Если Ты ей сразу напишешь свои предложения, а затем,

м[ожет] б[ыть], Люся позвонит и узнает её мнение, и сумму мнений вы сообщите мне, всё так и состоится. (Как всё сложно! Но я очень хочу встретиться тут.)

Н.К. 23 VI 69. [...] Несколько дней я буду жить одна, но на каждый – что-нибудь назначено. [...] В качестве срочного и курьёзного по своей непредвиденности – надпись для памятника академика [Н.Н.] Яковлева [1870–1966] (!). Его дочь приезжала ко мне, прося о помощи, так как изготовленный и кем-то принятый эскиз был неприемлем. И вот на рояле расстелена ещё и эта работа. [...]

С.Д. 25 VI 69. [...] Теперь уже остались всякие мелкие предотъездные дела. Очень трудно со всякими поручениями и просьбами купить-привезти [в Мукачево] всякие вещи, например, нитки для вязания и т.п. Их во всей Москве нет ... и всё так.

[...] После долгого времени я прочла рассказ американского писателя в 5ом номере «Иностранной литературы» о Вьетнаме, очень хороший и очень тяжёлый. Если попадётся – прочти.

На днях смотрела по телевизору III тур конкурса балета. Очень скучно. Однообразно и пусто. Выделилась только французская пара – прелестная своей невообразимой элегантно-стью, изяществом и брызжущим весельем (независимо от музыки и действия...) – невозможно смотреть без улыбки, и при этом абсолютно технична.

Как хорошо, что ты отдыхаешь от шума и хлопот, и я очень думаю, что тебе бы не следовало ехать в августе никуда, если можешь побыть в тишине и покое. – Рада за тебя, что послушала музыку: это большое дело. Как жаль, что у тебя нет проигрывателя: ты могла бы сидеть тихонько и слушать, слушать...

С.Д. 14 VII 69. Родной любимый мой Юлич! Снова я в Мукачево, но какое же оно [лето] в этом году неприветливое, холодное, мрачное, с северным ветром! [...] Сажу в комнате, правда, зато наслаждаюсь старым ободранным вольтеровским креслом... и читаю, читаю, читаю, потом сплю и снова читаю. [...] Книг я привезла много (я ведь всегда зимой коплю на лето всё, что не успеваю читать) и вот уже за эту неделю с 6го прочитала «Казальса» Гинсбурга; «По следам Лейва Счастливого» Итстада (это о норманнах, открывших Америку за 500 лет до Колумба, вернее, о поисках их поселений на Ньюфаундленде); а теперь Бродского об архитектурных заповедниках Москвы; большущий V том Эйзенштейна (статьи о кино, театре и т.п.) и читаю сейчас Расула Гамзатова «Мой Дагестан»... По правде сказать, всё – не первый сорт! Очень интересно по темам и много хуже по литературным достоинствам. Ну, Эйзенштейн, конечно, особо: фейерверк мысли, сопоставлений, цитат; яркие характеристики разных деятелей театра и кино, теоретические размышления, наблюдения, неожиданные и иногда совсем дикие, если бы не были гениальными.

В семье моих хозяев происходит важное событие – 26го будет свадьба дочери. По этому поводу жизнь уже идёт вверх дном [...] Благословен наш русско-советский быт, где нет этих сумасшедших стародавних обычаев, потерявших всякий внутренний смысл, одна шелуха и фальшь. Здесь всё это соблюдается «через не могу», несмотря на стесненное материальное положение и возможности.

Но, когда светит солнце, когда утром голубое небо и в нём несметное число ласточек (их гнезда над каждым окном) и благоухает всё вокруг, и огород, словно джунгли, не пробраться, и горы вокруг... и ни о чём не надо думать, ни о чём заботиться – это всё несравненно хорошо.

От Наташки ещё в Москве получила письмецо с некоторой долей надежды на приезд... Как бы я была счастлива! От неё знаю, что ты не очень хороша, родная моя, береги себя, делай так, чтоб было поспокойней! Потише...

Очень жду от тебя письмецо. Целую тебя и обнимаю, всегда всей душой с тобой.

Н.К. 27 VII 69. [...] В последние 10 дней моего «отпуска» я (вынужденно) развила энергию и, к своему удивлению, написала эту заметку о Воинове⁷⁸ и нарисовала Алёне штоф.

[...] Стенину посвятельную надпись не кончила и должна её сделать в первые же дни возвращения [с дачи].

Н.К. 4 VIII 69. [...] Я получила благодарность за статью о Воинове. Как хорошо, что я всё-таки сподвигнулась на это дело! А с каким трудом принималась. [...]

Н.К. 19 VIII 69. [...] Юлич, читала ли Ты в «Иностр[анной] литературе» роман Шерли Энн Грау «Стерегищие дом»? Я только что прочла, и впечатление сильное.. всё думаю об этой вещи. Если не читала, м[ожет] б[ыть], достанешь, это №№ 3 и 4 за 69 год. [...]

С.Д. 27 VIII 69. *Открытка.* Родной мой Юлич! Сегодня послала тебе книжку о Виланде, которую мне на днях вернули. И ещё приложила очень милую книжечку Р. Гамзатова «Мой Дагестан», может быть, ты уже читала?

Я-то ведь отстаю от художественной литературы очень. Мне её подарили, и я очень довольна: свежая и хорошая. Если ты уже знаешь, ничего, пусть полежит у тебя. – Хочу закончить моё «задание» и потом немножко опять побездельничать. Это время занимаюсь усиленно. [...]

С увлечением читаю (понемножку) I т[ом] Мейерхольда⁷⁹, пока это всё начало столетия и будит тьму волнительных чувств и мыслей. Благоговею перед ним, как ни перед кем. [...]

С.Д. 3 IX 69. *Письмо Н.К. Бриммер для прочтения и Ю.Ф.*

[...] Настало чудное осеннее безмолвие и покой. Правда, ещё не улетели мои бесценные соседки – ласточки, приносящие мне бесчисленные радости своим щебетаньем, болтовнёй и сверкающими искрами своего лёта. Необыкновенные создания! И у природы есть свои шедевры – ласточки среди них. С трепетом жду их исчезновения: они уже усиленно готовятся к отлёту.

Упиваюсь I т[омом] Мейерхольда, ведь помнишь, я его достала в Л[енинграде], как раз когда была у тебя? [...] Сколько там интересного и остро волнующего! I т[ом] – ранние произведения и статьи о дореволюционных постановках его. Всё это – наша юность. Его размышления о театре вообще, его искания, невероятная противоречивость его творчества при какой-то обуюнности одной мечтой, его часто пророческие провидения – всё это наполняет воспоминаниями, восторгом и переживанием случайной несправедливости судьбы, издевательства над гением. Не могу никогда примириться с его гибелью.

Удивительно, как и он, и Эйзенштейн совершенно проглядели и не поняли явления Isador'ы! Оба говорят (упоминают) о ней с неуважением, вовсе не учитывая внутреннего смысла её дела. Ну, Эйзенштейн-то не застал её уже молодой, это понятно. Но Мейерхольд-то! Совершенно слеп, при своём культе движения [*Подчёркнуто С.Д.*] как основного выразительного средства в театре! Не понял ничего. Обидно.

Дорогая моя, удастся ли тебе в этом году получше организовать свою жизнь? Попала ли ты на Матисса? И что скажешь о его графике? Она меня потрясла. Всё время вспоминаю «Кроликов в траве»... и др[угое] ... и «Пасифаю» [*Иллюстрации к «Пасифае» А. де Монтарлана. Линогравюра. 1944.*]. В Москве сейчас выставка древней японской скульптуры, и я боюсь, что она не задержится до октября! А очень интересно!

С.Д. 9 IX 69. *Мукачево.* Юлич мой нежно любимый, получила печальное твоё письмо и думаю, что просто так смиряться и тащить непосильное бремя, всё время его заново переживая, – нельзя. Неужели нельзя Колю устроить на продлённый день? Всё-таки уже будет легче. А, главное, мне кажется, надо совсем изменить тактику. Конечно, я вполне согласна с незнакомцем, позвонившим тебе. На таких субъектов [Коля?] резкое физическое воздействие действует отрезвляюще, и они приходят в себя. Не очень я верю твоим объяснениям относительно его отца [*Сестра и Мама видели в Коле проявление многих черт характера отца мальчика.*]: тысячи детей в таких же условиях рождаются и не ведут себя так. Я думаю, это всё-таки распущенность, продукт нашей до дикости нелепой жизни. Ведь таких «беспризорных» сейчас куча и не только у нас, а и везде, судя по зарубежной литературе. Но вот мне думается, что не надо реагировать на эти припадки. Пожалуйста, вопи, кричи, катайся хоть по полу. Но ты должна уйти, запереть дверь, и всё. И не идти ему навстречу, не помогать, не исполнять его просьб, пока не начнёт себя сдерживать. Не идти на общение, гово-

ритель только необходимое. Не реагировать на двойки и наказания – пусть выпутывается сам. Ведь он уже большой мальчик и прекрасно всё понимает, но знает, что ты всё равно будешь прощать и вокруг него виться. Надо поставить ультиматум. Может быть, это и начнёт помогать; только не смягчать.

Ты прости, может быть, я говорю ерунду, и всё это испробовано.... Но мне чудится, что если и пробовано, то не выдержано??! Но я всегда чувствую, что мягкосердечие и всепрощение тут только развращают дальше. Надо посуровее, пожестче.

Не повезло нам с тобой с внуками... Не знаю, как там мой Дмитрий. За лето я получила от Никона одно письмо, и в нём очень мало важного, больше о том, как Митька ловит в Евпатории крабов и т.д. Мой Никон в последнее время как-то ужасно становится далёким – и как будто я совсем «не существую» в их жизни. Может быть, это и так, я ведь плохая бабушка и никогда не была настоящей матерью. А они с самого начала (как я им говорила) стоят с Идой не плечом к плечу, а нос к носу, и весь мир выключен... Я в том числе. У них страшный «семейный эгоизм». Ну, я понимаю, что Никон мне ничем не обязан. И что жизнь у него сложилась ужасно нескладно, безрадостно, бесперспективно, а уж теперь с неудачей с сыном – совсем плохо. Жаль его, очень. В нём много неиспользованного и невыявленного.

Да, и всё-таки, родной ты мой друг, крепись. Но не подставляй плечи без нужды. Мы с тобой, чай, не христианки. Пусть наше светлое, немеркнувшее прошлое светит тебе и помогает быть самой собой. А я всегда, всегда рядом с тобой: поплакать вместе – не грех и не слабость. И почему так глупо, что мы не можем быть вместе! [...]

Н.К. 16 IX 69. Посылаю Тебе, родная, письмо Кати.. сейчас перечла его и опять удивилась его сумбурности и какой-то невнимательности.. да и форма, хоть Катя и извиняется за неё.

Рада, что повидала Тебя. Очень, но боюсь, что, м[ожет] б[ыть], действительно утомила Тебя? [...]

Ю.Ф. – С.Д. 20 IX 69. Стенечка дорогая! Я получила твои письма и книгу. Что сказать? Твои письма поддерживают меня в мою эту плохую жизненную череду. Книга [Фотоальбом ИТНАКА, Венгрия. С.Р. – *уточнение С.Д. Рудневой на полях письма*] прекрасна, и заглавие глубоко и значительно. Оно как зов! Твои письма и особенно книга напомнили мне ярко зимние каникулы 1909-1910 гг. Я – в Рыбинске, больна дифтерией, и вдруг стали приходить от тебя письма, а ведь мы познакомились только в ноябре 1909 г. Вы были тогда в Железах... Я читала, и уходило то, что окружало тут, рядом, слышала зов в прекрасное, светлое и весёлое...

Что было здесь за это время? Болела. [...] Была Наташка, два раза – Оля Ганд[ельман]. Я стала спокойней, и вообще – очень жив-жив Курилка! Твоё письмецо отправилось на про-

чтение Наташке, а её – гостит у меня. Мне было хорошо на душе оттого, что всё в твоём письме о музыке и движении мне было понятно и воспринималось проникновенно. Буду доставать Гомера, чтоб наставить текст к фотографиям в книге. Что это за человек, сделавший этот дар людям?

Сейчас я читаю нашумевшую вещь Булгакова «Мастер и Маргарита» и как-то совсем не могу собрать всё воедино, содержание не входит в сознание, в душу. – Здесь поздняя осень. Очень холодно, и не топят. [...]

Мой здешний *terreur* [*фр. – ужас*] в своём репертуаре: сначала рёв от нежелания повторить историю или заняться английским, а потом рёв от страха, как бы мне не стало худо, просьбы о прощении и яростное обещание «быть хорошим». Но я, правда, стала спокойнее. [...] Стенечка, целую тебя, нежно обнимаю.

Н.К. 5 X 69. [...] Сегодня у Лёли Ив[ановой] сборище, на которое Стеня меня пригласила. Но, вероятно, она не очень думала, что я приду, так как знала, что 14–15 Никита уезжает [*в Антарктиду*]. А я, хоть и «свободна» сегодня, но настолько «не в форме», что не пошла. – Твои чудесные хризантемы прекрасно стоят, не вянут. Утешают меня.

С.Д. 25 XI 69. *Открытка.* Дружочек мой родной и любимый! Посылаю тебе самый тёплый нежный привет к 30^{му}. А уж насчёт пожеланий – так как-то всё само известно... – Эта открыточка сама по себе напомнит тебе стародавние времена: сколько раз, бывало, покупались такие! А мой любимый Пуссен пусть навеет на тебя всю ту бездонную гармонию и равновесие, которыми полно его удивительное искусство. – Я же эти дни полна работой с Галиной, она пробудет всю эту неделю. Много интересных и неожиданных мыслей является в этой работе. – Тебе шлют сердечный привет Эмма и Эвелина.

Вся моя душа с тобой, мой Юлич!

Открытка «В пользу общины св. Евгении»: Н. Пуссен «Эрмите и Танкредь» в коричневых тонах.

Н.К. 12 XII 69. Юлич, я посылаю Тебе обратно Катино письмо.. может быть, Тебе оно понадобится для писания ответов. Ужасно оно её самоупоеанием [...] Сегодня и я получила ответное письмо от К[ати]. Оно мне не доставило радости. Обо всём – бегло, торопливо. Небрежно.. «прости за спешку, работаю дальше..».

Н.К. 27 XII 69. [...] В последний мой приход, как всегда, много осталось неза тронутым в нашем разговоре.. ничего не спросила о Зосе и Матвее.. не поговорила о Стене. Мне сказала Генриетта И[саковна Яшунская]⁸⁰, что Стенин Сборник⁸¹ вышел .. знаешь ли Ты об этом или, может быть, Стеня Тебе его прислала. Я хотела об этом поговорить, но не вышло⁸².

С.Д. 5 I 70. [...] У нас очередная гептахорская катастрофа: Эммину студию ликвидировали. Это не свалилось неожиданно, к тому шло давно да и вообще продолжать существование в «Правде» было уже невыносимо и бессмысленно: никаких, ни материальных, ни психологических, условий нет. Мы даже не в претензии к администрации – они по своему правы: мы не их профиля; у них отняли часть помещений... Конечно, всё сделалось чрезвычайно по-хамски... но это в порядке вещей, не удивишь нас. [...] Конечно, так бывало и раньше, и выход находился... всегда «на худой конец» и временно! Но ведь коллектив-то жив и не собирается сдаваться. Значит, предстоит период борьбы за существование. Всё это, сама понимаешь, лишает нас возможности устроить эскападу в Ленинград в январе... И празднование семи семидесятилетних ... до лучших дней.

Да! Вот так-то, снова надо чинить наше совсем дырявое корыто...

Дошкольный сборник вышел, но на ужасной бумаге и имеет достаточно отвратительный вид. А школьное пособие так и ни с места (уже почти три года после полной сдачи).

Хотелось бы, чтоб ты прочитала мою статейку в № 1 «Дошкольного воспитания», 70 г⁸³. Думаю, она тебе понравится.

Нежно тебя обнимаю, целую и очень горюю, что отсылаю такое скверное письмо! Ничего, мы ещё повоюем...

С.Д. 3 II 70. *Открытка.* Дорогой мой Юлич, в начале января я послала одновременно три письма – тебе, Наташе и Оле. И ни от кого не имею ничего. Убедена, что они до вас не дошли... Я писала о наших невесёлых новостях: Эммин коллектив в «Правде» ликвидировали. Теперь идут поиски нового пристанища. Проявляют заботу о нас МКЦ ВЛКСМ и Д.Б. Кабалевский. Но всё это и очень трудно и очень тяжело. Стараемся поддерживать коллектив теоретическими занятиями, чтоб не разбрелись. Надо сейчас организовать киносъёмку девушек, чтоб всё прахом не пошло. Очень у меня мало надежды на скорое разрешение «кризиса». – Сообщи об этом всем, Наташе. [...]

С.Д. 7 II 1970. [...] Дела наши пока на мёртвой точке ожидания погоды у безбрежного и бурного моря всяческих невозможностей и трудностей. Секретари ЦК ВЛКСМ после показа работы подтвердили наше право на существование и недопустимость закрытия коллектива, но ведь этим сыт не будешь: это не даёт ни помещения, ни пианиста и т.д. Пока «ищут» для нас притыка. [...] Пока раз в неделю приютил Эмму один из Домов пионеров. Раз в неделю я занимаюсь с коллективом теоретическими беседами... Пытаемся организовать съёмку их в кино, чтоб иметь хоть фото на случай чего...

[...] Вчера получила обрадовавшую меня весть из Киева, что злополучная наша с Ильиной статья находится на отзыве у самого Леонтьева⁸⁴ (это один из ведущих психологов)

и у него ещё «не дошли руки». Это большой ум, человек громадной культуры, и можно надеяться, что даже, если с чем-нибудь будет не согласен, это не зря. [...]

А уже Ленинград предъявляет свои «права» – я ведь временами «заболеваю» им и ничего не могу с собой поделывать. Тревожат меня друзья – ты, Косатая и особенно Камилла, которая в очень плохом состоянии, хотя продолжает работать!! И все «ниточки» мои натянуты до предела.

Дорогая моя, береги себя, умоляю!

В.З. Бульванкер. 14 II 70. Родной мой Юлич!

Спасибо Тебе за Твоё поздравление к столь грустной дате! Подумать только – 70!!!

А помнишь, мне было тогда 20! Да! Ну. ладно. Всё ладно.

Я не знаю, сможешь ли Ты воспользоваться приглашением присутствовать на «торжестве», но, даже если Тебя не будет, я буду думать о Тебе также, как и обо всех гептахорцах. Кстати, я знаю, что среди собирающихся меня поздравлять будет Евгений Павлович Гершуни⁸⁵, который будет говорить о Гетахоре.

На днях я был на 70-летию писателя Льва Успенского и видел там Нат[алию] Вас[ильевну] Педькову. Я увидел её, когда уже стоял в гардеробе, и к ней не подошёл, да и она, видимо, не «очень» стремилась к этой встрече.

Целую Тебя, родная, крепко и много. Люблю Тебя и помню. Волк.

Н.К. 20 II 70. [...] Эта неделя изобиловала неожиданными посещениями и выходами [...] сперва на Волчий юбилей, а вчера – очередное заседание выставкома. Надо сказать, что вчерашнее жюри было недолгим и, вместе с тем, чем-то приятным, м[ожет] б[ыть], тем уважением, которое со стороны разных людей я могла почувствовать. – А что до юбилея Волка, то всё было многолюдно, празднично, полушутливо.. масса выступлений, масса подарков. Я, просидев за полночь, сделала обложку адреса, конечно, скромную, потому что на большой парад и времени не было.. но в дополнение придумала этот золотой ключ, висевший на шнуре, охватывающем обложку, и как будто он получился недурным... [...] После всех шуток, поздравлений и бесконечных поцелуев со всеми Волк сказал серьёзное и спокойное благодарственное слово, и тут странность: он ни одним словом, рассказывая о своём «становлении» и упоминая семью, Выборгское уч[илище] и т.д., не упомянул Гептахор. Ну, хоть бы как Студию музыкального движения. Оля Г[андельман] сказала, что это – ради Труды и всей семьи, там бывшей. Может быть, но – странно. Но Волк мог быть доволен потоком любвеобильных высказываний.

О.Д. Гандельман-Головчинер. 26 II 70.
довалась весточке от Вас.

Милая Юлия Фёдоровна! Очень обра-

Вы не ошиблись, 20 марта день рождения Ст[ефаниды] Дм[итриевны], а 11 ноября – её именины. – Наш Гептахорский юбилей 27 декабря, и в этом году это было 52 года Гептахору! День рождения Волчика – 19 января, а Пиканича [Никона] – 16 января.

Я очень хотела бы Вас повидать. [...] Хотелось бы с Вами побыть и поговорить, когда Вы одна и свободна. Напишите мне, когда Вам удобно. Телефон наш изменился, теперь это Ж-3-64-89. Это у Нины, где я бываю каждый день около 2^х ч. и с 5^{ти} до 6^{ти} – почти всегда.

Мы с Лид[ией] Ив[ановной] часто вспоминаем наше гептахорское житьё. Для меня это время самое светлое, самое радостное в моей жизни.

Крепко Вас обнимаю, целую и люблю.

Ваша Оля.

В.З. Бульванкер. 10 III 70. Юлюшка, родная! Спасибо Тебе за тёплое поздравление к дню моего 70-летия!

Мне очень, очень жалко, что Тебе не удалось быть на очень весёлом, сердечном праздновании, которое товарищи мне устроили. Думаю, что Наталка Тебе рассказала? Это было действительно остроумно и весело. И, что самое главное, было искренне и сердечно. Это почувствовали все, кто был.

7го в Москве «отпраздновали» 70 лет Эммы, а 20 III будет ... 80 лет Стене!!! Сейчас сижу и думаю о тексте «адреса» от ленинградцев. Адрес, видимо, будет писать Наталка. [...]

Хочу как-нибудь выбрать кусочек времени, чтоб заехать к Тебе, родная.

Будь здорова! Целую Тебя крепко.

Волк.

Н.К. 11 III 70. *Открытка.* Юлич, дорогая.. получила сегодня Твоё письмецо о приветствии Эмме [...] Я получила ещё письмо от Волка, который (в сговоре с Олей и Лёлей) хочет писать «адрес» Стене. Мне даже не совсем понятно, почему он не сам.. не один [*Подчёркнуто Н.К.*] хочет обратиться к ней по поводу этой её даты... и хочет, чтобы я «оформила» эту вещь. Вероятно, он зайдёт ко мне. А как я тут успею, и, главное, – как [*Подчёркнуто Н.К.*] это сделать? Тут ведь и что и как [*Подчёркнуто Н.К.*] надо обдумать и угадать... Вот такие дела!

Н.К. 20 III 70. [...] Утром, оказывается, заходил Волк [*Н.К. гуляла с внучкой.*] по поводу «адреса» Стене. Оставил текст, а что и как делать я не могла себе представить. [...] Так вот. Вызвонила Волка в понедельник, и мы с ним обсудили, что можно сделать. Мои намётки были одобрены, и я (с ужасом об ответственности и, главное, от полного отсутствия времени на выполнение) приступила к работе.. урывками и ночью. И всего-то две ночи у меня было на длинный текст и обложку. Каким-то чудом я сделала всё это (и, к моему удивлению, получилось интересно). [...] Волку очень понравилось то, что я сделала, и я, вероятно, тоже была удовлетворена, иначе я чувствовала бы смертельную усталость от всех недосыпа-

ний или нервной работы в присутствии Анютки. – Волк сказал, что звонил к Эмме.. она встретит «Стрелу», и проводник определённого вагона передаст ей папку.

Ну, а вчера очередное и интересное заседание жюри. И мне приятно было почувствовать себя не только бабушкой.

С.Д. – Н.К. 22 III 70. *Письмо оказалось у Ю.Ф., видимо, пересланное Н.К. Ю.Ф. для прочтения да так и оставшееся у неё.*

Наташенька Косатенькая моя, ну как мне благодарить тебя за чудесную «семёрку в восьмёрке», за такой пленительно гептахорский стиль... И когда только времени у тебя хватило! Но я огорчилась, что нет подписи... [*Подписи? Подписей?*].

Моя родная! Я ещё в таком счастливом чаду, реву непрерывно и не могу писать подробно о том незабываемом, удивительном, что произошло 20 III. Боже, какая я счастливая, никогда я не ожидала такого «свершённого» дня. Обеим вам с Юlichem напишу подробно позднее. А пока спасибо за всё, за адрес снаружи и внутри, за потрясший меня текст (кто его составил, не знаю!), за всё, вложенное в этот лист бумаги. 20го всё было, как в сказке, прошлое слилось с настоящим. И как в Алькиных стихах [*А. Преснякова, Алькона*]: «Я верю, что минётся горе, я верю в тебя, Гептахор!». Впервые после десятков лет мы снова с чудесными девушками Эмминой студии пели, пели наш Гимн. А пока целую, благодарю.

Вот слова гимна Гептахора. Его пели на мотив Lorelei Шуберта.

«В голубую даль...»

Ильза Тревер

Корабль мой белокрылый,
Лети в голубую даль.
Исполнен я веры и силы,
Изгнал я свою печаль.

Лазурное светлое море
Манит в безбрежный простор.
Я верю: минется горе,
Я верю в Тебя, Гептахор!

Ах, радостен солнечный путь,
Надёжны мои корабли...
И хочет душа утонуть
В голубой и глубокой дали.

Лети, мой корабль крылатый,
Гордо неся наруса.
Есть за морем остров богатый,
Там за морем – все чудеса.

Н.К. 27 III 70. *Открытка.* [...] Сегодня получила короткое, очень взволнованное письмо от Стени... Она «в счастливом чаду» и говорит, что напишет потом об этом «удивительном свершённом дне» 20го.. «всё было, как в сказке». По поводу нашего адреса и моего «оформления» и текста Стеня в большом восторге. Я рада очень.

С.Д. 27 III 70. Родной мой любимый Юлич!

Всё то, что произошло 20 III, было настолько громадно, велико и высоко, что мне кажется, жизнь была одна до этого дня, а теперь какая-то – другая, и я уже в каком-то другом «свете». Это было какое-то завершение, свершение, признание чего-то свершённого, свершившегося. Те потоки эмоций, светлых, возвышающих и радостных, которые излились на меня со всех сторон, покрыли меня с головой, переселили в какой-то чудный и родной мир, сказочное существование.

Я поняла и поверила до конца в то могущество, [в] ту силу, которым служила всю жизнь, в то сокровище, которое волею судьбы мне пришлось принять в свои руки, за которое мне приходится быть в ответе, которому служила я, как могла, и совсем не так, как было бы нужно... но всё же как-то донесла до этого дня, передавая по дороге направо и налево, питая его этой отдачей, – и вот оно оказалось принятым и взлелеянным, и признанным столькими людьми, и я почувствовала его живое дыхание на себе.

Мир свободных человеческих эмоций, мир свободного изъяснения их – нескончаемая радость взлёта человеческих душ, освобождённых и освобождаемых через музыку и движение. Если бы ты видела наших девушек в этот день и всех друзей и соратников... То, что горело когда-то бессознательным пламенем в нашей юности, пройдя через горнило сознания, взрывается в нашей современной тусклой жизни кострами очищения. Вокруг меня были люди, способные гореть, способные подняться над житейщиной, преображать её.

Как мне передать тебе, что я испытала, когда девушки поднесли мне – подумай только! – и надели венок из семи громадных алых гвоздик, Юлич, Изадорин венок, какой мы дарили ей, и я должна была его принять. Ты поймёшь, что я в этот миг умерла и родилась снова...

Ещё ответственнее и требовательней я чувствую на себе бесценное наследие, и как мне завершить, как спасти его от забвения? Времени и сил делается всё меньше...

Юлич мой, светлый спутник юности, спасибо тебе за всё, за письмо и за подарок сладостный... и за веточку плюща... Я же понимаю, и ты понимаешь, что мы пили с тобой из

одного Источника и что он поит нас с тобой всегда... Просто жизнь моя сложилась так, что я могла не уходить от него далеко и могла черпать в нём божественную влагу и иногда как-то передавать другим.

Целую тебя, мой светлый друг! Это письмо и Наташке! Я написала ей записочку, а ты покажешь это при случае.

Не знаю, видела ли ты чудный адрес, сделанный Наташкой? Когда я буду ехать в Ленинград – привезу.

Н.К. 7 IV 70. [...] Я получила от Кати эту «открытку» и не могу с Тобой не поделиться этими впечатлениями. Конечно, я хотела Тебе передать и содержание Катиного письма.. но форма поразительна, начиная с «Дорог. Н.». Сохрани эту открытку, пожалуйста.

С.Д. Открытка без даты, лето 70 г. Мукачево.

[...] Прочла, наконец, «Вернадского»⁸⁶, о котором ты мне когда-то писала – все эти годы не могла его поймать. Очень хорошо и очень для меня много нужного, шевелящего разные мысли и вопросы, а также поучительного: как надо жить и работать. Мне многое из этого не дано, а кое-что я узнаю в себе (в маленьком масштабе...) и радуюсь. С какими людьми рядом прошла наша юность! Какое это великое счастье – знать их и помнить всю жизнь. – Пиши мне, не старайся много, шли весточки. Целую тебя, всегда с тобой.

С.Д. 22 VI 70. Родной мой Юлич! Вот уже две недели, как я была у тебя... [...] Я всё вспоминаю наше с тобой свидание, и сердце полно благодарности судьбе, которая нам подарила столь великий срок великого счастья дружбы – ведь скоро уже этому дню, когда мы с Наташей увидели тебя у окна в нашем Бестужевском зале – скоро 61 год. И свет нашей любви не меркнет.

Дорогая моя, как там твои дела? Как ты одна коротаешь дни? Напиши мне в Мукачево, когда будет минута подходящая и манящая. А пока я крепко тебя целую, Люсеньке привет, очень она мне понравилась в этот раз, как-то чем-то очень напомнила тебя, давнюю... Всегда я с тобой всей душой.

Н.К. 27 VI 70. *Открытка.* Дорогой мой Юлич! Я только что говорила со Стеней по телефону, и мы договорились о возможной встрече у меня 4^{то} в четыре часа. Как Ты? Сможешь ли? [...]

Н.К. 4 VII 70. [...] Вспоминая наше свидание и разговоры, подумала о том, что ничего не было сказано о Цинзерлингах.. не спросила Тебя, было ли что-нибудь от них? Мне досадно, что Гуля не ответила на моё письмо. [...]

С.Д. 11 VII 70. *Мукачево.* [...] В первую голову схватилась за том Адриана Пиотровского⁸⁷. Читала волнуясь, радуюсь, проклиная, ужасаясь и восторгаясь и, сверх всего, узнавая знакомые черты.

Потрясает, сколько он получил от отца...

Оно просвечивает через всё (как солнце сквозь листья), ни для кого непонятное, преобразённое эпохой, и такое вдруг знакомое, основное, несравненное, что было у отца. Думаю, что он был много талантливее отца, он – феноменален, гениален во всех проявлениях: [в] науке, театре, кино и просто [в] жизни. Какое безмерное счастье иметь такого сына («Вот этим я горжусь больше всех [всего?]», – говорил отец, когда А[дриану] было 12 лет...). И какая страшная трагедия, если он знал о конце...

Потрясает, сколько из того, что мы любили и любим в советском искусстве кино, театра, в значительной степени – плод его работы, хотя и не носит его авторства. Сколько бы он ещё сделал? написал? перевёл? воплотил? Невыносимо.

Мне ужасно хочется, чтобы ты прочитала эту книгу, главным образом, I и II части (о нём); среди его статей есть замечательные, но многое слишком специально (о кино). Если ты подтвердишь своё желание, я тебе её вышлю. [...]

Читая, бросала книгу, не в силах переносить мысли о гибели такого гениального человека, такой обаятельной, высокой светлой человеческой личности. Этого простить нельзя, никогда, никак... Ведь он исчез 39^{ти} лет.

Между прочим, читая книгу об Адриане, я поняла очень закономерность нашего ухода от археологии в строительство новой культуры – именно многие ученики Ф.Ф. [Зелинского] должны были так поступить, этому, по существу, учил он. Он всегда учил живой жизни, а не был ментором-учёным. Его «наука» пронизывала всю жизнь учеников, чем бы они ни занимались. Таков был и А[дриан], таковы мы, духовные его дети. [...]

Сейчас примусь за книгу о балетах Стравинского [Вероятно, С.Д. читала книгу Вершининой И.Я. – Ранние балеты Стравинского. Жар-птица. Петрушка. Весна священная. М.: Наука, 1967, С. 223.]: там много об эпохе начала столетия... столь дорогой и полной волнующих воспоминаний, столь плодотворной.

В библиотеке (для «облегчённого чтения») взяла очень интересную книжку американского океанолога «Биография моря». Ещё только начала, но по плану очень заманчиво.

Надеюсь, что Олюшка тебя не оставляет.

Пока кончаю. Вышло странное письмо?... Но так я сейчас живу – между радостным восприятием окружающего [природы в Мукачево] и горестными думами о человеческой жизни и судьбе.

С.Д. 30 VII 70. *Открытка.* Юлюшка моя родная, письмо твоё невесёлое получила, и так бы хотелось быть с тобой. Рада, что Матвей приедет: ты немножко «отдышишься». Хоть мы с ним не встречались, у меня к нему очень лежит сердце, и передавай поэтому ему мой привет. [...] Напиши мне, когда будешь читать Адриана... На меня навалилось про-

шное, наяву и во сне оно со мной и не даёт покоя. Людей и события переживаю заново... Знаю, что этого нельзя делать – и ловлю себя на этих экскурсиях в запретный мир. [...].

Н.К. 4 VIII 70. [...] К моему огорчению, я потеряла (или не взяла сюда) адрес Стени, а у меня была потребность написать ей особенно потому, что очень ясно и очень интересно повидалась и поговорила с ней... во сне. Хотелось рассказать её это. Написала наугад адрес – не знаю, найдёт ли её письмо. *Н.К. проводила лето с внучкой в Литве.*

Н.К. 21 VIII 70. [...] О том, что Зося путешествовала, я узнала из письма Гули, пересланного мне из Л[енингра]да. Гуля писала с оттенком одобрения и чуть-чуть, м[ожет] б[ыть], зависти о том, что Зося энергична, молода, широко заинтересована всем и что мальчики оставлены на знакомых, а она едет и обогащается впечатлениями... О себе она говорит, что настроена очень мрачно, но что все её друзья говорят ей, что в наши дни это слишком большая роскошь.

Это была поездка пяти лучших классных руководителей Уфы в Киев. Пребывание в Киеве – пять дней. Да, это было счастье!!!

С.Д. 3 IX 70. *В Мукачево неожиданно приехал Никон с женой и сыном.*

[...] Радость их близости «уравновешена» грустью: уж очень мне тяжело смотреть на моего (и твоего) мальчика, ничего как будто в нём не осталось от маленького такого светлого «Нини» с широко открытыми на мир глазами. Это воплощение разочарованности во всём и во всех, жизнь сужена до предела. [...]

И потом – убийственная неспособность восторгаться чем бы то ни было: никогда не видела её [жену сына] в восхищении. Всё-таки в Митькином вопросе очень виноваты родители: нельзя ребёнку жить и расти в атмосфере уныния, скепсиса и безрадостности... Но вот в предпоследний день Никон ушёл один в горы и вернулся совсем другой, полный радости и изумления перед красотами лесов и гор, перед тем, что впервые увидел плюц в природных условиях! И был похож на себя, на моего сына. И от этого ещё грустнее. Отпускала их в Ленинград как-то очень тоскливо: всё-таки я здорово по ним тоскую, хотя у меня способность это не «переживать», только вдруг обнаруживаешь [тоску], обычно перед очередной разлукой.

Ну, хватит, может быть, зря я это всё тебе пишу, хватает тебе и твоих горестей и трудностей. И я знаю твоё отношение к Никону...

«Зов Москвы» чувствую. [...] Всё бы ничего, но, как подумаю о своём быте... «озоры берут», да и чудесная природа и не менее чудесная пища на улице не валяются... особенно в Раменках [район Москвы, где жила С.Д.].

[...] Читаю сейчас книгу «Режиссёр Мейерхольд» Рудницкого⁸⁸. Книга замечательная, умная, справедливая, втайне влюблённая в Мейерхольда, что прорывается, помимо желания

автора, и радуется..., а в общем – страшная. Только теперь я до конца поняла, что меня в нём всегда волновало. Ведь я вовсе не была поклонницей всей его работы, я в то время большинство советских спектаклей его не понимала, а многих не видела... И, конечно, если бы не поездка в Грецию вместе, (хотя мы, «аисты», были так заняты своими делами и Ф. Фр. [Зелинским]), что совсем не общались с Вс. Эм. [Мейерхольдом], но был один короткий разговор вполголоса, обмен двумя фразами, который связал меня с ним; а потом – он через много лет вспоминал, как я пела русские песни и – один из высших комплиментов, полученных мной в жизни – он задумчиво сказал: «Да, Вы хорошо пели русские песни»... Но не это всё важно – а брала меня за горло неистовая страстность, с которой жил и творил этот гениальный человек: это я поняла из его письма Чехову, приведённого в книге... Не могу, не могу я примириться с его гибелью, со всем, что он унёс; с тем, что на годы остановилось развитие русского искусства, что нет ни его, ни Адриана, ни столько других... Невыносимо это, живёшь непрерывно с этим в душе, и чувствуешь свою долю вины.

Ах, Юлич! Что-то совсем «неподходящее» выходит письмо. Что делать! Сегодня было такое бледно-голубое мукачевское утро... а потом снова затянуло серым всё небо, и оно такое низкое, кажется, вот совсем сядет на голову. Да оно так и делает – туманом и дождём, который вот-вот снова «западает», как здесь говорят...

За всё лето я не получила ни строчки от Наташки и не имела её адреса – не могла ей писать. Чувствую, что уж очень ей трудно. Бедненькая наша Косатая, до чего уж нелепо и трудно сложилась вся её жизнь – недаром с юности были у неё эти страдающие глаза...⁸⁹

Ни ветерка, всё замерло опять, в этом году это основной феномен: затишье при солнце, при дожде, при тумане, даже иногда при грозе!! Безветрие. А туманы не кончаются, дальних гор не видно, а иногда и ближние не сквозят. Бывает это очень красиво, особенно на закатах: такие потрясающие по нежности краски у всего: земли и неба... Но я люблю больше более мажорные звучания... [...]

Ну вот и всё [...]. Мне очень интересно, как дела у Матвея, переехал ли он, один или с женой? Каким вернулся Коля, не помогла ли ему его поездка выровниться? Ну, и всё вообще, что тебя касается.

Я всегда с тобой.

С.Д. 5 X 70. [...] Теперь уже начинается регулярная московская жизнь, а я как-то не могу в этом году к ней приноровиться: уж очень я избаловалась в Мукачево.

Странно, восемь лет уже я там, а вот в этом году как-то по-особенному переживала каждый день и час и благославляла судьбу, мою хозяйку и Ольгу Марковну, которая меня туда устроила... Дорожила каждым днём, наслаждалась, несмотря на плохое лето, холод и очень скупое солнышко... [...].

И вот я снова в своём углу, и я не могу примириться с его неласковой сущностью... Конечно, это и неразумно, и неблагодарно. Что делать! [...] Я стала, Юлич, очень капризна и требовательна: мне подай «условия для работы», а ведь по существу с тридцатых годов у меня этих условий не было, а работа – была. А вот теперь что-то испортилось, почему бы это? а?

Грустно мне было читать твоё письмо – как безрадостна жизнь внуков да и – детей... Это делает жизнь очень трудной, не только бытово, но, главное, внутренне. А у меня и «детей и внуков» достаточное количество, чтобы чувствовать их безвыходное и бесперспективное существование.

Как-то недавно с Эммой и Эвелиной были в кино, видели американский фильм «300 спартанцев». Я думала, это что-нибудь в переносном смысле. И вдруг – представляешь – открывается экран (широкоформатный), и во всю стену – Акрополь... Я только охнула... И, представляешь, весь фильм снят на натуре! Досадно, что недостаточно верно и серьёзно сделано всё, вместо спартанцев V в., какие-то римские гладиаторы; и всё-таки – натура! Какая земля, небо, море. Цвет очень нежный, неплохой, но немножко слишком нежный – нет греческой строгости. Боже, какая земля.

Юлюшка, книги об Адриане у меня сейчас нет под рукой (она у Эммы), а потом я тебе пришлю, это интересно. [...]

[...] Я, по-видимому, приеду [в Ленинград] числа 27 X, недели на две. У меня здесь работает методическая группа молодых муз[ыкальных] педагогов и оставлять их сейчас мне трудно. Занятия с ними мне помогают продумать и осмыслить вопросы нашей методики, которые сейчас мне надо писать.

Ну вот! Пока и всё. Крепко тебя целую, обнимаю, моя родная. Твоим привет. Как дела у Матвея?

С.Д. 11 XI 70. *Открытка.* Родная моя Юлюшка! Это мой прощальный привет здесь, в Ленинграде. Завтра еду в Москву.

Дорогой мой дружок, будь бодра и сильна, отметай от себя всё мешающее. Наше прошлое, наша светлая юность да будут всегда с тобой! Я твоя всегда.

С.Д. 25 XI 70. [...] Заканчиваю сейчас удивительную и ни на что непохожую книгу, которую мне дал Волчик: Мунте. Легенда о Сан-Микеле. Перевод с английского, хотя автор – швед. Когда её здесь прочтут Эмма и Эв[елина], а, может быть, кто-нибудь ещё, пришлю тебе. Книга «без жанра», сама по себе, на материале автобиографическом; поразительна сама биография автора, данная в предисловии. И поразителен его образ, как он возникает из книги.

Юлич, желаю тебе непременно слушать музыку. Не лишай душу свою этого самого верного и надёжного друга, помощника и мудрого советчика. Проси Олю и Лёлю понемногу покупать тебе хорошие любимые пластинки! Нельзя жить без музыки, это преступно. [...] Целую и обнимаю тебя, мою близкую, родную, любимую.

С.Д. 30 XI 70. Мой любимый Юлич! Хочу, чтоб было тебе потеплее, поуютнее, помягче... «Девственно-розовый» цвет, наверное, вызовет у тебя улыбку – это тоже хорошо? Это, поэтическая окраска прозы, часто облегчает нам жизнь, не правда ли??

Целую тебя нежно. Твоя Ст.

Видимо, открытка «Петродворец. Фонтан «Пирамида» вложена в какую-то бандероль Маме к её дню рождения, 80-летию.

1971

С.Д. 3 I 71. Юлич мой родной, ну как хорошо было получить твое письмецо! Спасибо тебе за подарочек – прибыль в мою Лен[инградскую] коллекцию!

Я сейчас сижу дома и усиленно пишу небольшую заметку (вставку в книгу Кулаковского) о нашей работе. Это очень ответственно и важно.

Не знаю, рассказывала ли я тебе про одно удивительное обстоятельство в моей жизни, которое повторяется уже много раз. Началось 27 дек[абря] (в наш Гепт[ахорский] день) 41го года. Мы были одни в Москве с мамой – и это был единственный раз за все годы, когда нельзя было его справиться хоть как-нибудь. И вдруг – представляешь! – по радио зазвучал Forellenquintett Шуберта, наша гептахорская песня. Это было необъяснимо, как чудо. Но ещё удивительней, что это повторялось с тех пор не раз – в знаменательные почему-либо гептахорские дни по радио передают «форель». И вот 26 XII в этом году (у нас было плохое 27ое: не было помещения, пришлось в чужом доме собираться... без музыки) на сердце очень тяжело, я включаю радио – объявляют Forellenquintett!! «Бывают непростые случайности», – говорила Ysadora.

Н.К. 28 I 71. [...] 27го я просила М.Н. [сватью] отпустить меня [т.е. посидеть с внучкой], т[ак] к[ак] получила несколько приглашений в ЛОСХ на вечер памяти Воинова: наверно, и ЛОСХ, и его дочь, и Русский музей написали.

С.Д. 5 II 71. *Открытка.* Дорогой мой дружок Юлич! Спасибо за письмо. Спешу тебе написать Танин [Т.Л. Девиз⁹⁰] адрес Л[енингра]д Д-65 до востребования. Я так и думала, что тебе будет радостно с ней встретиться. Она чистая душа и ужасно одинокая и несчастная. – Очень взволнована я Колиной болезнью. Что это такое и чем угрожает?

С.Д. 19 II 71. Юлич мой родной и любимый, здравствуй!

Прости, что так опаздываю с ответом на твое письмо.

Книги Вейса⁹¹ об Изадоре в Салтык[овской] библи[отеке] нет. Есть «Моцарт» и «Роден». Мне говорила Лида Генералова, что о Родене необыкновенно интересно. Как тебе понравился «Моцарт»? Мне писали, что это не очень интересно. Переведена ли книга об Изадоре, непонятно, хотя она названа в книге о Моцарте. Может быть, ещё не вышла? Настораживают уж очень «несерьёзные» и претенциозные заглавия. «Легенда о Сан-Микеле» ещё совершает круг по моим друзьям здесь. Я привезу её в апреле. [...] Получила ли ты мою открытку с адресом Тани?

Как здоровье Коли, где он? В больнице или дома уже? Говорят, что остеомиелит – следствие ушиба?

Получила письмо от Камиллы. Она опять упала, сильно расшиблась, была в больнице, а теперь её переправляют в Узкое для поправки. Я очень рада: по крайней мере будет там присмотр. А то это одиночество в двух громадных роскошных покоях очень тревожно. [...] Всё грустно. Недавно я была у тётки Велли⁹², она почти совсем ослепла, живет неприкаянно с внучкой и правнучкой, без ласки и внимания, которыми была так избалована в жизни. От неё узнала, что Катя, наконец, ушла на пенсию и теперь бедная Гулька, наконец, разглядела свою мамашу: она так её эксплуатирует, что та не знает, куда деться. Сейчас есть надежда, что её устроят на работу в новый Акад[емический] институт истории (кажется, так); жалко её [...]. Кое-что ещё я расскажу тебе при свидании такое, что неохота писать...

Была недавно на выставке Ал. Бенуа – большая радость снова встретиться с ним после стольких лет! Выставка большая, пять или шесть зал, по всем видам его творчества. Но, конечно, лучше всего его «поэма» о Версале. Это всё бесподобно по красоте, тонкости, изысканности и какой-то бесконечной поэтической правде, правде видений, преобразивших саму природу. Хорошо, и – потрясает мастерством.

Залы выставки соседствуют с залами иконописи. Конечно, я не могла не зайти туда. Ибо всё-таки нет ничего в русской живописи выше или даже близкого к Рублёву... В сотый раз убедилась, что это так. И что немного во всемирной живописи есть такое, как Троица или Звенигородский Спас.

А, в общем, сижу дома, выезжаю два раза в неделю в Университет, а иногда – к Эмме или по делам в город. На импрессионистах ещё не была, так как очереди стоят на улице. Но, кажется, на будущей неделе удастся попасть «другим ходом».

Думаю, что, может быть, в начале марта съезжу на недельку в Орехово к моим уже совсем «немолодым» ребятам. Соскучилась по ним, по их неугасимому юному «пыланию», как по волшебству.

Ну, вот, как будто всё. Очень хочу, чтобы ты мне написала как ваши дела: Коля, твоё здоровье... И была ли у тебя снова Таня? Я от неё ничего не имею давно.

Целую тебя, моя родная. Привет Люсе и Коле.

С.Д. 10 III 71. [...] 27го я уехала в Орехово-Зуево на встречу с моими дорогими «ребятами», теперешними мамами и папами, бабушками и дедушками... Снова встреча была, как костёр, вспыхнувший в ночи... Снова мне казалось, что, м[ожет] б[ыть], самое яркое, что я сделала в жизни, – это моя работа в Орехове... Снова поразила сила нашего метода, преобразующего душу учеников на всю жизнь...

... Конечно, то, что случилось с Колей [заболел остеомелитом] очень, очень тяжело. Но, может быть, всё [не] так страшно? Ведь врач-специалист и про спину Мити уверял, что это неизлечимо и пр., а вот уже полтора года всё в порядке, и он таскает любые тяжести (что ему запрещалось). Хуже, что сейчас на, может быть, довольно долгое время он лишён спорта. А вот насчёт в[оинской] повинн[ости], может быть, и лучше. [...]

Понятно, что противная школьная учёба сейчас, в состоянии внутреннего кризиса, особенно ненавистна и трудна. Не думаете ли вы с Люсей, что просто необходимо помочь ему репетитором: 1. это будет чужой человек; 2. индивидуальные занятия пойдут впрок быстрее и легче. Я понимаю, что это трудно в смысле денег. Но неужели не может помочь отец?! Имей также в виду, что у меня есть кое-какие деньги (лежачие) и вы можете их использовать без всяких разговоров и раздумий. А так я считаю положение очень тревожным, так как он, конечно, ни взять себя в руки, ни понять необходимость [Подчеркнуто С. Д.] ещё не в состоянии и это вымещает и будет вымещать на вас, главное, на тебе. А это уже недопустимо даже с точки зрения педагогической – для него же..

Книги Вейса об Изадоре никто не видел. В Салт[ыковской] б[iblioteке] её нет.

Может быть, она ещё не вышла?.. Меня очень настораживает название – уж очень пошло и претенциозно. Впрочем, и название книги о Моц[арте] не лучше. Версия об отравлении мне кажется сейчас уже совсем оставленной после сенсации с каким-то «признанием» исповедника Сальери... А кто знает... Он всё равно был, как говорят русские кумушки, «нежилец», слишком хорош для нашего мира. Он, наверное, был той душой, которую «нёс в объятьях» Лермонтовский ангел... А я всё время под обаянием книжки Чичерина... Она попала ко мне как раз вовремя, когда я сама (по выражению Никона) «допёрла» до Моцарта.

От Наташи получила на днях письмо. Ждёт Никиту, который должен взойти на «Обь» и вернуться в мае. [...]

Грустная радость – «воскресение» имени Адриана и всё-таки – радость. Хоть это так же некрасиво, как то, что теперь чуть ли не каждый день по радио звучат записи М.В. Юдиной... не звучавшие несколько лет до декабря.

Вот пока все мои новости. [...]

Люсе привет. Тебя целую нежно и крепко. Береги себя, не позволяй наваливаться на тебя горькому и тяжёлому. Я боюсь, что ты очень его [внука] жалеешь, и это ему вредно. Бывает в тысячу раз хуже. Должен же мальчик обладать мужеством и решимостью посмотреть в глаза своему положению, а не расквашиваться и неистовствовать. Не следует жалеть и лелеять, только суровость и сознание необходимости перетерпеть и превозмочь может помочь ему стать человеком.

Ой, зафилософовалась... Ещё раз целую.

С.Д. 31 III 71. Юлич мой родной и любимый! Мучаюсь, что так долго не ответила на всё: письмецо и книжечку чудесную, радостную и жизнелюбивую. Спасибо за всё. У меня настало время тревожное: должны нас вот-вот переселять. Конечно, жить в человеческих условиях заманчиво, но – где? Ничего неясно. Боюсь очень, чтоб не загнали меня снова к чертикам... Как уже два раза! Тогда прости моя работа в Университете, прости моя Олечка, верная помощница во всех случаях жизни. [...] Вообще, перспектива нового «изгнания» не из приятных. Но – страшен чёрт... Авось, вывезет кривая. В Университете мне обещали бумажку с просьбой не высылать далеко, так как я по общественной линии консультирую там в детсекторе клуба. Никон пришлёт бумажку от своего командования, чтобы не селили далеко от Оли как единственного близкого человека, который мне может помочь. Написала я в Орехово своим многочисленным детям, чтоб они ходатайствовали о своей старой учительнице... Может быть, что-нибудь и поможет? [...]

Вот так. Хоть бы уж скорей. [...] Целую тебя нежно и ужасно жду свидания. С тобой я всегда.

С.Д. 9 V 71. Родной мой Юлич, спасибо за письмецо, хотя и нерадостное. Что же это у вас делается, неужели ничем нельзя привести в чувство мальчишку? С возрастом идёт не к лучшему. Это всё-таки не норма при всём отчаянном нашем окружении и всяческой отравленности... Может быть, ему всё-таки нужно какое-то успокаивающее лечение? А нельзя ли попробовать оставить в покое – всё равно с учёном сейчас ничего не выйдет. Ну, и не беда. Можно воспользоваться болезнью ноги и дать ему жить, как ему хочется, может быть, через какое-то время он почувствует отрыв от сверстников и сам потянется. Ты пишешь, что он увлекается техникой – ну, и пусть. Оттого, что застрянет на год, ничего худого не будет. А нервы придут в порядок, и вы отдохнете. А так это уже и невыносимо, и педагогически неприемлемо, что же будет дальше?

Да, уж не повезло нам с тобой с внуками... Не знаю, что лучше? Сейчас я ничего не знаю, что там происходит, Никон не писал мне с начала апреля... когда должно было решиться, допустят ли Митю до экзаменов.

Есть у меня большое достижение. Рапортую тебе, моя гептахорка, что мне удалось записать на плёнку рассказ о Гептахоре, начиная с Ysador'ы и до года переезда в Москву. Меня давно мучит, что время идёт и нет у меня возможности записать всё, что было, и нет никого, кто возьмётся это сделать. И вот мне предложили записать. Этим занимается один человек в Университете, он интересуется первой третью XX века и записывает воспоминания разных людей нашего возраста и разных специальностей⁹³... Записала я 2 000 метров, постаралась упомянуть всех главных друзей, с которыми мы работали, кто нам помогал в работе и творчестве. Теперь меня интересует и заботит вторая половина нашей жизни – Московский период и борьба. Думаю, что, хоть вкратце, удастся записать. И буду спокойна. [...]

Занимаюсь сейчас разбором бумажных залежей, стараюсь оставить только действительно нужное, важное на сегодняшний день. Иногда ужасаешься: столько написано, думано, делано, а такого, чтобы было доделано, ясно и чётко додумано и сказано, – нет. Всё только материалы. И сумею ли, успею ли сделать? Очень грустно. И долго, медленно.

Весна, наконец, расцветает, стоят чудные дни – вот уже с неделю. Тоскую по Любимому Городу и по друзьям, по белым ночам. [...]

Целую тебя крепко, пусть хоть как-нибудь тебе полегчает, дорогая ты моя. Как ужасно, что ничем мы не можем помочь друг другу. Я всегда с тобой.

Н.К. 16 V 71. [...] Получила от Стени открытку. В ней она говорит, что послала Тебе большое письмо, в котором и для меня что-то рассказывает. [...]

[...] Была ли у Тебя Катя? Она 13го пришла с коротким визитом, который совпал с пребыванием у меня Ел[ены] Эм[ильевны]. Она сказала, что страшно занята и на неделе придти не сможет, а придёт перед отъездом. [...] Вчера, в субботу [...] у меня был длительный и интересный «приём»: наконец, добралась до меня Цинберг и опять пришла Зенькович, и мы разговаривали с 2^х часов до 9^{ти}. Всё было очень мило. [...] Завтра я неожиданно иду на концерт Башкирова, чему очень рада. Это Зенькович мне подарила билет. [...]

В.З. Бульванкер. 22 V 71. Дорогая моя Юлюшка!

Неожиданно получил от Тебя привет от Гусева А.А.!!

Ни Ты, ни я не знали этого, по меньшей мере, странного молодого человека!

Недели три тому назад я получил письмо с вопросом, не был ли я участником «ансамбля греческих танцев», какова моя судьба и судьба других членов Гептахора? Ответ я должен был послать «до востребования».

Я ответил, что я – это я. А вот о «судьбе» я писать не стал!

И вдруг – он сам, Гусев, появился ко мне с приветом от Тебя. Сказал, что был он у Наташи Маленькой, что она больна. Как он говорит, он студент II к. Кораблестроительного института. Не знаю, почему он заинтересовался Гептахором. Рассказал, что встретился с

Немировской (?), которая жила в «Железах»!!! Она ему и рассказала о Гептахоре. Сейчас у него сессия, а после неё он собирается брать у меня «интервью». Зачем ему? Ну, ладно. В разговоре выясню.

Получил я письмо от Нины Окс⁹⁴ из Лондона. Послал ей ответ. Вложил в письмо вырезку из газеты о Л.Б. Красине, ведь это её отчим! [...]

Пару слов о себе. Я немного работаю. Иногда чувствую сердце. Но, в общем, всё удовлетворительно. Собираюсь писать статью о детских театрализованных праздниках в Ленинграде (для сборника о массовых праздниках). В субботу 29 V в Пушкине проводится праздник «В мире сказки» по моему сценарию. А осенью, в сентябре, в Летнем саду – «В гостях у дедушки Крылова». Так что «жив курилка»!

Целую Тебя, моя родная!

Твой Волк.

Р.Б. Фогельсон⁹⁵. 10 VI 71. *Открытка.* Милая Вы моя, дорогая моя крёстная! Уже полвека живу с этим именем. Наконец-то узнала, что Вы здесь, узнала адрес. Хочется и о Вас узнать и о себе рассказать. От Ст. Дм. Вы, наверное, знаете, что здоровье моё не ах! Пишу кратенько, так как завтра придут делать ремонт в кухне и общих местах – ужас! Напишите мне, задавайте какие хотите вопросы – я на все отвечу: так будет легче. Ольга Ганд[ельман] говорила, что она часто у Вас бывает. Как-нибудь бы мне приткнуться к кому-нибудь и повидаться с Вами.

Целую Вас крепко.

Ваша Р.

С.Д. 20 VI 71. *Открытка.* Дорогой мой Юлич! Вот и кончился мой ленинградский отпуск, и я еду в Москву. [...]

Вчера вечером мы были у Вишкарёва и потом я устроила «прогулку» на такси по белой ночи – целых сорок пять минут – на Неву, Марсово поле, Фонтанный [Дом], и потом уже отвезли Ольгу Маркововну в Купчино и сами – домой. Это было восхитительно, незабываемо. Как трудно всегда покидать любимый город! Крепко тебя целую, будь бодра и спокойна, постарайся отдохнуть в тишине. Я с тобой.

С.Д. 13 VII 71. Юлич мой родной! Как-то ты там, моя единственная кукушечка? Ничего не знаю о тебе и беспокоюсь. Подай голосок хоть открыткой. [...]

Последние дни решила устроить себе режим: по утрам хожу гулять. Ведь у меня здесь совсем рядом поля, дали, а на горизонте снова дымищи, остров зелени среди города. Цветут цветы в лугах, поют жаворонки... Сейчас цветут липы на нашей улице и пахнет даже в моей комнатке. Я читаю много и с большим увлечением, но с перерывами, так как устаю. Чтение нелёгкое: Ю. Давыдов «Искусство как социологический феномен» (о Платоне и Аристотеле). Страшно актуально и ... злободневно! Конечно, подход к ним совсем непривычный для нас, но с таким глубоким преклонением перед их гениальностью и притом с мягким, хорошим

юмором над их «наивностью». А параллельно – воспоминания Бруно Вальтера – «Тема с вариациями». Очень хорошо написано и интересно: вся европейская жизнь конца XIX и до 40^x годов XX. Очень умен, широк и «прекраснодушен».

Опять была очередная канитель с корректурой школьного пособия (с опять новым редактором!!!) [...]

Целую тебя и жду весточки, пусть хоть маленькой.

С.Д. 4 VIII 71. Ну, как ни удивительно, но мои жилищные беды кончаются: вчера мы с моей соседкой получили ордера на хорошую двухкомнатную квартиру (типа Люсиной) в очень хорошем районе. Дом роскошный, окна на юг, 4ый эт[аж]; перед домом будет зеленая площадка, затем – проезжая часть улицы и сразу – громадный старый яблоневый сад, стелющийся по оврагу. За ним видны вдали дома – и над всем необъятное небо, слева виднеется лес, зеленая зона. [...]

Всё, что ты пишешь о своей семье, невыразимо грустно и трудно. Всё-таки люди в общем потеряли почву под ногами и болтаются по воле волн, хотя и не находятся в невесомости. Ужасно для всех, но ужаснее всего для детей. Им прививается представление, что так и надо и нормально существовать.

Всё думаю, в каком-то виде вернётся из Казахстана Митька, сохранится ли у него тот благотворный настрой, в каком он, очевидно, там пребывает, или он его потеряет по дороге и всё начнётся сначала! [...]

С.Д. 3 IX 71. *Открытка.* [...] Завтра получаю ключ, и начинается возня со всеми делами и вещами. И так, кончается моя неприкаянность 30-летняя. Надеюсь, что всё будет хорошо и отдаленность от Университета не так уж будет мешать жить и работать. [...]

С.Д. 23 IX 71. *Открытка.* Юлич мой родной, сообщаю тебе, что я пишу уже на новой квартире, куда переехала вчера. Ещё впереди невесть сколько дела, чтоб стало всё хорошо. Уж очень плохо всё, не доделано и просто никудашно. Ещё не топят, очень холодно, и безумно дует из окон. – Но радуется небо, солнце, широта и т.п., а также нормальный человеческий быт в будущем. Пока есть свет, холодная и горячая вода. Комната прелестная, и вся квартирка [*тоже*]. Конечно, понемножку всё наладится. На днях напишу. Очень устала. Целую.

Ю.Ф. – Н.К. Х. 71. *Черновичок поздравительного текста на половине страницы.*

Наташенька, бесценный мой друг, поздравляю тебя с днём семидесятилетия. Душою, горячим сердцем желаю тебе ещё многих лет впереди. Жизнь – это великое счастье, несмотря на то, что жить эту жизнь бывает несказанно трудно.

Целую тебя, обнимаю.

Твой Ю.

С.Д. 14 XI 71. Родной мой Юлич! Ты не представляешь, как я обрадовалась и растрогалась твоей посылочкой! Это было так неожиданно! Я приехала домой после нескольких дней отсутствия (из-за холода) [отключили отопление в доме], и вдруг – звонок, и почтальон подаёт мне бандерольку с такой удивительной книжечкой. [...] Спасибо за радость, за память, за ласку. [...] *Бандероль к именинам С.Д.*

По моей работе с Галиной мне нужно составить «историю» нашей работы – развитие системы, связи, влияние, зависимости... Я наткнулась на полную неопределенность происхождения всех основных принципов нашей работы (пружинности, дыхательности, текучести, целостности...). Когда они появились? Откуда? В какой степени заимствованы? Или совсем нами созданы? Было ясно, что к тому времени, когда началась методико-теоретическая работа, то есть к 25^{ому} году, в котором [неясно] Дюперрон⁹⁶, Эндер⁹⁷, Юдин⁹⁸ и другие, мы уже всё это имели (очень сумбурно, наивно, «на ощупь»), отстаивали... Мне не верилось, что всё это мы сделали сами, не имея никаких опор, литературы и пр. И я подняла наш весь архив. Сохранились урочные тетради (или листики их), начиная с первых уроков Жени, Веры, Тани [Тат.?), детских групп 16–17 года; наброски каких-то выступлений на показах 18–19 и след[ующих] [годов]. Я была поражена! Уже в 15ом году, то есть на самых первых шагах, такая целенаправленность, определенность поисков, самокритика, требования! Сохранились тетради с критикой уроков, написанные рукой Нат[аши] Мал[енькой], иногда – твоей. Правда, лишь в 19ом году появляются ведущие «термины», происходит, очевидно, осознание и подведение первых итогов, но путь ясен с самого начала. Конечно, был пример уроков дунканят 14го года, был отрицательный опыт ритмической гимнастики⁹⁹. Но путь свой ясен с начала. И громадная аналитическая работа. Многое меня поразило: есть формулировки, мысли, которые словно сказаны сегодня. До чего несгибаем прямой путь, хотя и столько в нём поворотов, изгибов, поисков... Господи, как же закончить, успеть, зафиксировать весь этот труд... Сил так мало, время уходит на чепуху, силы уходят на борьбу с ней. А работы всё больше. [...]

Ещё раз спасибо тебе. Привет Люсе. Целую тебя горячо.

Н.К. 22 XI 71. *Открытка.* [...] Получила письмо от Стени, большое, хорошее. В нём она тоже говорит о 30ом, надеясь, что я у Тебя буду. Для меня очень чувствительна Твоя графофобия.. так славно было в промежутках между свиданиями узнать о Тебе, о всех делах... И Ты сама так долго не «оглядывала» наш дом. [...] *Но ведь Ю.Ф. 81 год, а не 71!*

С.Д. 30 XI 71. Любимый, родной мой Юлич! Пусть хорошо и радостно пройдёт Твой рожденный день! Пусть вспомнится всё прекрасное и светлое в долгой твоей жизни и станет тебе от этого радостно и тепло!

Посылаю тебе книжку о моём любимом Коломенском, много раз бывала весной там и любовалась Вознесеньем, жемчужиной из жемчужин архитектуры... Не знаю, любишь ли эту архитектурную «друзу», песнопенье в камне, возносящееся над землями, водами и жизнью? Пусть оно тебя порадует и осветит! [...]

С.Д. XI 71. *Открытка.* Юлич мой родной и любимый! Прости, что долго не отвечала и не писала. [...] Надеюсь, Олюшка показала тебе уже коллективное моё послание и ты в курсе дел. Я, конечно, непрерывно наслаждаюсь своим жильём, оно всех пленяет; к тому же, когда в Москве есть солнце, то оно есть у меня. А ты знаешь, что я солнцепоклонник (как говорил Ф[аддей] Фр[анцевич]). Пять дней у меня пробыли мои дети, и я очень избаловалась и как-то непривычно трудно перенесла их отъезд; несколько дней очень кисла, сил не было. Ну, теперь уже ничего. С октября начала работать в Университете, но год какой-то дикий: все болеют, всякие нелады... Совсем не знаю, когда попаду в Любимый Город и к любимым всем: сейчас много работы. По существу, я всё лето ничего не делала [*А переезд-то?!*]... не могла наладиться. – Целую тебя крепко. Напиши мне! Как у тебя с Колей?

Н.К. 21 XII 71. [...] Вчера получила от Стени открытку. Она сетует, что ей никто не пишет и беспокоится о Тебе. Я ей написала. [...]

Н.К. 23 XII 71. P.S. [*к письму*] Всегда, уйдя от Тебя, я начинаю вспоминать о нерассказанных или необсужденных темах. [...] А Ты мне не успела рассказать о Зиночке [*сестре А.И. Сидоровой – Зинаиде Ивановне Сидоровой. З.И. любила Ю.Ф. и часто её навещала. Я писала о ней в книге «Дар любить»*]и Асе. [...] Анкета для ЛОСХ'а (увы) лежит.

С.Д. XII 71. *Открытка.* Юлич мой родной! Наступает новый год, так хочется, чтобы был он благоднее, щедрее на хорошее, светлое, чем уходящий. Сегодня солнышко повернуло к лету и светит, хоть не очень ярко (это редкость этой хмурой осенью). Пусть его будет больше вокруг и в нас самих! – Меня беспокоит твоё очень долгое молчание, хотя я знаю от Оли, что ты проходишь новое лечение... Получила ли мой «московский» привет к рождению? И как он тебе понравился? Я уже значительно устроилась в комнате. [...] У меня очаровательно тепло, светло, со стен смотрят все мои дорогие «вечные спутники» и любимые картины, книги удобно и в порядке на стеллажах... Всё доступно и на месте. Я радуюсь этому. – Работа в Университет идёт плохо: болезни, всякие «ЧП», но, надеюсь, наладится. Не достанет ли Люся тебе № 5 «Вопросы психологии» – там наша с Ильиной статья¹⁰⁰! [...]

1972

Н.К. 21 II 72. *Открытка.* Дорогая Юлич! Решила написать несколько строк и сказать, что сегодня получила большое письмо от Стени, которого так не хватало нам вчера. Весь январь она себя неважно чувствовала, и ей не писалось. Просит простить это молчание... Сейчас полна забот и планов в связи с предстоящим совещанием психологов и музы-

кантов, кот[орое] она организует. Спрашивает, читали ли мы их статью в журнале «Вопросы психологии» № 5 за 71 г. (Я не читала). Приехать надеется в марте.

С.Д. 26 II 72. Родной, дорогой мой Юлич! Я ужасно виновата перед тобой: не писала так долго! [...] Не обижайся на меня, это не потому, что я не думала о тебе.[...]

Зима кончается, слава богу, я её – ты, наверное, помнишь – не люблю, а последние годы январь всегда наваливался на меня какой-то вроде депрессией, я не могу хорошо работать и думать. В этом году это было очень гадко и противно... и ещё только изживается, несмотря на чудесный февраль (он больше подобен марту!). Но, кажется, – оживаю.

О тебе знаю от Оли и от Наташки. И о всех твоих событиях – гостьбе всей твоей семьи, и о Николкиных трудностях, и о здоровье, главное, что сейчас ты стала лучше!

У меня тоже были гость [Никон]: неделю здесь был в командировке. Это было хорошо, хотя видела я его, конечно, очень мало: вечером он мотался среди своих старых друзей... [...] Он очень усталый, серый, печальный, так как Митька ничего нового не показывает, хотя работает на Кир[овском] заводе и «учится» в вечерней школе. Впрочем, директор его уже вызывал и сообщил, что ему грозит отчисление за пропуски уроков и т.п. Поведение его не исправляется: курит, попивает, хамит родителям и вдобавок завёл опять роман (впрочем, пока как будто платонический)... А главное – ведь осенью ему идти в армию, и, если у него не будет аттестата, он попадёт в нестроевые части, рабочие батальоны, и ему совсем пропадать... Это главный страх родителей... Жаль мне их ужасно, нет им жизни никакой.

[...] Я живу как-то странно: постепенно из жизни многое уходит за недостатком сил и активности. Дальность расстояний от всех и всего сильно мешает сношениям с друзьями, даже Эмму вижу очень редко (что трудно и неудобно во всех смыслах). Правда, три раза в неделю езжу в Университет. Но в этом году так везде и всё трудно (болезни и т.п.), что, например, декабрь-январь я почти безвыходно просидела дома, так как занятий не было с моей группой. Если бы не моя «опекунша» – заведующая университетским клубом¹⁰¹ – так мне было бы очень одиноко и нескладно. Но она заботится обо мне, снабжает продуктами, всячески ухаживает и обласкивает... Это необыкновенное счастье для меня...

Теперь наступает горячее время: числа 24го марта должна состояться конференция с докладом Г. Ильиной и показом нашей работы для психологов и музыкантов. Это очень серьёзный шаг. Будет это, очевидно, в Университете под покровительством факультета психологии. [...]

Меня несказанно радует и утешает красота за моим окном – зори, дни и ночи со звёздами. Иногда мне кажется, что я перехожу в период жизни, когда свет солнца, красота земли и неба расцениваются высочайшими благами. Впрочем, это не так: ведь моё жилище со мной разделяют вечные спутники, с которыми я общаюсь, как с живыми...

Юлич мой родной, позади очень богатая и светлая жизнь. Хочется только достойно её закончить, завершить. А вот силёнок делается маловато...

Н.К. 15 III 72. [...] Завтра у меня день перевыборов в ЛОСХ'е, с 11^{ти} ч. утра и до вечера.. пришлось мобилизовать бабушку Машу.

Н.К. 21 III 72. [...] Вчера опять допоздна была в ЛОСХ'е на собрании. А по дороге туда зашла в Филармонию: очень уж захотелось послушать именно там, в Зале.. выбрала три интересных концерта и ни на один билет не взяла. Только входные, а мне это как-то трудно бы, да и «праздника» не получилось бы. Досадно. Люсенке скажи, что Вивальди [пластинка?] доставил мне большое удовольствие.

С.Д. 26 III 72. *Открытка.* [...] Наше совещание состоялось в Университете, всё было хорошо. Я написала Оле подробнее, она передаст всем вам. А я назначила свой приезд в Л[енингра]д на 21ое апреля, до тех пор тут надо много сделать. Тогда расскажу обо всём, как надо.

Н.К. 9 IV 72. Дорогая моя Юлич! Вчера получила Твоё письмецо с вложением Стениного и Катиного... Решила написать Тебе эту записочку и завтра отправить их обратно.. ведь, м[ожет] б[ыть], это Стенино письмо ещё надо будет кому-то передать, а я? Я не совсем уверена в том, что очень скоро к Тебе попаду.. [...]

С.Д. 6 VI 72. Юлич мой родной, здравствуй!

[...] Ещё 10 дней – и я укачу в Мукачево, уже заказан билет! Не дождусь. А ещё масса всяких встреч, собраний, споров, разговоров и работы... всё по подготовке к будущему учебному году. Он будет очень интересным и очень трудным. Психологи всерьёз берут нас в оборот: придётся много работать, чтоб не ударить лицом в грязь. Только бы силы... У меня сейчас Никон (в командировке на несколько дней) – это большая радость, хотя вижу его только вечером. Митька сдаёт экзамены в вечерней школе: как будто немножко взялся за ум и надо надеяться на тройки. Господи, только бы получил аттестат!.. Планируют в августе втроём поехать в Евпаторию, а там в октябре Митьке – в армию.

Очень беспокоит, как ты будешь совсем одна и надолго... [...] У нас стоят чудные летние дни, у меня – рай земной, вдали – леса, ветер ароматы несёт совсем негородские. Хорошо.

Итак, в Мукачево буду ждать от тебя весточки.

Целую тебя, дорогой мой друг, будь бодр и сделай так, чтобы отдохнуть в тишине без Коли.

Я с тобой всегда.

Н.К. 24 VI 72. Дорогой мой, милый мой Юлич!

Н.К. получила письмо от Ю.Ф., живя на даче с внучкой. Конечно, я была очень рада прочесть Твои странички, услышать Твой голос. Так это драгоценно «перекинуться» сведениями, последними новостями!

С.Д. 15 VII 72. Родной мой Юлич! Сейчас получила твоё письмецо и отвечаю. Очень меня огорчает твоё одинокое житьё и неустроенность с питанием. Не экономь ты эти рублёвки своей старушке. Посылаю тебе немножко, чтоб ты посылала её не через четыре дня (!!!), а через день. Это же неразумная экономия! И не устраивай из-за этого ЧП – у меня сейчас есть вполне на всё. Всё.

Митька аттестат получил. Теперь до армии ещё четыре месяца... И вот там паника: в Митьку, по-видимому, здорово вцепилось семейство его девицы да и сама девица, и родители его боятся, как бы он не «выкинул фокуса» и не женился (вчера ему минуло 18, а ей – в мае... Совершеннолетие, увы). Поэтому Никон придумал и убедил Митю поступать (держать экзамен) в Высшее политическое училище ПВО. Если не провалится, то за четырехлетнее обучение чему-то [*научится*]. Я не знаю, но сомневаюсь, что это очень поучительно и увлекательно для Митьки и на жизнь в дальнейшем – оттуда путь в Академию им. Ленина (а я тоже не знаю, что это такое...). В общем, я болею за мальчика: натянут на него хомут (или смирительную рубашку) на всю жизнь, как на самого Никона. Это все последние новости. Вероятно, Никон мне подробнее напишет (я просила), может быть, я не права.

Завидую тебе, что читаешь Модильяни. Что это за книжка? Я не видела – русская? Я раз видела изумительное французское издание его живописи: это незабываемо. – Здесь для отдыха прочитала ЖЗЛ, Мендель, основатель генетики. Не очень интересно или неудачно написано. А затем взяла том Лескова, где нечитанные вещи, я ведь его очень люблю. Но это не из лучшего. Больше читаю по специальности, а больше всего – думаю и пишу. Кое-что наклёвывается интересное. [...] Прости, что пишу плохо, но устаю от работы и потому «без вдохновения».

Целую тебя крепко, всегда-всегда я с тобой в прошлом и настоящем.

С.Д. 2 VIII 72. *Открытка. Мукачево.* Юлич родной мой, спасибо за большое подробное письмо. Рада, что ты теперь одна. Моё житьё здесь кончается, вместе кончается лето: сегодня стало прохладно, серо и печально. [...] Работала всё время, как могла, но очень недовольна, никак не могу привести в человеческий порядок всё, что знаю, думаю и хочу, не нахожу ни плана, ни слов. Мучаюсь, а толку – чуть. Последние недели решила отдыхать и не напрягаться. Прочла очень интересную книгу Кондратова «Тайна трёх океанов» об исчезнувших цивилизациях. Может быть, Люся достанет (изд. Гидрометеиздат, Л-д, 1971).

Крепко тебя целую, обнимаю. Буду очень благодарна получить в Москве Модильяни. Всем твоим привет. Всегда с тобой.

Ек. Вл. Цинзерлинг. 4 VIII 72. Дорогой мой ненаглядный Юлич!

Надеюсь прискакать осенью, чтобы тебя горячо поцеловать. Советую тебе каждое утро в кровати упражнять суставы... [...] У тебя такое большое потомство – радуйся ещё! [...] Не позволяй себе огорчаться [*Подчеркнуто Ек. Вл.*], избегай конфликтов: сами опомнятся, молодые. Я креплюсь, работаю, думаю, хожу, бегаю, а своё нутро держу в чёрном теле. Гуля много работает со студентами, помогает родным как рабочая сила. [...] Горячо и крепко мы обе тебя целуем. Мы обе наслаждаемся нашим уютом. *Ек. Вл. и Гуля недавно поселились в новом кирпичном доме в Походном проезде в двухкомнатной квартире. С четвёртого этажа открывалась панорама сельской идиллии: деревянные домики, палисадники, заборы, старые деревья... В один из своих приездов помню дивный зимний «офорт» за окном. – Сам Дом волновал продуманным комфортом и красотой. А сколько вокруг лежало и висело всего зит Andenken! Памятного, возбуждавшего память... Приезжай к нам. [...] Пишу крупно по совету Гули.*

С.Д. Открытка. 17 VIII 72. Родной мой Юлич! Вот я прощаюсь с Мукачевым, достала билет на 20ое. Шлю тебе отсюда нежный привет от красоты здешних мест, от чистоты неба и всех прелестей. – Я как-то рада, что твоё одиночество кончилось, хотя, может быть, в чём-то оно было и нужно и хорошо? – Я получила от своих известие, что Митька поступил в Военно-политическое высшее училище, сдав экзамены на 4–5... (Это после аттестата на 3!!!) Вот подлец! Ну, буду стараться надеяться, что всё будет хорошо и он никогда не раскается в этом своём решении. Сейчас он доволен и весел, уже на казарменном положении, в форме... Родители довольны, но грустят в опустевшем доме, как полагается. [...]

С.Д. 2 IX 72. [...] Я уже начала реальную подготовку к семинару, он начнется в октябре; в «Орлёнке» также началась работа. Чувствую себя неплохо, всё идёт нормально. Дома ещё всякие нелады надо ликвидировать: окна не запираются, рамы не раздвигаются и так и не мыты окна... Но это всё «нормально». [...]

С.Д. 12 X 72. Открытка. [...] Я вчера начала семинар. Оля Ганд[ельман] тебе покажет моё общее послание. Всё, что могла, всё сделала и, кажется, неплохо. И всё-таки, это самая трудная служба моя «Прекрасной Даме». Французы говорят: «Tout vient à point à qui sait attendre». [*Всё приходит вовремя для тех, кто умеет ждать.*]

Мы очень долго ждали, но всё-таки я думаю, что пришло поздновато...

Н.К. 13 X 72. Родная моя Юлич! Сегодня утром попала в глазную больницу... Вот какие дела. Так сразу затосковала и забоялась, так мне не по себе, что вот взялась написать Тебе несколько строк, чтобы согреть душу «уйдя отсюда» хоть на несколько минут. Да-

лее пространный, детальнейший рассказ как это произошло. [...] И вот... в духоте и многолюдстве, в страхе от соприкосновения с бедами и страданиями и совсем потеряв себя, я начала этот непредвиденный этап. [...] Я помню, как Ты, попав в больницу в Тарту, писала мне, что это Дантов ад. – Ну, ладно. Я избалована. Избалована своим здоровьем, людьми, самостийностью. Потому и тошно. [...]

Ек. Вл. Цинзерлинг. Октябрь 1972. Незабвенная, горячо любимая, родная и дорогая! Юлюшка! Как же ты меня обрадовала своей горячей душой! 3ий день хожу как зачарованная твоей душевной лаской! Так много уходит дорогих и близких людей... и кругом в институте так пусто – все и всё ушло в вечность.

Мы с Гулей получили незабываемые впечатления золотой осени в Таллинне: и море, и несравненное солнце, яркое, горячее, волшебным превращающееся в несравненные, незабываемые красоты парков, небес, моря... И от этой красоты становишься молодой. Чудо чудес!!

Твоё письмо так согрело меня, душа как-то вянет и тоскует по прошлому... И вдруг ты явилась во всей своей душевной молодой красоте!! Любимая! Спасибо тебе! Сейчас я в отпуску до 3го ноября. Наслаждаюсь, но очень волнуюсь за Наташу. Надо надеяться на хороший исход! – Свои научные дела я кончила хорошо: мои экспонаты на Всемирном конгрессе по кристаллографии в Японии пользовались большим успехом и «отмечены». Вот я опять (в 4ый раз за границей) получила возможность работать дальше, но надо сейчас же искать новые идеи. Мне надо [*Подчеркнуто Ек. Вл.*] ещё прожить шесть лет, когда Гуля встанет на ноги. Она работает с успехом и увлечением, но получает такие гроши [*Подчеркнуто Ек. Вл.*], на которые прожить невозможно. – Я начала в речи спотыкаться и забывать слова, но быстро искать заменяющие. Хожу, бегаю (и танцую) легко и свободно, но всё опасаясь последствий своего падения на камни (грудью). Гуле я этого не показываю.

Мы обе горячо и крепко тебя целуем. [...]

С.Д. 1 XI 72. Юлич мой родной, любимый! Спасибо тебе и Люсе за чудесные «подарунки» (как говорят на Украине), особенно пленил меня Дюрер, Курбе я ещё не прочла, так как сейчас (для отдыха) у меня есть Хемингуэй... и ещё не прочтён Модильяни. Но по оглавлению уже интересно. Как художника я его [?] не люблю. Это такая радость: неожиданная полочка от тебя...

Я рада, что с Колей у вас налаживается – плюньте на школьные уроки. Видали ли вы дельных взрослых, которые были образцовыми учениками в школе?! Это ведь редко и по особым случаям. Всегда помню неудачи Эйнштейна в школе. Ведь Коля не пустой, не ленивый, как мой Митя, занят своими «высшими» интересами и делами. Это главное, а в классе сидеть не будет. Вы этого не перешибёте: слишком во многом они правы, скучно им там и «ни к чему».

Митька доволен своей судьбой, и им там довольны... Ну что же делать! Родители успокоились – тоже хорошо, а то на Никона было уже страшно смотреть!

У меня всё более или менее в порядке. С семинаром могло бы быть лучше: неудобные для студентов часы: «А у нас нет другого помещения и времени...». Главное для меня сейчас то, что меня весь урок записывают на магнитофон, о чём я давно мечтала, это готовый метод[ический] материал. Думаю, что теперь уж определится небольшой состав, кот[орый] будет работать. – Я много работаю, готовлюсь, как будто сегодня первый урок в жизни будет... И многое открываю недодуманное, интересное. Устаю, конечно. – Глазунова знаю по репродукциям. Он талантливый, но не в моём вкусе. Одно время он был «под запретом» совсем. А что его оплевал Кочетов – это в порядке вещей! На это он мастер. – Сейчас уже собираюсь на занятия. Вчера было сверкающее солнце, а сегодня ужасная мгла, грязь... Осень! Надеюсь в конце декабря тебя обнять, моя родная. От Нат[ашу] Кос[атой] ничего не знаю после операции. Беспокоюсь.

Н.К. 15 XI 72. Милый, милый мой Юлич! Не кончается это давно начавшееся моё бедствие. Я всё ещё в клинике. [...] Получила от Стени вторую открытку. В них сообщения о начале её работы в Университете и тревога за меня. А я – всё ещё не я и всё ещё продолжаю расплачиваться за целую жизнь здоровья... И как я избалована! Как несносны все эти трапезы и по существу и по «оформлению», какие полчища страшных полуслепых старух окружают меня, и как долги ночи, душные и часто бессонные. Прости за моё уныние. [...]

С.Д. 21 XI 72. Юлич мой родной и нежно любимый, что ты меня балуешь чудными подарками! Просто задарила! Не могу выразить, какая радость смотрит из этого «Андрониева монастыря» – недаром он когда-то славился звоном («славно трезвонят у Андронья...»). Спасибо тебе и, наверное, Люсе: ведь это её «улов». А я в ответ посылаю тебе только скромную нашу книжицу, но, думаю, она принесёт тебе тоже радость! Всё-таки «лучше поздно, чем никогда», и всё-таки в ней есть и твой «медок». Конечно, она совсем не такая, как бы хотелось, и не такая, как бы я и Эмма делали её сейчас... ну, что делать.

А, кроме Оли и тебя, никто уже давно не отмечает мои именины (11(24) ноября), и я всегда ужасно тронута этим: это действительно весть из детства и юности... А рождение – 20(7) марта.

Жизнь моя несётся прыжками: полнедели – вскачь, полнедели – тихонечко. Получилось так, что я занята в Университете понедельник, вторник и среду. Потом наступает отрадное затишье, большей частью дома, сначала приходится привести себя «в чувство» в четверг, а потом уже приниматься за дальнейшие дела. Семинар, кажется, немного оформляется, а то всё не было постоянного состава (неудачные часы..., а другого времени и помещения нет).

Это очень волновало. Вообще, дела много «выше» моей бедной головы, эх, кабы хоть десяток с плеч долой! Очень уж большой груз лет.

Дорогой ты мой дружок! 30го буду сердцем с тобой и твоими, произношу самый искренний и ласковый «тост», помяну все вместе прожитые радости, как наш дорогой Учитель провозглашу: «Не изменяйте сказке!» Знаю, что она всегда цветёт в твоей душе, несмотря на все трудные годы-невзгоды..

[...] Думаю, что удастся после 27го декабря ехать в Любимый Город. [...] Целую тебя.

Н.К. 29 XI 72. Дорогой мой Юлич! Как я рада тому, что вчера так славно повидалась с Тобой [...]. Ты, соприкосновение с Твоими мыслями [...], впечатлениями от вашего уютного дома и встречи с Матвеем – всё это было очень нужно и хорошо. [...]

Н.К. 11 XII 72. [...] Приходила ко мне Ел[ена] Эм[ильевна] ... Необыкновенной она душевности человек. [...]

1973

С.Д. 6 III 73. *Открытка.* [...] Дела мои не очень блестящи: как-то ещё не наладился мой семинар на II полугодие. Осталось восемь занятий, в них надо впихнуть очень много. [...]

С.Д. 6 IV 73. *Открытка.* Сегодня на рассвете «ветренная Геба, кормя Зевесова орла, громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила», чем разбудила меня! Воображаю, как смеялись Зевс и все боги над её шалостью.

Юлич мой родной! Спасибо тебе и за письмо, такое близкое и «свое», и за подарок! Правда, у меня такие «Кижы» есть, но я буду иметь радость передать их кому-нибудь хорошему и достойному от нашего общего имени.

Я живу довольно сложно и нелегко. Писать об этом не хочется и некогда. Жаловаться на себя мне никак нельзя: всякие проверки, анализы, кардиограмма и прочее показали, что я здорова. Ну, а сил-то не хватает. Моя болезнь – 83 года, самая гадкая. Ну, ничего. Осталось полтора месяца [*до отпуски*], дотяну.

Н.К. 5 IV 73. [...] Вчера получила большое письмо от Гули. Наконец! Я рада ему. [...] Упоминает и свою вину в «неписании писем тёте Юле». [...] О Кате говорит, что с ней очень трудно.. «мама очень изменилась, стала форменная Цинзерлингша»... Ну да письмо большое. Я Тебе его принесу, когда приеду. [...]

У меня была художница Хасиева. Этот визит был очень интересен, но и труден для меня: она говорила много и глухо. Я очень напряжённо вслушивалась.

С.Д. 25 IV 73. *Открытка.* Я живу лихорадочно: конец года – ужасное crescendo всех дел, стремительная «soda» многих лет. [...] До конца мая-начала июня – без просвета. А, вероятно, что буду очень работать и июнь. [...] Эти ближайшие дни, до 30го, бу-

ду жить в Университете, там просят побыть в пустой квартире; мне удобно, так как работать в клубе буду каждый день. [...]

Н.К. 1 V 73. Вчера доехала вполне хорошо [...], успела к началу передачи концерта. Почему-то Башкиров на этот раз мне не доставил удовольствия. Он играл Шуберта, Листа и, как мне показалось, как-то утрировал эффекты и неожиданно «замирал». Только Моцарт был очень прелестен. [...] Скоро 10 часов. Хотелось бы увидеть хоть кусочек фейерверка, но доехать до Тучкова моста хотя бы не собралась. [...] Вчера, когда ехала на троллейбусе [от Ю.Ф.], видела весь *éclairage* [фр. – *освещение*] на Невском и на Неве. Я не люблю эту манеру очерчивать лампочками общий силуэт корабля.. как-то наивно это выглядит. Вспоминаю, как во время визита английской эскадры они великолепно высвечивали весь корабль какими-то прожекторами, плавающими на воде, на бакенах...

Н.К. 25 V 73. [...] *После перечня многих неотложных дел.* Надо завтра ещё быть в ЛОСХ'е, и не знаю, как успеть.

С.Д. 26 VI 73. Ах, Юлич, Юлич, помнишь ли ручей в Микенах и заросли синих колючих цветов? Помнишь ли ярко-жёлтые заросли при въезде в Босфор? И всегда тучи и гром выше над горой, где был алтарь Зевса? Помнишь ли небо, небо, почти лиловое между зелёных ветвей? И тишина, и жар лучей, и радость, и покой души, наконец, познавшей себя в своём родном окружении?

Этой зимой усилились и участились припадки непереносимой тоски по прекрасной Родине... Милостью себе ощущаю сейчас окружающую меня благодать: и здесь растут многие травы и цветы, и здесь непереносимо синее небо, аромат нагретой земли... И я благодарю судьбу за этот маленький островок, говорящий о том, что было, что никогда не забывается и своим напоминанием дающий горькое утешение...

Глупо, конечно, но ужасно пережила сообщение о прямом авиасообщении Москва-Афины (2,5 часа...). К старости глупеешь, наверное? «Когда сердце становится совершенно голым, видишь, для чего ему стоит биться»... [М.Кузмин. Из стихотворения 1916 г.:

«Листья, цвет и ветка

Всё заключено в одной почке...»]

Я пережила (и ещё переживаю и ещё предстоит переживать...) тяжёлый год. С одной стороны, такой большой «успех», как семинар в МГУ и т.д., с другой – такое катастрофическое положение в работе детского эстетического клуба, которое грозит уничтожить все достижения.

Всё собралось вместе: из четырёх человек педколлектива, которых я воспитывала три года и которые много обещали, [по разным уважительным причинам – декретный отпуск,

рождение ребёнка] все не смогут работать. А ведь замены-то у меня нет! У меня же нет кадров, негде было их готовить с 35го года. [...]

С весны уже стала работать с одной из лучших Эмминых учениц, подготавливая её к работе с дошколятами. Всё осложняется тем, что она не педагог и не дошкольница, и не музыкант, всё надо ей приобретать. Владеет она только муздвижением, но главным образом в художественном плане. Не представляю, как она начнёт заниматься. А больше нет никого... Волнуюсь очень и переживаю. Что делать! Надо рисковать.

В конце мая была на пед[агогической] кафедре Психфака [факультате психологии] МГУ конференция по работе нашего «Орлёнка». Конференция была нелепая, т.к. семь докладов (!!): два – художников, два – по языку, один – по математике с дошколятами и наших два – м[уз]дв[ижения] (мой большой о методических принципах муздвижения) и о развитии мышечного чувства... сидели с 10^{ти} утра до 3^х часов дня, обсуждать как следует было невозможно, а наши – вообще уже не обсуждались. Однако выгода была: во-первых, представители кафедры признали, что такая форма конференции ни к чему [...], надо работать с каждым разделом отдельно, а, во-вторых, признано нужным продолжать мой семинар и т.п.

Сейчас я месяц буду отдыхать, а с 20го июля начну готовиться к зиме, писать статью для сборника, который планируется кафедрой (в университетском издательстве).

Как-то ты там одна живёшь? Напиши мне, пожалуйста.

Все подробности о работе конференции я пишу и в адрес Оли. Начало – для тебя и Наташи.

В дороге (и сейчас заканчиваю) читала книжку Костере «Тридцать лет под землёй». Читала ли? Он спелеолог. Интересно, как всё на свете, если человек отдаёт этому жизнь. Сейчас буду читать книжку Радика о Джалалидине Руми (ЖЗЛ). Кажется, очень интересно. А параллельно, не утруждая себя, две трудные и нужные книги, одна – по музыке (Яворский¹⁰²), другая – психология. Обе толстые.

[...] Цветут липы, все светлые от цвета. Аромат от них и от всей буйной растительности (после дождей) опьяняющий. Пока ещё здесь не так много людей, утром на речке и на той стороне парка – совсем пусто. [...]

Целую тебя, дорогой мой любимый друг, всегда я всем сердцем с тобой, со всем, что нами пережито, создано и живёт нетленно. Пиши мне, я ведь здесь тоже одна.

Люсе пошли привет. Целую ещё раз.

Н.К. 24 VII 73. Мой самый дорогой друг! В обычной серии *J'ai oublié de vous dire* (так это пишется?) [*фр.* – *Я забыла Вам сказать.*] нет особенно важных упущений, но к одному я прицепилась, чтобы переслать Тебе самый ласковый привет и сказать, как мне хорошо побыть с Тобой и поговорить. Ты мне то тут, то там упоминала о Расбас (Раисе Бори-

совне)... Я хотела просить Тебя при случае сказать ей, что я тоже ведь очень помню её и шлю ей привет, и – забыла. [...]

С.Д. 3 VIII 73. *Открытка.* Дорогой мой Юлич, письмо твоё давно получено, а я всё не пишу... Прости. Сначала предавалась *dolce far niente* [*ит. – сладкое ничегонеделание*], а теперь, с 20 VIII, принялась работать. Радуюсь, что голова стала немного свежее и что за последний год я много сделала и на многое смотрю яснее и конкретнее. Писать и соображать легче. Ох, если бы мне ещё один месяц, я бы закончила основательную статью о Муз[ыкальном] дв[ижении]. Но мне остаётся около двух с половиной недель, и это, конечно, очень мало. Что делать, надо в Москве как-то умело распределить время. [...]

Н.К. 12 VIII 73. [...] От Стени получила открытку «приветливую, но «никакую».. о своём отпуске и о наступившей работе по подготовке... А ведь того Ольгиного письма я ещё не читала. Оно попало к Тебе? [...]

[...] Вместе со Стенином пришло ещё письмо от Ел[ены] Эм[ильевны].. написанное с трудом, потому что и ей всё время некогда и всё трудно. [...]

Н.К. 23 IX 73. [...] Как прошло свидание с Катей? Она на днях звонила мне и сказала, что вы «слились душами».. сказала, что Гуля уехала в Таллинн, а она сидит дома и занимается электронным микроскопом, но что это очень-очень сложная материя... Передавала уже в который раз самые глубокие благодарности за чудно проведённый отпуск Никите.

[...] У меня идёт целыми днями утомительная дробь всяких «нужно», и я устаю. Во вторник мне надо днём пойти в ЛОСХ, и не знаю, как это сделать. Хоть Аньку с собой бери. – Был у меня тут «приём» моих трёх приятельских художниц... Всё было мило, но я угрызаюсь тем, что во мне остаётся меньше «интереса» для них в силу этого сидения в раковине.

Н.К. 29 IX 73. [...] Кончаю, милый мой Юлич! Надо пришить воротничок и нарукавнички Ане... Надо кое-что достирать и пойти за молоком и т.д. Как хорошо, как тихо в доме. Такие «выходные» дни, пусть хоть заполненные делами, очень мне нужны.

Целую Тебя. Люсеньке шлю пожелания удачи во всём.

С.Д. XI 73. Дорогой мой Юлич! Шлю тебе мои самые горячие пожелания, все самые нежные ласки и чувства, всю память сердца, из которого ты никогда не уходила, не скрывалась, как бы далеко ни была, как бы недостижимо ни жила...

Дорогой ты мой дружок, как бы хотелось переслать тебе какой-то покой, силы, свет и радость, хоть бы приласкать и приголубить, просто, как говорила Ильза, «лишь руку я сплету с твоей рукою и вместе посидим вдвоём»...

За окном дико воеет ветер, вот уже вторые сутки то снег-метель, то дождь. Вечер. К счастью, мне за эти дни можно было не выходить. [...]

Дела у меня всё ни шатко ни валко, при свидании можно будет поговорить о всех тяготах нашей post-гептахорской жизни... Надеюсь быть в Любимом Городе то ли 28го, то ли 29го декабря. Это уже недалеко. [...] *Написано на двойной длинненькой открытке: «Москва. Библиотека имени В.И. Ленина», 1973.*

1974

Н.К. 2 II 74. [...] Хочется откликнуться на Твой звонок и сказать, что я очень огорчаюсь Твоим плохим здоровьем [...]

В конце письма после перечисления всех дел и тревожащих обстоятельств в семье: А хочется.. тихо одной посидеть, послушать или поиграть на рояле... Вот он починен, а у меня до него руки не доходят...

Н.К. 14 II 74. Милая Юлич! Вот, как всегда, мне хочется написать Тебе несколько строк в виде послесловия к нашему свиданию. Вспомнилось, что как-то ничего не было сказано о Матвее. Где и как он? Да и о Зосе упоминалось только вскользь. [...] А концерт был блестящий! Целый вечер Шопена в замечательном и очень польском исполнении. И дама, которую в силу многих прошедших лет я ждала увидеть отяжелевшей, (она молодой была плотной с большой рукой и причёской узлом) сейчас поразила всех прелестным видом, лёгкостью и стройностью.. грациозной походкой, очень эффектной причёской, (м[ожет] б[ыть], и париком) и изумрудным платьем.

Так это всё было прекрасно.

И всё-таки.. как трудно выбираться из дома вечером.

Н.К. 24 III 74. [...] За этот период у меня больше, чем раньше, накопилось всяких дел и впечатлений.. и так хотелось поговорить с Тобой как следует... Напишу хоть вкратце.

Помнишь, я говорила о выставке [И.В.] Варзар [1904–1995] и что мне трудно на неё пойти по разным причинам. Ты сказала, что пойти нужно. Я пошла. Она была рада, и её дочь тоже. [...] А выставка? Хоть и пространна и хорошо развешена, но на искушённый мой глаз (я видела и знаю все её работы, из которых редкие бывали приняты на наши общие графические выставки) – эта выставка довольно убога. Я лишний раз убедилась, что для того, чтобы выставляться «персонально», нужны не только храбрость и напористость.

Встретила там много приветливого народа и, к случаю пришлось, пригласила к себе несколько человек. «Приём» состоялся 21го, в день весеннего равноденствия. Назначив его, испугалась: как справлюсь? [...] Но в общем всё обошлось хорошо.. и много цветов было. Только погода подгадала отчаянная. Все приходили мокрые и заснеженные, и не было солнца, которое так оживляет и наряжает наши комнаты.

Была и на выставке гобеленов в Эрмитаже. Хорошо, что пошла. Мне мало что понравилось в этой французской коллекции, но я её просмотрела и могу не терзаться «упущенным» (и могла со знанием дела в день гостей обсуждать и спорить).

Наконец, я пошла, пока Наташа была дома, к ушному врачу. [...] Ничего толком врач не сказал.. думает, что тут и склероз и просто «возрастное» (?), как будто это так обязательно в старости. [...]

Н.К. 16 IV 74. Дорогая моя Юлич! На этот раз беспокоюсь за Тебя, потому что Ты ведь хотела позвонить, чтоб узнать, что сказал Никон о Стене, и вот нет звонка. (У Стени, видимо, всё благополучно, но очень утомительно.) [...] Будь, родная, благополучна, пожалуйста! У нас идёт обычная дробь, от которой на себя не остаётся ни времени, ни энергии. Правда, я тут была в Филармонии. [...] Отмечали ли вы 16 IV ставший архаикой праздник 14го [*Праздник Пасхи?*]?

Так, без обращения, начинает С.Д. своё послание, короткое эссе...

Вчера в моей жизни произошло большое событие: оно по-новому окрашивает многое и многое в ней.

Я видела Мону Лизу.

Мне хочется сказать, чтобы никто не думал, что это «одно из великих произведений живописи», нет, это что-то совсем другое, стоящее на ином уровне, в других измерениях... Я ведь много в жизни повидала и могу это сказать с чистой совестью.

Несколько «впечатлений» и неожиданностей.

1. Она значительно больше, чем я думала, – почти в натуральную величину.

2. Сразу потрясает красота всего – краски, композиция (даже чудесная тёмного золота рама). Ни одного чистого света, ни одной «мёртвой» границы: всё играет, как симфония цвета и форм. Общий колорит – притуманный, затуманенный, из него излучает свет её лицо, грудь (особенно грудь), руки. Пейзаж внизу красновато-коричневый, постепенно сереет, голубеет, кверху переходит в темновато-сизое небо.

3. В ней какое-то глубокое противоречие: она совершенно «живая» и она абсолютно бесплотна. Как раз недавно я смотрела Тициана «Даму в белом» и удивлялась живой плоти её. Здесь совсем нет этого. Она реальна до ужаса – и «прозрачна», невесома. Она вся в воздухе – не только чувствуешь воздух за ней в этом невероятном пейзаже, впереди тоже воздух, она в нём, и он её пронизывает. И это не «пространственность» Пуссена, это мир, тебе недоступный. Это мир «чистого разума» – чистого духа.

4. К ней идёшь долго и медленно вдоль загородки, и можешь смотреть в бинокль. И вот тоже удивительно, как всё изменяется, приближается, и вдруг в какой-то момент ты с ней, с её миром «соприкасаешься», и это потрясает – она начинает тебя видеть.

Думаю, что всякий, кто часто и много общался с ней даже в фото, знает это её свойство видеть тебя насквозь. Это же какая-то «совесть человеческая». Конечно, в толпе и всё-таки с необходимостью «продвигаться» («*circolate, m-gs, circolate*») полного общения не получается, но контакт возникает. Помнится, у Мережковского чудесно сказано, что когда Леонардо писал её, они были, как два зеркала, бесконечно повторяющие друг друга... Пусть это фантазия, но именно такое заложено в ней – и строгая, и ласковая проверка тебя самого. Да, это совесть рода человеческого, мудрость его.

5. Ещё поражает, что она до всех доходит! Самые разные люди, очень мало квалифицированные и мало знакомые с искусством, попадают под её воздействие и потрясаются ею.

И ещё раз – красота. Уходя, ещё раз обернувшись, вы видите издали «драгоценный камень», играющий неповторимыми красками, и сияющую своим светом грудь Джоконды... вместилище духа? Одухотворённость, осмысляющую мир? [...]

3 июля 1974.

Москва.

Ст. Р.

С.Д. – Н.К. 28 VII 74. Дорогая моя Косатенькая! Уж небо осенью дышит, а я только собралась тебе писать. [...] Живу я в Университете на Ленинских горах – «на даче» в квартире моих друзей; вокруг чудный привольный парк, и мне (и другим) кажется, что отдыхаю хорошо. [...]

Главное-главное: я видела Джоконду. Как я грущу, что ты не могла быть здесь. Я посылаю тебе для прочтения мою записку под первым впечатлением. Ты потом передай её Юличу, а затем верни мне. [...]

300 тысяч людей проводили по 8-10 часов в очереди, чтобы её увидеть, шли «как в Мавзолею», в тишине и благоговении. Ходили по два и три раза... Сегодня она «уезжает» домой. Удивительно, что это было «событием» для всех возрастов, уровней, характеров.

Сравнить её ни с чем нельзя – это совсем другая ступень искусства. Мне кажется, что всё, к чему стремились Ван Гог и Пикассо (вернее, чего последний искал, а первый нащупывал интуитивно) здесь найдено и просто «сделано», притом на каком-то непонятном уровне техники... [...]

Было и другое большое событие – по видеотелевидению [*по телевидению?*]... передали «Норму» Беллини (La Scala). Норму поёт испанская певица, которая не хуже М. Каллас во всех смыслах (пения, образа, игры) – и словно соскочила с полотен Веронезе. А также «Золушку» Россини – это каскад колоратуры у всех, от сопрано до баса, выдумки, свободы поведения на сцене и вокальной сценической техники... Невообразимо!

Очень увлекаюсь чтением «Истории античной эстетики» Лосева – полемизирую и наслаждаюсь умной и глубокой, хотя и чем-то суженной, трактовкой... Многое давно-давно знакомо и впитано из общения с ФФЗ [*Ф.Ф. Зелинским*], а здесь переосмыслено и растолковано, а нам, грешным, «само собой» понятно!

Переживаю неожиданные события в Греции, радуюсь возвращению заключенных и «очищению от скверны» священных островов...

Не слишком мало [*много?*] сделала я за эти месяцы в смысле подготовки к следующему учебному году в детском клубе. Сегодня приехала сюда моя ученица из Ташкента, будем с ней вместе намечать методику.

Целую тебя крепко. О тебе знаю, что ты была у Юли вместе с Росбасиком – (до чего трогательный она человек!).

Пиши мне, где ты и как живёшь и обо всём. Ведь я всегда душой со всеми вами, дорогие мои гептахорцы.

Ю.Ф. – С.Д. 7 VIII 74. Стенечка, друг мой дорогой, бесценный! [...] Счастлива за тебя, за встречу, так озарившую твою душу.

Я получила от Наташи и твоё письмо и то, что ты записала после того, как встрети-лась с Джокондой. Я всё поняла, всё восчувствовала. Я жалею, что сама могла бы посмотреть «Норму» и «Золушку», но моё лето прошло в борьбе с какой-то страшной, нелепой слабостью, когда с трудом встаёшь, чтобы жить. Вот и не осилила эти спектакли La Scala. И ничего, ничего не читала. [...] Визитов было мало, раза три была Оля Ганд[*ельман-Головчинер*], один раз – с Лёлей. Но ведь Оля – не человек моего внутреннего настроения. Забегала, именно забегала Расбас. Она очень была занята с Генр[*иеттой*] Ис[*аковной*] и настройкой пианино. Но она пишет мне. Милый она человек, правдивый, искренний и душевно горячий, очень прямой. Я рада, что состоялось это свидание Расбас с Наташей. Расбас так давно хотела этого. Я не помню, писала ли тебе, что уже больше года, как встретились и как-то сразу вспомнились друг другу Расбас и Наташа Маленькая, а Лёля Иванова иногда сопровождала Наташе в её выходах в Филармонию. Одна она уже не рискует, и теперь Люся и Лёля её сопровождают. Я очень рада за Наташку. Очень ей одиноко и замкнуто жилось все эти годы. Всё ограничивалось Андреевыми, ну, и Люся моя, конечно, а теперь и Расбас, и Лёля... А у Косатенькой – тяжёлые времена [*далее – о рождении второй внучки у Н.К. и болезни невестки*].

С.Д. 17 VIII 74. Юлич мой дорогой и любимый, как мне просить у тебя прощения за моё подлое молчание в течение лета? Сама не знаю, как так получилось: всегда летом исправляю свои корреспондентские грехи, а тут не могла писать, всё забросила. Наверное, противная московская атмосфера, сутолока жизни: кто-то приезжал-уезжал, звонки, телеграммы, спешные запросы и т.д. – не давали возможности наладить ни внутренний, ни внешний ре-

жим отдыха и порядка. А усталость оставалась, и охватывало стихийное ощущение нежелания что-либо делать, настраиваться. Это вовсе не извиняет меня, мой родной друг, но что делать? Ведь и я, конечно, в малой [*немалой?*] степени знаю и переживаю эти припадки слабости, бессилия и упадка! Что делать, нам с тобой много лет. Я понимаю, насколько грешно мне с моими минимальными «возрастными изменениями» кивать на своё здоровье. А всё-таки... [...]

Через неделю я уже «перееду» домой и 26го начнётся работа. Я очень мало успела сделать за это лето: намеченные два основных труда (по психологии и по истории античной эстетики) далеко не прочитаны до конца, хотя читались с восторгом и увлечением, но всё помехи... [...]

Я не знаю, как сложится эта зима у меня. Хотя в детском клубе есть надежда на образование, наконец, вполне работоспособного и хорошего коллектива, но год будет очень ответственным: в декабре намечалась конференция на кафедре детской психологии с просмотрами детей и т.д. А народ у меня ещё очень несамостоятельный и малоопытный. А мне бы так хотелось и так надо было освободиться от детской работы и целиком заняться методикой и теорией основной (взрослой) Муз[*ыкального*] движения. Как сделать, чтоб хватало сил?

Я тоже всем существом откликнулась на неожиданный переворот в Греции. Но увы! Что-то не очень [*крепка?*] уверенность в подлинности целей Караменлиса, а выход из военного НАТО намекает на развязывание себе рук в делах с Турцией, не только и, может быть, не столько связанных с Кипром, как с нефтью в Эгейском море... Очень страшно. – Недавно узнала, что Манолис Глезос в Париже: он разошёлся с основной ком[*мунистической*] партией и наши и ортодоксальные греки его не признают. Но, слава Богу, он не на Леросе... бедный «солнечный герой»...

Как мне иногда хочется отбросить все «надо» и погрузиться в непрерывно манящие и зовущие «Кастальские воды»: там, в мире эллинского искусства, разрешение всех глубинных эстетических муз[*ыкально*]-двигательных вопросов, и некоторые из этих вопросов могла бы разрешить только я, только человек, знающий движение, его психологическое значение, законы выразительности, которые знала античность, и больше никто. Чем дальше, тем [*больше*] раскрываются мне глубины их познания человека, его психофизического единства, смысла. Читая историю античной эстетики, сейчас передумываю, перечувствую [*пере-чувствываю*], переосмысляю всё, что дали и Ф. Фр., и Бор[*ис*] Влад[*имирович*] [Фармаковский¹⁰³].

Многое сейчас переосмыслено современной наукой, но многое они знали, чего не знают сейчас... Лосев (автор «Истории античной эстетики в 4^х томах») – глубок, умён, проницателен и многое раскрывает, анализирует тонко и остроумно; а затем приходит к выво-

дам и положениям, которые для нас были само собой разумеющимися. Смотрю на Дорифора и удивляюсь: ничего не зная, одним чутьём и при помощи «закона двойного зрения» (Ф. Фр.) мы строили всю нашу систему муздвижения, воспитания именно на нём, на Поликтетовском каноне. Но только мы знаем, что этот канон не только [канон] пропорций тела, но именно пропорций особо организованного тела, не «живого», а «живущего», двигающегося тела. Но, чтобы это всё обосновать и доказать, надо было бы снова начать жить по крайней мере с середины моей жизни и ничем другим не отвлекаться.

А сейчас мне хочется просто погружаться в родной мир, от которого так беспощадно уводила жизнь. Но это – миф. Как писала Гусик: «Твоя душа в тоске изныла»...

Юлич, подумай, ведь это шестьдесят лет прошло! Как подумаешь – страшно. Даже на Акрополе мы [бы] многое не узнали, каким-то показался [бы] нам Парфенон со сплошной колоннадой? И сама скала в окружении парка?

Ну вот, хватит!

Теперь о важном событии в моей жизни, даже двух:

1. пустили метро станцию «Беляево» близко от моего дома;
2. самое главное!! 21го у меня поставят телефон! [...]

Родная моя, целую тебя нежно, вся я всегда твоя.

Стеня.

С.Д. 27 IX 74. Юлич мой родной и любимый! От Наташи узнала, что ты хворашь. [...] Думаю о тебе и помню всё время и посылаю «заряды», но ведь это мало помогает. [...]

У меня накатился учебный год и рабочий год – на всех парах, но, как всегда, с массой шлагбаумов и светофоров...

В детском клубе всё не может образоваться стойкий и работоспособный педколлектив, и потому тысячи трудностей, неясностей, срывов и т.д. Всё это надоедает и занимает массу сил и времени, которые хотелось бы тратить с бóльшей пользой для дела нашего. Главное, это мешает отдаться основной и главной работе – писать нашу теорию и методику. Сейчас вместе с одной Эмминой ученицей, психологом, пишем статью в псих[ологический] сборник. Дело идёт интересно и плодотворно. [...]

Ничего читать не успеваю, еле просматриваю «Науку и жизнь» и «Совет[скую] музыку». Кстати, тебе было бы интересно посмотреть, когда будут силы, № 9 «Сов[етской] Муз[ыки]», там в связи с 75-летием М.В. Юдиной воспоминания о ней. – Сейчас сижу только над псих[ологической] литературой и вообще [над] тем, что надо для статьи и для оформления всех аспектов муздвижения.

Эмма как будто пристраивается со своим бездомным коллективом в один клуб, но будет ли это действительно, неизвестно до показа работы. Но хоть сейчас есть где репетиро-

вать... Эх, жизньюшка! «Move on, poor Yoo!» [*англ. – продолжай, действуй, бедный Йорик!*], – так и мы всю жизнь. [...]

Дома у меня чудесно: сейчас стоят изумительные солнечные дни, сегодня обещают 21–23°, и моя комнатка купается целый день в солнце и небесном сиянии. [...]

Юлич мой, смотри, не сдавайся хвори, это всё происки злых волшебников, по тебе скользнул взгляд Горгоны, но ведь у нас всегда есть щит Персея, отражающий его...

А как здорово в Греции! Какое успокоение ощущаешь всё время. Кстати, недавно по радио (в ответах на вопросы) было сообщение, что Манолис Глезос живёт с 71 года с семьёй в Афинах, активной политической деятельностью не занимается. Ну, и хватит ему, солнечному герою, он своё дело сделал один раз на все века...

Целую тебя, обнимаю, посылаю все токи моего существа тебе на помощь, моя самая близкая, самая нежная, самая светлая сестра.

С.Д. 30 XI 74. Юлич, мой Юлич, любимый, хороший, вот я какая стала! Всё время твердила, что 25го надо тебе написать, а опомнилась 28го, что этого не сделала... Сегодня твой день, и я бросила всё и с утра сижу и пишу тебе. Прости меня. [...]

Немного о моих (наших) делах. С середины ноября у нас здесь гостила гостья из Ленинграда Ек[атерина] Сер[геевна] Маркова¹⁰⁴. Тебе это ничего не говорит, она очень большой и серьёзный работник по детскому пению, такой же «непризнанный гений», как мы, так же уничтожаемый «руководством». Так как у нас здесь в «Орлёнке» очень неблагополучно с пением было, то я надумала просить её помочь, она согласилась приехать, и вот был интересный «семинар» в течение десяти дней. Поэтому я всё время бывала на занятиях, встречалась с нею в промежутках и т.д. И совсем выключилась из работы над статьёй. [...] Работа над статьёй очень интересна. Раз в неделю я встречаюсь с двумя молодыми психологами из Института психологии и с Эммой (когда она в силах приехать) и обсуждаем, обговариваем, думаем. Вводная часть включает два вопроса: о «сущности выразительных движений», «об их соотношении с музыкой» [...], а вторая – уже методы Муз[ыкального] дв[ижения]. [...]

Так-то, мой родной дружок! Скоро (через месяц) будем справлять наш неизменный праздник, 27ое декабря, и это будет 60 лет нашему первому уроку. Конечно, хорошо то, что, как говорят иногда: «Вы всё ещё существуете?» Но существование весьма ограниченное и странное. Слабый огонёк надежды, что какой-то клуб предложил Эмме взять её коллектив к себе, недавно угас после просмотра: «Это непонятно нашей публике». [...]

Что было хорошо, что детская работа в «Орлёнке» встаёт на ноги в этом году много уверенней. Главное то, что муздвижение в руках великолепного педагога (от Бога!) Лиды Осиповой¹⁰⁵ (Эмминой ученицы уже 15 лет), которая делает громадные успехи, и я совер-

шенно спокойна за этот раздел, хотя у неё ещё масса недоработок и ошибок, которые требуют моего вмешательства и коррекции, но это понятно. Ты бы видела, как дети отвечают на музыку! Главное – в обязательных на каждом занятии минутках самостоятельного ответа на самую разнообразную музыку! Просто потрясаешься иногда передаче «стиля» музыки в их движениях, конечно, не у всех и не всегда.

Сейчас возникла идея подготовить окончательно все программы по муздрв[ижению], пению, слушанию и развитию мышечного чувства с вводными статьями и как «опыт работы» при психологическом факультете попробовать напечатать (в Университетском издательстве), там тираж небольшой, но дело будет сделано, и можно будет успокоиться... Конечно, это всё очень со всех сторон трудно и сложно, но другого не видно пути.

Конечно, как мы знаем из «скрижалей» Ф. Фр.-ча, всё приходит поздно, когда «крылья уже повисают», и было бы куда лучше, если бы всё то, что делается мной сейчас, могло делаться хоть 10–15 лет назад... Но, вероятно, это закон природы, и , слава богу, если оно приходит не тогда, когда совсем поздно. Кое-что надо успеть сделать для будущих дней, когда это всё будет необходимо широко и полно.

Я радуюсь каждому дню, когда ещё не надо куда ехать, и я могу сидеть за письменным столом и думать, думать, писать – и снова думать. Это ужасно, как много не додумано, не доделано, неясно... [...]

Я очень горько переживаю уход из жизни Камиллы. Как ни странно, ведь по существу с начала гептахорской жизни она уже шла совсем другим путём; я редко и мало с ней общалась, многого у нас она не знала и не понимала, а вот сейчас я чувствую, что исчез кусочек меня, часть моей жизни. Ведь, если бы не встреча с Камиллой в 1905 году, не было бы Гептахора (Наташа [Н.В. Педькова], Ильза, Катя – пришли через неё). [...]

Знаю из Танечкиного письма (вот святая душа, чистая и беспредельно нежная, с которой жизнь сыграла одну из своих нелепых шуток: ей бы иметь полон дом детей, доброго мужа, она же сама жаждет любви!..), что она у тебя была и нашла тебя молодцом; написала мне длинное письмо, чтобы я не беспокоилась о тебе! Надеюсь, что её посещение тебя не утомило и не расстроило? Такого тепла, какое из неё излучается, редко от кого получаешь, правда? [...]

Вот тебе, родной мой дружок, полный отчёт о моих и «наших» делах и днях, а вообще это письмо, конечно, и [для] всех: Наташке, Оле, Лёле, Расбасу. [...] Крепко и нежно целую тебя, Люсе и Коле привет. Живи, моя родная, свети своим огонёчком мне и всем дорогим и близким.

С.Д. XI 74. *Открытка.* Юлич мой родной, хороший и любимый! К празднику посылаю тебе *apodropaion*, который должен защитить тебя от всяких бед и напастей... Смот-

реть на него уже не возбраняется, ибо известно, что смех уничтожает злое и дурное, а эта милая особа уже неизменно веселит!! а не пугает. – Мне о себе писать нечего – сижу и пишу, вернее, сижу и думаю..., затем отдыхаю и снова – то же. Очень печалюсь, всё внутри не верю, что поезд не повезёт меня в Любимый Город до весны! Ну, ничего, перетерпим. – Привет Люсе и Коле, желаю им в жизни много прекрасного увидеть, радоваться [ему] и ценить [его]. Тебя целую крепко, нежно. – В эти дни 65 лет нашей с тобой встречи... «Toujours les mêmes» [фр. – *Всегда те же.*], – сказала Ysadora.

1975

С.Д. 4 I 75. Дорогая моя Юлюшка, получила твоё письмо, спасибо за него большое, а то я уже стала недоумевать... Рада, что ты всё-таки ожила и хоть шесть часов бродишь, милая ты моя!

Вот мне хочется тебе сказать, что не надо бы так переживать и мучиться всякими Колиными ЧП! Ведь их не счесть и не избегнуть; и он бы мог и сам немножко понять, что присутствие ему высокомерие не извиняет такого отношения к другим, тем более к учителям, какие бы они ни были. Побольше бы скромности! Которой не хватает нашей молодёжи. А такие уроки только на пользу. Вот уж я в таких случаях не испытываю сочувствия. Не трать ты, моя родная, своих бедных силёнок на такие «беды»! [...]

Желаю Люсе всяческой удачи во всех её делах, а тебе – сил, бодрости и некоторой доли скептицизма и равнодушия ко всем жизненным неожиданностям... Не забывай гептахорского девиза! Целую тебя нежно, хорошая моя ты!

Н.К. 27 VII 75. *Письмо с дачи в Шапках в Ленинград.*

Мой милый, милый Юлич, как-то Ты там, далёкий и самый близкий Друг? Пишу короткую записку, потому что нет времени на свете.. все блага: и лес, и озёра и цветы – всё где-то побоку пролетает... [...] У нас дивно цветут белые розы, японская малина, табак и горошек.. и луг после покоса такой свежее-зелёный.. живи – не хочу.. Обнимаю Тебя. Пожалуйста, пожалуйста, будь цела. [...]

Н.В. Педькова – Ю.Ф. 1 VIII 75, пятница. Милая Юлюшка, я постараюсь написать нечто вроде автобиографии обязательно и чувствую, что надо спешить. Обо многом я хотела спросить у тебя, п[отому] ч[то] память мне во многом изменяет. Так я не помню, почему мы уехали в 18ом году в Крым. Что тогда случилось? [Ю.Ф. *заболела туберкулёзом, вероятно, это было одной из причин отъезда*]. Наверное, тому опять был виной несуразный и тяжёлый характер Наташи М[аленькой].

Нужно ли писать о том, чем жил человек до общей встречи с Гептахором? Или это просто анкетные данные, вроде «родился в таком-то...», «родители такие-то...», «училась там-то...»? Но ведь есть другая автобиография: о том, что подготовило к приходу в Гепта-

хор. Для меня также был неожидан вопрос Стени, какие упражнения выдумала именно я и с чем я выступала.

Пишешь ли ты о своём отдельном отношении к разным гептахорцам, и нужно ли это вообще?

Письмо Стени всколыхнуло во мне такую волну воспоминаний, страсти, горечи и радости, что выбрать правильную линию о том, что и как писать, пока не могу, а надо, а надо...

Если захочешь написать мне, пожалуйста, не щади Наташу М[аленькую] со свойственной тебе мягкостью и деликатностью. [...]

Ю.Ф. – С.Д. 18 IX 75. Стенечка, дорогой, любимый мой друг! Прости, что долго не откликнулась на твоё письмо. *Следует перечисление домашних дел и забот.*

[...] Нат[аша] М[аленькая] с очень добрым и обязательным духом отнеслась к моей просьбе. Она сама привезла свой материал (на листах), и на листочках прислала третьего дня по почте. Она сетовала, что, наверное, то, что она написала, совсем не то, что тебе надо. Я убедила её послать всё, что она написала, сказав, что ты сама решишь, что тебе надо, а что – лишнее.

Про «мешение теста» она говорила, что раньше об этом ничего не знала и не читала, что это общее достижение, как бы само собой подсказанное, «ведь посмотри, боксёры в своей разминке делают нечто подобное «мешению теста».

Весь этот кусок письма отчерчен С.Д. мягким красным карандашом.

Жду на этой неделе Наташку Кос[атую]. Её жизнь тяжела. Когда приедет Люся [из отпуски], буду ждать Наташку Кос[атую] и Волка. Он хочет меня видеть. И ещё Нат[ашу] Кос[атую] и Нат[ашу] [Маленькую] *Это последнее слово должно было быть на следующей странице, но она оторвана.*

Н.К. 27 XI 75.

В день

Твоей торжественной высокой даты шлю Тебе, моему родному и самому душевному Другу, сердечное поздравление и, главное, поздравление не только с числом или датой, а с тем, что к этому Дню Ты сохранила такую молодость Души, такую ясность духа, доброту и мудрость, которые ощущаются множеством людей и которые, м[ожет] б[ыть], обделённые этими свойствами, тянутся к Тебе...

/я из их числа/.

Юлич мой дорогой! Ко всем моим Тебе пожеланиям.. пожеланиям, похожим на заклинания, о здоровье.. о силах.. о благополучии Дома и всех Твоих родных я прибавлю и просто пожелание, чтобы день Твой прошёл празднично и уютно.

Очень огорчаюсь тем, что не смогу принять участие в этом! Я на этот раз задолго строила планы, размышляя о цветах, вине и презенте и о том, что обниму Тебя горячо в Твой праздник¹⁰⁶.. и что повидаю хорошего моего крестника [*Матвея*] в присутствии ему качества доброго сына.

И вот из-за глупой неожиданной болезни всё это рухнуло. (Не сердись на меня за моё нерациональное отбрыкивание от врачей... Сегодня мне уже лучше.. прояснела голова, и теперь понемногу всё пойдёт на лад.) Пока пошлю это письмо, а там приеду и сама, чтобы хоть сколько-то наверстать упущенное.

Всем Твоим шлю тёплый привет, а Тебя целую крепко.

Н.

P.S. По поводу Николиного дня [29 XI – *день рождения внука Коли*] шлю ему поздравление и целую Люсю.

С.Д. 24 XII 75.

Юлич мой родной!

Дни летят как безумные, и приходится прицепляться к каким-нибудь датам, чтобы написать письмо самым родным и близким (которых так мало, так мало осталось)...

Ну, так вот – Новый год. Пусть он принесёт максимум радости, света и сил, которые мы ещё можем получать! А следующим двум поколениям от души желаю всяких милостей, которые наступающий год способен принести, и наименьшее количество (обязательных по нынешнему времени) гадостей...

Через несколько дней мы, как всегда, будем справлять свой праздник – 27 декабря, 61ый год... Невесело на душе, и трудно собраться с силами первый раз проводить его одной, без Эммы и даже без Эвелины, она очень простужена и переутомлена. Но что сделаешь – НАДО [*Выделено прописными буквами С.Д.*]. Ведь за долгие-долгие пролетевшие годы образовался целый «ритуал» этого дня, и именно сейчас надо подчеркнуть, что даже выбытие главного руководителя молодого коллектива не значит конец Муз[*ыкального*] дв[*иже*]ния.

Роюсь в своих архивах, роюсь в своей памяти. Много записываю методических указаний, просто стараюсь высказать всё, что знаю о том, как мы работали, учили, творили, что и для чего. Огорчаюсь тем, что две Эммины ученицы, которые теперь ведут группу новых и полуновых девушек, до ужаса беспомощны методически и очень плохо знают учебный материал начинающих. А времени на то, чтобы со мной работать (я бы могла быстро поставить их на ноги), у них совершенно нет. Ни времени, ни сил... Поэтому боюсь, их энтузиазм и увлечение учениц быстро начнут таять...

Сейчас я начинаю взаправду лечить свои хвори у хорошего очень гомеопата. Думаю, что толк будет. Да и вообще-то я не больна, сравнивая себя с другими. А вот сил бы побольше – это бы хорошо... Ну, жаловаться мне – грех.

Дорогой ты мой милый друг! Надеюсь всё-таки весной посетить Любимый Город и любимых людей... Скучаю и тоскую в нелюбимой Москве и среди всё-таки далёких, хотя и добрых и заботливых друзей...

Целую тебя нежно.

Всегда я с тобой, с прошлым, нетленным и непроходящим.

1976

Н.К. 2 II 76. Драгоценный мой Юлич! Как я рада была вчера Твоему голосу». [...] Хочется откликнуться на Твой звонок и сказать, что я очень огорчаюсь Твоим плохим здоровьем.. и надеюсь на улучшение и стабильность погоды [...] и на приемлемое Колино поведение.. а что до того, что вы отмежёвываетесь от его школьных успехов, – это очень правильно. [...]

С.Д. 12 IV 76. Родной мой Юлич! Нечего нам с тобой извиняться и оправдываться друг перед другом, обе мы знаем, что какой-то частью души непрестанно и навечно связаны и близки. А писать, действительно, делается всё труднее и как-то бесперспективнее: того, что надо, не скажешь, а то, что говоришь, может быть, не так уж важно...

С Наташей у тебя действительно конфликт трудный, но он не неожидан: готовился давно. Ведь она всегда была для себя и для других нелёгкой, а к старости растут все гадости... Наверное, ни убеждать, ни уговаривать не надо. Каждый человек в старости – король Лир, постепенно он лишается всех ценностей и радостей и, главное, одиночество старости не зависит от окружения и отношений. Наверное, это одиночество немножко оттого, что ты пережил самого себя, свою эпоху, свою жизнь.

Конечно, у каждого по-своему, но у всех по одному закону.

Я счастлива – строю мост из нашего далёкого сияющего прошлого в неведомое будущее. На всё (кажется, на всё...) реагирую всё меньше. Живу между двумя парами глаз: с одной стены на меня внимательно и требовательно смотрят глаза Моны Лизы, а с другой – большое фото Эммы (29го года) с таким же немигающим и непрощающим взглядом. Между ними верчусь, как могу и сколько хватит сил и энергии.

Кажется, не совсем безнадежно дело с каким-то «писанием» о нас. Не могу и не хочу ещё об этом писать, но интерес к нашему делу у всех серьёзных людей, которые с нами (вернее, с ним) соприкасаются, очень велик. Также и вообще к моему архиву, где скопилось всякой всячины, достаточно говорящей об эпохе конца XIX и начала XX. И я стала спокойней к этому относиться. А то очень нервничала, что не успею ничего сделать.

У меня к тебе просьба. Я имею от тебя твоё письмо с краткими сведениями о тебе и семье до Гептахора. Мне бы хотелось, чтобы ты написала и о своей дальнейшей жизни и, конечно, о том, что вспомнится в наших гептахорских днях. Я написала на днях всё, что знала

о семье Наташи Б[ольшой], и о её роли в Гептахоре. Постаралась собрать всё. В юности мы были удивительно равнодушны к окружающему нас всех, и я о многом в её жизни только догадываюсь. Я очень рада привету Наташи М[аленькой]. [...]

Да! Жили мы удивительной, необычайной и страстной жизнью, неудержимо стремясь вперед. Судьба наша подобна столь многим в это странное и нелегкое время... И не потому не суждено [было] ничего совершить конкретно, что это были «порывы благие»... Просто пришлось следовать принципу «спасение утопающих – дело самих утопающих»...

А вот насчёт Коли, я думаю, ты совсем зря так тревожишься и переживаешь за него. Он – переполнен жизненными силами и пойдёт туда, куда надо ему... мы ведь тоже были не образцовые дети, иногда даже жутко делается, как подумаешь: а каково было переживать наши эксцентricности нашим мамам и родичам!!! Мы об этом совсем не задумывались. Это в порядке вещей. [...]

Дорогая ты моя! Береги себя и закрывай «внутреннее окошечко», когда очень трудно! Всегда с тобой.

О.Д. Головчинер – С.Д. 15 V 76. [...] Что я делала? Как-то трудно вспоминается. На Дворянской (до февраля 24го) помогала Ю.Ф. в делах хозяйственных. Ночевала с Никоном. [...]

С.Д. 19 VI 76. Милый, родной мой Юлич!

Посылаю тебе и Наташе М[аленькой] то, что могу, сразу [фотографии], может быть, они доставят вам обоим радость... Особо тебе – меня с М. Хитрово¹⁰⁷ в Муратове. Это просто так...

У меня к тебе такая просьба: когда придёт Косатая, выпроси её о том времени, когда Н[аташа] М[аленькая] жила у них, какие были разговоры и мысли о случившемся. Меня сразил твой рассказ... Я постараюсь приехать осенью к Нат[аше] М[аленькой] и должна всё понять до конца.

Чувствую себя вполне нормально, но ещё не вошла в полный необходимый рабочий ритм, так как приходится давать себе возможность побездельничать, поспать, подремать... Ничего с этим не сделаешь. Наверное, то, что я делаю теперь, надо было делать давно, но ведь тогда были ещё многие другие «сегодняшние» дела, и [было] не до архивов... Глупо.

Удивительно, десятки лет копаюсь и ковыряюсь в наших упражнениях и всегда делаю открытия, поражающие своей глубиной и серьёзностью проблемы...

Вчера позвонила, как обещала, Гуле. У них всё без перемен. Не могу выразить, как всякий раз меня потрясает её трагическая судьба... Она удивительно отзывчива и готова к самому тёплому общению, а я ведь беспомощна помочь, и как-то до них добираться мне и не под силу и возьмёт слишком много времени и сил, которые мне уже не принадлежат. Проси-

ла передать тебе привет, расспрашивала обо всех и обо всём. Тоскует она по тому, что прошло мимо неё, а могло бы ей принадлежать по праву. Какие чудовищные вещи гнездятся в человеке, который, казалось бы, был милым и хорошим, просто «король, который делает то, что ему вздумается»...

Ну вот! Пишу тебе, используя необходимость стеречь варящиеся макароны. Кажется, они уже сварились. Потому целую тебя нежно-нежно. И мой привет Наташам обеим.

Поздравь от меня Колю с окончанием [*школы*], а особенно Люсю.

Ю.Ф. – С.Д. 4 VII 76. *Открытка двойная.* Стенечка, дорогой мой бесценный друг! [...] Как-то я говорила по тел[ефону] с Наташкой М[аленькой]. Она опять совершенно определенно сказала, что никаких принципиальных расхождений не было, «да это бы отразилось в материалах архива». Была житейская неурядица, какие-то трения повседневной жизни, которых ты могла просто не замечать. Наташка «решила жить отдельно, но продолжать вместе работать, это единственное, что у меня было». Но то, как повели себя Катя и Волк, «захлопнули дверь»: «при таких условиях я не могла проситься продолжать совместную работу». Завербовалась на Сахалин или Камчатку, не помню, была оставлена на работу в библиотеке в Иркутске как владеющая иностранными языками. Она очень хочет с тобой увидеться. [...]

Сегодня узнала, что Наташа Маленькая опять в больнице: рецидив желтухи. Косатая рвётся домой, в одиночество, пока все на даче, «хоть на две недели». Погода у нас ужасная, 9° тепла при северном ветре, дождит. Внутри тоже плохо жить без Солнца. Целую тебя, моя дорогая Стенечка.

Юлич.

С.Д. 16 VIII 76. [...] Твоё письмо меня очень взволновало. Ничего не могу понять! Что произошло тогда, и почему я-то об этом ничего не знаю? И почему Наташа тогда ко мне-то не пришла поговорить? Больше всего меня мучит теперь то, что она хотела продолжать работать, а ведь это так важно было и так нужно. Нет, это всё ужасно, и, конечно, меня мучит роль Волка в этом. Я бы, конечно, не задумалась прямо спросить его, но боюсь: ведь у него было четыре инфаркта... А такой разговор – не простое дело.

Я собираюсь быть в сентябре в Ленинграде больше всего именно, чтоб повидаться с Наташей. Как её здоровье?

Как дела у Коли? Внук Волка, кажется, сдаёт всё благополучно.

Мои семейные дела вступили в новую фазу: Митя окончил училище и получил назначение в Белорусский округ. Конечно, это хорошо: недалеко и климат нормальный и пр. [...]. Ну, увидим, как пойдёт Митюшкина жизнь. [...]

[...] Здоровье моё в порядке. Я считаю, что моё решение никуда не ехать было правильно: мне лучше всего в доме в окружении моего «архива», требовательно глядящего на меня из всех углов. Я бы не могла «отдохнуть» сейчас – не до того. Так мне хорошо. [...]

Н.В. – С.Д. 8 X 76. [*Начало письма*] Сейчас три часа ночи, минута свободна от ухода за больным моим другом, в семье которого я прожила 50 лет и который уходит от меня. [...]

Ю.Ф. – С.Д. 11 XI 76. Стенечка дорогая! Бесценный мой друг! Спасибо за поздравление к Октябрю, а я вот так и не схваталась [...].

Но был и необыкновенный день: 8 XI у меня встретились обе Наташи, Косатая и Маленькая. Встреча была очень хорошей, простой, душевной, без малейшей стесненности и натяжки. Обе поделились друг с другом своими grübeln'ами [*нем. – размышлениями, заботами*]. И при встрече и до этого по телефону Наташка Мал[енькая] говорила, что была до глубины души рада твоему письму, напишет и сама, как только ночью найдёт спокойный час. Ещё просила тебе передать, чтоб ты не тревожилась о Волке, что у него и так было четыре инфаркта! Косатая была очень красива и печальна: Никита уехал в Антарктику на полгода при всём благополучии, а в доме тотчас же поселилась мать невестки и Наташа говорит, что чувствует себя в коммунальной квартире. А внучки отходят от неё, потому что им скучно с бабушкой, которая не слышит. – Наташка Мал[енькая] очень осунулась, а вахта предстоит ещё долгая, не меньше шести месяцев. Боюсь, что она не выдержит. *Е. Вл. Андреева, друг Н.В., в семье которой Н.В. жила, была тяжело больна: её разбил паралич. Они жили в это время в «передвижном фонде», так как их дом на улице Пестеля находился на капитальном ремонте. Н.В. ухаживала за Ек. Вл.* По всему было видно, что она была рада увидеться со мной и Косатой.

Что у меня? Всё так же тяжёл Коля, главным образом, из-за своей неспособности находить радость, видеть её, светиться ею. А я устаю всё время пробивать эту стену нигилизма. Ему тяжело в институте быть как-то на отшибе. Надо ждать. – Дорогая моя! Желаю тебе здоровья. Это главное, всё другое – с тобой. Сердечный привет Эвелине. Целую крепко.

Н.К. 22 XII 76. Дорогой мой Юлич! Хочу написать Тебе несколько строк из этого моего заточенья... Я очень томлюсь тут от страха за глаза, от моей глухоты в этом скопище врачей и разношёрстного окружения... Да что говорить? Я знала, как всё это будет трудно [...]. Вчера я написала письмо Гуле.. давно собиралась. Захватила сюда её последнее письмо с желанием ответить на все затронутые темы. Но не смогла. Тут трудно писать. Как ни странно, нету времени. Какие-то непрерывные мероприятия: уколы, осмотры, капли, разговоры с врачами.. ко всему – тут очень плохой верхний рассеянный свет, при котором и писать и особенно читать трудно. Я держу книжку в руках, и она меня отгораживает от людей. (Не потому, что я не хочу их слушать, а потому что мне трудно переспрашивать.)

А что дома? Я боюсь, что не узнаю его тонуса после «столь долгого отсутствия». [...]

1977

С.Д. 2 I 77. Отправлено 7 II. Юлич мой родной, не думай(и ты, и Наташа), что я небрежничаю с писанием вам обеим писем. Это делается всё труднее из-за противных моих глаз [...]. Но вот мне очень надо написать тебе, что мне просто необходимо получить о тебе:

1) твою биографию. То коротенькое письмо меня не устраивает. Расскажи о детстве, семье и т.д. Это надо [*Подчёркнуто С.Д.*] сделать. Не думай о литер[атурной] форме. Также о дальнейшей судьбе, не надо подробно о всех бедах, но основные годы и события – обязательно;

2) надо рассказать о вашей жизни и работе в Крыму. Это уже касается истории Гептахора, а не только твоей биографии;

3) когда точно вы уехали в Крым? И почему?

4) откуда пришла к нам Нина Окс и через кого? Это было в каком году? Это же было раньше работы нашей в Выборгском коммерческом училище, году в 16?

Понемногу двигаю описание упражнений, отдельные методические записки. Записи на магнитофон сейчас прервались с ноября, но, кажется, возобновятся в ближ[айшем] буд[ущем]. При разборке наших фото 1914го года (и 10го) нашлись дубликаты, кот[орые], наверное, доставят вам обеим радость.

Я не забыла о ваших просьбах насчёт твоих и Наташиных фото гептахорских времён. [...]

Как там снова дела у Нат[аши] Ко[сатой]? Бедная, бедная она (впрочем, кто не бедный??). Целую тебя, передай Наташе М[аленькой], что «думаю часто письма ей», а вот написать не удаётся. Но напишу всё.

Люсе привет и Коле. Не волнуйся ты за него, он уже «в пути».

С.Д. 3 III 77. Мои дорогие Юлич, Наташа и другая Наташа, уж вы не сердитесь, пишу всем вместе, так как поодиночке очень уж трудно, да и всё ведь о том же всем. Только вот Юличу хочу сказать спасибо за этот чудесный подарочек, так приятно на нём писать!

Разбирая сегодня какой-то пакетик разнородных писем и бумажек, нашла вот эту, которую посылаю вам. У меня в архиве наша книжечка с печатью, в которой все эти наши opus'ы и есть. Поэтому дубликат, я думаю, может отправиться к вам и всколыхнуть туманные завесы прошлого. Наташа М[аленькая], наверное, потеряла надежду получить ответы на её вопросы. Но один ответ уже написан, только я должна его переписать, так как он вышел дополнением к нашей истории, и я его пришлю скоро. Но мне труднее писать [...]

Над чем я работаю – продолжаю описывать наш уч[ебный] материал, наши упражнения. Я уже перекроила всю систему второй раз, и совсем скоро вы увидите этот солидный «Перечень упражнений Муз[ыкального] движения». Их оказалось около 400, разделённых на три этапа работы. Описано у меня приблиз[ительно] три четверти. Описание снабжено анализом движения, анализом муз[ыкально]-двиг[ательного] образа, методическими указаниями. Некоторые «основные» наши упражнения занимают четыре-пять страниц машин[описного] текста. Я стараюсь о каждом упр[ажнении] сказать всё [*Подчёркнуто С.Д.*], что я о нём знаю.

Кроме того, есть «экскурсы» по отд[ельным] вопросам, напр[имер], о значении и особенностях маховых дв[ижений], о поскоках, о ходьбе, конечно, всё, как о средствах, их изменяя, выражать своё переживание муз[ыкального] образа. Не знаю, кто, когда и как сможет и захочет в этом разбираться: это будет адский труд. Но, наверное, – будет.

Среди молодёжи, с которой я связана, есть трое, всерьёз «посвящённые» в Муз[ыкальное] движение. Но, к сожалению, двое из них прошли только начальную стадию работы у Эммы, а теперь им не у кого и негде учиться дальше. Меня утешает, что обе они музыканты, а ещё то, что и нам не у кого было «учиться» и мы учились, уча других. Ведь известно, что всё понимается только тогда, когда объясняешь другому... Одна из этих девушек сейчас пишет диплом (она кончает Институт Гнесиных [*теперь – Российская академия музыки им. Гнесиных*]) на нашем материале («Комплексное муз[ыкально]-эстетическое воспитание»), там очень заинтересованы её работой и нами. Другая девушка (впрочем, она давно «мать семейства») – исключительно одарённая музыкально, двигательно, эмоционально и интеллектуально... То, что она «не закончила» нашего воспитания, – моё большое горе, но то, что она исключительно целенаправленна и преданна делу, – моя радость и надежда...

В семье у меня всё как-то утряслось хорошо. Надеюсь скоро стать прабабушкой. Непутёвый внук мой Митя стал совсем человеком, даже трудно себе представить, чем он был пять лет назад... Никон поэтому ожил, стал спокойным, разгладил морщины и убрал горькие складки у рта. Он увлёкся теперь выставками, русским древним искусством, переплётным делом: просто художественно переплетает... И, по-моему, «навёрстывает» потерянные для своей жизни годы «борьбы за сына», когда у него не было спокойной минуты для себя.

Эта зима была ещё тяжелее у меня потому, что испортился приёмник, и я сидела без музыки. Сейчас мне подарили трёхпрограммное радио и я слушаю. Вот и сегодня скоро будут передавать концерт Баха, а то была передача, посвящённая Вагнеру... Я немножко ожила. В окно последнее время стало много заглядывать и жарко всё озарять солнце: идёт весна. И хоть не умею я встречать её теперь, как следует, как полагается, всё-таки радуешься удлиняющимся дням и изменившимся краскам неба...

Целую всех вас троих. Люблю и помню, обращаю взгляд в сияющее прошлое – и все вы там со мной и все, кого уж нет.

Целую, обнимаю.

Письмо написано на палево-розовой почтовой бумаге с водяными «знаками» – просвечивающимися гроздьями и листьями рябины.

С.Д. 23 III 77. Юлич мой дорогой! Спасибо тебе за поздравление и за всё. Я очень смущена всеобщей заботой обо мне и лаской, благодарю от всего сердца. [...]

Я пишу коротенькое письмецо, т[ак] к[ак] оно не единственное, которое я должна послать в ответ на полученные... Но я хочу сказать главное. Думаю, что ты уже знаешь о наших неожиданных радостях, я о них написала Лёле и Оле с «передачей» всем. Да, неожиданно нам выпали «счастливые номера», неужели это не «мыльные пузыри», какими мы столько раз любовались в своей жизни и которые быстро лопались?.. Авось, нет – ведь должны же когда-то кончиться наши бездорожье! и невезение!

Передай Наташе М[аленькой] моё сочувствие в трудные дни сейчас. Представляю, как же она измучена. Теперь насчёт твоей записки о крымских днях, если надо, можно попросить Никона зайти к Наташе [...] и взять у неё рукопись, либо, если тебе её ещё надо, с передачей тебе, либо мне. От Косатой я получила записочку, очень горестную. Ну что с ней делать, чем помочь? У меня всё было бы хорошо, если бы не ухудшение с глазами, довольно сильное. [...]

Ю.Ф. – С.Д. 17 IV 77. Стенечка! Дорогой мой друг! Не пишу, потому что совсем расхворалась. [...]

Стенечка! Хоть Люся и взяла отпуск, чтоб быть дома, но всё равно мы два раза забывали отправить моё письмо о Крыме Нат[аше] Мал[енькой], когда Люся к ней ездила. Я решила тебе его отправить без Наташиной визы, тем более, что, по словам Люси, Наташка Мал[енькая] вся в плену мыслей о том, как сложится её дальнейшая жизнь и отношения с наследниками Ек[атерины] Вл[адимировны]. К счастью, пока они ведут себя вполне корректно. Наташка очень занята разбором архива Метальниковых—Андреевых. Я думаю, Наташа может сама написать, что вспомнит, а ты потом сравнишь.

Вчера говорила с Косатой по телефону. Горько жаловалась она, что вышло распоряжение допустить к встрече корабля из Антарктиды только жён и детей. Жёсткая и жестокая мера! Я думаю, что Никита плохо сделал, телеграфировав об этом сам, лучше было бы, если б Наташу предупредил кто-нибудь из его здешних приятелей.

Дружочек мой родной! Наша жизнь с Наташкой как-то очень созвучна: вчера Люсе исполнилось 49 лет. Она так устаёт на работе, устаёт быть с людьми, говорить с ними, что дома мы все больше молчим. Я уже научилась ни о чём не спрашивать, не задавать вопросов.

Сердце делается всё холоднее и жёстче, формулировки всё обнажённое. На мой рассказ о запрещении матерям встречать сыновей Люся сказала: «Старухи должны понимать, что их место не в партере, а в амфитеатре». Мне сделалось как-то физически дурно. Прости, что пишу это, мне очень тягостно, хоть прошла ночь и пришло утро. Самое странное, что Люся не понимает, что такие её высказывания, а они часты (ведь старых людей в семьях достаточно), одиозны и их надо долго жевать, чтобы проглотить.

Вчера и Волчик звонил. Я глубоко рада за него, что, видимо, вокруг него только доброта и благорасположение. Он очень собирается ко мне.

Стенечка, Люся уже приходила и напоминала, что пора лечь.

С.Д. 28 IV 77. Родной мой Юлич! Получила твоё большое послание и с громадным интересом читала. Спасибо тебе, понимаю, как нелегко было тебе его выполнить. Это большой вклад в наш архив во всех смыслах. Но... Юлич! Мне нужна всё-таки твоя автобиография, хотя бы не очень подробная о твоей семье и вообще о «до» и «после» Гептахора и м[ожет] б[ыть], о Гептахоре тоже? Ведь у каждого своя «память»! Не торопись, не насилуй себя, но сделай это! Бедная Гулька всё обещает биографию Кота, и всё нет её. Она совсем зажата в тиски... – С ужасом думаю о Наташе М[аленькой], как она выдерживает то, что выпало на её долю. Это страшно! Неужели может ещё долго продлиться такое? Передай ей мой душевный привет и пожелания сил и сил...

Я не пишу ей всё это время: у меня как-то не получается сесть за серьёзное письмо о наших делах, а писать кое-что ни к чему, она это знает от Лёли и других.

Твои вести о Нат[аше] К[осатой] и о тебе самой вызвали у меня очередной прилив бессильного возмущения, отвращения и ужаса перед нашей жизнью. Каково же существование людей, чтобы Люся, твоя дочка, милая, похожая на тебя в молодости, могла дойти до такого высказывания о «старухах». Ты бы должна [была] напомнить ей притчу Л. Толстого о «Коробочке», которую мастерил внук, чтобы было из чего кормить отца с матерью... А вокруг лицемерный крик и стихи, и песни, и рассказы, и ордена о «матерях»... Мерзость запустения – наша моральная жизнь. И кому помешали [бы] матери на встрече корабля, что там в порту места мало? Какая гадость и бесчеловечность... Бедная Наташка...

Мои личные дела без особых изменений. Была у гомеопата-глазника, он сказал, что «катастрофа» меня не ожидает, то есть, главное, пока работать ещё могу, хотя трудно бывает. А вот читать (книгу, а не одно-два слова) я уже не могу довольно давно. Что сделаешь, хорошо и так. Мир для меня подёрнут туманом, как через запотелое стекло, поблекли краски. Иногда – хуже, иногда – лучше. Вчера я со страхом пошла на наш пустырь поискать мать-и-мачеху: вдруг не увижу?.. Нет, ничего! Принесла целую охапку, вот стоят передо мной! Так что «курилка ещё жив»!

А вот наши гептахорские дела по-весеннему подают надежду на «новые урожаи». Что-то происходит в воздухе и на земле. Видно, наконец, «Душеводитель Гермес» занялся нами снова и привёл к нам нужные нам «души» моих и Эмминых нескольких учениц... Одна из них одарена исключительно музыкально, двигателью, умна, упорна и идейно направлена... Думаю, что она одна из «форелей», которые «пробивают лёд, когда они упорны» (Кузмин).

Надеюсь на «Новый Гептахор»!

Шлю тебе и Наташе привет к весенним праздникам, и пусть всё-таки вьётся вымпел на гептахорском 1-майском корабле! Целую. Всем твоим привет.

Спасибо за изумительного Ван Гога. Никогда не видела! Не могу оторваться – стоит у меня на столе.

С.Д. 11 V 77. *Открытка.* Моя родная Юлюшка! Сейчас получила твоё дорогое письмо и не могу не написать пару слов. [...] Меня беспокоит Наташка, прописана ли она у Ек. Вл., т.е. имеет ли право на эту жилплощадь. Какая у неё пенсия? И тому подобное. – Всё остальное я тоже приняла в самый глубокий ящичек сердца, я давно всё это чувствовала, хоть мы никогда не говорили с тобой...

Н.В. была внесена в списки жильцов дома после капитального ремонта, но теперь, после смерти Е. Вл. Андреевой, Н.В. получила только маленькую комнатку с окном в колодец двора в большой квартире с чужими людьми.

Не оставляй меня без известий о своём здоровье, береги себя. Нас так мало, и нам всем так одиноко. Ты ведь особый «огонёк» Гептахора... [...] Брось ты сокрушаться о моём рождении и поздравлениях: всё я и так знаю. И ничто не может изменить того, что в глубине жизни человека... А ты там!! Наташке напишу теперь во что бы то ни стало уже по-настоящему, пусть погружается в наши дела. Ещё очень прошу её написать о её работе в Сибири. Целую тебя крепко. Береги себя.

Ю.Ф. – С.Д. 21 V 77. Стенечка милая! Хочу сесть сегодня за исполнение твоей просьбы – написать о себе. Только я всё-таки очень слаба и, может, многое напишу «не по делу», как говорит Коля. Но ты уж сама разберёшься. Может быть, я ещё и припишу тебе о разговоре вчера с Косатой, о встрече Люси с Наташей Маленькой (она очень одинока, и Люся привезёт её к нам в гости в будущую субботу) и ещё говорила с Лёлей. [...]

Н.К. 29 V 77. *Открытка.* [...] Позвоню сразу [*вернувшись с дачи*] к Тебе, и мы сговоримся о встрече. А потом я начну все свои дела [...], буду, наверно, тосковать, но и отдыхать. Мечтаю о ночной прогулке по белой ночи и с грустью думаю, что нет никого, с кем бывало совершала эту эскападу. [...]

Ю.Ф. – С.Д. 4 VI 77. Стенечка моя родная! Напишу о последних событиях моей жизни. Наташку Маленькую, как и намеревались сделать, Люся привезла, и мы очень хорошо тут вместе поговорили. Наташка привезла твоё давнее письмо ей. Я читала. Письмо прекрасное, проникающее в душу. Наташка живет и много лучше, чем я думала: достаточно сказать, что и сюда и обратно Люся её доставила обычным транспортом. Сегодня Люся повезёт её в Пушкин, где намечается возможность снять самостоятельную комнату с телефоном. Люсе всё нравится, но она решила всё же свезти Наташку, чтобы та одобрила эту возможность. Наташка Косатая будет у меня предположительно во вторник 7 VI и всё расскажет, как ей живётся. [...] Наташка Маленькая очень занята предстоящим переселением в свою комнату, а для этого нужно провести огромную работу по разборке книг и всякого имущества. Она просила написать тебе, что всё напишет, что должна тебе написать.

31 V [*День Ангела Ю.Ф.*] звонил милый дорогой мой человек Гуля и тоже просила сказать тебе, что помнит и знает о своём долге тебе. *Написать о матери Ек. Вл. Цинзерлинг.*

С.Д. 17 VI 77. Дорогой любимый друг мой, я получила и прочла (в несколько приёмов!..) твоё повествование, и оно меня потрясло до глубины души и своим содержанием, и тем, что ты нашла сейчас силы его написать. От имени всех, кому дорого наше творческое дело и понимание его в будущем, спасибо тебе, мой Юлич. Но потрясло меня ещё другое: как же мы (а, м[ожет] б[ыть], я?) мало знали друг друга, никогда не спрашивали себя и других, откуда, как, почему мы стали вместе, точно с неба свалились и в огне нашего душевного пожара спаялись в какое-то единое целое, не имевшее ни «вчера», ни (конкретного) «завтра» – один мираж нашего «будущего»... Разнохарактерность нашего прошлого кажется нарочно придуманной, теперь, когда у меня уже большинство биографий есть, это ошеломляет.

Ты пишешь, что твой учитель сделал то, что сблизило нас. Наверное, это так для тебя. Но нас с Наташей [*Н.А. Энман*] (мы ведь в это время настойчиво вглядывались во всех окружающих, ища тех, кого «звать» в новую жизнь) ты поразила одиночеством, своеобразностью поведения, выражением [*лица?*], и мы не задумывались, что [*чем?*] ещё... Конечно, то, что «прямо по курсу» у тебя (и у нас) был Ф. Фр. З[*елинский*], многое решило. Ты попала в уже «обогретое» убежище античности и искусства...

Ах, Юлич, Юлич, и зачем это Гусю [*К.В. Тревер*] и тебе надо было ломать свою и нашу жизнь – и получить взамен море горестей и мук! (Я не говорю о детях: ведь им всегда было бы место в Гептахоре...). Ты прости меня за эти слова, но, когда я думаю о вас, моё сердце всегда переворачивается... --- --- Эти две горизонтальные черты в сантиметр каждая стоят в письме С.Д. [...]

Я не совсем поняла твои слова о переезде На[таши] М[аленькой] в Пушкин, это на лето или на жильё? Сестре удалось через нашу пушкинскую подругу ещё довоенного времени М. Вл. Боровскую снять для Нат. Вас. комнату с окном и балконом, выходящими на бывший парк, в пустующей на лето квартире.

У меня как-то дурачки складываются дела: мне нужно в Л[енингра]д, но вот уже прошла половина июня, а я всё жду, когда приедет Никон (он мне крайне нужен по многим личным и хозяйственным делам и по архивным), а уже на днях должна приехать моя ташк[ентская] уч[ени]ца Женя, одним словом, я путаюсь и не знаю, на что решиться.

Дорогая ты моя, мне никто ведь не писал, что ты так тяжело болела, я узнала об этом от Нат[аши] К[осатой] уже post factum. Это нехорошо. Не надо от меня ничего скрывать. Я бы не жаловалась на свои силы и возможности, если бы не глаза... [...] А, м[ожет] б[ыть], я просто сейчас очень-очень устала, а отдыхать, по правде сказать, боюсь, боюсь «размагнититься», ведь жив ты, пока ты на ходу... Меня одолевают слабость и лень, и сон... Работоспособность стала никудышная. А дела невпоровот.

Рада, что Наташка М[аленькая] героически пережила всю трагедию. [...]

Вот сейчас получила заказ от автора учебника для логопедов на взрослый материал по Муз[ыкальному] дв[ижению] для студентов, вводящий их в детскую работу с аномр[альными] детьми. Наше дело правое и, как трава через заросли, пробивается на божий свет.

Конференция во Владимире, несомненно, принесла нам хорошие (пока, правда, потенциальные) сдвиги, расширила круг знающих о Гептахоре и Муз[ыкальном] дв[ижении]. Среди них есть серьёзные и нам интересные люди, которые нас «заметили» и «запомнили». Среди них музыковед, профессор консерватории Медушевский¹⁰⁸. На скорую встречу с ним я очень надеюсь, мне очень нужен (всегда, всю жизнь) человек такого толка, как он. Его установки и тезисы поразили меня и моих молодых сотрудниц новизной и созвучностью нам...

За окном, распахнутым настежь круглые сутки, – «краснопоходное лето»; в бывших колхозных садах, заросших всяческой травяной благодатью, кто-то для кого-то подкашивает, заготавливает сено, и это вливается в моё окно одуряющим благодатным ароматом... Днём, правда, приходится (о, позор для гептахорки!) задёргивать окно, ибо нет сил сносить ни жар, ни свет... Совсем слепну... На столе у меня стоят букеты кашки, всяких трав и донника... Мне необыкновенно всё-таки повезло с жильём... Спасибо моим университетским друзьям и покойному ректору Петровскому: без них меня бы загнали невесть куда...

Я ездила смотреть правнучку (возил отец Нины на своей машине). Это на другой конец большой Москвы – 50 км!!! [...]

Юлич родной, попроси у Люси за меня прощение, что я нагружаю её достать тебе стерженьки с чёрными чернилами, голубые я совсем не могу разбирать!

Без конца целую и обнимаю тебя. Это всё, конечно, пишется и в адрес Нат[аши] М[аленькой], я прошу её понять, что мне очень трудно с писанием тоже... Но я всё-таки постараюсь писать больше... Привет твоим. Ещё раз и всегда твоя Ст.

С.Д. 11 IX 77. Родной мой Юлич! Долго не писала я тебе, прости. Но вот, наконец, имею для тебя интересные сообщения и расскажу о них.

Всё началось с того, что я вообразила, что 110ая школа, в которой работал И.И.З. [Иван Иванович Зеленцов], это школа, где директором был муж моей хозяйки (на Арбате) Эммы Карловны: его школа тоже была известна в 40ые годы. И спутала номера. Поэтому я позвонила к её сыну. Самое смешное это то, что, хотя я всё напутала, но попала в точку: его жена Анна Сергеевна училась в 110ой школе и прекрасно помнит Ив. Ив. Говорит о нём восторженно. Хотя в её классе он не преподавал, но участвовал во всяких школьных мероприятиях, выступал, много и активно работал во всей школе, и она много его слышала и видела. Главное же, что она мне дала телефон той учительницы, которая написала воспоминания о школе и об Ив. Ив. Зовут её Вера Акимовна Гусева. В настоящее время 110ая школа – испанская. В ней большой музей школы и войны.

Я позвоню Вере Акимовне, расскажу о твоём письме и запросе в «К[омсомольскую] п[равду]» и, если она пойдёт навстречу, свяжу её с тобой.

Ну вот! Только что переговорила с Верой Акимовной. Она, конечно, как я и ожидала, была чрезвычайно мила и внимательна. Она готова ответить тебе на вопросы об Ив. Ив. Он скончался вскоре после войны, вернее, в начале 50^х. Если хочешь, позвони ей или напиши [С.Д. указывает телефон и адрес В. Ак.]. Непременно напиши всё, что ты помнишь о нём, его деятельности и впечатлениях.

Ну, наконец, я выполнила твою просьбу. Бумажку из «К[омсомольской] пр[авды]» я переписала и приложила к твоей биографии, а оригинал pošлю заказным.

Прочитав в октябре 76го года в «Комсомольской правде» статью «Живое сердце педагогике» о своём учителе словесности в Мариинской женской гимназии в Рыбинске, после революции преподававшим в московской 110ой школе, Ю.Ф. написала письмо в редакцию с просьбой сообщить ей о судьбе Ив. Ив. Зеленцова. Получила ответ, переслала его С.Д. с просьбой помочь в розысках. Вот об этой «бумажке» и пишет С.Д.

В 2002 г. вышла «Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове» «Ты, солнце святое, гори!» В разделе «Слово об учителе, у которого мы не учились» автор той давней статьи в «Комсомольской правде» Татьяна Яковлева публикует письмо в редакцию Ю.Ф. См. Приложения.

У меня всё идёт «нормально», как любят говорить теперешние ребята, когда получили «2» в школе и т.п. Нет, это я шучу, никаких «ЧП» у меня нет, но я недовольна «собой, своим обедом и женой», подразумевая свою работоспособность, дом, уклад и моих милых и дорогих сотрудниц. О первом и втором писать неинтересно, а вот чрезмерная занятость моих девушек всякими делами тормозит все «архивные дела» так, что иногда прихожу в отчаяние.

Сейчас, вскоре, получим ответ из музея Глинки, хотят ли они (!!) получить наш архив. Если нет, то надо будет хлопотать о ЦГАЛИ, а это трудно, потому что там очень перегружено и они уже стараются не брать... Ох! Все газеты, радио кричат: «Не бросайте! Берегите! Сдавайте личные и семейные архивы!!!» А куда? Как? Я пока закончила работу по описанию упражнений.

Радостно очень то, что, по-видимому, начнётся «возрождение» нашего «Пегаса» из пепла, кажется, Эмминой группе удастся работать (есть помещение) и начинается работа со школьниками в одной или двух школах... Давай бог! Жив-жив курилка.

Целую тебя крепко.

Ю.Ф. – С.Д. Начало октября 77. *Вторая часть письма, сдвоенный лист почтовой бумаги с картинкой – гонец на тройке с письмом в руке. [...]* Июль был сплошь визиты: Зося со своими сыновьями, а моими внуками. Я их давно не видела, и они мне не понравились. Это было плохо. О Зосе и говорить нечего. Для себя она создала литературный образ «несчастливого детства»¹⁰⁹, обвиняла меня, что я не позаботилась о нём. А всё, что она писала мне доброго и признательного, так это было «только писала, нельзя писать плохое...».

Колины занятия начались с 10 X, значит, только 10 дней, что я имела какое-то время быть одной и немножко отпустить в себе напряжение. Вот и всё, Стенечка.

Недавно была Косатая. Была, чтоб выговориться, чтоб почувствовать тепло другой души, со-чувствие, со-переживание. Дома у неё совсем нехорошо. А глухота держит её ещё в бóльшей изоляции. А на душе у меня лежит долг перед Волком: он давно-давно говорил Наташке, что хочет приехать с ней ко мне. Но мы с Наташей видимся так редко и так надо выговориться, что этот совместный визит так ещё и не состоялся. Мне это очень грустно и неловко перед Волком.

А Наташка Маленькая очень беспокоится о судьбе вашей с ней общей фотографии, которую дали Волку для увеличения и напечатания нескольких экземпляров. Как-то ничего о ней не слышно. – Стенечка, 11 XI – твой день. Шлю тебе от всего сердца пожелание жить и жить, чтоб всё успеть и чтоб все завязи, что намечались в этом году, распустились и зазеленели.

Тут с Наташкой вспоминали, как ты пела и между прочим вот что: *Wir schreiten in goldener Fülle in ewiges Sommerland (?), fest liegen unsere Hände miteinander geband...* [нем. –

Сквозь золотое сияние мы идём в страну вечного солнца, и крепко одна с другой сплетены наши руки...]

Какие-то отдельные слова *Unsere Zielen* [нем. – *наши цели*]... *in Ewigkeit* [нем. – *в вечность*]... Чья это песня? Гуго Вольфа¹¹⁰?

Вот и всё. Нет, конечно, не всё. Много груза лежит на душе, но всего ведь не выразишь.

Целую тебя нежно, ты молчишь, дорогая. Юлич.

Н.К. – С.Д. 16 X 77. (?) [...] Дней пять назад я ездила к Юличу.. всегда очень скучаю без неё, без её светлой, умной, тёплой души.. без возможности рассказать ей всё и выслушать её мнение, её суд.. её тревоги, которых всегда много. И мы говорили о Вас.. о Наташе М[аленькой]. [...] ¹¹¹

С.Д. 30 X 77. Родной мой Юлич, спасибо за письмо. Я от Эвелины мельком узнала о происшествии с Колей, но не поняла всего серьёза, особенно для него... Ну, авось, всё минует благополучно и без последствий. Как же на тебя, дружочек мой, всё сыпется и сыпется! Как ты только держишься. И ты, и Нат[аша] Косатая – обе что-то уж слишком невезучие. Надо бы уж довольно! Горько всё это...

У меня всё почти без перемен, ужасно «медленно движется время» вокруг, и очень чувствую полёт своего времени вниз-вниз... И это несоответствие огорчает и беспокоит, ибо, дела хоть и идут и идут, несомненно, в гору... но...

Ну, ладно, это всё в порядке вещей. И, если бы не глаза, я бы совсем была довольна. [...] Ты пишешь про романс, кот[орый] входил в наш гептахорский репертуар – это известного тогда дирижёра Weingartner'a¹¹². Ноты у меня сохранены среди «Гептахорских гимнов и песен»... О фотографии не беспокойся: это всегда длинная история, так как приятель Волка – очень занятой человек, но зато – великолепный мастер. – Как дела у Нат[аше] М[аленькой] с квартирой? Куда её переселят? Так досадно, что ничего не получилось с чтением моих работ... Правда, я сейчас сдаю на машинку вторично, но это всё ужасная «улитка едет»... А этот экземпляр мне надо, чтоб поскорей попал в руки работающих товарищей. [...]

И вот мелькнуло 60 лет! Недавно я прочитала свои письма маме из Москвы (1935 г.): какой энтузиазм, сколько надежд, планов, веры... Мы с Эммой, Волком и Лидой начинали новую жизнь свою и нашего гептахорского дела. Вокруг всё было новое, всё обогащающее, всё, полное надежд. Куда всё это свихнулось, боже мой... 37 год... война... послевоенное время... Ужасно. Но всё-таки, всё-таки были великие 20ые годы и 30ые... Несмотря ни на что и рядом со всем...

И потому всё-таки, всё-таки шлю тебе и твоим привет к празднику. Ведь и всего того, что было у нас, начиная с весны 18го года, никогда бы не было, если бы не грозные эти дни.

Ах, как молодость прекрасна!

Но – мгновенья! Пой же, смейся!

И на завтра не надейся!

Помнишь эту песенку из «Леонардо» Мережковского?

Крепко целую тебя, мой дорогой друг. Всем твоим привет и пожелания здоровья и успехов также Нат[аше] М[аленькой] и Косатой, будьте все здоровы!

С.Д. XI 77. *Открытка. Дата выпуска Министерством связи СССР –1977.*

[...] У нас дела идут в общем неплохо, гораздо лучше, чем все последние годы. Эмины девушки принялись рьяно за работу, т[ак] к[ак] нашлось для нас «местечко под небом». Надолго ли эта благодать? Мы не спрашиваем, мы «хорошо воспитаны». Досадно, что это довольно далеко от меня и бывать на занятиях мне не под силу, и как помогать им и направлять методически – очень трудно придумать. Ну, ничего, нас тоже никто не учил, всего добивались сами. Как здоровье Коли, и как его дела? Целую тебя крепко. А что у Нат[аши] М[аленькой]?

Н.В. 28 XI 77. Юлич, поздравляю тебя с датой рождения и желаю тебе долгого сохранения памяти, а ведь она [у тебя] гораздо лучше моей.

Я почему-то решила послать тебе эти свои рисунки: это ведь наша общая память. Я нашла их в макулатуре развороченной жизни, которую молодые за ненужностью меняют на туалетную бумагу. Мне совестно за своё нахальство посылать их тебе, посмотри, вспомни и выбрось, а я не могу. И, ради бога, не показывай их Наташке Косатой. Я помню, с каким ироническим сожалением она отзывалась о работах Наташи Большой, которая и вправду была талантлива, и, если бы её отпустили учиться, она стала бы хорошим художником, а не халтурщицей. А мне до неё не долезть.

Будь здорова, благополучна и не мучайся так о других. [...]

Н.К. 10 XII 77. [...] Вчера написала Стене к 27^{му} [Дню Гентахора] и к Новому году.. и о Тебе, что знала, рассказала. А перед этим позвонил мне Волк. Он вернулся домой, проведя полтора месяца в больнице. Говорит хриплым старческим голосом, но пробует шутить над собой... (Его ведь прозвали «генералом от инфарктерии»). Он тоже писал Стене и говорил мне, что она не будет одна 27го.. что «она крепко держит своих девушек и передаёт им всё, вплоть до праздников».

С.Д. 12 XII 77. Ненаглядный мой, милый мой друг Юлич! Узнала о твоей болезни и необходимости лечь в больницу от Наташи Косатой. Что же поделаешь, надо всё проделать и все неприятности претерпеть, чтоб поправиться. Знаю, как много на это надо сил, решимости и терпения. Но ведь это ты, наш светлый и непобедимый Юлич, и, значит, всё бу-

дет в порядке. А я с тобой буду, думать и слать всё тепло, все пожелания и все надежды, на которые способно моё гептахорское сердце. Целую тебя нежно-нежно. Твоя я Стеня.

1978

С.Д. 4 I 78. Юлич, мой ненаглядный, любимый, узнала от Косатой, что ты просишь тебе писать, а я не знала, можно ли тебя беспокоить. Теперь буду писать.

Вот наступил Новый год, уже 78ой этого столетия, как-то совсем не верится! Так ясно помню разговоры о наступлении нового века, всякие товары под названием «XX век», и казался он таким длинным впереди... А вот уж от него останутся 22 года, и Коля, и мой Митя будут уже молодыми людьми, когда будут встречать XXI век... А моя Катенька, правнучка, – в расцвете юности! [...] Только бы на веку наших милых потомков не было так много «потерянных» лет и горьких дней, как у нас. Все горя наши ничто по сравнению с тем, чтобы не было наипростейшего горя для всего человечества! Да будет мир... [...]

Мои «архивные» дела всё не двигаются. Я последнее время и сама ленюсь, ужасно быстро устаю, и одолевает сон. [...] Родная моя Юлюшка, всей душой я с тобой. [...]

Н.К. – С.Д. 16 I 78. Вчера при мне приходил [*в больницу*] на минутку Коля. Он мил с бабушкой.. и вообще он производит теперь приятное и серьёзное впечатление. Его уход из института [*Коля решил уйти из института связи, кажется, имени В.Д. Бонч-Бруевича.*] теперь как-то принят и Юlichem и Люсей. Сейчас он начал работать в какой-то математической лаборатории при университете, а в июне будет сдавать экзамены на мат[ематико]-мех[анический] факультет.

С.Д. 21 I 78. Юлич мой родной и любимый! [...]

Хочется рассказать тебе о наших последних новостях. Кажется мне, что то, что мы когда-то начинали и пестовали и что совсем-совсем угасало последние годы, зашевелилось и даёт новые ростки. Дай бог, чтоб они не обманули (как столько раз) и пошли в рост.

Я тебе писала о моей молоденькой ученице Верочке, которая обещает быть нашим преемником в деле. Она преподавательница по роялю в музыкальной школе и ведёт там с 1–3 классами музыкальное движение. Директор муз[ыкальной] школы очень заинтересован в этой её работе и в нашем методе. Чтобы быть краткой, скажу, что Вере пришла мысль «закрепиться» в этой школе, которая дала нам в этом году помещение для занятий наших девушек; [*ради этого*] организуется бригада по обслуживанию эстетического клуба для старшеклассников общеобразовательной школы, в помещении которой существует школа музыкальная... Вот за это ухватились и директор, и преподаватели, нам это даст известное «социальное положение» и объективную ценность.

Первое «заседание клуба» намечено на конец февраля, оно будет посвящено Шуберту, его биографии, творчеству. Будет музыка, пение и наше выступление. План его такой: берёт-

ся один из опусов Шубертовских вальсов и на его основе создаётся сценарий в стиле весёлых «Шубертиад», на которых он импровизировал эти танцы для друзей на весёлых сборищах у художника Швинда¹¹³...

Это нам наиболее лёгкий план, так как в нём будут использованы наши упражнения (конечно, в сценически переработанном виде).

[...] В субботу 14го января мы (с запозданием) справили наше «27 декабря» и там говорили о предстоящей работе, ответственности каждого... Не знаю, как всё сложится, но настрой девушек хороший: все понимают решительность момента.

Второе большое дело, может быть, (ещё совсем нерешённое!) то, что Дом учёных обратился ко мне (и [к] нам) по поводу торжественного заседания в честь 100-летия Изадоры... Пока это только начало планов, и мне не хочется подробнее писать об этом.

Родная моя, немножко порадуйся с нами: нет, не пропадёт наше посеянное нами поле. Трудно его сейчас выращивать, но есть молодые руки и молодая решительность...

Помни слова нашей песни:

Я верю, что минется горе,
Я верю в тебя, Гептахор!

Нежно-нежно целую и обнимаю тебя, Юлич мой, всегда вижу тебя у большого окна в Бестужевском зале, где увидела и заметила тебя впервые...

С.Д. 11 III 78. Юлич мой любимый, опять я так долго не писала. [...]

У меня после Нового года стало что-то ужасно много всякого дела и забот, и хороших и всяких. Хорошо – это то, что всё это есть, ибо всё это касается нас и нашего дела и Изадоры. Ведь 27го мая ей будет 100 лет. Я очень занята тем, чтобы появились в печати какие-то разумные и верные речи о ней и её деле... А то она совсем уж накрепко в представлении людей потеряла своё место либо в соединении с Есениным, либо – ещё лучше! с Плясецкой... [Так у С.Д.] Ох!

Одна статья нашего старого друга музыковеда Кулаковского уже сдана в редакцию «Музыкальной жизни». Я в ней, конечно, принимала большое участие. *В подшивке журнала за 78 г. я её не обнаружила.* Сама готовлю статью об Изадоре как о социальном деятеле эпохи, революционерке и борце за права людей и женщин на творчество, самовыявление, эстетическую радость, деторождение и за детей, «наследников красоты». Её искусство было её оружием и средством борьбы.

Мои девушки тоже намерены что-то писать, надо и им помочь: ведь не так-то легко разбираться в колоссальном уникальном материале, накопленном у меня об Изадоре.

А в смысле движения – началось вроде бы очень с подъёмом, но на пути встало столько и таких препятствий, что, кажется, мало что получится при самых больших усилиях.

Главное, вокруг сплошной лазарет, здоровых я что-то совсем не вижу. Странная пришла жизнь на нашу голову...

Ну, это тема невесёлая и, кажется, не требует разъяснений.

Так вот – дни бегут и очень стремительно, а время тянется, а дело плетётся. Хотелось бы его чем-то подстегнуть.

На дворе у нас «весна света», несмотря на туманы... [...]. Сугробы громадные, не помню таких давно. В это время мы с Наташей Б[ольшой] вешали на окна весёлые разноцветные ленты, уезжали в Бугры и где-нибудь за ветром снимали шубы и грелись на солнце, радуясь пёстрым нашим нарядам... Рисовали поздравительные открытки и привозили вам всем и друзьям «Очи» к 1 Мая... (к Пасхе).

Ах! Свет немеркнувший этих дней и лет, Юлич мой, да согревает твоё сердце и душу, как и мои.

Целую тебя нежно, нежно. Люсе привет и Коле.

Какое счастье, какой великий дар судьбы, что и мамыны последние годы были наполнены этими горячими воспоминаниями С.Д., её страстным призывом, просто наказом – воскрешать в памяти те благословенные годы юности. Как я рада за Маму! Как далеко они уводили Ю.Ф. от невесёлых судеб её детей. Но и людей таких, такого духовного свечения, как Ст. Дм., мы, можно сказать, и не встречали.

Ю.Ф. – С.Д. IV 78? *Открытка.* [...] Я читала книжку, посвящённую издательству Сабашниковых, и была несказанно рада рассказу о Ф.Ф. Зелинском, когда С[абашико]ва решила издать Софокла.

Стенечка! Я знаю, что в марте есть твой день. Посылаю тебе в честь его календарик с Пушкиным. Письмецам твоим радовалась очень, очень. Спасибо тебе! [...]

Н.К. – С.Д. 26 IV 78. Стенечка родная! Опять я долго не знаю, как Вы? Но так хочется сказать. Как всё помнится, как всё драгоценно, и как я люблю всё, что было...

И те весенние открытые окна
С вьющимися по ветру ленточками
Над распутившимися ветками ольхи.. и всё,
Что в это время звучало и пелось...

Спасибо за песни, присланные в большом письме к Юле. Я их почти знала, только некоторые строфы забылись. Я их люблю, и мне грустно от них. Что говорить о грусти. Её слишком много стало на свете. И тревоги тоже. Вот нынче опять долго хворает Юлич. Я недели три тому назад была у них. И так славно, тепло мы с ней говорили обо всём, обо всём... [...]

С.Д. 27 IV 78. Юлюшка, родная моя, не знаю даже, как получилось, что так долго не писала – совсем потеряла счёт времени. Что делать?

Очень трудное и нагрузочное время у меня, а по зимнему времени сил маловато и тяжесть лет весомее... Теперь как-то стало легче в этом смысле, но навалилось забот много в связи со 100-летием Изадоры, надо самой что-то писать, надо другим помогать. Вот и суета ужасная.

Устаю к вечеру совсем, а с утра как-то не до писем.

В делах много трудностей: болеют люди до невозможности много, все планы срываются. Нервничаешь, а толку – чуть...

Но весна пришла рано, и это помогло встать на ноги. Вот только сегодня пошёл мокрый снег, туман, холодно, мокро... А были дни ликующие и светозарные...

Вот и 1 Мая! «Помни-припомни, милый друг, как справляли мы этот день с краснокрылым кораблём, с радостью-радостью, с великою милостью!» песен и плясок.

Но ничего! «Корабль наш белокрылый» гептахорский пробивает себе дорогу сквозь туман будущего. Он не пропадёт, несмотря на все трудности.

Привет Люсе и Коле с 1 Мая, лучшие пожелания, светлые надежды! Целую тебя крепко и нежно, друг мой любимый!

Н.К. – С.Д. 2 V 78. [...] Пишу, вернувшись от Юлича. Как-то много легче на душе стало. Матвей появился вчера поздно вечером... Он ласков с Юлей, хозяйственен и энергичен, а главное – он пробудет здесь до 9го! И она как-то радостна и спокойна.

Нога её гораздо лучше, и она немного похаживает. Вот говорить ей трудно и больно. [...]

С.Д. 16 V 78. Родной мой Юлич, от Наташи Косатой знаю о ваших горестях и очень горюю вместе с вами.

Всё чудовищно по нереальности, по всем направлениям. Дорогая моя, сказать мне тебе – нет таких слов. Душа моя с тобой, как всегда была.

Хочу рассказать тебе немного о наших делах, главным образом, в связи со 100-летием Изадоры. Девушки наши усиленно работают, 28го будет вечер чествования. Там мне предстоит говорить об И.Д. – немножко помочь людям представить себе, что такое была Изадора и что делала и что сделала. А потом маленький показ работы, не очень качественный, но всё-таки – будет. И то слава богу. И ещё будут два показа в двух институтах, психологии и каком-то ещё социологическом, где работают две Эмминых ученицы. Пишутся статьи о ней. Стараемся растолкать народ, чтоб отметили и вернули Изадоре её место в истории культуры и её доброе имя. Совсем его затаскали с Есениным...

Я погружена в материалы по её биографии, вернее по её деятельности и искусству. У меня их очень много и много рукописных, перечитывать мне очень трудно, помогают девушки. В общем, что-то стараемся сделать. А уж что получится – кто знает. Впрочем, мы всю жизнь стояли на точке зрения: «делай то, что считаешь нужным, а что получится – не твоё дело».

У нас, как и у всех, судя по письмам, весна неважная, холодная и в общем тёмная, туманная. Вот уже 16 V, а деревья не могут раскрыться, и трава не растёт как следует. Скучно смотреть.

Дорогой мой друг, надеюсь, что Люсенька уже вернулась домой [*Сестра очень серьёзно заболела, её оперировали.*], передай ей мой самый тёплый и ласковый привет, пожелание выздоровления. Также и Коле привет.

Тебя я нежно-нежно целую, обнимаю – всегда, как сначала, ты, моя девочка кудрявая, живёшь в глубине моей души.

Твоя я Ст.

Т.Л. Дервиз. V 78. Милая Юлия Фёдоровна, давно собиралась Вам написать, но всё какие-то дела мешали. Люся мне сказала по телефону, что лучше к Вам не заходить, а написать письмо. Недавно (23 мая) я говорила со Стенюшей по телефону. Сейчас у них в Москве «горячее время»: 23го и 28го проводятся выступления и вечера, посвященные памяти Айседоры Дункан. Раньше предполагалось, что будет это событие торжественно отмечено в Московском доме учёных. К Стене приезжали представители Дома и вырабатывали программу вечера. Но потом оказалось, что к маю всё не успеет, и решили официальное заседание отнести на осень. На нём должен быть Стенин доклад и небольшое выступление Эминой группы учениц. [...]

Поэтому сейчас в мае отмечается 100-летие лишь работниками музыкального движения (в общем смысле, не только гептахоровском).

[...] В воскресенье будет основное выступление и на нём будет выступать с воспоминаниями Стенюша. Она всю весну очень много работала над материалом по Айседоре Дункан.

Нора Гибис¹¹⁴ (может, Вы её помните: она вместе со мной занималась у Наталии Васильевны Педьковой на курсе) ей много доставала и просматривала материалов в библиотеке. Так это теперь хоть известно, что и где может быть по материалам Дункан в наших библиотеках, если ещё понадобится. [...]

Всего-всего Вам хорошего и здоровья в первую очередь. Передайте мой привет Люсе.

Таня Дервиз.

Н.К. 10 VI 78. [...] Позвонила мне Алла (Ходневых): ей поручила Гуля поговорить со мной. Алла была на Гулином пятидесятилетии... Она рассказала многое о Гуле, об

их быте... что говорить? Это трагедия. [Ек. Вл. потеряла память, впала в младенчество.] И в этом аспекте дочерняя забота и нежность Г[ули] неповторимы и удивительны.

Ну, а под конец моего пребывания в городе [перед отъездом на дачу] неожиданно нанесла себе странную душевую травму. Разбирая пачки старых писем, давно ждущих огня, я не удержалась и перечла небольшую стопку листков, наивных, горячих и грустных от К. Бражникова.. откуда была во мне эта небрежная холодность? И это его последнее письмо 53го г. [54го!], написанное в день его смерти...

Непонятные судьбы.

Я обнимаю Тебя, моя любимая Юлич. Только бы не было Тебе больно, и Ты могла бы читать, слушать (чего я не могу) и любоваться цветами. Наверно, рассада, купленная Люсей, уже расцвела? [...]

С.Д. 23 VI 78. Юлюшка моя родная, любимая!

[...] Не было возможности по-настоящему спокойно сосредоточиться и готовить главное – моё собственное сообщение на 100-летие Y.D. Наверное, Оля, Лёля, Таня тебе уже порассказали о самом нашем празднике. В нём было очень много орган[изационных] накладок, и я сама была не на высоте: размахнулась на большой рассказ, не соображая, сколько времени он займёт, и не приведя его в полную ясность.

Но всё же вечер в основном удался, настрой и интерес к Y.D. был большой, а выступление девушек произвело большое впечатление... даже на меня!

В коллективе произошли изменения, и появилось что-то очень хорошее, новое, свежее, чему я не найду слова ещё и даже точного определения, но что отметили многие. Начался новый период жизни нашей, жизни Изадоры – Гептахора – Муздвижения.

Выявились педагогические способности и волевые качества у одной из лучших учениц Эммы (которых у неё [у Эммы] не хватало), и она возглавила дело. Появились две младшие девушки (из её последних), которые проявили большие творческие признаки... Но главное: что-то свежее, уже «другое», хотя и то же ... знакомое, близкое и нужное. – Две старшие Эммины ученицы сделали в своих учреждениях доклады (с выступлениями) памяти Y.D. Это тоже всё – репетиции, работы по докладам и всякие другие заботы легли ведь и на меня. Вот я и скисла после 28го совсем, ничего не могла такого делать, ни о чём думать. [...] Но дел очень много: надо написать [Подчёркнуто С.Д.] всё, что я хотела и не смогла сказать 28го; скоро вернётся из отпуска наш друг музыковед Михайловская¹¹⁵, и надо с ней работать над статьёй в «Сов[етской] муз[ыке]»; одна журналистка взялась писать о нас, вероятно, в «Лит[ературную] газ[ету]» – всё это ведь на мне и моём материале. Так будет до августа. Я понимаю, что мне теперь необходимо отдохнуть, не знаю, будет ли возможность и где. Меч-

таю попасть в Любимый Город, обнять тебя. Передай Люсе мой самый ласковый привет и Коле тоже.

Тебя я целую, обнимаю, всегда люблю, всегда с тобой.

С.Д. 22 VII 78. [...] Сейчас, чтобы дать отдохнуть своей голове, бросила попытки привести в порядок и написать всё, что хочется, об Изадоре и её деле. Чем дальше в лес, тем больше дров! И я не справляюсь с материалом. Ведь у неё не было, конечно, законченной теории своего «танца», но бесчисленные мудрые, а нередко гениальные мысли и откровения. Масса противоречивого, кажется, вот так идёт мысль... и вдруг – натыкаешься на новый поворот. Нет, я не писатель и не научный работник: не умею это сделать. Надо было раньше думать, а я всегда была чем-то занята. А теперь голова не та. Попробую ещё – отойти от всего этого, может быть, будет легче. А, если нет, ну, значит, это должен будет делать кто-то позднее.

Сейчас занялась материалами «Московской эпохи». Интересно: как-то сейчас открывается многое, сделанное здесь, гораздо ярче, чем казалось. У меня есть письма мои моей маме 35-36 года, там подробно описана наша работа и жизнь в Московской области в это время. Как мы горели! Какая жизнь была вообще! Ещё не началось помутнение, казалось всё возможным, достижимым и не только казалось. Делалось очень много и удивительного. И следы нашей тогдашней работы живут в области до сих пор...

Нет, не зря всё делалось нами, придёт время – не скоро, правда, «вспомнят и нас» и бедное наше гонимое Музыкальное движение... Ниточка Изадора – Гептахор – Муздвижение не рвётся, она крепкая.

Дорогой мой дружок, я всегда думаю о тебе, всегда помню всё прошлое, всё прекрасное, нетленное наше счастье! Нежно-нежно целую тебя и Люсю, Коле привет.

Н.К. 9 VIII 78. Родная моя Юлич! Милая.. вот несколько слов вдогонку ко вчерашнему свиданию.. а, главное, в ответ на Твоё, такое настоящее Твоё письмо, прочтённое тут поздним вечером.

Юлич, мой бесценный друг!... Любимый мой человек.. я всё понимаю и знаю.. я очень уважаю Люсю.. в ней много прекрасных качеств, и всё в ней правильно... А нам не хватает в них тепла и мягкости.. (а иногда и иррациональности какой-то).

Вчера я с неуверенностью шла к вам.. я не знала, как я моим слухом смогу «поговорить» с Тобой. Хорошо, что Люся была дома и помогла нам. Ну, а, если бы её не было, диалог всё равно немного бы состоялся.. я говорила бы, а Ты писала бы коротко вопросы и ответы. – Не волнуйся за Колю.. (легко сказать), я очень надеюсь, что он справится с этими серьёзными трудностями, добровольно взятыми на свои плечи. Ведь стоящий [*Подчёркнуто Н.К.*] парень. – Прочла и пересылаю обратно Стенино письмо. Стеня пишет (в мае писала) о

выступлении девушек.. как бы мне хотелось посмотреть! Посмотреть то [*Подчёркнуто Н.К.*] это или другое. Обнимаю Тебя, моя любимая Юлич! Ты моя драгоценность человеческая...

Н.К. 27 IX 78. Дорогая моя Юлич. Друг мой милый... Как-то Ты?

.. борешься со злым недугом.. думаешь.. волнуешься за Колю, за Люсеньку.. тихонько живёшь.. только бы не мучали Тебя боли! Мне так хочется поговорить с Тобой, как бывало.. спросить Тебя.. пожаловаться немножко, и вот – злая судьба: я не гожусь для тихого разговора «душа в душу». И всё-таки, конечно, я приеду..

Три дня как Дашенька пошла в детский сад. Не могу сказать, что я почувствовала себя свободнее. Пока не выкраиваются те два-три часа, которые мне нужны для моих дел: разборки гравюр и книжных шкафов, где после летнего ремонта всё невероятно перетасовано. [...] Пока у меня весь день раздроблен на куски: я отвожу Дашу, убираю дом, иду за покупками.. потом кормлю Аню. Потом иду за Дашей, потом готовлю обед и т.д. и т.д. [...]

Родная моя! Целую Тебя и жду дня, когда смогу приехать и побыть с Тобой.

Н.К. 8 X 78. Родной мой Юлич! Всё перечитываю Твоё письмо и стремлюсь к Тебе, а даже написать Тебе не могла. [...] Ты в письме – сплошное отчаяние из-за Коли.. и я очень понимаю Твою тревогу. Такие акценты на внешность, на всякого рода «элиту» мешают человеку стать именно человеком. Но ведь он умный парень, и я думаю, он разберётся в себе. Хоть бы он не тревожил Тебя так жестоко. [...] Дорогая, дорогая моя Юлич!

[...] А у меня сегодня особенно трудный день был. Мне дважды звонила Стеня (а повидаться с ней дома мне не удалось), она звонила о том, что в это воскресенье, 8го, собираются «все», чтобы прослушать её Слово об окончании работы и об Айседоре Д[ункан]. Она хотела, чтобы и я была там (в каком-то чужом доме). Мне очень хотелось видеть Стеню и послушать её, но ведь Ты знаешь, как мне это трудно и как плохо чувствую себя во множестве. Надо было пойти.

Стеня говорила долго и увлечённо. Я услышала (кое-как) много нового для меня об Айседоре. Потом я Тебе об этом расскажу. Но устала я ужасно.

[...] Дома очень трудно.. я обижаюсь и огорчаюсь много... Никита рычит на меня, считая, что могу не обращать внимания на все неладности и бестактности и что «ты сама виновата» (?), «что стоит посмотреть на твоё недовольное лицо» и т.д...

Дашино мирное настроение в адрес детского сада кончилось. По утрам разыгрываются ужасные сцены! Она не хочет идти в д[етский] с[ад]... Наташа хватается за ремень (!), но потом уходит на работу, а я борюсь с Дашей и в полном изнеможении и «в мыле» тащу её туда... [...]

Н.К. 23 XI 78. Родная моя Юлич! Напиши мне несколько строк, когда сможешь... В последнюю нашу встречу я так плохо слышала Тебя, а Ты – так уставала.. и устала от моего разговора, что просто не знаю, как нам и быть? Как видеться?

Так болит душа за Тебя.. за нас.

Даша здорова, но проходит десятидневный курс каких-то таблеток дома. – Но вот из-за этого опять отложены мои гравюрные дела с Публичной библи[отекой] и музеями. Жду следующей недели.

[...] Третьего дня поздно вечером я опять ходила смотреть бурную Неву. Меня как-то захватывает этот стихийный спектакль.. и страшный ветер, и тьма. Думала, что простужусь, но нет.. ничего. – Звонила мне «Генриетта» (Ты знаешь, это Стенина ученица или последовательница...). Она пригласила Аню в организуемую ею группу музыкального движения. Обе, и Наташа, и Аня, молчат на моё предложение.

Дорогой мой.. любимый человек! Обнимаю Тебя. Скучаю без Тебя.

Н.К. 11 XII 78. Не знаю, Юлич мой родной, что произошло со мной. И как я, помня и думая о Тебе и Твоём дне 30го, не написала Тебе. (Приехать я не могла и из-за плохого самочувствия и из-за того, что все дни в конце месяца готовила по вечерам передачу гравюр в Публичную библиотеку и очень недосыпала. Кончилось это всё только 30го, когда ко мне приехали две дамы из отдела эстампов П[убличной] Б[иблиотеки].. а когда я позвонила к вам, чтобы поздравить хотя бы по телефону, то и тут (!) ничего не сказала Люсе.. только порадовалась тому, что приехал Матвей, и что у вас гости.

Не понимаю, что со мной и как это всё так вышло и только прошу.. прошу у Тебя прощения.

Казню себя. А приехать пока всё равно не могу: заболела Даша, опять простудилась, и я сижу с ней безвыходно. (Наташа в этот раз бюллетень не взяла.) И вчера докторша сказала, что ещё не меньше недели мы с ней пробудем дома.

Буду звонить Люсе в пятницу и, если будет возможно, приеду в субботу.

Юлич, прости меня. Обнимаю Тебя.

Это было последнее письмо Наталии Константиновны Юлии Фёдоровне. Через месяц, 10 января 1979 г., Ю.Ф. не стало.

1979

С.Д. – Люсе. 13 I 79. Дорогая моя Люсенька, вчера мне позвонила Таня Д[ервиз]. И я всё узнала – горькое и неизбежное.

Нет у меня никаких слов, не умею я это делать. Твоя мама была для меня особенным светом в жизни – узнала и полюбила я её как своё первое духовное дитя, любила как млад-

шую сестру в Гептахорском сотрудничестве, а на всю жизнь – как самого нежного, сердечного друга, духовного друга – и это несмотря на 40 лет полной разлуки...

И навсегда она останется для меня родной.

Такой уж была она человек – с неисчерпаемой глубиной человеческого душевного добра и мудрости, и света для других людей, неистощимой стойкостью духа во всех обстоятельствах.

Я знаю, что она многое из этого передала вам, и это поможет вам сейчас.

Передайте моё глубокое сочувствие вашим всем – Коле, брату и сестре (которых я знаю только по имени).

Целую вас.

Ваша Ст. Руднева

Н.К. – С.Д. 21 I 79. Стеня, родная моя, мне не пишется.. мне даже не думается как следует. Вместо мыслей, какая-то горечь в голове.

Я знала, что Т.Л. Д. [Т.Л. Дервиз] сообщила Вам, и первые страшные слова о Юличе мне не нужно писать. Но вот прошла неделя со дня похорон, и ничто не улеглось.. не прояснило. и становится всё тоскливее.

Я видела Юлича за четыре дня до развязки.. и это была уже не она. [...] Теперь остались у меня её письма.. некоторые – совсем недавние. И в них – её ясная мысль.. её ласковая душа, её голос, без которых не знаю, как буду разбираться дальше.

Моя родная, дорогая Стенечка...

Н.

1980

Н.К. – С.Д. 18 V 80. [...] Пока прощаюсь с Вами, большой человек моей жизни, моя родная Стеня.

Н.К. – С.Д. 20 X 80. [...] Вы упоминаете о разговоре с Гулей. [...] Такой одарённый, содержательный, мажорный, такой милый человек так обойдён судьбой! И всё из-за чудовищных ошибок Кати в пору становления Гули, в пору открытых для неё дверей Эрмитажа. [...]

Н.К. – С.Д. 8 XI 80. [...] Конец биографии Юлича не попал к Вам? Как-то этим летом Люся мне говорила, что она должна написать Вам «о Маме» и о том, что она не представляет себе, что [Подчёркнуто Н.К.] надо сказать об этом трудном, сугубо семейном периоде её жизни. Я не знаю, до каких годов Юлич сама довела своё жизнеописание. Думаю, что Люся сделает это лучше, чем написала бы Софья. В Люсе заложено много больших человеческих качеств...

Вот и Наташа М[аленькая]. Это неверно, это она [Люся] опекала её [только] при Юличе. Нет, она продолжает заботиться о ней. Летом на время отъезда Коли и своего отпуска она переселяет Наташу к себе в Купчино, где больше света и воздуха и прекрасный цветочный балкон. Люсю я видела недавно.. она была у меня на дне рождения и очень меня этим тронула. [...]

С.Д. – Люсе. 80ые гг. *Открытка.* Дорогая Люсенька! Сердечное спасибо Вам за память, привет и чудесное фото! А также за пожелания. В ответ мои пожелания всех благ жизни и искусства Вам передает эта симпатичная компания. Надеюсь, если не в окантовке, то в Вашем сердце она найдет достойный её автора отклик.

Этой открытке добрых 60 с лишним лет. Очень меня радует Ваша приверженность к искусству, эстетическая оценка жизни – это самый верный «якорь» в пути... Будьте радостны и светлы. Удачи Коле в его делах! Ваша Ст. Руд.

На открытке. Лицевая сторона. La Vergine col Figlio e Sat'Anna [Masaccio] Firenze-R. Galleria Antica e Moderna.

Мадонна с младенцем, за её спиной Св. Анна держит левую ладонь над головой младенца. Композицию обрамляют пять ангелов. На обороте данные издательства: 15001 Edit, Brunner GC., Como Zurich–Stab.eliografico.– Бумага желтоватая, как старый пергамент.

1982

Пусть прозвучит здесь и живой голос Н.В. из 80^х...

...Это лето Н.В. жила «на даче» в квартире сестры на Витебском проспекте. Люся – в экспедиции, Коля – в стройотряде, в доме нашли женщину, помогавшую Н.В. с продуктами. Воздух вокруг был вполне дачный: зелень во дворах, заросшие травой пустыри в округе и балкон в роскошных цветущих геранях... Я всегда любила Н.В., осознавала эту любовь как сердечную привязанность. С каким неподдельным интересом, почти с любопытством вглядывалась и теперь, летом 82, в меня Н.В.! Трогала и умиляла молодая отзывчивость Н.В. на всё в моей жизни. Но щемит сердце от слов про то, что я по собственной охоте рассказывала Н.В. о впечатлениях дня, а не по её просьбе. Так беззащитна старость, так боится обременить, стать в тягость... И так жаль дорогую, любименькую Наталию Васильевну...

Н.В. – Люсе. I VIII 82. Дорогая Люся, вчера уехала Зося, проводила её Надя, п[отому] ч[то] у неё обширный багаж, распухший от купленных и подаренных вещей. [...]

Несмотря на то, что у Зоси время уходило на встречи, походы в магазины, поездки в Гатчину [на могилы родителей], Пушкин, на Ломоносовский завод [Я писала статью в газету «Вечерняя Уфа» о художнице-башкирке, работавшей на ЛФЗ.], получалось так, что много оказывалась она и дома, дважды в день обтирала пыль с полов, стирала своё и найден-

ное в завалах Колино бельё, она ещё и со мной сидела и рассказывала с восторгом обо всём пережитом за день (не по моей просьбе, а по собственному побуждению). Я как-то заново с ней познакомилась и узнала, и очень она мне понравилась. Всё пребывание в Ленинграде, как она выразилась, было для неё чудесным... [...]

Что касается меня, то всё идёт как положено: всё больше скатываюсь по откосу жизни и рассказывать о болях ноги, поясницы и прочее не хочется. Мне у тебя хорошо. Как у тебя идут дела? Где ты теперь, наверное, не в Воркуте? Интересна ли работа, и нашли ли вы то, что было запланировано? [...]

Люсенька, будь здорова, может, соберёшься написать и мне. Целую тебя.

Н.П. (Чуть было не подписалась Бабой Натой).

1983

С.Д. – Люсе. 20 VIII 83. Простите меня, Люсенька, что не поздравила Вас с Вашими научными достижениями и успехами: это виновата моя забывчивость. Я от души радуюсь Вашим успехам и думаю, как бы радовалась Ваша мама... Будьте здоровы, удачливы и радуйтесь всем красотам жизни. Ваша Ст. Руд.

С.Д. поздравила сестру с публикацией в Ежегоднике Всесоюзного палеонтологического общества статьи «Некоторые итоги биофациального анализа современных лагунных и озёрных отложений» коллектива авторов: Н.В. Толстиковой, А.В. Македоновым и Ю.А. Кривулиной (том XXVI, Ленинград: Наука, 1983).

1993

Н.К. – Люсе. 19 III 93. [...] Ты говоришь в письме, что Софьюшка [я *то есть*] напоминает Тебе, что надо писать [*Подчёркнуто Н.К.*] воспоминания (чем она сама, видимо, серьёзно занята)... попутно Ты говоришь, что (пока?) «в голове редкостная пустота»...

У меня – другая крайность: время моё на исходе, а все главы моей жизни (очень разные и интересные) помнятся и толпятся в голове – особенно по ночам – со множеством подробностей... Мне постоянно говорят, что нужно бы это как-то оставить после себя... А я не хочу писать...

Чувствую какую-то душевную лень! [...]

Прочитаны письма...

Прожиты долгие трудные судьбы...

С.Д. Руднева не побоялась назвать свои воспоминания «Воспоминаниями счастливого человека». Ей более, чем кому-либо из её сподвижников, было дано и счастье делать счастливыми людей вокруг себя, возвышать и укреплять их дух, наполнять общение с ними творческим горением и волей идти по избранному пути.

И потому говорю с твёрдостью: прожиты трудные, но счастливые судьбы...

Маменька... щемит сердце... так многое помнится... Но счастье в жизни Юлии Фёдоровны было! Счастье – на всю жизнь!

... Нежно-нежно целую и обнимаю тебя, Юлич мой, всегда вижу тебя у большого окна в Бестужевском зале, где увидела и заметила тебя впервые (21 I 78).

... Пусть наше светлое, немеркнувшее прошлое светит тебе и помогает быть самой собой (9 IX 69).

... Как ты там, моя единственная кукушечка? (3 VII 71).

... Юлич мой, светлый спутник юности! [...] Я же понимаю, и ты понимаешь, что мы пили из одного Источника и что он поит нас всегда... (27 III 70).

... Ах, свет немеркнувший этих дней и лет, Юлич мой, да согревает твоё сердце и душу, как и мои (11 III 78).

... Моя самая близкая, самая нежная, самая светлая сестра (27 IX 77).

Повторяются в памяти и звучат неумолчно заклинания, заговоры Стефаниды Дмитриевны, Стени, Юлии Фёдоровне, Юличу, быть счастливой, всегда слышать в себе ту дивную гармонию, которая зазвучала в её душе с гептахорской юности.

Девочка моя кудрявая (16 V 78)...

ПРИЛОЖЕНИЯ

I СЛОВО ПЕРЕД ВЫСТУПЛЕНИЕМ 20 V 23¹¹⁶

Прежде чем начать свой вечер, Гептахор считает нужным сказать несколько пояснительных слов о целях и путях своей работы.

1. Первое и основное наше положение: пляска – цель нашей работы. Под этим мы разумеем не иллюстрацию музыки, а непосредственную передачу движениями всего тела ощущений, непосредственно возникающих у нас при слушании музыки. Этим мы хотим сказать, что двойная непосредственность восприятия и передачи музыки предшествует осознанию пластически вылепленного образа; это осознание творческого акта в дальнейшем ведёт к разработке и фиксации вещи.

[2] Из только [*что*] сказанного ясно вытекает и наше второе положение – это полная зависимость от музыки. Никогда вещь ни с точки зрения её внутреннего переживания, ни с точки зрения её пластичного [*пластического*] образа не придумывается заранее, с тем чтобы потом подыскать подходящую музыку. Всегда замысел вытекает из вслушивания и вчувствования в музыкальное произведение.

[3] Далее следует отметить, что в пляске мы подчинены не только ритмическому началу музыки, но главным образом мелодии, которая и диктует нам непрерывную текучесть движения и его линии. Принципом текучести движения обуславливаются сущность нашей системы движения, её принципы и методы, которые выработались в течение многих лет. В них нельзя искать элементы балетной техники, их нельзя понимать как механическую и [*неразборчиво*] тренировку тела, это есть, вернее, всесторонняя свободная культура человеческого тела, как мы её понимаем, стремящаяся к гармоническому свободному движению, пружинности, текучести, гармонической согласованности всех частей тела в движении, дающей плавность общей линии. Причём выкристаллизованными, если можно так выразиться, являются те упражнения, которые преследуют цель элементарного освобождения от мышечного и моторного осознания его, но и тут наш основной принцип, зависимость от музыки, подчинение ей, является причиной разнообразных модификаций упражнения, отнюдь не изменяя его основного технического задания.

Что даёт наша система основной цели – пляске. В пляске мы находим для себя готовым свободно двигающееся тело, на основе бóльшей или меньшей (в зависимости от времени работы и способностей человека) техники, то есть мы находим в нашем теле инструмент, при помощи которого мы имеем возможность бесконечно разнообразно творить по нашим силам и возможностям, и здесь, в пляске, пластический образ данного музыкального произ-

ведения всегда свободен от запаса готовых пластических форм. Для нас он является всегда творчески неожидан и нов.

Как на результат того же принципа подчинения музыкальному началу, мы указываем на это [*как на*] важное и обязательное для нас и наших учеников, а именно – [*на*] принцип индивидуального творчества, обязательный как в сольных вещах, так и в коллективных. В последнем случае вещь продумывается пластически каждым из участников независимо от других, причём как бы ни был разнообразен замысел у всех, погружение в одну музыку всего [*коллектива участников*] будет создавать общий стиль движения. А в дальнейшем коллективном творчестве данной вещи необходимо приводятся к единообразию движения участников и выбираются наиболее сливающиеся с музыкой.

Сегодня вы увидите два рода пляски – чисто-бессюжетной и сюжетной.

В последней, сюжетной, мы отнюдь не отклоняемся от нашего принципа коллективного срабатывания. Нужно также отметить, что, согласно с нашими общими принципами, предварительным заданием является только сюжет как общий сценарий, его пластическое претворение зависит исключительно от музыки; мы подчёркиваем, что музыка подыскивается только применительно к внутреннему содержанию сюжета, а не к готовому движению. Сам сюжет часто растёт, углубляется и раскрывается от музыки.

В этом роде пляски внимание к техническим сторонам движения является не на первом плане (Наши технические достижения нужно искать в первом роде пляски – в бессюжетной). Это даёт нам возможность привлечь к работе в нескольких сценах мифа младших наших учеников, которых мы признаём по музыкально-пластическим данным достойными участия в пластическом хоре, признавая их техническую молодость.

Частные замечания.

Мы просим обратить внимание

1. на отсутствие музыкального инструмента, что для нас является очень большим ущербом;
2. на отсутствие ковра, обязательного для нашей работы, что создаёт досадные призвуки в виде шарканья и шлёпанья ног.

Мы взяли за работу над мифом в связи с предложением поставить его на большой сцене; конечно, данное помещение далеко не удовлетворительно.

Программа

Шопен. Брамс. Моцарт – старшие сотрудники.

Глинка. Даргомыжский. Бетховен. [*пометы нет*].

Случайный характер программы I отдел[ения] вызван требованиями квалификации.

Ю.Ф. Тихомирова

Примечание.

Рукой С.Д. вписаны заголовок «Слово перед выступлением» и дата «20 V 23», сопровождаемая вопросительным знаком.

II ВОСПОМИНАНИЯ Ю.Ф. ТИХОМИРОВОЙ

О ПРЕБЫВАНИИ В КРЫМУ ВМЕСТЕ С Н.В. ПЕДЬКОВОЙ В 1918–22 гг.

(написанные по настойчивой просьбе С.Д. Рудневой в 1977 г.)¹¹⁷

Мы уехали в Крым, потому что туда уезжали Лев Васильевич [Келлер, отчим Н.В.] и Софья Ильинична [мать Н.В.]. У Соф[ьи] Ил[ьиничны] был хронический нефрит, от которого она скончалась в 1919 или 1920 г. Ей нужен был юг. 2. У меня были неполадки с лёгкими, и Штернберг советовал ехать на юг. Я получила отпуск из Путиловского училища. 3. В Ленинграде был голод.

По приезде в Симферополь летом 18го года я в Симферопольской городской управе получила место «запасной учительницы», то есть должна была замещать заболевших или ушедших в отпуск учителей. Сразу же по приезде мы с Наташей стали добиваться возможности иметь группы и заниматься с ними музык[альным] движением. В этом нам помогла Евгения Романовна Гочатурянц, какими-то судьбами очутившаяся в Симферополе. Я помню две группы – гимназисток в частной гимназии и группу Машковцевой. Эта группа состояла из не очень молодых женщин, которые занимались с большим рвением и энтузиазмом. Группу возглавляла Машковцева, насколько мне помнится, она была заведующей какой-то профессиональной школой.

Помню ещё, что мы с Наташей устроили выступление – бежали через большой зал по диагонали «широким бегом», делали отрывок из «Карнавала» Шумана и, может быть, ещё что-нибудь, но я не помню.

Ближе к весне 19го года я заболела сыпным тифом в тяжёлой форме. Наташа потом рассказывала, что в одну из самых тяжёлых ночей, когда она дежурила, я пришла в себя и сказала: «Я решила произвести coup d'état [фр. – переворот]». И начала выздоравливать. Года у меня немножко путаются. Кажется, ещё до болезни в Симферополь приезжала мать Ляли Горянской, чтоб узнать всё, что мы помним о Ляле. Я очень хорошо помню, что это была мать: она подала мне советы, как смотать шерсть, как правильно делать заплатки на белье. Наташа уверяет, что был отец, который сказал, что Ляля погибла от наследственной склонности, что Лялину мать он несколько раз вынимал из петли. Я этого ничего не помню. В эту

же зиму с Южного берега приехала Ольга Влад[имировна?] Оболенская сказать Наташе, что умирает Софья Ильинична. Где-то в конце зимы 19(?) года Крым был взят войсками белогвардейцев, но они продержались недолго: в Крым вступили советские войска. В Симферополе были организованы все советские учреждения и между ними – Крымнаркомпрос. Евг[ения] Ром[ановна] Гочатурянц, сразу же начавшая работать там каким-то ответственным лицом, пригласила меня на должность заведующей отделом дошкольного воспитания. Ничего не вспоминается об этом периоде, потому что был он коротким: Крым занял Врангель. Я сразу же уехала на Южный берег, где в это время жили Наташка и Лев Вас[ильевич]. К сожалению, у меня ничего нет под рукой о гражданской войне в Крыму, тогда бы можно точнее всё распределить по годам. Где-то зимой не то 20, не то 21 года с нами встретилась (Где? Каким образом? Не помню.) Вера Ивановна Горшилова.

Помнишь даму, которая жила около Тучкова моста и у неё продавались предметы русского костюма древние, шитые золотом, и попроще. Мы были у неё, но ничего не купили. К тому времени, как она встретилась с нами в Крыму, у неё было двое детей 6 и 11 (?) лет. Ей нужно было куда-то их пристроить, и она предложила нам участвовать в устройстве школы-пансионата для детей. Все хозяйств[енные] функции она брала на себя, главное, снабжение продуктами. В это время её приватным супругом был Андрей Окс, мальчик ещё, моложе той матроны лет на 20–23. Имение родителей Веры Ив[ановны] находилось очень близко от большой двухэтажной дачи, принадлежавшей О[бществу] врачей. Дом этот был расположен между Никитским садом на берегу и деревней Никитой на шоссе. Там мы и поселились: Наташа, я, двое детей и Андрей. Так как в Крыму было много семей, застрявших или сбежавших в Крым и притом с детьми, то наш пансионат-школа стал для них находкой, и летом у нас уже было довольно много детей разного сословия, интеллигенции пришлой и местной, желавшей, чтоб дети находились в детском обществе. Не знаю, когда у нас в качестве директора оказался московский проф[ессор] Ал[ександр] Вас[ильевич] Цингер, ботаник, его жена, актриса Московского Художественного театра Вера Николаевна Муратова или Павлова, не помню, и их двенадцатилетний сын Олег. Наташа вела музыкальные занятия, помню, был открытый утренник, он был впечатляющим. Я запомнила только Гречанинова. Теперь, спустя почти 60 лет, я понимаю, что, хотя мы и отдавались делу всей душой, стремясь создать школу, основанную на труде, но мы делали ошибки из-за неподготовленности, из-за неопытности. А, главное, школа в таком составе учеников просуществовала, кажется, один сезон. Врангель был отжат в море, детей разобрали родители, остались немногие, уже с родителями, переждать события. (Помню одну или двух жён петроградских адвокатов с мальчиками).

Ялтинский наробраз переименовал нашу школу в школу-коммуна «Темис-СУ»¹¹⁸. Стали поступать беспризорные дети: татары, греки, украинцы, русские. Еды было мало, дров не

было, дети таскали колья с виноградников. В Крыму была часть труппы Худ[ожественного] театра. Как только появилось сообщение с Москвой, актёры Худ[ожественного] театра стали хлопотать о возвращении, с ними ехала и Вера Ник[олаевна], жена Ал[ександра] Вас[ильевича] Цингера. Она хотела всё подготовить к возвращению больного мужа и сына. Она брала нас с собой. Мне стоило большого труда получить отпуск из Отдела нар[одного] образ[ования]. Заведующий находил, что я «хорошая хозяйственница» и школу не могу оставить. Помню то, что с лёгкими у меня так и не наладилось и ялтинский специалист сказал, что мне нужно возвращаться на север, юг мне не пойдёт на пользу.

Ехали в вагоне с французскими актёрами Худ[ожественного] театра. На руках был вызов, подписанный Енукидзе и вами из Живого Слова¹¹⁹. В Москве пробыли неделю, жили в неотапливаемой комнате большой квартиры моей гимназической подруги. Каждый день утром и вечером ходили в Худ[ожественный] театр. А потом отправились в Рыбинск. Там мы прожили один-полтора месяца, а затем вернулись в Гептахор.

III ВОСПОМИНАНИЯ Ю.Ф. ТИХОМИРОВОЙ

о её жизни, написанные по моей просьбе в 1977 году в Ленинграде

(по просьбе С.Д. Рудневой, собиравшей архив Гептахора)¹²⁰

Ты говоришь, написать о семье, но семьи не было: отец [Тихомиров Ф.В.] умер 28 лет, когда мне не было полных трёх лет, брату – два, сестра родилась уже после смерти отца (я запомнила, как мать прыгала откуда-нибудь с высокого места, чтоб освободиться: не помогло). Итак, матери 24 года и трое детей. У матери один класс монастырской школы, опекуном назначен старший брат моего отца. Других родственников со стороны отца нет. Глухо, потому что некому рассказать, говорили: мой дед со стороны отца был из кантонистов – крепостной полкового оркестра из выкрестов. У Герцена есть место в «Былом и думах», где он рассказывает, как везли крещёных еврейских мальчиков для музыкантских рот. От деда [Тихомиров В.П.] и бабушки по отцу остались огромные неуклюжие гранитные памятники около кладбищенской церкви.

Говорят, мой отец хорошо пел и играл на гитаре. Дядя [Тихомиров В.В.] пел и очень хорошо играл на гармонии – артистически. Вот эта его одарённость, несмотря на скромную должность в городской управе, сделала его членом всех попоек купеческой верхушки, и он промотал два дома. Я не знаю, как моему деду Василию Прохоровичу удалось оставить в наследство двум своим сыновьям два дома.

К моменту смерти отца у него тоже был собственный провинциальный дом, деревянный, с мезонином и надворным флигелем. В доме квартиры снимали чиновники, в надвор-

ном флигеле – беднота. Вот то, что мать получала с квартирантов, и было нашим средством к существованию. Жили мы в доме нашего опекуна бесплатно.

О себе я потом напишу.

Я была ещё маленькая, но я понимала, что делается что-то плохое. Денег на жизнь, конечно, не хватало, и я должна была просить у дяденьки. Это было всегда моей тяжёлой унижительной обязанностью. Скоро на моё раннее детство легла мрачная тень: дяденька распространил своё опекунство и на мою мать (ей ведь было всего 25–26 лет). Я чувствовала, не понимая, что происходит что-то плохое, тёмное, я воспротивилась ночным визитам. В результате была в капитальной стене вырезана дверь на другую лестницу, которая вела в светёлки, и я получила свою отдельную комнату. Но это не избавило меня от пьяных скандалов, сцен ревности, драк, битья посуды, крика [на] нас, детей, толпы, собирающейся под окнами, если это было летом. Иногда в пьяном бешенстве дяденька выгонял нас из квартиры (мы ведь жили у него в доме). Помню одну морозную ночь, когда я впервые вдруг увидела звёздное небо, казалось, что звёзды совсем близко над нами. Я не хочу сказать, что эти ужасы происходили каждый день, но ждали мы их каждый день. Так шло до 7го класса. Я уже много зарабатывала уроками, и я сказала, что мы должны уехать из этого дома. В своём доме все квартиры были заняты, и мы сняли квартиру где-то в другом месте. Прошло три месяца, я целыми днями после уроков давала уроки, сама училась поздно вечером. Однажды, придя домой из гимназии, застала дома гнетущую тишину, а, когда вошла к себе в комнату, дяденька бросился передо мной на колени и умолял вернуться, обещая нас не трогать, дать возможность жить, как хотим, лишь бы он чувствовал, что мы тут близко, он слышит наши голоса. Я пожалела, и мы вернулись. Это было в 1908 г., а в 1909 я уехала в Петербург. Мама с братом и сестрой прожили там неделю: дядя прокутил и вторую половину дома, в которой мы жили, был вынужден её продать, а мы переехали в свой дом в мезонин, в нём было четыре комнаты. С этой поры начинается безбедное существование матери: она стала держать пансионеров – гимназистов, детей окрестных богатых крестьян, священников. Гимназия очень ценила наш дом за «хороший уход и строгое воспитание», а гимназисты жили с 1го по 8ой класс. Мой брат был исключён из гимназии за что, не помню, из 5го класса, три года сдавал экстерном, наконец, поступил в Петербургский у[ниверси]тет, но учился недолго, началась война, был направлен в Военное училище, скончался в 1917 г. от перитонита. Сестра, прочувшись какое-то время на Высших сельскохозяйственных курсах в Петербурге, вернулась домой и скоро вышла замуж.

Что сказать о себе? Моё первое воспоминание относится к раннему-раннему детству: я вижу себя на плечах высоко и кругом сияющая солнцем зелёная поляна, а за ней тоже зелёные яркие на солнце кусты. Мне хорошо! Потом я вижу тёмную комнату и на столе лампу, в

которой то убавляют огонь, то прибавляют. Когда убавляют, все приникают к окнам и смотрят, говорят, не едет ли врач. Мы жили на Волге в устье Шексны на Канатной фабрике, где отец работал в конторе. К этому же времени относится видение матери, всю в чёрном, ничком лежащей на кровати... Дальше в памяти фонарный столб на углу (наш дом был угловой), и я целыми днями стою, обняв его, смотрю...

Под городом была дачная местность с летним театром, он сдавался разным антрепренёрам. Почему-то меня с раннего возраста брали туда с собой, и я смотрела «Мартинарудокопа», «Наталку-Полтавку», «Велизария», а потом всё пела оттуда. Вообще ещё до гимназии я уже распевала все романсы того времени и как-то в передаче по телевизору воспоминаний Сергея Образцова обнаружила со странным волнением всё знакомое, всё петое: «Не для меня придёт весна», «Глядя на луч пурпурного заката», «Накинув плащ ...». Я всё это помню хорошо, потому что взрослые и гимназистки постарше часто просили меня петь. Теперь-то я понимаю, что их забавляло несоответствие содержания и моего возраста.

В моём характере не было трусости: ещё до гимназии я не разговаривала с дяденькой целый месяц, я знала, что это было ему жестокое наказание, мать меня упрашивала заговорить – я не могла. Я ничего не слышала о голодовках как методах борьбы, но сама три дня ничего не ела и не пила в наказание матери за её несправедливость: она не позволила идти в театр с классом, потому что, придя из гимназии, я сказала: «Я сегодня иду в театр», а надо было сказать: «Разрешите мне идти в театр». С матерью мы были на «Вы», выходя из-за стола, мы говорили «Merci». После моей голодовки мать не осмеливалась мне возражать, но я и не просила ничего недозволенного, предосудительного, а главное – я зарабатывала много по тем временам денег. Сейчас кончу. Всё это пишу с перерывами, да и Люся всё грозит за претить писать¹²¹.

29 V (Давно не писала, были доктора, возили на рентген, брали кровь, и потому пришлось много лежать.) Хочу только сказать, что над всей действительной жизнью в душе всегда жила всепобеждающая радость, какой-то свет. Всё стало осознаннее, когда в 5ом кл[ассе] к нам пришёл новый учитель – «словесник», как тогда говорили. Сын сельского рязанского священника, он только что кончил Духовную академию. Он читал с нами «Илиаду», трагедии Софокла, Эврипида. Этот курс тогда назывался «Историей словесности», изучались виды поэтических и прозаических произведений. Что-то было в его уроках, что уводило нас от повседневности. У нас всегда было «горение сердца». И вот в этом году [уточнение: в октябре 76] в «Комсомольской правде» я читаю статью «Горячее сердце педагогики». В ней автор говорит, что мы всегда называем два-три имени известных педагогов, а сколько было прекрасных учителей, память о которых осталась только в сердцах их учеников, и назвал имя Ив[ана] Ив[ановича] Зеленцова. Написала, что про уроки Ив. Ив. «ученики рассказывали ле-

генды», что в своё время о нём писали в газетах. Я обратилась к журналистке с просьбой указать, где я могу прочесть про своего учителя, у которого мы были его первыми учениками. Ответ вкладываю. Ты мне его верни: может быть, Зося сходит в школу и что-нибудь мне расскажет.

Скажу одно: если вас, моих бесценных друзей, что-то привлекло во мне, то это, наверно, отсвет его души, вложенной в нас.

Что было дальше? В 27ом году, когда мне было уже 37 лет, я вышла замуж за Ал[ександра] Матв[еевича] Хордикайнена: мне последние годы перед этим всё думалось, что хорошо [бы] иметь ребёнка. В 1930 г. мы были арестованы по «делу Центрального бюро краеведения» так же, как члены Общества распространения ест[ественно]-истор[ических] знаний, председ[атель] Райков, как члены Общества мироведения. В 1931 г. были высланы оба в Сибирь. Здесь, в Пушкине [Детском Селе], остались трое детей: Зося и Люся по три года, Андрею – два. Здесь их ангелами-хранителями были Лев Вас[ильевич] Кел[лер] и Вера Петровна. Мы со своей стороны делали всё возможное, чтобы помочь детям, с которыми осталась бабушка – свекровь и двоюродная сестра мужа [Софья Клеофасовна Оболикишто (1902–1969)]. Ну и, конечно, сестра бабушки, тётка Ал[ександра] Матв[еевича] «бабушка Маня» [Мария Сильвестровна Оболикишто (1877–1964)]. Все они помогли выжить детям.

В 1934 г. мы вернулись. В 1938 г. приехала к нам моя мать со старшим сыном сестры Надежды Фёдоровны. Она была арестована, её муж, честнейший и чистейший человек, приговорён к расстрелу, двое других детей отданы в детдом. Ежовщина. Потом все были реабилитированы, получили возмещение за конфискованное имущество. Надин муж не вернулся. Когда мать приехала, в доме стало две бабушки и семья в девять человек. Я пошла работать, завела огород, потом стала выращивать свиней¹²², чтобы как-нибудь помочь Ал[ександру] Матв[еевичу] содержать семью не как-нибудь, а «в рамке», как он говорил, то есть на уровне. В 1941 г. началась война. Мы попали в оккупацию в Пушкине. Тут уж писать нечего. Всё ясно.

Ал[ександр] Матвеевич погиб в 1943 г. В 1945 году уже в Эстонии утонул Андрюша, 16 лет. Сейчас я больше ничего не напишу.

Скажу только, что жила, не угашая Духа. Многие-многие сказали мне слово благодарности за то, что не давала людям падать духом, помогала побеждать мрак неистощимым источником радости, всем тем добрым и светлым, чем наполнили меня годы, прожитые с вами, мои прекрасные друзья.

4 VI Только недавно ночью я вспомнила, что ничего не написала о родных со стороны матери. Мой дедушка Дмитрий Иванович Пулькин со стороны матери был бедным племянником богатой бежецкой купчихи Сергеевой и всю жизнь просидел в её «лавке с красным товаром», так назывались большие магазины хлопчатобумажных тканей. Старшую из пяти

дочерей он выдал в Рыбинск. Мария Дм[итриевна] прожила недолго, но всё же дедушка успел послать ей «на выданье» двух других дочерей. Про мою мать я писала: она овдовела 24^x лет, а вот Любовь Дмитриевна была выдана за устюжанина Вас[илия] Даниловича Жабрева, работавшего, как и мой отец, в конторе Канатной фабрики. Он был потом отправлен в Баку в качестве управляющего отделением ф[абри]ки, разбогател, купил доходный дом в Чёрном городе. Тётка моя Любовь Дм. умерла в 1919 г. Их дети Данила Васильевич, две двоюродные сестры, их дети и внуки, мои единственные родственники, живут в Москве. Мой двоюродный брат Данилушка уже на пенсии, остальные – тоже. Это его жене я просила тебя как-то позвонить. Как я тебе писала, он доктор наук, был директором Нефтяного института, вёл разведку в Дагестане.

Я восстановила с ними родственные отношения только тогда, когда дети мои встали на ноги, а с ними – и я. Мне не хотелось придти бедной родственницей, рассказать, что дети, начиная со старших и кончая 10-летним Матвеем, каждое лето пастушат в эстонских усадьбах. Но мои родственники оказались чудесными сердечными людьми.

IV ПИСЬМО Ю.Ф. ТИХОМИРОВОЙ В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»¹²³

Вчера, читая в «Комсомольской правде» Вашу статью «Живое сердце педагогики», я пережила глубокое волнение, я встретила в статье имя Ивана Ивановича Зеленцова. С 1903–04 по 1908 г. я была его ученицей в женской Мариинской гимназии в гор. Рыбинске. Тогда говорили, что Иван Иванович только что кончил Духовную академию и приехал к нам в город учительствовать.

Что Вам сказать? Уроки литературы стали каким-то озарением, мы мыслили, мы сопереживали, мы восчувствовали. Уходя с урока, нам иногда казалось, что мы стали выше ростом, что наша сопричастность к вдохновению нашего Учителя осеняла и нас счастьем.

Уроки Ивана Ивановича заполняли собой всю нашу жизнь, они заменили нам музыку, театр, картины. Рыбинск в начале века был купеческим торгово-мещанским городом. А мы на уроках литературы жили в другом мире.

Что помню я? В пятом классе я писала сочинение на тему «Быть сильным – хорошо, быть умным – лучше вдвое, и сила без ума – сокровище плохое». Выдавая мне тетрадь, Иван Иванович сказал: «Не хватает немного меланхолии». Мне эта фраза показалась необычной, и я её запомнила. И ещё. Я исписала целую тетрадь о Ниле Сорском. Иван Иванович сказал: «Сочинение выходит из ряда ученических, и я, читая его, чувствовал себя в ином качестве».

В 1909 году я поступила на Высшие женские Бестужевские курсы. Я посетила Ивана Ивановича один раз в Рыбинске, когда он работал в мужской гимназии и жил в её здании. Ещё раз, не помню, в каком году, я была у Ивана Ивановича в Москве.

Через месяц мне исполнится 86 лет, конец пути близок, и после Вашей статьи мне всей душой захотелось вернуться к истокам. Напишите, пожалуйста, об Иване Ивановиче. Я ничего не знаю об его московском периоде жизни. Где прочитать очерки о нем? Когда он умер? А Вера Сергеевна, его жена? Вы знаете о ней?

Когда по окончании гимназии Иван Иванович попрощался с нами, он сказал, что никогда не забудет нас, как не забывают первую любовь: мы были его первыми ученицами.

С искренним уважением и большой признательностью

Ю. Тихомирова.

ВЖ Курсы окончила в 1914 г.

[29–30 X 1976]

V НЕОБХОДИМЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К «ВОСПОМИНАНИЯМ Ю.Ф. ТИХОМИРОВОЙ»

1890, 30 XI	– в Рыбинске родилась Ю.Ф.
1907	– окончила VII класс Мариинской женской гимназии.
1908	– оканчивает дополнительный класс и «приобретает звание домашней учительницы».
1908 – 1909	– зарабатывает уроками французского языка средства на учение в Петербурге.
1909	– оступает на Высшие женские Бестужевские курсы на историко-филологический факультет «по группе русская филология, подгруп. литер.» [Так в «Свидетельстве» об окончании курсов]. Здесь, на курсах, зародилась пожизненная дружба бестужевко-петербурженок С.Д. Рудневой, Н.В. Педьковой, Е.В. Цинзерлинг и других с Ю.Ф. Они вовлекли её в свой круг, в мир своих увлечений античностью и танцами Айседоры Дункан. Под водительством С.Д. Рудневой и Н.А. Энман в их дружеском кружке начинался будущий Гептахор.
1914	– Ю.Ф. оканчивает Курсы, пропустив год учения, так как в Рыбинске зарабатывала себе уроками средства на завершение высшего образования.

- 1914,
конец мая–июнь
- самодеятельная экскурсия в Грецию Гептахорского кружка.
Ю.Ф. деньги на паломничество в Грецию дала мать С.Д. – Варвара Дмитриевна Руднева, урождённая Фон-Дервиз.
- 1914–1926
- участие в работе Студии «Гептахор»; учительница в школе при Путиловском коммерческом училище и в Женских рукодельных классах при заводе (1914–1918); туберкулёз и четыре года жизни в Крыму вместе с Н.В. Педьковой; в 1922 г. – возвращение в Петроград, отсутствие работы как заработка, поэтому обучение разным профессиям, например, проверщицы пряжи и тому подобным, но, наряду с этими занятиями, – исполнение должности «заведующей Студией музыкального движения «Гептахор». – 15 января 1923 г. у С.Д. родился сын Никон, и Ю.Ф. растила Никона.
- 1926 1 III
- «нанята» «научным сотрудником, секретарём Экскурсионной комиссии ЦБК» – так в трудовой книжке.
- 1927
- Ю.Ф. выходит замуж за Александра Матвеевича Хордикайна (24 X 1899, Царское Село – 14 V 1943, Гатчина), деятельного, энергичного сотрудника ЦБК. Он был в числе тех пяти краеведов (Н.П. Анциферов, Д.О. Святский и другие), между которыми ЦБК распределило наблюдение за ходом работ в областях России. А.М. Хордикайн курировал Северный Кавказ и Крым. Часто публиковался в краеведческих изданиях ЦБК. А.М. окончил три курса Географического института, но, благодаря глубокому уму, огромной жажде знаний и раннему самоопределению – он занимался экономической географией и студентом участвовал в исследованиях на оз. Имандра (экономическое исследование района), – уже в 1925 г. был принят в члены Географического общества СССР и очень активно в нём работал. А.М. хорошо знал поэзию Серебряного века и самозабвенно любил её. Почти всего Блока помнил наизусть. Сам писал стихи. Был нежно предан своему Царскому Селу.
- 1928 16 IV
- рождение близнецов Софьи и Юлии. Крёстный близнецов – Н.П. Анциферов.
- 1929 10 IV
- рождение Андрея. Крёстная – Н.В. Педькова.
- 1930 17 VII
- арест А.М. и Ю.Ф. «по следственному делу о контрреволюци-

онной организации в Центральном бюро краеведения (Ленинградское отделение)». «Хордикайнен являлся не просто членом данной [контрреволюционной] группы, но показаниями ряда лиц выделялся в группу особо активных» (Дело № 1699. С. 444).

Ю.Ф. вменялось следующее: «достаточно изобличается в том, что участвовала в а/советской [антисоветской] группировке и собирала деньги для семьи арестованного Анциферова». А.М. просидел девять месяцев в одиночке. По Делу проходило 15 человек, из них четверо и А.М. в их числе, вины своей не признали. – Сохранилась тетрадка стихов А.М. из тюрьмы, обращённых к жене и детям (Опубликованы в книге «Жизнь незабываемых людей»).

1931 III

– А.М. и Ю.Ф. были отправлены в ссылку в Сибирь.

1933 14 X

– родился Матвей в с. Нахрачи Кондинского р-на. Крёстная – Н.К. Бриммер (Фандерфлит).

1934 осень

– А.М. и Ю.Ф. вернулись в Детское Село.

1938

– Ю.Ф. начинает работать старшим статистиком на Трикотажной фабрике им. 2ой пятилетки в Пушкине недалеко от нашего дома на Колпинской, рядом с Александровским дворцом («Кухонный корпус»). Архитектор Кваренги).

А.М. работает старшим инженером-экономистом, руководителем сектора в Гипролесспирте (проектирование химических заводов).

1941 17 IX

– началась оккупация. (См. Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – С.А. Нуриджанова – публикатор, автор предисловия, комментариев, редактор.)

1943 14 V

– А.М. умер от тяжёлого ранения.

1943 29 X

– депортация из Гатчины. На территории Эстонии нашей семье удалось бежать с этапа. Нас приютили эстонцы, в какой-то степени и благодаря нашим финским фамилиям.

Кстати сказать, Германский фонд «Память, ответственность и будущее» выделил средства для выплаты денежных компенсаций, в частности, и за насильственное перемещение российских граждан за пределы территории СССР в границах 1937 года. Я получила такую компенсацию и главным образом на эти сред-

- ства издала свою книгу «Дар любить. Книга о Маме в письмах. 1944–1949».
- Все четверо детей Ю.Ф. батрачат на хуторах у эстонцев. Батрачат и летом 45, и летом 46.
- 1944 XI – переезд в Тарту. Ю.Ф. устраивается на работу бухгалтером в 4^ю дистанцию пути железнодорожной станции Тарту. Вскоре становится старшим бухгалтером и работает здесь до выхода на пенсию.
- 1945 VII – трагически погиб Андрей.
- 1959 – умирает мать Ю.Ф., Евдокия Дмитриевна Тихомирова.
- 1969 – Ю.Ф. переезжает из Тарту в Ленинград к дочери Ю.А. Кривулиной.
- 1979 10 I – смерть Юлии Фёдоровны Тихомировой.

VI АВТОБИОГРАФИЯ Н.В. ПЕДЬКОВОЙ,

(написанная ею по просьбе С.Д. Рудневой в 1975–76 гг.)¹²⁴

Я родилась в 1890 году в Мелитопольском уезде Таврической губернии. Отца я не помню: мне было два года, когда родители разошлись. В четыре года меня увезли в Швейцарию, где мать училась на медицинском факультете Женевского университета. Меня отдали во французский детский сад. [...] Когда мне было восемь лет, мы вернулись на родину. Мать вышла второй раз замуж.

Отчим Л.В. Келлер был учёным-математиком, в будущем – доктором геофизических наук, ведущим отдел теоретической метеорологии в Главной геофиз[ической] обсерватории им. Воейкова [в Ленинграде]. Он был широко образованным человеком, отлично читал по-арабски, на латыни и на древнегреческом.

[...] Каждое лето я проводила в Крыму в имении матери отчима. Она была дочерью Кеппена¹²⁵, известного академика, первого открывателя Крыма, его истории, его географии. Нас было много ребят и у нас, и у соседей. Мы играли вольно в садах, на берегу, на виноградниках и в скалах. Я была заводилой. [...]

Музыке меня стали учить с восьми лет. Считалось, что у меня способности. Когда мама привела меня на первый урок, учительница поставила меня на колени и заставила просить бога послать мне прилежание. У нас в доме о боге не говорили, и я страшно опешила. Мать пришла мне на выручку, сказав, что я не приучена к этому. [...] После этого я вознена-

видела уроки музыки и перестала их учить, пока учительница не отказалась от меня, сказав, что из меня ничего не выйдет. [...] К музыке я вернулась через несколько лет.

В 13 лет в моей психике произошёл крутой поворот. Это было время многих неожиданных горьких, а иногда и радостных переживаний. Я вдруг как бы увидела себя со стороны, своё отношение к людям и их ко мне. В зеркале я нашла себя уродливой, и это так меня ошеломило, что я потеряла какую-то душевную устойчивость. Мне казалось, что люди должны смотреть на меня с отвращением, мне хотелось надеть на лицо маску. Это чувство делало меня одинокой и иногда доводило до психоза.

«Радостные переживания», [*повлиявшие на формирование духовного и душевного мира Н.В. Педьковой, – чтение, чтение книг по искусству Возрождения и, пишет Н.В.*], «другой моей радостью стала на долгие годы музыка».

В нашей школе училась дочь Зилоти (двоюродный брат Рахманинова), замечательного пианиста и дирижёра. Это он организовал первые симфонические концерты в Филармонии. Он предложил нам, школьницам, посещать генеральные репетиции его концертов. Как могли нас отпускать с уроков из школы, я не помню, но мы часто ходили на эти репетиции. [...] Моя новая учительница музыки, рекомендованная маме тем же Зилоти, не учила меня исполнительскому мастерству, она учила меня «новому языку», много исполняла для меня Шумана, Шопена, Шуберта, Скрябина и др[угих]. Она учила меня читать с листа и тому исполнительскому уровню, который необходим для этого.

В 1908 году я кончила школу.

1908 год! Знаменательный для меня, но и не только для меня. В этот год я впервые увидела Изадору Дункан. Её танцевальные движения были настолько прекрасны и необычны, что воспринимались как эстетический шок. [...]

Мне хотелось поступить на исторический факультет, но из-за своей дикости и трусости постаралась забиться в самый глухой угол филологического факультета – на романское отделение, где 12 человек жевали целый год какой-то старофранцузский текст. [...] Я бегала на лекции исторического факультета [...]. На лекциях Зелинского я познакомилась с теми, кто тогда составлял ядро будущего Гептахора. Я помню, как одна из них, Юля Тихомирова, ещё в школьной форме, с разлетающейся чёрной пелеринкой, с распростёртыми руками, носилась от одного конца скамьи к другому, занимая в аудитории места для своей группы. Группа выделялась среди других слушательниц своей обособленностью и каким-то приподнятым, радостным настроением. Меня к ним очень тянуло, и мы сошлись. Я стала членом группы, которую впоследствии Зелинский назвал «Гептахором», то есть «семь пляшущих» [...].

Кроме увлечения Изадорой Дункан и античной культурой, появилась ещё одна одержимость – русское народное искусство, главным образом, песенное. Мы раскапывали народные песни в этнографических сборниках и пели их. К обрядовым пробовали восстановить ритуальные движения. Одевались в народные костюмы и даже современные нам изразцовые печи расписывали рисунками народных изразцов. Круг нашего музыкального развития немало расширился за счёт этих своего рода песенных «раскопок».

Мы часто собирались вместе и устраивали так называемые «красные» и «белые». «Красные» не имели прямого отношения к системе «Гептахор». Они относились скорее к характеристике группы. А вот так называемые у нас «белые» имели прямое отношение к будущей системе и творчеству «Гепрахора».

[...] Наши «белые» занятия.

В школе, которой руководила родственница одной из нас, в зале после уроков мы занавешивали окна и стены белыми занавесками. Было темно, и только у рояля, освещая ноты, горела свеча. Мы слушали музыку, двигаясь в темноте, чтобы не видеть ни себя, ни других. Мы двигались. Корявые, скованные члены иногда начинали раскрепощаться, и мускулы, вбирая в себя мелодию, расправлялись и начинали плавно двигаться. Никакие зрительные образы и сюжетность не диктовали движения нашего тела. Только музыка рождала их. [...]

«Гептахор» пробивался среди других танцевальных систем движения. Пробивался к осознанию собственного пути. Так, в начале 20^x [*в начале 10х!*] годов нашумела система ритмической гимнастики, созданной Далькрозом. Собственно, эту систему лучше было бы назвать «метрической». Мы под музыку [...] добросовестно отмахивали руками счёт, замирали на паузах и ускоряли и замедляли ход и бег. Мелодия оставалась за пределами движения. Мы скоро поняли, что Далькроз – это не то, что нам нужно, и так же, как вступили, дружно ушли всей группой с курсов¹²⁶.

Мы любили балет, но и его принципы движения отличались от наших и нередко были обусловлены [*скорее?*] сюжетностью, чем музыкой.

[...] В Гептахоре я участвовала больше в групповых композициях. [...] Из одиночных своих выступлений помню Шумана «Новелетту» и Шопена – «Мазурку». Это выступление меня очень удивило. Происходило оно на сцене небольшого Петербургского театра, кажется, на Литейном проспекте, после возвращения из Крыма, а ведь отстали мы почти на четыре года, и приходилось круто нагонять технику. Исполнив её [*программу*], я вдруг услышала аплодисменты и крики «бис», чего никак не ожидала. [...]

В пламенной воодушевлённости жизнью, наполненной искусством, произошло ещё одно событие, которое обогатило наше творчество, – это поездка в Грецию. Она была оформлена как студенческая экскурсия.

[...] Мы побывали не только в Афинах, но и на Пелопонесе, в Микенах, в Тиринфе. И, наконец, мы поплыли на остров Крит, где тогда начинал свои раскопки Эванс, открыв город Кнос. Мы плыли по «виноцветному морю», которое качало нас на пологой зыби своих волн и отражало в глубокой синеве рыбацьи лодки под оранжевыми парусами. [...] Особенно меня поражали греческие пастухи. Казалось, здесь осели потомки античных греков, смытых волной бесконечных переселений народов из Азии в Европу: высокие, стройные, с правильными чертами античных статуй, светловолосые. [...] Мы стремились в Канию, расположенную вблизи Кноса, собирающего в свой музей всё, что находили в раскопках. [...] В музее мы любовались прекрасными вазами стиля Камарес¹²⁷, которым было две с половиной тысячи лет. Музей выбрасывал в мусор отбитые осколки этих ваз и многое другое, что ему не нужно было. В часы сиесты мы рылись в этой мусорной куче, как куры, находя чудесные черепки, головки статуэток и затем – дополнявшие их части.

[...] Мы были в Олимпии. [...] Мы бродили среди развалин храмов Зевса и Геры и стадиона, на котором проводились первые Олимпийские игры. Тихо и пустынно было вокруг, и слышались только глухие удары панцирей черепах, сшибавшихся в драках, и ранняя жалейка пастухов...¹²⁸

О системе «Гептахор»

В ходе нашей творческой деятельности с самого начала стали выделяться движения особого рода, обычно не связанные с музыкой. Это были упражнения, направленные против скованности человеческого тела, для этого они требовали осознания в движении каждого сочленения и мышц и их возможностей. Чтобы выработать чувство «тело-слух», надо было раскрепостить человека, чувствовать силовой акцент и на какое сочленение он падает, а вместе с тем, чтобы оно не запирало смежный сустав. Музыка становилась необходимой, когда вырабатывались плавность и взаимосвязанность движений мышц.

Другим основным принципом гептахорского движения, как мне кажется, было принятие весомости как реальности, которая активно участвовала как в упражнениях, так и в творческих композициях.

Облегчённое от скованности тело должно было подчиняться музыкальному приказу, отвечать на характер мелодии, её напряжённости, лёгкости, силы.

Таким сохранился в моей памяти ранний Гептахор.

Мы жили дружно: если спорили, всегда приходили к согласию. Материально нам порой приходилось трудно, но мы не унывали, всегда были довольны, поглощённые с головой в творчество и педагогическую работу. У нас к тому времени появились ученики, и взрослые, и дети. Мы были равны и были счастливы.

Н.П.

Мне хочется закончить Автобиографию Наталии Васильевны выписками из Дела № 433.

Но позволю себе небольшое отступление.

В эти же 70ые гг. Ю.Ф. душевно воссоединяется с Наталией Васильевной. Ведь с ней тоже не было прямого общения: несколько её писем в 45–46 гг., письма февраля 48; что-то в 47–48 гг. сообщала о ней Н.К.; в студенческие годы мы с сестрой писали Маме о всех встречах и разговорах с Н.В.

Сестра, переехав в Ленинград, бывала у Андреевых, виделась с Н.В., и Ю.Ф. через сестру знала об обстоятельствах жизни Н.В. ... А потом... потом Н.К. так сковала своей дружбой «единственного Юлича», что Н.В. осталась как бы в прошлой жизни. Правда, есть, по-моему, и ещё одно объяснение: Н.В. обладала острым ироничным умом без всяких сантиментов и величайшим тактом. Она не взвалила бы на Ю.Ф. в такой мере все свои тяготы, а, с другой стороны, гораздо проще, реалистичнее отнеслась бы ко всяческим мнимым и реальным тревожностям в жизни Ю.Ф.

Мне кажется, я сразу и верно угадала многое в натуре Н.В.

Вот что я писала Маме в августе 47го: «Вчера была у Нат. Вас. [...] Она мне понравилась: с ней чувствуешь себя остро и интересно» («Жизнь забытых людей». С. 235). 25 V 49: «Я очень рада, что была [в театре] с Нат. Вас. Она мне очень понравилась. Я бы сказала, в ней много противоречий, много тончайшего ума. Хороша она» («Дар любить». С. 248–249).

Наталия Васильевна была по-молодому современна, и её молодое, жадное ощущение жизни передавалось нам.

Сейчас, в 70ые гг., трёх гептахорок первого призыва (Н.К. – из «Молодого Гептахора»! А родился в 77ом ещё и «Новый Гептахор»!) соединили их общее светоносное прошлое и неукротимая воля С.Д., собиравшей историю и архив Гептахора – Музыкального движения. Думаю, именно в 77ом г. выросло и в Ю.Ф., и в Н.В. обострённое чувство исторической ответственности за судьбу Гептахора. (Напомню, что ещё в 66ом году С.Д. понуждала Ю.Ф. написать воспоминания о Курсах, а, значит, и о Гептахоре.) Основатели метода и теории Музыкального движения, они не уклонились от выполнения долга. С радостью узнаю, что Н.В. не только вспоминает, но ставит вопросы, ждёт ответов на них, то есть осмысливает пройденный путь. И, может быть, даже помогает С.Д. увидеть какие-то известные вещи с новой стороны.

Ю.Ф. постепенно сближает С.Д. с Н.В. (7 VIII 74, 18 IX 75); 12 IV 76 С.Д. пишет Ю.Ф.: «Я очень рада привету Наташи Маленькой». Нелёгкая судьба Н.В. в эти годы глубоко

тревожит С.Д., она постоянно спрашивает о ней и одновременно через Ю.Ф. настойчиво вовлекает Н.В. в написание Автобиографии. Завязывается диалог опять-таки пока что через Ю.Ф.: С.Д. 2 I 77: «[...] Передай Наташе М[аленькой], что «думаю часто письма ей», а вот написать не удаётся. Но напишу всё. 3 III 77: Наташка М[аленькая], наверное, потеряла надежду получить ответы на её [свои] вопросы. Но один ответ уже написан, только я должна его переписать, так как вышел дополнением к нашей истории, и я его пришлю скоро. 11 V 77: Наташке напишу теперь во что бы то ни стало уже по-настоящему, пусть погружается в наши дела».

Ю.Ф. – С.Д. 4 VI 77: [...] Наташку Маленькую [...] Люся привезла, и мы очень хорошо поговорили. Наташа привезла твоё давнее письмо ей. Я читала. Письмо прекрасное, проникающее в душу.

Ответ С.Д. на один из вопросов Н.В. и составляет Дело № 433¹²⁹.

«Чему же ты учила всю жизнь?» [Подразумевается – если Гептахор был запрещён.]

Ответ С.Д. – это девять развёрнутых тетрадных листов плотного текста. С.Д. делает в конце приписку к нему: «Это совершенно необработанные наброски на твой вопрос. Я набросала их как-то вечером, всё хотела привести в более человеческий вид, но не успевала. Решила послать так, ты разберёшь, что там нужное, что лишнее...».

Приписка Н.В. к возвращаемому тексту: «Что же можно прибавить, изменить в том, что ты написала? Это история [Подчёркнуто Н.В.] жизни Гептахора (как системы), и то, что она написана импульсивно и эмоционально, делает её ещё более яркой, трагической и радостной. [...] Если говорить о добавлениях, то, может быть, надо бы разработать более пространно и углублённо (и обязательно особым отделом) работу над фольклорным материалом.

А вопрос у меня такой: как справляются музыкальные руководители детских садов с движением? Ведь нужен второй [Подчёркнуто Н.В.] человек, играющий на пианино, потому что показ движения и одновременная игра на рояле невозможны».

Н.П.

Ещё о Н.В. Педьковой и Гептахоре.

Почему-то мне трудно было решиться читать письма Наталии Васильевны Стефаниде Дмитриевне: не могла, не осмеливалась... Это предощущение вторжения в душу Н.В. оказалось верным: так она обнажена... Но говорю об этих письмах ведь только потому, что хочу с о х р а н и т ь п а м я т ь о дорогой, дорогой Наталии Васильевне. Чтение этих писем – моя самая последняя работа в Архиве. Сегодня 11 IV 07.

Изумительные письма... 8 X, 23 X, 13 XI, 23 XI 76; 27 VI 77¹³⁰, пронизанные горячей горькой болью из-за разрыва с Гептахором. Не утихшей совсем, живой, жгучей болью... Обжигающе звучат слова Н.В. об «изгнании» её из Гептахора... Ясно, что были какие-то

недоразумения... «Я в своё время поверила какому-то смятенному мигу и не добилаь от Гептахора настоящего ответа на свой уход. Но ведь Волк был заведующим студией, значит, шёл вопрос об изгнании меня из системы? Впрочем, не стоит и бесполезно [*сейчас*] об этом говорить» (13 XI 76).

К этим письмам С.Д. пишет «пояснения»: «[...] Как могло случиться, что Н.В. (наша Наташа Маленькая) могла исчезнуть из Гептахора: прежде всего, как я могла допустить это, не потребовать встречи с ней, не разобравшись в обстоятельствах. [...] Я всегда, и в то время, несмотря на стычки и наскоки друг на друга, считала её самой талантливой, творческой, умной, музыкальной и глубокой из всех нас. [...]»

Письма Н.В. надо было бы приводить почти целиком: так они содержательны. Н.В. о многом спрашивает С.Д., некоторые положения теории и практики Музыкального движения подвергает сомнению («Стеня, я не спорю с тобой, я высказываю только свои сомнения»). Семь вопросов ставит Н.В. перед С.Д. в письме 13 XI 76. Вот первый: «[...] Конечно, он [*Гептахор*] как всякий живой организм должен изменяться. [...] И, конечно, он должен был укрепляться основами психологии и главным образом физиологии. Разве ты не искала контакта со специалистами этих наук?» *Как видим, Н.В. верно, хоть и постфактум, определила один из векторов научных поисков С.Д., её работу с психологом Г.А. Ильиной. В этом же письме:* «[...] В течение долгой моей жизни были редкие вспышки, которые чем-то подходили к Гептахору. [...] Это была корейская танцовщица, имени её не помню, но, наверное, она была и в Москве. Тебе это [*ничего*] не говорит? Такой же вспышкой было движение пары Белоусовой и Протопопова, которые, правда, были ограничены спецификой движения на коньках, но чем-то приближались к Гептахору. [...] Пора мне кончать, а мыслей много. Ещё раз спасибо тебе за письмо, но я его ношу в памяти, и оно мне помогает отвлечься от той катастрофы, что надвигается на меня. Горько, что ты одна.

Наташа Маленькая».

Из последнего письма 27 VI 77: «[...] У меня к тебе просьба: ты ведь печатала и писала книги о Гептахоре, так не можешь ли ты прислать хоть на время. Я обещаю тебе их вернуть обратно, если это надо [*Увы, полного, глубокого изложения системы Гептахора в печати так и не было!*] Я ждала твоего приезда в Ленинград. Думаю, что вряд ли мы увидимся, поэтому сделай, если можешь, это для меня. Ведь я тоже жила и творила в том деле, которое, как это показала мне моя дальнейшая жизнь, было самым главным и единственным.

Я повторяюсь: не пиши, не утруждай себя [*С.Д. должна была беречь свои глаза.*]. Я не жду этого.

Наташа М.

Я живу сейчас в Пушкине. Это устроила мне Люся. Это на лето. Чудесная однокомнатная квартира, утопающая в садах. Проживу по сентябрь включительно».

Господи, как жаль Наталию Васильевну, как жаль Маменьку... Невыносимо, что не была такой, какой бы надо было быть... Оттого и плачу, плачу... плачу...

VII АВТОБИОГРАФИЯ

Н.К. ФАН-ДЕР-ФЛИТ-БРИММЕР¹³¹

Я родилась в 1901 году, в Старом Доме на Васильевском острове. Дом принадлежал ещё моему прадеду Петру Петровичу Фан-дер-Флиту, а затем – моему деду, тоже Петру Петровичу, физику, профессору Университета. Дом был большим, деревянным, с мезонином и окружённый садом. Планировка его была своеобразной, нелепой.. но это был целый мир, где сохранились ещё черты прошлого и куда врывалась наша новая жизнь... Деда я смутно помню. Он умер, когда мне было два года. Бабушка Полина Николаевна /урожд. Пыпина/ пережила его на 10 лет. Мой отец Константин Петрович был младшим из трёх их сыновей.

Не в пример своим братьям, он не обладал их организованностью и деловыми качествами, но был исключительно и разносторонне одарённым человеком: философом, мыслителем, создателем теории узла, конструктором яхт.. (а для меня – музыкантом.. он играл на флейте)¹³².

Моя мать – Вера Петровна Ивашёва /внучка декабриста Ивашёва/. Мама была педагогом – по призванию. Совсем молодой, она учительствовала в Городских школах. Когда подросли мой брат и я, она организовала для нас и наших сверстников маленькую, домашнюю школу.. /и это было очень счастливой порой/. В дальнейшем многие годы она преподавала в средних школах.

В пору детства и ранней юности мы – мой брат Дмитрий, бывший на год старше меня, и мой двоюродный брат Андрей – «были счастливы Финляндией». Там, под Выборгом, на берегу огромного озера, мы проводили каждое лето, плавая на лодках, яхтах и байдарках. На крутом склоне горы стоял большой низкий бревенчатый дом... В его «зале» с окнами на озеро была библиотека и был рояль. Тут, когда приходил к нам сосед-студент Крапивин, я слушала «большую музыку», как мне казалось. Вероятно, он очень хорошо играл... Мне было 9-11 лет, но запомнились на всю жизнь его [*Подчёркнуто Н.К.*] сонаты Бетховена, которые никогда не были заглушены многократным их слушанием у профессиональных музыкантов в Филармонии.

В 1912 г. я поступила во II класс Выборгского восьмиклассного коммерческого училища, где к этому времени уже учились мои братья. «ВВКУ» была в Петербурге первой

школой совместного обучения. Она вообще была особенной... Её организовала группа педагогов-энтузиастов по аналогии с передовыми европейскими школами. Программа её отличалась от программ для гимназий и реальных училищ, узаконенных Министерством просвещения, и поэтому, чтобы сохранить свою структуру и программу, школа вошла в подчинение Министерства торговли и промышленности, где было больше свобод, и называлась Коммерческим училищем. Его директором был замечательный человек и педагог Пётр Андреевич Герман.. и ему школа была обязана деловым и дружественным и культурным духом, установившимся в ней. Школу любили, и недаром многие десятки лет спустя, после окончания ВВКУ, встречаются те, кто учился там.

Детство кончилось. В конце 1914 года умерла бабушка Полина Николаевна. С её уходом менялся уклад нашего Старого Дома. Менялось многое... Была война... Мы расстались с нашим озером в Финляндии.

В 1916–1917 годах в жизнь школы проникла жизнь города, жизнь страны, тревога. Поднималось брожение, отражавшее различные политические переживания взрослых.. возникали баталии, нарушавшие нормальные занятия... И тут П.А. Герман обратился к школьному театру как к громоотводу, были намечены крупные постановки: «Антигона» Софокла, сцены из «Макбета» и «Горе от ума». Для консультаций и помощи в постановке «Антигоны» были приглашены «девушки-античницы, специалисты по греческому театру», как нам сказали... Предполагалось, что они займутся с участниками спектакля (а мне предстояло быть Антигоной) и движением [*Подчёркнуто Н.К.*].. пластическим, музыкальным движением. И вот – в школьном зале произошло знакомство.. встреча со Стефанидой Дмитриевной Рудневой, Натальей Александровной Энман, со всеми теми, кто стал на долгие годы (а вернее – на всю жизнь) «ведущими».

Наши занятия из школьного зала, где они шли вначале, были перенесены в Студию на Дворянской улице. Нас, участников спектаклей, осталось немного (да и сами спектакли переносились.. откладывались), но мы были увлечены.. поглощены всем, что открывалось нам: новым слышанием музыки, скульптурой, движением. Позже были поставлены сцены из «Одиссеи», которые мы показали в зале школы... И продолжались увлечённые занятия в Студии – в Студии «Гептахор».

Осенью 1918 г. неожиданно закончилась моя школьная жизнь. Мне предстоял последний год – 8^й кл. в ВВКУ, но, в связи с общей реорганизацией школ, восьмые классы аннулировались, и нам, мне и моим сверстникам, просто выдали удостоверения об окончании средней школы. Остались занятия в Студии и .. неопределённость на будущее.

Жизнь в Старом Доме становилась всё сложнее. Отец уже три года как оставил «службу» в Морском министерстве, которой давно тяготился; мама много работала в школах; сам

Дом, в котором не осталось наших помощников как будто вырос и требовал массы забот и времени. Он требовал и денег, которых всегда, а теперь особенно, было мало. И всё-таки, несмотря на все трудности (и, может быть, благодаря оптимизму мамы), он оставался домом открытых дверей... Друзья отца, мамины приятельницы и множество товарищей моих и брата заполняли его.

В Студии или, как мы называли её, «на Дворянской» шла работа: занятия, подготовка выступлений.. работа над мифами, музыка. Часто приходилось оставаться ночевать в студии.. в эти годы городской транспорт почти не действовал. Обычно я шла с Васильевского острова пешком по ставшей уже привычной дороге: Средний проспект, Биржевой мост, Кронверкский и по Дворянской, до того её конца, до Большой Невки... И как много интересного и нового было в каждом дне.. и как много музыки звучало и запоминалось и пело внутри. К этому времени Студия «Гептахор» вела занятия по музыкальному движению в нескольких группах Института Живого Слова. Мне предложили вести занятия в детском рабочем клубе «Свободный Труд». Моя группа занималась с увлечением и плодотворно... Но всё менялось тогда как-то быстро... Клуб был реформирован, и мои занятия прекратились. Но всё же две из моих одарённых учениц продолжали занятия по движению в Студии на Дворянской.

В 19–20^х гг. мы, несколько младших членов Студии, и четверо наших сверстников из Университета работали в качестве регистраторов в Академии истории материальной культуры, которая располагалась в верхних этажах Мраморного дворца. Оттуда, вдоль набережных, мы шли в Университет. Я как вольнослушатель посещала лекции Б.В. Фармаковского и занятия греческим языком у И.И. Толстого. В Отделе Ольвийских раскопок АМК я занималась зарисовками бронзовых предметов для каталога археологических находок, и эта работа была интересным, увлекательным делом.. но надо было учиться¹³³.

В 1921 г., продолжая занятия в Студии и слушая лекции по истории искусств в Университете, я поступаю на архитектурный факультет Академии художеств. Мастерская профессора Г.А. Косякова, куда я была принята, его интересные проекты и архитектурные акварели нравились мне необычайно... Начались трудоёмкие занятия в огромных холодных мастерских Академии. В 22ом году пришлось оставить работу в Мраморном дворце, а затем – и университетские лекции... Совмещать это было уже невозможно.

В 1923 г. я отошла от работ Студии. С горем я отключалась от жизни и деятельности Гептахора, чувствуя все богатства, полученные за эти годы: богатство знания и нового ощущения музыки; радость музыкального движения; умение видеть прекрасное в искусстве, в природе.. в мире.

Осенью 1923 года я перешла со второго курса архитектурного факультета Академии на вновь организованный графический факультет. При приёме мне помогли те мои чёрно-

белые рисунки, которые я делала под влиянием нашего, ещё школьного учителя А.А. Парланд. Она говорила, что если в дальнейшем я буду рисовать, то, наверно, графика будет моей специальностью. Она была права. Занятия на графическом факультете пошли напряжённо.. и успешно. Моей специальностью стала ксилография.

В те годы возрождалась оригинальная деревянная гравюра. Здесь – мы знали гравюры Остроумовой-Лебедевой и Шиллинговского, работавшего в классической манере, в Москве же появился целый ряд прекрасных художников-гравёров. Их корифеем был В. Фаворский. Их творчество увлекало нашу небольшую группу. Нас было шесть человек.

В 1926 году мы окончили графический факультет Академии.

Начиная с Первой отчётной выставки, последовали другие: в Москве, Киеве, Казани, Вологде и за рубежом. Начались и заказные работы в издательствах. Тогда же нами создавался журнал, посвящённый гравюре. Инициатором этого начинания был Николай Леонидович Бриммер. Первый сборник «Гравюра на дереве» вышел в конце 1927 года.

С Н.Л. Бриммером мы вместе учились и одновременно окончили Академию. В этом же году мы соединили наши судьбы. Это была пора напряжённой и увлечённой работы по организации выставок, созданию сборников и иллюстрированию книг. Но эта пора длилась неполных два года. Николай Леонидович Бриммер умер в апреле 1929 г. Последний сборник «Гравюра на дереве» был посвящён его короткому яркому творчеству.

Работа не шла...

Летом 30го года я уехала в Восточную Сибирь с геологической экспедицией по р. Олёкме. Большие переходы по тайге и горным кряжам, сплав по порожистым рекам, трудная поначалу работа по топографической и геологической съёмке понемногу восстанавливали меня. Вернувшись в Старый Дом после этой первой экспедиции ранней весной 31го года, я снова уезжаю, на этот раз – надолго. Я еду вместе с геологом Е.С. Бобиным на Колыму. Е.С. Бобин был моим ещё «детским» другом. Он был своим в нашем Старом Доме, и различные трудности, переживаемые в те годы нашей семьёй, не проходили без его внимания и деятельной помощи. В это моё второе долгое путешествие я еду с ним. Снова долгий путь Транссибирским экспрессом, по Кругобайкальской дороге. Незабываемое озеро.. необычайные цветы, розоватые холмы Хингана с низкорослыми дубками и, наконец, Владивосток, с его своеобразной жизнью и удивительной бухтой.

Здесь большую группу геологов, с которой и мы направлялись на Колыму, ждали перемены: все работы в этом регионе переходили в ведение Дальстроя. Неожиданно партия Е.С. Бобина была выделена и получила назначение на север Охотского моря – в Гижигу. Большое морское, бурное плавание на китайском малоблагоустроенном пароходе «Симпиган»... Полузаброшенный рыбачий посёлок при устье р. Гижиги. Организация базы выше по

её течению в старом, пустом селении.. и снова – работы съёмщика и рисовальщика. Зимовка и разъезды на собачьих упряжках в районы, труднодоступные летом. Ранней весной, опять на собаках, переезд через перевал на р. Омолон, нижний приток Колымы. Синее море горных цепей.. не верится, что между ними есть долины и может быть жизнь в этих долинах. По притокам Омолона, как только сходит снег, опять геологическая съёмка и проверка на золотосодержание.

Обратный путь на побережье труден и поспешен. По слухам, в Гижигу пришёл пароход – последний в этом году.. пять дней мы в седле от зари и до зари... Мы успеваем. Долгое, полуторамесячное плавание по бурному осеннему Охотскому морю. «Орочен» должен снять с берегов все рыбацьи артели и их улов, а подход к берегу из-за шторма часто невозможен. Наконец, Владивосток, и в декабре 32го года возвращение домой.

В Старом Доме многое изменилось. Отец хворал... Мама много работала. Подрастали двое маленьких племянников. В феврале 1933 года отец умер. Было горько сознавать, что в этот последний период его жизни – меня не было дома.. так долго... Что я не видела его.. не говорила с ним в эти полтора года.

В мае этого же 1933 года у меня родился сын. В силу различных обстоятельств я из Старого Дома переехала к старикам Бобиным.. и тут, пока подрастал сын и шёл оседлый образ жизни, я понемногу возвращалась к гравюру. Тогда же я вступила в только что созданный Союз Советских художников. За 1934–35 гг. для Детгиза была выполнена большая иллюстративная серия гравюр.

В марте 1935 года настал конец Старого Дома... В это время много людей, много семей вынуждены были покинуть Ленинград... Большинство из них позже, через несколько лет, были «реабилитированы» и получали возможность вернуться.. но тогда? В указанный срок, через несколько дней, вся семья: мама, сестра и семья моего брата – должны уехать в Казахстан. В день отъезда дом был заполнен друзьями и близкими.. что-то небольшое было уложено в дорогу... В назначенный час все двинулись на вокзал, оставив открытыми двери неостывшего милого Старого Дома...

Было странно, что я, нося ту же фамилию, осталась в городе. Поручив маленького сына попечению бабушки, я уехала на Джугджур, куда меня звали на уже знакомую мне работу – геологическую съёмку. И снова трудное лето в нехоженных местах, по ещё безымянным рекам и хребтам... Зимовка на базе Аллах-Юна, и только следующим летом долгий и сложный обратный путь через Алдан. Осенью 36го года я вернулась к сыну, которому было уже три с половиной года. А осенью 37го у меня появился второй сын. Жизнь была сложной. Мой муж, связанный с экспедиционной работой, как обычно, отсутствовал. Мои близкие жили теперь в Оренбурге.

В этот период трудно было вернуться к творческой работе. Всё же в 39ом и 40ом годах мне удавалось заниматься рисунком и гравюрой. Весной 1941 года мой муж впервые за долгий срок получил отпуск и возможность провести его с семьёй... Мы выехали на Валдайские озёра.

И тут началась война.

Он получил срочный вызов в Ленинград и командировку в Якутию. Оставить нас он не мог... С эшелонам и уже под бомбёжками мы выехали в Иркутск. Со многими задержками и пересадками добравшись туда, мы поселились временно в маленькой, чужой комнате, а Евгений Сергеевич вылетел со срочным заданием в Якутск.. на две-три недели.

Он не вернулся. Самолёт разбился, подлетая к Якутску.

Это было в конце августа 1941го года.

Я осталась с двумя сыновьями 4^х и 8^{ми} лет одна, в чужом городе.

В Восточносибирском геологическом управлении, зная о моём практическом стаже в геологической съёмке и картировании, предложили мне работу и помогли мне выписать из Оренбурга маму. Она взялась помочь мне с мальчиками, и я могла начать работать. На следующее лето я выехала с геологической партией Арсеньева на Ангару в д. Буреть и туда же, в район работ, перевезла маму и сыновей. Ещё через год я перешла в партию ленинградского геолога Е.Э. Разумовской и, временно оставив семью на Ангаре, вылетела в Якутск. Мы работали по Лене и Вилюю, и в Иркутск я вернулась в начале зимы 44го года. Предстояло обрабатывать собранный материал.

И вот конец страшной войны.

...И усилившаяся тоска по родному городу, куда нельзя было вернуться без пропуска, без вызова. Мне пришлось ещё одно лето проработать, уже геологом, в предгорьях Саян, по р. Туманшет. Туда я поехала со старшим сыном.

Осенью 1945 г. Разумовская и я получили вызов из Ленинграда от ВСЕГЕИ. Возвращение было и радостным, и полным страха и тоски. В нашей уцелевшей квартире на Карповке за нами оставалась одна комната. Тут надо было начинать новый этап жизни. Но мы были в своём любимом городе. Всю эту зиму мне предстояло проработать во ВСЕГЕИ, занимаясь привезёнными материалами и отчётами. Только к концу 46го года я смогла начать возвращение к своей основной специальности. Чувствовался многолетний перерыв...

Нужен был заработок. В издательствах заказов на гравюру теперь почти не было. Я перешла на работу по шрифтам, оформлению книг и промышленную графику.

В это же время проходила большая выставочная работа в Союзе художников. Ряд лет я была членом Бюро графической секции ЛОСХа, членом жюри и организатором книжно-графических выставок. Общественная работа и связь с издательствами в эти пятидесятые го-

ды помогли мне снова ощутить своё место в жизни. Было трудно, но интересного и нужного дела было много.

Сыновья выросли. Старший учился в Высшем морском училище, младший кончал школу.

Была работа.. было много друзей, и была Филармония...

Музыка, которая с детства волновала меня, которую по-новому я научилась знать и глубоко ощущать в пору жизни со Студией «Гептахор», теперь была неотъемлемой частью моего существования.. и я много слушала и много узнавала в ней.. и, к счастью, много запоминала.

Я пишу это в позднем возрасте.

Я благодарна судьбе за свою трудную жизнь,
в которой было много горя и много радости.

Н. Фан-дер-Флит

1979

VIII ОТВЕТЫ Н.К. БРИММЕР НА МОИ ВОПРОСЫ,

заданные ей во время работы над книгой «Жизнь незабываемых людей»

3 I 95. Фамилия моей матери – Фан-дер-Флит (урожд. Ивашёва). Прежде и мой дед Петр Петрович, и все прадеды писали её в три слова /и даже с тремя твердыми знаками!/ Но время шло... Сперва вместо «ъ» появилось тире.. потом, с общими переменами и при новых паспортах мой брат стал писать вместо «Фан» – Ван... (но в этом был некоторый смысл) [*Какой? Может быть, тот, что звук «Ф» не является исконно русским, недаром так мало русских слов с ним, а в говорах звук «Ф» заменялся или Х («Была в Ухе», – услышала я в 1957 г. в поезде от одной старушки) или «Хв»: «Хфедор». Так что замена «Фан» на «Ван» могла как-то затуманить иностранное (голландское!) происхождение фамилии.*], а потом слили три слога фамилии в одно слово, что было мало оправданным... И моя сестра.. и мои Таллинские племянники и внуки забыли о правильном строении фамилии.

/А я вспоминаю, как в Академии на II курсе графического факультета при очередной «чистке» меня чуть не исключили за слишком длинную фамилию... Как давно это было!/

Далее: Ты спрашиваешь о профессии моей матери. Она всегда была учительницей! Окончив Педагогические курсы /не знаю, какие/, совсем молоденькой начала с так называемых «городских» школ... Потом, в частной школе, была воспитательницей и учительствова-

ла с уклоном в естествознание и немецкий язык. В последние годы педагогической деятельности она работала в гимназии (б. Мая)¹³⁴. В.П. не была арестована, как Ты спрашиваешь... В злосчастном 35ом году она была вместе с семьей моего брата «выслана» [*Подчеркнуто Н.К.*] (как сотни-сотни петербуржцев) в Казахстан... Неожиданно и немилосердно.. «в трехдневный [*Подчеркнуто Н.К.*] срок»!

Отца к этому времени уже не было... Константин Петрович умер в 1933 году.. за два месяца до рождения моего Вадима. Мама уезжала из нашего Старого Дома с невесткой и двумя внуками... Моего брата с ними не было.. он был в заключении.

Я горько помню, как с утра в тот день я с двухлетним Вадимом ходила по комнатам милого Старого Дома, уже почти опустевшим... (Ведь многие, и друзья, и родственники, брали что-нибудь из вещей.. или мебели в надежде сохранить...)

Потом настал роковой час ухода на вокзал.. и вся масса людей, пришедших проститься с Домом и оставляющими его людьми, пошли с ними, грустные, недоумевающие.. оставив открытыми [*Подчеркнуто Н.К.*] все двери любимого покидаемого Дома предков... На сколько лет они уезжали, не говорилось. Навсегда?

Алёна, к тому времени только что принятая в Университет и прожившая трудные месяцы в Казахстанской «глубинке», а затем в Актюбинске, получила возможность «вернуться» (было какое-то распоряжение Сталина (?) об учащейся молодежи). Но куда? И как?

Следующий Твой вопрос касается стариков Бобиных. Надежда Евгеньевна (урожд. Корш), насколько я знаю, «не работала». Она в очень ранние годы вышла замуж за своего учителя географии Сергея Павловича Бобина, впоследствии профессора Педагогического института. Н.Е. была связана двумя детьми, больной сестрой и старой матерью. К тому же она много помогала мужу в его специфических печатных трудах...

Даты её жизни 1878–1961 г.г.

Дата смерти дедушки С.П. – 1949 г.

Теперь.. Ты спрашиваешь обо мне...

На графический факультет Академии я попала в 1923 году.. пройдя до этого своеобразный и драгоценный «Университет» (с 1917 по 1922 г.г.) в Студии музыкального движения «Гептахор»... Тут и музыка, и скульптура Эрмитажная, и Театр, etc... Но мне не хотелось делать это [*Подчеркнуто Н.К.*] своей «специальностью» и, поступив в 1922 г. [*или в 1921?* См. *Автобиографию*] на архитектурный факультет Академии, через год я перешла на графический, незадолго перед тем организованный... Но все эти подробности *entre nous!* Но почему?! *Entre nous* [(фр. – между нами)]?!

Три–четыре года увлечённой работы под руководством замечательных художников и историков искусств пролетели быстро, но так интересно, что не хотелось кончать этот этап. Потом – работа в издательствах, выставки... Ты знаешь, что я рано потеряла моего первого мужа – талантливого художника Николая Леонидовича Бриммера... Мы вместе учились и были одинаково поглощены деревянной гравюрой. Трудно было одной [*Подчеркнуто Н.К.*] вернуться к своему делу... Помогли общественная работа и Союз художников.

Теперь, с «птичьего полета старости», вижу, что очень мало сделала.. и хорошие работы можно пересчитать по пальцам. Без некоторых из них – скучаю, но их нет у меня... Всё передано в Русский музей и в Публичную библиотеку /Там есть отдел эстампов/.. да и в другие музеи Москвы и Вологды. Правда, это к лучшему, потому что дома ими мало интересовались и их ждала бы незавидная участь... [...]

IX КРАТКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ Ю.А. КРИВУЛИНОЙ
О ВИЗИТАХ С.Д. РУДНЕВОЙ К Ю.Ф. ТИХОМИРОВОЙ В ЛЕНИНГРАД 60–70 гг.
(*написанные после моих неоднократных напоминаний*)

В марте 1955 года я уехала работать по договору в Якутию, в Амакинскую экспедицию, занимавшуюся поисками рассыпных и коренных месторождений алмазов (пос. Нюрба). Осенью 1962 года поступила в очную аспирантуру ВСЕГЕИ и смогла вернуться в Ленинград. Со мной был четырёхлетний Коля. Два с половиной года я снимала комнату. Институт помог мне вступить в Жилищно-строительный кооператив, и 6 марта 1965 года у меня впервые в жизни появилась собственная небольшая двухкомнатная квартира на Витебском проспекте.

Мама продолжала жить в Тарту, приезжая на короткое время помогать с Николкой (он ходил в детский сад). Окончательно Мама переехала в Ленинград в феврале 1969 года. Долго болела, около трёх месяцев, но, к счастью, оправилась, силы и доброе самочувствие вернулись к ней.

Именно в эти годы, 1965–1970ые и происходили встречи Мама со Стефанидой Дмитриевной. С первых же встреч после многих долгих лет, когда даже не было эпистолярного общения, вновь сильно и ярко вспыхнула их прежняя нежная дружба. Ст. Дм. приезжала в Ленинград по несколько раз в год: тут жила семья её сына, жили сохранившиеся друзья и соратники по Музыкальному движению. Жила в Ленинграде и родственница Ст. Дм. – Татьяна Львовна Дервиз. Т.Л. приходила к нам в гости; правда, её визиты Маме были трудны: она могла говорить по пять часов.

Хорошо помню атмосферу парадной праздничности, связанной с визитами Ст. Дм. Для Мама они были большим и ожидаемым событием: время встречи заранее оговаривалось

в письмах. Чаще всего они происходили в тёплое время года, и на столе в комнате в красивой вазе стояли цветы. К приходу Ст. Дм. Мама надевала свой парадный костюм из плотного тёмного шёлка: сарафан с жакетом и белую блузку. Надо сказать, что время моей работы в Якутии благотворно сказалось на мамином гардеробе и у неё появились достойные её облика платья и пальто. Ст. Дм. чаще всего была одета так же – сарафан и белая блузка. В этом они были очень похожи.

Но внутренняя разница характеров отчётливо проявлялась в выражении лица – мамин, живой, эмоционально подвижный, и более сдержанным, замкнутым, почти суровым облике Ст. Дм. Правда, это выражение сразу исчезало, когда она улыбалась.

Обычно Ст. Дм. приезжала к обеду, который со времён детства был в два часа. И обедали, и пили чай в кухне за небольшим складным чешским столом. На окне – яркие шапки сортовых гераней, над кухонным столом – две некрашеного дерева полки для кастрюль. Украшение – медный таз для варенья, подарок брата.

Меню обедов было традиционным и соответствовало обычному укладу. (В моём хозяйстве качественная еда по стандартам того времени занимала первое место в статье расходов, недаром братец Матвей Александрович говорил, что мы едим, как доктора наук.) С первым блюдом было просто: я готовила супы – борщ, рассольник или свежие щи на крепком мясном бульоне, благодаря корешкам, очень душистым. Тогда не знала, что он вреден. Фирменным вторым блюдом были блинчики с мясом; в институтской столовой удавалось покупать антрекоты. В то время ещё продавалось и исландское филе трески.

По части угощения к чаю всё было тоже как обычно в праздничные дни: я пекла либо очень вкусную ватрушку из замечательного творога выборгского завода с цукатами, изюмом и ванилином, либо, ближе к осени, – яблочный пирог, закрытый, с антоновкой (пищу и слышу запах сдобного печёного теста). Мама всегда просила покупать кекс «Столичный» с большим количеством изюма. Он всегда присутствовал на столе при любых чаепитиях с маминими гостями. Подавалось варенье их «райских» яблочек, а вот конфет – не помню. Чай заваривался индийский или цейлонский, крепкий. Мама всю жизнь любила такой чай и так объясняла свою любовь к крепкому чаю: «Раз я не ем фруктов, то буду получать все витамины с чаем».

Охота за индийским чаем была моим постоянным занятием. В конце месяца приходилось специально обходить несколько продуктовых магазинов, булочных в надежде натолкнуться на «набор» с чаем. Пачка индийского чая была подарочным эквивалентом: брат, приезжая в Ленинград, непременно его привозил.

Ст. Дм. всегда приходила с чем-нибудь, свидетельствующим о высоком статусе встречи: коробкой шоколадных конфет или зефира.

Как правило, я возвращалась с работы около шести вечера, к концу встречи, и видела оживлённые, помолодевшие лица двух близких подруг. В особенности живыми и радостными становились глаза Мама. Я думаю, Мама испытывала чувство глубокого удовлетворения, что могла принять Ст. Дм. в уютном красивом доме. В комнате стояла чешская мебель «жилая комната», было много книг; у окна с цветущими фиалками – круглый журнальный столик с мощным зелёным каскадом плетей хлорофитума над ним; рядом – удобное кресло, в котором Мама проводила много времени за чтением.

Я часто думала: какое счастье, что после всех военных и послевоенных мытарств, переездов, бездомности, жизни у чужих людей Маме на склоне лет довелось пожить в приличных условиях. Эти годы были как бы вознаграждением за лишения в прошлом.

Между Мамой и Ст. Дм. возникла оживлённая переписка. Мама писала о книгах, которые я приносила из библиотеки нашего института, или рассказывала о книгах, которые мне удавалось тогда купить, о внуке Коле. Очень часто я покупала и второй экземпляр для подарка Ст. Дм. – её день рождения 20го марта мы всегда помнили и старались обрадовать Ст. Дм. какой-нибудь близкой её сердцу книгой. Я ведь почти каждое лето ездила в экспедицию (так называемое «поле») и обходы книжных магазинов в Воркуте, Ухте, Литве были своего рода ритуалом. Вот тогда неожиданно приваливала удача – что-нибудь попадалось такое, что в Ленинграде было не достать. Мама рассказывала мне о книгах, которые читала и советовала прочесть Ст. Дм., – я их разыскивала.

В эти годы Маму навещали и другие, более молодые друзья по Гептахору, позже занимавшиеся Музыкальным движением в Ленинграде – Оля [*О.Д. Гандельман*] и Расбас [*Р.Б. Фогельсон*]. Оля – пожилая дама, приходила регулярно, звонила по телефону.

Что я могу сказать в заключение? Я была дважды у Ст. Дм., в Москве и в Ленинграде, куда она переехала в 80^х годах. В обоих случаях это были небольшие комнаты в коммунальных квартирах, тесно заставленные. Поражали висевшие на стенах не чёрно-белые, а серо-белые и желтоватые старинные фотографии героев античности или репродукции картин эпохи Возрождения. Видно было, что они сопровождали Ст. Дм. всю её долгую жизнь.

К сожалению, общения со Ст. Дм. у меня не было. Ведь моя роль была здесь другая. С моей стороны это было уважение и почтительность, с её – приветливая сердечность и ласковость.

7 февраля 2007 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Работа над этой книгой оказалась совсем не такой простой, как предполагалось. И Предисловие потребовало невероятного душевного напряжения. Но я знаю, кому обязана своим рвением, кто сподвигнул меня на этот постриг.

Это Андрей Азарьевич Кац.

Я познакомилась с ним лет 12 тому назад, когда приезжала из Уфы работать в Центральный Архив документальных коллекций г. Москвы над «Воспоминаниями счастливого человека» С.Д. Рудневой. С 2001 г. я живу в Москве, стала бывать в Архиве, и так получилось, что общалась в основном с Андреем Азарьевичем: ведь он занимался всем кругом тем, связанных с судьбой С.Д. Рудневой. Я, разбирая Мамин архив, выделила письма Стефаниды Дмитриевны Маме в отдельную папку. Андрей Азарьевич был страстно увлечён личностью Стефаниды Дмитриевны, и для него было ценно всё, что вносило новые штрихи в портрет этой изумительной личности, в которой отразилась целая эпоха Серебряного века, а затем – и весь наш социализм.

К безутешному горю всех любивших Андрея Азарьевича он трагически погиб в сентябре 2004 г.: фотографируя, потерял бдительность, упал с кручи в Крыму... К 40^{му} дню его смерти я написала письмо его родителям.

Дорогие Галина Андреевна и Азарий Максимович!

Бесконечно скорблю о смерти Андрея Азарьевича... Думаю, он знал о моей сердечной симпатии и доверии к нему. Да я и прямо говорила ему с восхищением, как хорошо он знает наследие Стефаниды Дмитриевны, как хорошо представляю себе, какого огромного труда потребовала от него подготовка «Воспоминаний» Стефаниды Дмитриевны к печати. Говоря о Стефаниде Дмитриевне, я думала вслух и о нашей Маме, о её судьбе и о памяти о ней, которую так хочу сохранить. Речь, конечно, шла и о Маминых письмах, и о письмах к ней её друзей и наших [детей] письмах Маме. Андрей Азарьевич понимал меня, и я верила, что он примет участие и в нашем Архиве. Поэтому так легко обещала ему подарить многое ценное из наших семейных реликвий.

Андрей Азарьевич вызывал абсолютное доверие к себе как к деятелю Архива, потому что непреложно угадывались его высочайший профессионализм, его бескорыстная преданность сохранению культурной памяти России.

А какой он милый, прелестный, скромный молодой человек! Какие находил чудные слова мне в поздравлениях! Все их храню. Я с радостью готовила что-нибудь к чаю, когда он приходил (приходил с гостинцами!) получить очередную порцию документов в Архив... В марте этого года я пригласила его, чтобы познакомить и сестру с ним. И наши впечатления

об Андрее Азарьевиче совершенно совпали: мы с любовью и некоторым удивлением говорили между собой об Андрее Азарьевиче, как о подлинном интеллигенте и подвижнике в своём деле.

Я получала глубокий, сильный импульс к дальнейшей работе от встреч с Андреем Азарьевичем: было бы просто неловко лениться, когда есть такие преданные памяти Гептатора, Маминой молодости труженики.

[...] Я постараюсь быть достойной ясной, доброй, милой памяти Азарьевича (так мы с сестрой называли между собой Андрея Азарьевича) и буду работать! Его большие голубые глаза как-то немного сбоку внимательно смотрят на меня.

Ваш сын – человек редкого тихого обаяния. Мы любим его.

Октябрь 2004.

Ваша С. Нуриджанова.

А.А. Кацу было 44 года. Православный, крестила бабушка Кондрашова Клавдия Фёдоровна (1912–2001). Но об этом, сокровенном, никто и не знал в Архиве до самых его похорон.

В издательстве Главного архивного управления города Москвы выходят «Воспоминания счастливого человека» С.Д. Рудневой. Публикатор и редактор – А.А. Кац.

ЛИТЕРАТУРА

о Гептахоре и Музыкальном движении, о деятельности С.Д. Рудневой

1. Ритм и культура танца. «Сборник статей З. Пуниной и Ю. Харламова, Н. Фореггера, Коллектив Гептахора, Т. Глебовой и З. Вербовой. С предисловием А.А. Гвоздева». «В настоящем сборнике слово предоставляется руководителям различных студий и школ свободного танца». Л.: Academia, 1926.

2. Кац А.А. Дункан и студия «Гептахор» (из материалов личного фонда Рудневой С.Д.)//Мир источниковедения М.; Пенза, 1994. – С. 286–290.

3. Тейдер Вал., Тейдер Вик. Гептахор – это семь пляшущих// Балет. 1995. – № 3 – С. 40–42, 48.

4. Айламазян А. О судьбе Музыкального движения//Балет. 1997. –VII–VIII. – С. 20–23.

5. Лукосяк Ю.П. Футбол. Первые шаги. 1860–1923. СПб, 1998. Глава о Г.А. Дюпероне, в которую включены воспоминания С.Д. Рудневой о студии «Гептахор».

Этот библиографический материал в мае 2007 г. нашла в Интернете библиограф Российской Национальной библиотеки (СПб) Э.Ф. Цветкова. Она нашла мне его по собственной инициативе, сама и выписала на карточки, так как я хотела получить дополнительные сведения только о художнике Б.В. Эндере. Разумеется, объяснила, в какой связи меня интересует это имя. Я была просто тронута таким вниманием и вот – благодарю Элеонору Фёдоровну!

Последней книгой о Гептахоре в её списке значилась ... моя книга «Жизнь незабываемых людей»! Кто-то внимательно просмотрел её!

Хочу надеяться, что за последние семь лет «Гептахориана» обогатилась новыми публикациями.

... Всё же я сочла своим долгом познакомиться с литературой о Гептахоре. Но в РГБ в зале текущей периодики в каталоге уже нет журнала «Балет» за 90ые гг.: «Обратитесь в другие библиотеки». Увидев в свободном доступе номера за 2006–2007 гг., я стала их просматривать. И чудо-то случилось!

«Вечные вещи» Айседоры Дункан//Балет, 2006, № 1 (137) С. 26–28. Рубрика «Балет-парад». Автор Е. Никитина:

«Пятый международный фестиваль аутентичного музыкально-театрального искусства во дворцах и усадьбах столицы “Московское действо” (29 VI – 14 VII 2005 г.) был посвящён знаменательной дате – 100-летию первого выступления Айседоры Дункан в России. [...] Нигде танец артистки не имел такого огромного отклика, как в России. [...] Многие представители художественной интеллигенции «заболели» идеями Дункан. Было открыто несколько серьёзных школ, проводились концерты отдельных исполнителей и групп. Стефанида Руд-

нева и её подруги создали в Петербурге студию свободного танца «Гептахор» (в переводе с греческого пляска семерых) [*Осмеливаюсь поправить автор, буквально: семь и пляска. Профессор Ф.Ф. Зелинский придумал это название для кружка из семи подруг. «Гептахор» – это именно «семь пляшущих». С.Н.*], где разработали уникальный метод обучения искусству импровизации как непосредственному отклику на заложенные в музыкальном произведении движения (С. 26)*.

[...] В представлении [*«Хореографическое действие» на музыку «Поэма экстаза» А. Скрябина*] участвовали московские коллективы – студия музыкального движения «Гептахор» (рук. А. Айламазян) [...] (С. 28)». Е. Никитина называет многих участников фестивальной программы и кратко представляет их, но наиболее полно и в некой исторической ретроспективе написала именно о Гептахоре. Естественно, эта информация о Музыкальном движении наших дней, о Гептахоре Аиды Айламазян для меня особо значима и дорога.

Мы верим с тебя, Гептахор!..

19 VI 2007.

* «... 25 коллективов свободного танца из 16 стран. [...] представляют большинство направлений свободного танца – танец Дункан, ритмику, танец модерн, эвритмию, музыкальное движение, гармоническую гимнастику, контактную импровизацию, танец-театр и танец буюто, которые были основаны в XX веке Айседорой Дункан, Жаком Далькрозом, Рудольфом Штайнером, Рудольфом Лабаном, Людмилой Алексеевой, Стефанидой Рудневой и другими». «Московское действие». Вступительная статья к Программе V Международного фестиваля аутентичного музыкально-театрального искусства во дворцах и усадьбах Москвы.

На фестивале «Московское действие» студия «Гептахор» под руководством Аиды Айламазян показала вокально-пластическое действие на музыку К.В. Глюка «Орфей и Эвридика».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абендрот Герман
Аверинцев С.С.
Адамсон Джой
Айламазян Аида М.
Ажаев В.Н.
Айдинян С.А.
Айламазян Аида
Акимов Н.П.
Аксаков К.С.
Алой Зоя [*Аллоу?*]
Альшванг А.А.
Андреев Н.Н.
Андреев Ю.Н.
Андреева Е. Вл.
Андреевы
Андрей, двоюродный брат Н.К.
Анна Сергеевна
Анциферов Н.П.
Анциферов Сергей, Светик
Аренский А. Ст.
Ариадна, дочь Т. Набоковой
Аристотель
Аристофан
Арсеньев

Б

Базанов В.М.
Базанова Н.Ф.
Барток Бела
Бархатовы, семья
Баршай Р.Б.
Барышников К.К.
Бах И.-С.

Бах-сын Карл Филипп Эмануил
Башкиров Д.А.
Беккер Катя
Белла, жена Ефрема
Беллини Винченцо
Белоус В.Г.
Белоусова Л.Е.
Белый Андрей
Бенуа А.Н.
Берман Лазарь
Бетховен Людвиг Ван
Бизе Жорж
Благовещенский Ф.
Блок А.А.
Бобин Вадим
Бобин Г.С.
Бобин Никита
Бобин С.П.
Бобина Анютка
Бобина Вера
Бобина Даша
Бобина Н.Е.
Бобина Юлия
Бонч-Бруевич В.Д.
Боровская М. Вл.
Бородин А.П.
Бражников В.В.
Бражников М.В.
Брамс Иоганнес
Браудо И.А.
Бриммер Н.К.
Бриммер Н.Л.
Бриттен Бенджамин
Булгаков М.А.

Бульванкер В.З.

Бунин И.А.

Бутлеров А.М.

Бухстехуде Дитрих

Бэлза И.Ф.

В

Вагнер Рихард

Вальтер Бруно

Ван Гог Винсент

Ван Дейк Антонис

Вандерфлит Е.К.

Варзар И.В.

Ведерников А.С.

Вейнгартнер Феликс

Вейс Дэвид

Веласкес Диего

Велли тётя

Вербова З.

Верди Джузеппе

Вермер Делфтский

Вернадский В.И.

Веронезе Паоло

Верочка, ученица С.Д.

Вершинина И.Я.

Ветошкина И.

Вивальди Антонио

Виланд Кристофор Мартин

Виноградов В.В.

Виноградов Г.П.

Вирсаладзе А.Д.

Вишкарёв Л.В.

Воейков А.И.

Воинов В.В.

Воинова Т.В.

Волконский С.М.

Воль А.Я.

Вольф Гуго

Врангель П.Н.

Всеволодский-Гернгросс В.Н.

Вульфиус П.А.

Высоцкая С.С.

Г

Гамзатов Расул

Гандельман-Головчинер О.Д.

Гвоздев А.А.

Гендель Георг Фридрих

Генералова Л.

Герман П.А.

Герра Рене

Герцен А.И.

Гершуни Е.П.

Гибис Нора

Гилельс Эмиль

Гинсбург Л.

Глазунов А.К.

Глазунов И.С.

Глебова Т.

Глезос Манолис

Глинка М.И.

Гоголь Н.В.

Голсуорси Джон

Голуб Н.О.

Гольденберг Н.М.

Гомер

Горшилова В.И.

Горький Максим

Горянцева Ляля

Гоцци Карло

Гочатуриянц Е.Р.

Грау Шерли Энн

Гревс И.М.

Гречанинов А.Т.

Грибоедов А.С.

Гринберг Мария

Гросс Е.Ф.

Гусев А.А.

Гусева В.А.

Д

Давыдов Ю.

Данин Даниил

Данте Алигьери

Даргомыжский А.С.

Дебюсси Клод Ашиль

Дервиз Т.Л.

Джонсон

Дмитрий Донской

Добкин А.И.

Доброклонский М.В.

Добрынина Евдокия, Дуня

Доде Альфос

Долуханова Зара

Дорифор, статуя Политекта

Дорлиак Н.Л.

Дубянская Е.М.

Дункан Изадора

Дюбуа Уильям Эдуард

Дюперрон Г.А.

Дюрер Альбрехт

Е

Евтушенко Е.А.

Енукидзе А.С.

Ершов И.

Ершов И.В.

Ершов И.И.

Есенин С.А.

Ечеистова В.Б.

Ж

Жабрев В.Д.

Жабрев Д.В.

Жадова Л.

Жак-Далькроз Эмиль

Женя, ученица С.Д

З

Зеленцов Ив. Ив.

Зеленцова В.С.

Зелинский Ф.Ф.

Зенькович В.В.

Зилоти А.И..

И

Иванова Е.

Иванов-Разумник Р.В.

Ивашёв В.П.

Ивашёва Е.П.

Ивашёва Таня

Игумнов К.Н.

Ида, жена Д. Руднева

Ильина Г.А.

Ингал В.И.

Ингстадт Х.

Ирина, дочь Т. Набоковой

К

Кабалевский Д.Б.

Казальс Пабло

Казицын В.А.

Каллас Мария

Каменецкая О.М.

Каменецкие

Караманлис Константинас

Кассу Жан

Кац А.А.

Кац А.М.
Качалов В.И.
Кваренги Дж.
Келлер Л.В.
Кеппен П. Ив.
Киров С.М.
Клемент Ф.Д.
Клементи Муцио
Клементьева Кс. Ал.
Клиберн Ван
Кнебель М.А.
Колумб
Комендровская (Анциферова) Т.Н.
Конашевич В.М.
Кондратов А.М.
Кондрашова Г.А.
Кондрашова К.Ф.
Конрой Уэнди А.
Корш Е.Ф., журналист, издатель
Косидовский Зенон
Костере Норбер
Косяков П.А.
Кочетов Вс. Анис.
Крапивин
Красин Л.Б.
Кривулин Н.К.
Кривулина Ю.А.
Кручинина А.Н.
Крылов И.С.
Кузмин М.А.
Кулаковский Л.В.
Курбе Гюстав
Курдов В.И.
Кусто Жак Ив

Л

Ларин Б.А.
Лебедев В.В.
Левина Зара
Лейкина-Свирская В.Д.
Лейкинд О.Л.
Ленин В.И.
Ленкин, муж С.К. Ленкиной
Ленкина С.К.
Леонардо да Винчи
Леонтьев А.Н.
Леонтьев Я.В.
Лермонтов М.Ю.
Лесков Н.С.
Лисенков Е.Г.
Лозинская Т.Б.
Лондон Джек
Лосев А.Ф.
Лоти Пьер
Лукосяк Ю.П.
Лысенко Н.В.
Лю-Шикунь
Ляпунов С.М.
М
Бабка Марина
Мазаччо
Май К.И.
Макаренко А.С.
Македонов А.В.
Малевич К.
Мария Ивановна
Мария Николаевна, бабушка Маша,
сватья Н.К.
Мария Степановна
Маркова Е.С.
Марке Альбер

Маршак С.Я.
Матисс Анри
Матэ В.В.
Матюшин М.В.
Махров К.В.
Мацуура Тоеаки
Машковцева
Медведев Д.Н.
Медушевский В.В.
Мезерницкий Ю.П.
Мейерхольд Вс. Эм.
Мендель Грегор Иоганн
Мережковский Д.С.
Метальникова Е. Вл.
Микова М.В.
Митрохин Д.И.
Михайловская Ноэми М.
Мицкевич Адам
Модильяни Амадео
Мончадская Е.А., Люся
Мончадский А.С.
Моргунов А.Д.
Моцарт Вольфганг Амадей
Мочалов С.М.
Мравинский Е.А.
Мунте Аксель
Муратова (Павлова?) В.Н.

Н

Набокова Тася
Надя
Назым Хикмет Ран
Насонов Д.И.
Насонов Н.В.
Насонова Е.А.
Наташа, невестка Н.К.

Нейгауз Г.Г.
Немировская
Неаполитанская В.С.
Нефедьева Е.М.
Николаева Г.
Никитина Е.
Нил Сорский
Нина, жена Д. Руднева
Нуриджанов Арсен
Нуриджанов Арсений
Нуриджанов Сергей
Нуриджанова С.А.

О

О. Генри
Оболенская Ольга
Оболикшто М.С.
Оболикшто С.К.
Образцов С.В.
Одоевцева И.Вл.
Окс Андрей
Окс Нина
Оксентян Н.
Олечка, Оля, «опекунша» С.Д.
Ольга Ивановна
Орбели И. Абг.
Орлов А.Г.
Орлова М.Н.
Осипова Л.
Остроумова-Лебедева А.П.

П

Паркеры
Паустовский К.Г.
Педькова Н.В.
Персей
Пёрселл Генри

Перчёнок Ф.Ф.
Петри Г.Э.
Петровский И.Г.
Петухова В.В.
Пикассо Пабло
Пини Н.
Пиотровская Е.В.
Пиотровский Адриан
Пиотровский И.О.
Питерская Э.
Платон
Плясецкая
Поздова Е.П.
Политект
Правдин Б.В.
Правосудович Н.
Пресняков А.А.
Пресняков А.В.
Прокофьев С.С.
Протопопов О.А.
Пузырёв С.В.
Пулькин Д.И.
Пулькина Л. Дм.
Пулькина М. Дм.
Пунина З.
Пуссен Никола
Пушкин А.С.
Пыпина П.Н.
Пыпины

Р

Рабинович И.С.
Равель Морис
Радлов С.Э.
Раевская Е.П.
Разин Степан

Разулевич М.И.
Разумовская Е.Э.
Разумовские, семья
Разумовский А.
Райков Б.Е.
Рахманинов С.В.
Редгрейв Майкл
Резерфорд Эрнст
Ремарк Эрих Мария
Ренье Анри
Рихтер С.Т.
Роден Огюст
Розинг И.И.
Розинг-Гвелькмейер Л.Б.
Роллан Ромен
Россини Д.
Ростовцев М.М.
Ростоцкий Б.И.
Рублёв Андрей
Рудаков К.И.
Руднев Д.Н.
Руднев Д.Ф.
Руднев Н.В.
Руднева В. Дм.
Руднева Катя
Руднева С.Д.
Рудневы, семья
Рудницкий К.Л.
Руми Джалалиддин

С

Сабашниковы, издатели
Сальери Антонио
Самёнов-Тян-Шанский В.П.
Святский Д.О.
Северюхин Д.Я.

Северянин Игорь
Селиванова И.В.
Семизорова К.Г.
Сергеева
Сергеев-Ценский С.Н.
Сидоров И.И.
Сидорова А.И.
Сидорова З.И.
Сидорова М.А.
Сизеран Морис
Скарлатти Алессандро
Скрябин А.Н.
Соболева Г.Н.
Солженицын А.И.
Соловьёва Вера
Софокл
Софроницкий В.В.
Софья Ильинична, мать Н.В.
Стенчики
Стравинский И.Ф.
Стрельман Михаил
Судакова Н.С., тётя Надя

Т

Тагац Вера
Тагац Евгения
Танеев С.И.
Татьяна Михайловна, художник
Тейдер Вал.
Тейдер Вик.
Терборх Герард
Терехина В.Н.
Тийсман М.Г.
Тихомиров В. Прох.
Тихомиров Н.Ф.
Тихомиров Ф.В.

Тихомиров В.В.
Тихомирова Е.Д.
Тихомирова Н.Ф.
Тихомирова Ю.Ф.
Тициан
Толстикова Н.В.
Толстой И.И.
Толстой Л.Н.
Тревер В.А.
Тревер И.В.
Тревер К.В.
Тревер М.И.
Тревер, сёстры
Труда, жена В.З. Бульванкера

У

Успенский Л.В.
Ушакова З.Н.

Ф

Фаворский В.А.
Фандерфлит В.П.
Фандерфлит Д.К.
Фандерфлит Е.Д.
Фандерфлит О.Д.
Фан-дер-Флит К.П.
Фан-дер-Флит П.П., дед Н.К.
Фан-дер-Флит П.П., прадед Н.К.
Фан-дер-Флит-Бриммер Н.К.
Фармаковский Б. Вл.
Фаст Говард
Февральский А.В.
Фёдоров И.
Фёдорова Н.В.
Фейхтвангер Лион
Фитингоф Г.П.
Фиш Г.С.

Фиш Р.Г.
Фиш Эмма М. (ур. Цильдерман)
Флит Наташа
Фогельсон Р.Б.
Фонвизин Артур Вл.
Фон-Дервиз Д.Г.
Фон-Дервиз В.Д.
Фон-Дервиз С.А., ур. Ларионова
Фореггер Н.
Франк Сезар Огюст
Фридрих Эрнст
Х
Харджиев И.
Харламов Ю.
Хасиева Р.В.
Хемингуэй Эрнст
Хижинский Л.С.
Хитрово М.Н.
Хитрово Н.Н.
Хитрово, семья
Хогарт Уильям
Ходнева Алла
Ходневы, семья
Хордикайнен А.М.
Хордикайнен Андрей
Хордикайнен М.А.
Хордикайнен Софья
Хордикайнен Юлия
Хордикайнен, девочки
Хордикайнены
Ц
Царькова В.Г.
Цветкова Э.Ф.
Цильдерман Эв. М.
Цимбал С.Л.

Цинберг Т.
Цингер А.В.
Цингер О.А.
Цинзерлинг В.В.
Цинзерлинг Г.Д.
Цинзерлинг Е.В.
Ч
Чапыгин А.П.
Чёпман Энтони Дж.
Черепанова К.Ф.
Чернышевские, потомки писателя
Чехов А.П.
Чичерин Г.В.
Чурлёнис М.К.
Ш
Шапорин Ю.А.
Шатриан Эркман
Шверубович В.В.
Швинд Мориц
Шелкова Л.И.
Шетелих Хорст Вольфганг
Шидловская М.А.
Шиллинговский П.А.
Шиши Ноэль
Шкловская Н.А.
Шлиман Генрих
Шопен Фридерик
Шостакович Д.Д.
Штаркман Н.Л.
Штейн Виктор
Штейнберг С.М.
Штеренберг Д.П.
Штерн Г.А.
Штиглиц А.Л.
Шуберт Франц

Шубникова-Гусева Н.И.

Щ

Щерба Л.В.

Э

Эванс Артур Джон

Эврипид

Эйзенштейн С.М.

Эмма Карловна

Эндер Б.В.

Энман А.Ф.

Энман Н.А.

Энштейн Альберт

Ю

Юдин М.А.

Юдина М.В.

Я

Яворский Б.В.

Яковлев Н.Н.

Яковлева Т.

Янсон А.

Яхонтова Н.С.

Яхонтова Нина

Яшунская Г.И.

Я ГОВОРЮ СПАСИБО

Я благодарю читателя, который долистал, досмотрел, а, может быть, потихоньку и дочитал мою книгу. Спасибо за душевный труд: судьба главных действующих лиц книги, её истинные героини, надеюсь, будут жить и в Вашей памяти, читатель.

Спасибо сотрудницам архивов и библиотек Москвы и Санкт-Петербурга, где я работала, за отзывчивость к моим просьбам.

Особо дорого мне внимание моего внука Арсения. Оно даже удивляло меня: такой это был всегда живой интерес. Он х о т е л слушать о том, как идут мои дела.

Благодарю Судьбу за то, что она послала мне Микову М.В., компьютерного профессионала. Считаю Машу своим соавтором: так много в содержании и в композиции книги мы обсуждали сообща.

Самое сердечное спасибо внукам Юлии Фёдоровны Арсену и Сергею и внуку Стефаниды Дмитриевны Дмитрию за поддержку и возможность осуществить публикацию этой книги.

ОБ АВТОРЕ

С.А. Нуриджанова (Хордикайнен) окончила филологический факультет ЛГУ в 1952 г. В 1954–1957 училась в аспирантуре у Б.А. Ларина. С 1957 по 2000 г. – жила в Уфе. Преподавала в школе рабочей молодёжи русский язык и литературу. Член Союза журналистов СССР с 1964 года. Собиратель народного прикладного искусства в традициях регионального краеведения 20^х годов. Коллекция С.А. Нуриджановой экспонировалась в Уфимской художественной галерее (1978), во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства (Москва, 2002), в Рыбинском государственном историко-архитектурном и художественном музее на родине Ю.Ф. Тихомировой (2004).

С.А. Нуриджанова участвовала в 7ой Всероссийской выставке из цикла «Семейное дело» июль–август 2003 г. в павильоне «Культура» на ВВЦ как продолжатель традиций своего отца А.М. Хордикайнена, сотрудника ЦБК; в Историко-художественной выставке «Из копилки прошлого» октябрь–ноябрь 2006 – там же.

Кроме того, в Уфе было много выставок по отдельным разделам коллекции: в Художественном музее им. М.В. Нестерова – выставка пасхальных яиц, деревянных расписках и из самоцветов (около 140), весной 1997, на Пасху; были выставки старинных полотенец, резного дерева, башкирских сувениров и другие, небольшие и короткие в библиотеках, школах...

С 2001 г. С.А. Нуриджанова живёт в Москве. Связаться с С.А. Нуриджановой можно по электронной почте: mikoma@yandex.ru.

У С.А. Нуриджановой четверо внуков.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

Предисловие

Имена и инициалы главных действующих лиц и основных объектов переписки

Несколько замечаний публикатора и принятые сокращения

Книга писем

Приложения

- I Ю.Ф. Тихомирова. Слово перед выступлением 20 V 23
- II Воспоминания Ю.Ф. Тихомировой о пребывании в Крыму вместе с Н.В. Педьковой в 1918–22 гг.
- III Воспоминания Ю.Ф. Тихомировой о её жизни
- IV Письмо Ю.Ф. Тихомировой в редакцию газеты «Комсомольская правда»
- V Необходимые дополнения к «Воспоминаниям Ю.Ф. Тихомировой»
- VI Автобиография Н.В. Педьковой
- VII Автобиография Н.К. Фан-дер-Флит
- VIII Ответы Н.К. Фан-дер-Флит-Бриммер на мои вопросы
- IX Краткие воспоминания Ю.А. Кривулиной о визитах С.Д. Рудневой к Ю.Ф. Тихомировой в Ленинграде в 60–70 гг.

Послесловие

Примечания

Литература о Гептахоре

Указатель имён

Моя благодарность

Об авторе

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. **Приложения I СЛОВО ПЕРЕД ВЫСТУПЛЕНИЕМ 20 V 23, II ВОСПОМИНАНИЯ Ю.Ф. ТИХОМИРОВОЙ О ПРЕБЫВАНИИ В КРЫМУ ВМЕСТЕ С Н.В. ПЕДЬКОВОЙ В 1918-22 гг., III ВОСПОМИНАНИЯ Ю.Ф. ТИХОМИРОВОЙ, IV ПИСЬМО Ю.Ф. ТИХОМИРОВОЙ В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА».**

² **Руднева** Стефанида Дмитриевна (1890–1989) – окончила ВЖК, подгруппу истории и теории искусства историко-филологического факультета. Вместе с Н. А. Энман – вдохновенный создатель кружка, а затем студии «Гептахор», теоретик Музыкального движения, педагог. Воспоминания счастливого человека. ЦММЛС. Фонд С.Д. Рудневой 140. Оп 1. Д. 11. Д. 12. Д. 13.

С.Д. Руднева происходила из кругов сановной аристократии: её дед Дмитрий Григорьевич Фон-Дервиз (1829–1916) окончил Училище правоведения, был крупным юристом, участвовал в разработке судебной реформы при Александре II. Был сенатором и членом Государственного Совета. См. С.Д. Руднева. Краткие биографические данные о Дмитрие Григорьевиче и Стефаниде Андреевне Фон-Дервиз, урождённой Ларионовой. Воспоминания. Автобиография. 2 листа. ЦММЛС. Фонд 140. Оп. 1. Д. 20.

Отец С.Д. Дмитрий Фёдорович Руднев (1849–1894) «родился в семье небогатого многосемейного помещика», «восемью лет был помещён в Орловский кадетский корпус и в семью больше не вернулся». Артиллерист. Увлечённо играл на виолончели и с друзьями и товарищами собрал домашний камерный ансамбль. – В первой половине 80^х участвовал в экспедиции в Монголию и Китай. Рано умер, простудившись на параде.

См. С.Д. Руднева. Краткие сведения о биографии отца Дмитрия Фёдоровича Руднева. ЦММЛС. Фонд 140. Оп. 1. Д. 21. 1979 г.

³ **Кривулина** Юлия Александровна (р. 1928) – кандидат географических наук. Живёт в С.-Петербурге.

⁴ **Нуриджанова** Софья Александровна (р. 1928) – учитель, журналист, коллекционер народного прикладного искусства, публикатор и автор документально-мемуарных книг (См. далее в Примечаниях).

⁵ **Хордикайнен** Матвей Александрович (р. 1933) – кандидат геолого-минералогических наук, живёт в пос. Зелёный Московской области.

⁶ **Энман** Наталия Александровна (1889–1961) – окончила ВЖК, подгруппу истории и теории искусства историко-филологического факультета, хорошо рисовала, писала стихи. Дочь историка А.Ф. Энмана, окончившего Дерптский университет, служил в Иностранном отделении библиотеки Академии наук (См. Словарь Брокгауза и Эфрона). Н.А. Энман вместе

со С.Д. Рудневой – зачинатель Гептахора. С 30^х гг. по 51 год работала в музее «Дом-квартира С.М. Кирова», была заведующей фондом музея. Член КПСС с 1940 г. После войны работала в издательствах, создавала образцы для вышивок, старалась повысить их художественную ценность: не кошечки, а народные орнаменты. ЦМAMЛС. Фонд 140. Оп 1. Д.9.

⁷ **Зелинский** Фаддей Францевич (1859–1887) – профессор Петербургского ун-та, историк античной литературы, приглашен на ВЖК в 1906-07 учебном году.

⁸ **Ростовцев** Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности. С. Д. Руднева вспоминала: «Он настолько ярко и зажигательно говорил, с такой логичностью, что, придя домой, я могла записать всю его лекцию». ЦМAMЛС. Ф. 140. Оп 1. Д.12.

⁹ **Айседора** Дункан (1877–1927) – американская танцовщица, стремившаяся возродить эллинское, древнегреческое представление об искусстве танца, отвергала выучку классического балета. Первое выступление в Петербурге в 1905 г., затем – в 1907, постоянно приезжала и позднее.

¹⁰ **Цинзерлинг** Галлия Дмитриевна (род. в 1928 г.) – дочь Е. Вл. Цинзерлинг, живет в Москве.

¹¹ **Кривулин** Николай Кимович (р. 1958) – кандидат математических наук, доцент С.-Петербургского университета. Живёт в С.-Петербурге.

¹² **Педькова** Наталия Васильевна (1890– начало 80-х) – окончила романо-германское отделение ВЖК. Член Гептахора. До войны работала в Доме занимательной науки, после войны – редактор в Главной Геофизической обсерватории в Ленинграде.

¹³ **Тревер** Камилла Васильевна (1892–1974) – окончила ВЖК, член-корреспондент Академии наук СССР, сотрудник Эрмитажа, доктор исторических наук.

¹⁴ **Тревер** Ильза Васильевна (1893–1955) – окончила ВЖК, историко-филологический факультет, подгруппу истории и теории искусства. Поэт (См. её стихи в Примечании 127). С августа 1920 г. работа в Русском музее: «каталогизатор библиотеки художественного отдела», «научный сотрудник Русского музея». (ГРМ. Оп. 10, Ед. хр. 460. Лист 21).

Судя по Личному делу И.В. Тревер (много справок о бюллетенях), она часто болела и 21 VIII 1931 г. подала заявление директору Русского музея с просьбой об освобождении от занимаемой должности по состоянию здоровья (Лист 97).

В Анкетном листе 11 I 1930 г. К.В. сообщает о своём отце («точно указать профессию родителей»): отец – техник, электромеханик; с 1890 по 1921 гг. – заведующий технической частью 3^{ей} психиатрической больницы (Лист 98). Муж К.В. Тревер – Александр Самойлович Мончадский (1897–1974), крупнейший русский учёный в области паразитологии насекомых,

доктор биологический наук, работал в течение 30 лет в ЗИН'е АН. Упомянув об А.С. Мончадском, Н.К. называет его «Муля».

В Архиве ЗИН'а в одной из поздних его Анкет читаю:

Женат: жена Тревер Ильза Васильевна.

Сведения о родителях И.В.:

Отец: Тревер Василий Арнович 1856. Таллинн. Их рабочих, эстонец.

Мать: Тревер Мария Ивановна 1862. Пярну. Их мещан, русская.

Дочь: Мончадская Елена Александровна – научный сотрудник Эрмитажа. (Фонд 1. Оп. 3. Д. 120).

Возможность познакомиться с Архивным делом А.С. Мончадского мне любезно предоставила Е.П. Тихонова, заведующая Архивом Зоологического института РАН.

¹⁵ **Цинзерлинг** Екатерина Владимировна (1887–1979) – окончила физико-математический и историко-филологический факультеты ВЖК. Доктор геолого-минералогических наук.

Собирая книгу «Жизнь забытых людей», я читала Воспоминания Екатерины Владимировны. Она сама печатала их на машинке, хранятся они у Г.Д. Цинзерлинг. – Ек. Вл. создала в них почти что семейную хронику рода Цинзерлингов, начиная с описания старинного швейцарского герба предков, истории нескольких поколений семьи в России и заканчивая торжествами, связанными с её открытиями в кристаллографии в 60ые годы. Совершенно очевидно: Ек. Вл. была яркой, талантливой натурой, человеком ошеломляющей работоспособности и одержимости своим Делом. Видимо, оборотной стороной этих качеств были пережесты, издержки в отношениях даже с близкими людьми. Думаю, это совершенно невыносимые для обычной жизни непрекращающиеся crescendo всех своих сил истощило мозг, нервы Ек. Вл., что обернулось для неё катастрофой в последние годы жизни.

В книжке с датами отосланных писем с 27 IX 63 по 22 XI 72 Юлией Фёдоровной Ек. Вл.–не указано 77 дат. Значит, Ю.Ф. было важно знать о жизни, о работе Ек. Вл., узнавать о Гуле.

До войны, когда Папа через Москву ехал куда-нибудь в командировку, он заходил к Цинзерлингам. Это вспомнила Гуля, и у неё в памяти осталась такая деталь: А.М. всегда приходил с какими-то съестными раритетами... И это так похоже на отца.

Вот несколько моментов нашего, детей Ю.Ф., общения с Ек. Вл.

... В 63 г. Я получаю двухкомнатную полнометражную квартиру (в Уфе) и пишу письмо Ек. Вл. с просьбой одолжить денег на покупку штор. (Наверное, этот шаг был предпринят по совету Мамы). Между прочим, это из дома Цингерлингов в мой обиход на долгие годы вошло делать занавеси на окна на подкладке из кусков старых простыней и пододеяль-

ников. Шторы смотрелись «импозантнее!» – В новую квартиру к сестре Ек. Вл. приходит с хрустальной вазой для цветов. Сестра хорошо запомнила и приняла как завет следующий призыв Ек. Вл. : «Люсенька, запрашивайте от жизни бóльшее, по максимуму!». Это жизненно правило Ек. Вл. помогало и мне.

Сколько раз брат Матвей, приезжая в командировку в Москву из Дзезказгана, был согрет вниманием Ек. Вл. и Гули...

Уже после смерти Ек. Вл. и тогда, когда я стала сама свободна (сыновья выросли), я останавливалась у Гули, и мне было хорошо с ней и у неё. А однажды, путешествуя по туристической путёвке, в книжном магазине в Великих Луках я увидела книгу «Музеи Ватикана» и ещё что-то, столь же редкостное. Денег не было. Позвонила Гуле и она телеграфом прислала мне 300 рублей.

... Гуля называла С.Д.–ну «Мама Стеня» и была предана ей.

В Фонде 140 очень-очень мало документов Ек. Вл. Цинзерлинг.

¹⁶ **Нуриджанова** Софья. Жизнь незабываемых людей. Дневники. Письма. Справки. Воспоминания. – Уфа: Изд-во «ИС», 2000, – 324 с. [фот. – 52 с.]. Тираж 500 экз.

¹⁷ **«Воспоминания Счастливого человека»** ЦМАМЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 12. Д. 13.

¹⁸ **Бриммер** Наталия Константиновна (1901–1998) – см. «Автобиографию Н.К. Фан-дер-Флит-Бриммер» в Приложениях.

¹⁹ **Бульванкер** Владимир Захарович (1900–1987) – окончил ВВКУ весной 1918 г., талантливый ученик Гептахора; в начале 30^х – заведующий студией «Гептахор», сценарист, постановщик народных праздников, педагог. Владимира Захаровича звали в Гептахоре «Волк».

²⁰ **Ечеистова** Вера Борисовна (1880–1959) – большой друг С.Д. Рудневой с ранней юности. С.Д. было 15 лет, когда к ней пришла молодая учительница подогнать её к сдаче экзамена за курс гимназии по «правописанию», как выражается С.Д. в своих Воспоминаниях. Это была В.Б., она недавно окончила Бестужевские курсы, ей было 25 лет. «У В.Б. не было других талантов, кроме одного: она обладала необычайной по силе и глубине восприимчивостью ко всему прекрасному, доброму, чистому – глубоким эстетическим чувством в большом смысле этого слова», – написала о В.Б. Стефанида Дмитриевна. В.Б. сразу и серьёзно прониклась идеями Гептахора, стала другом гептахорцев и много помогала Гептахору в завоевании признания в обществе. – Учительствовала В.Б. недолго, занималась библиотечным делом. Последняя её работа после войны до середины 50^х гг. была по комплектованию библиотеки Академии художеств (ЦМАМЛС. Фонд 140. Оп. 1. Д. 11).

²¹ **Я как-то подсчитала**, что со дня начала оккупации в сентябре 41го до дня освобождения в августе 44го мы 17 раз погрузались и разгрузались, подгоняемые размахиванием прикладов и окриками охранников. Только в Эстонии в начале марта 44го нам удалось бежать с этапа. Первое время мы с сестрой ходили по хуторам пилить дрова, а с середины апреля все четверо мы работаем на хуторах у хозяев. Освобождение пришло только в августе, но ведь сельскохозяйственный год ещё не кончился, и я проработала у своих хозяев до конца октября. Я уже писала в других своих книгах, что мне Судьба послала очень тяжёлые условия жизни, а сестре почему-то – не просто приличные, но благоденственные. Вот строчки из Дневника сестры: «Зося имеет очень удручающий вид. Старые портки, чулки с заплатами, пиджак, весь облохматившийся и местами рваный, – вот её наряд. Руки тоже грязные, но вымытые (1 X 44). Между прочим она спросила меня, принесла ли я ей хлеба. Но я так торопилась, что совсем забыла это (8 X 44). Ей [*Zose*] всё так же плохо живётся [...]. Зося думает, что ей нельзя будет поступать работать пастушкой [*«пастушкой» – эвфемизм, на деле – батрачкой*], так как это «преступление против жизни» (24 VII 45).

Но это всё так, к слову. Сестра вернулась в Маме (Мама в это время с Андреем, Матвеем и Бабушкой Дуней жили у хозяев Андрея) в августе.

В 20^х числах ноября мы выбрались в Тарту. Это было почти трагическое время: Мама в одиночку добралась до Тарту, чтобы устроиться на работу и найти жильё; мы всё время были на волоске от краха: не было машины увезти наши заработанные продукты, а когда один шофёр с солдатом согласился (за две бутылки водки), то по дороге «заходили на хутора и напились вдрызг» (С. 129). Всё, связанное с переездом в Тарту, по дням, почти по часам рассказано сестрой в её Дневнике.

С 25 XI 44 мы стали снова учиться в школе, в русской школе Тарту.

Поразительный документ Времени и всего, перенесённого нами – Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – С.А. Нуриджанова – публикатор, автор предисловия, комментариев, редактор.

²² **Страх...** В книге Н.П. Анциферова «Из дум о былом. Воспоминания» / Вступительная статья, составление, примечания и аннотированный указатель имён А.И. Добкина. – М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. – 512 с. илл./ в главах «СЛОН» (Соловецкие лагеря особого назначения) и «Шахтинское дело» научной интеллигенции» рассказ автора о его арестах с апреля 1929 г., о пребывании в Кемском пересыльном лагере, затем – на Соловках и снова о водворении в Лен[инградское] ДПЗ и обратно в Кресты (тюрьма) летом 1930 уже в основном по делу Центрального бюро краеведения. – 17 VII 1930 г. как краеведы арестованы наши родители Ю.Ф. Тихомирова и А.М. Хордикайнен по «Делу № 108691 по обвинению гр.

Святского Даниила Осиповича, Казицына Владимира Алексеевича и др[угих] в числе 15 человек по 58/II ст. УК». В присланной справке о реабилитации родителей написано, что они обвинялись в том, что «... враждебно относясь к Сов[етской] Власти, были руководителями контрреволюционной организации краеведов, ставящей своей целью свержение существующего строя и восстановление монархии, работая в ЦБК, использовали его в своих контрреволюционных целях, подготавливая через него низовые Краеведческие организации к участию в контрреволюционном перевороте, для пропаганды своих идей использовали краеведческую литературу, пытались установить связь с белоэмигрантами...», т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 п. 11 УК РСФСР.

В одном списке с родителями был Георгий Александрович Штерн (1905–1982), арестованный 8 IX 1930 г., ученик Н.П. по Тенишевскому училищу (1918–1923), историк, поэт, экскурсионист. В 1930–33 гг. – в лагерях. Позже – преподаватель, экономист (См. А.И. Добкин: аннотированный указатель имён). «Гогус» – так звали Г.А. Штерна все друзья – был любимым учеником Н.П. Н.П. говорит о нём в воспоминаниях: «Мой Гогус». Я слышала это имя, именно «Гогус», в разговорах родителей между собой до войны. Оно запомнилось и заинтриговало по ассоциации со словами «гоголь-моголь». Здесь же, в Крестах, встретился Н.П. со «своим старым другом Г.Э. Петри» (1888–1942), который тоже был в одном списке с родителями.

Опуская подробности, выделю главное для доказательства своей мысли. Гогус не сидел в одиночке, как А.М., он попал в рабочую бригаду и работал полотёром. «Гогус-полотёр был в курсе всех тюремных новостей» (Из дум... С. 371). Вскоре разрешение работать полотёром получил и Н.П., а потом последовало повышение: его «сделали разносчиком каши и кипятка. Это уже высокая для заключённого должность. Вместе с тем меня перевели в незакрытую камеру тюремных рабочих, и я получил право расхаживать по тюрьме» (Из дум... С. 372).

Эту часть своих воспоминаний Н.П. писал, как предполагает А.И. Добкин, «уже после смерти Сталина. На это указывает и почерк автографа, сильно изменившийся после болезни Н.П. в 1955 г.» (Вступительная статья. С. 7).

Описывая своё пребывание в Крестах, Н.П. пять раз вспоминает Гогуса, но нет ни единого упоминания о Ю.Ф. и А.М. Замечу попутно, что среди четырёх обвиняемых, кто не признал своей вины, нет фамилий Г.А. Штерна и Г.Э.Петри. – Только что, в 28 году, крестив близнецов Ю.Ф. и А.М., общаясь со Штерном, читая показания Д.О. Святского (Н.П. называет его своим «однодельцем» (Из дум... С. 386), зная тогда же или узнав в поздние годы, что Ю.Ф. и обвинялась-то в том, что собирала деньги его семье, – он забыл про Юлию Фёдоров-

ну и Александра Матвеевича?! Нет. Это непреклонный внутренний цензор страха ради иудейска, как выражалась Ю.Ф. по некоторым серьёзным поводам, вычеркнул имена опасных теперь, в 50ые гг., друзей.

Как частное лицо Н.П. общался с нами, крестницами, но **в о с п о м и н а н и я** – история прожитой жизни, история Времени, свидетельство очевидца, дело почти что государственное... И недаром же Н.П. так символично озаглавил свои воспоминания! Это же прямая аллюзия в любимому Николаем Павловичем Герцену... Я не согласна с фразой А.И. Добкина из Предисловия: «Как явствует из авторского предисловия, Н.П. не готовил свои воспоминания для печати». Н.П. пишет здесь: «Когда я начал писать эти воспоминания, я думал о своих детях: пусть они, читая эти страницы, повторят в своей душе путь моей жизни».

Детей у меня больше нет: их отняла война. [*Сын Светик умер в блокаду в 42 г., дочь Татьяна – в Америке, но о том, что она жива, замужем, Н.П. ещё не знал.*] Их светлой памяти я посвящаю свой труд. [...] Мне хочется, чтобы мой труд сохранился где-нибудь в архиве».

Но... свои воспоминания Н.П. читал знакомым (друзьям) ещё в 40ом году! Вот записи в дневнике сестры: «29 IV 40 г. Сегодня папа уехал утром в Сибирь. 7 V 40 г. [...] Сегодня от папы пришло письмо. В нём он рассказывал, как он пошёл к нашему крёстному. Там он застал его среди его знакомых. Он делился с ними воспоминаниями о поездке в Италию». Всё-таки мне кажется, что Н.П. читал свои воспоминания, именно **ч и т а л**, а не рассказывал. Ведь «вспоминая о болезни сына в начале 41 г., Н.П. записал три года спустя: «Он просил книг. Я читал ему воспоминания о своём детстве» (Цитирую по примечаниям А.И. Добкина к его Предисловию. Из дум... С 11).

Когда Н.П. вернулся из второго заключения, но уже на Дальнем Востоке (осень 1937–конец 1939) у Вл. Дм. Бонч-Бруевича произошёл такой разговор с Н.П.: «Ваш долг всё это [*пережитое*] записать. Опубликовать мы это не будем, но это пока должно храниться в государственных архивах» (Цитирую Примечания А.И. Добкина С. 452). Сохранить воспоминания в Архиве, в советском же, в государственном архиве! Да это всё равно, что отдать в печать!

Некоторые вещи в «Воспоминаниях» Н.П. выглядят, как написанное человеком, за спиной которого стоит человек в ружьём. Не буду приводить интерпретацию Николаем Павловичем судьбы режиссёра С.Э. Радлова, оказавшегося со своим театром в оккупации: грустное чтение! (Из дум... С. 158). Спасибо А.И. Добкину и в этом, и в других случаях: он хоть и деликатно, но твёрдо поправляет Н.П. Точно и глубоко сказал о дальнейших судьбах

людей, перенёсших оккупацию, А.И. Солженицын: «Каждый, оставленный под оккупацией, хотел все-таки жить и поэтому действовал, и поэтому теоретически мог вместе с ежедневным пропитанием заработать себе и будущий состав преступления: если уж не измену родине, то хотя бы пособничество врагу». Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Малое собрание сочинений. Том 5. Инком. Москва. 1991. С. 80.

Вспоминает наша троюродная сестра Е. П. Поздова: «Когда я в 1954 г. 15 лет поступала на работу в Военно-медицинскую академию, в анкете был вопрос, была ли в оккупации. В автобиографии об этом тоже нужно было сказать».

Как странно... думала и думала над этим примечанием, и вдруг всплыла из довойны, из отрочества одна пословица! Впитанная из книг, из настоящих, потому что ничего тогдашнего мы не читали... *Tempora mutantur et nos mutamur in illis* – лат. Времена меняются, и мы меняется с ними.

Всё-таки – меняемся!

²³ **См. Необходимые** дополнения к «Воспоминаниям Юлии Фёдоровны Тихомировой» в Приложениях.

²⁴ **Фандерфлит** Вера Петровна (1875–1966) – см. о ней в «Автобиографии Н.К. Фан-дер-Флит-Бриммер» в Приложениях.

Осталось в памяти, как в немом кино: по нашей Колпинской улице в Детском Селе идет Вера Петровна. Высокая худая старуха. С рюкзаком за плечами. В рюкзаке – сухари. Нам по пять лет. – О Вере Петровне никогда не говорили «бабушка», только – «Вера Петровна». – Из Тарту мы писали ей письма в Чкалов (Оренбург), ощущая её прочное присутствие в нашей жизни. Вот запись из Дневника сестры: «Утром получили письмо от Веры Петровны. Ей уже 70 лет, но она работает. [...] Между прочим, В.П. говорит что-то о том, что я с Зосей стоим выше остальных девочек в школе и, не понимая их пошлых интересов, не можем с ними быть довольными. В общем, новые Печорины. Завтра мы постараемся отослать письмо Вере Петровне» (18 V 45, пятница). Ещё:

Н.К. – Ю.Ф. X 47. [...] Вчера получила письмо от мамы. Она между прочим говорит о письме Зоси и о её милых словах о своей увлечённости им [*А.Д. Моргуновым*], может быть, любви. [...] (Дар любить. С. 75).

²⁵ **Сидорова Мария Александровна** (1882–1947). Анна Ивановна Сидорова сообщила мне:

«Мама происходила из знатного дворянского рода интеллигентов, в роду несколько академиков XIX века. Мама окончила Высшие женские курсы как историк.

Папины предки занимались книготорговлей и книгоиздательством. Помню бланки «Сидоров, Соколов и К°». Папа (1884–1949) окончил Петербургский университет, был старшим метрологом в Палате мер и весов, доцентом многих вузов: Путейного, Точной механики и оптики, Педвуза Герцена... Его называли «старейшим метрологом страны» (июль 1997).

Мне бы хотелось сказать здесь ещё несколько слов памяти о Марии Александровне Сидоровой. М.А. принадлежала к тем кругам дворянской интеллигенции, что и И.М. Гревс. И.М. был троюродным братом М.А. по матери К.Ф. Черепановой. А. И. Сидорова помнит, как в их семье говорили об И. М. и его близких «наши Гревсы». И.М. стоит у истоков рождения ВВКУ, а М.А. – учредительница «Частного восьмиклассного училища М.А. Шидловской» (девичья фамилия М.А.) на Шпалерной, д. 7, М.А. входила в совет прихожан Сергиевского собора, в «двадцатку». В январе 1924 она была арестована вместе во всей двадцаткой, сослана на Соловки. На Соловках М.А. сблизилась с Е.М. Нефедьевой, близкой родственницей химика Бутлерова, католичкой, и... перешла в католичество.

На французский язык к М.А. мы продолжали ходить ещё и девочками шестого класса. Позже мы никогда и нигде не изучали французский: и произношение, и основы грамматики были заложены М.А. Сами уже научились читать со словарём, читали даже в войну почти каждый день, потом – и без словаря. Во всяком случае, романы Пьера Лоти в Тарту я читала без словаря, *à livret ouvert*.

Сразу после войны началась наша переписка с М.А. Привыкнув к полной открытости на страницах своих дневников, мы перед листом письма не сжимались, не скукоживались. Писали М.А. без робости о своей жизни и писали даже о том, как мучаемся оттого, что не умеем танцевать. На всех переменах девочки в школе танцевали. Отвечая нам, М.А. писала, что в её молодости действительно считалось, что ум девушки – в её ножках, но сейчас другое время, ценится образование, культура и это не такое уж несчастье – не уметь танцевать. Танцевать можно и научиться. Это 1946 г.

²⁶ **Из Автобиографии** А.М. Хордикайна видно: это набело переписанный черновик, она обрывается 37 г. Хранилась в бумагах Ю.Ф. Теперь передана в ЦММЛС. Полностью опубликована в книге «Жизнь забытых людей». Ещё из Автобиографии: «По вопросам экономического строительства зоны ББ-канала намечается ряд статей в журнале Бел[оморско]-Балт[ийского] комбината».

²⁷ **Гревс Иван Михайлович** (1860–1941) – историк-медиевист, профессор Петербургского-Ленинградского университета и Высших женских (Бестужевских) курсов, крупнейший деятель краеведческого движения в России в 20ые годы, основатель экскурсионного метода изучения города, местности. Любимый Учитель многих поколений студентов.

Хочу сказать и об одной цепи неслучайных совпадений.

Наш Крестный Н.П. Анциферов был любимым учеником И.М. Гревса в Университете, Мама – любимой ученицей на Курсах. Так говорилось в нашей семье ещё до войны. В середине 20^х годов Мама работала в ЦБК, в его Экскурсионно-справочном бюро, председателем которого был И.М. Гревс, а Мама – секретарем. По-видимому, наши родители познакомились с семьей Сидоровых через И.М. Гревса. Сидоровы тоже жили в Детском Селе!

²⁸ **Иванов-Разумник** Разумник Васильевич (1878–1946) – выдающийся критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли. Его книгу «История русской общественной мысли» мы увезли из Пушкина и читали на пастбище в Эстонии.

В литературном историко-художественном и религиозно-философском журнале «Мѣра», СПб.: Глагол, 1994, № 1 в комментариях к книге Р.В. Иванова-Разумника «Тюрьмы и ссылки» В.Г. Белоуса и Я.В. Леонтьева есть такая информация: «О жизни Иванова-Разумника в оккупированном Пушкине см.: Осипова Л., Дневник коллаборантки. Царское Село (город Пушкин)// Грани. – 1954. – № 21. – С.92–131» (С. 188).

В трёх главных библиотеках России этого номера не оказалось.

²⁹ См. Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен (С. 61).

³⁰ **Базанов** Всеволод Михайлович (1921–1942) – сын маминой сестры Надежды Фёдоровны Базановой (1895–1995). Сева окончил 10ый класс в Пушкине и поступил осенью 1940 г. в Политехнический институт. Погиб в ополчении 3IV1942 г. под Ленинградом.

³¹ Письма бывшего члена Гептахора Ю.Ф. Тихомировой. ЦМАМЛС Ф. 140. Оп. 1. Д.

³² **Моргунов** Александр Данилович (род. 1918). В 1947 г. – старший инженер авиационной дивизии по электро-, радио- и по спецоборудованию самолётов и аэродромов. С осени 48 г. – преподаватель, затем зав. кафедрой радиоприемных и радиопередающих устройств, декан радиотехнического факультета Рижского высшего инженерного авиационного военного училища, в 1960 г. преобразованного в Рижский институт гражданской авиации. Доктор инженерных наук.

³³ Мои письма 48–49 учебного года в ЛГУ опубликованы в книге «Дар любить».

³⁴ **Аверинцев** Сергей Сергеевич (1937–2004) – Аверинцев С. **С**ѣдины честныя. Литературная газета. 1996, 27XI.

³⁵ **Бобина** Надежда Евгеньевна (1878–1961) – невысокая худенькая старая дама, немного согбенная. Так и вижу её руки над столом (маленький овальный стол!): Н. Евг. кому-то что-то придвигает, другому подает... На её лице почти всегда одно выражение: угадать, представить себе, кому в чём нужно помочь... Никогда не видела её сидящей, всегда в движении

между кухней и комнатой, а коридор-то длинный!.. Она была почти незаметна, но все же и тогда мы понимали, что Дом держался на ней... Странно, но я не слышу её голоса... Наверное, она больше молчала в присутствии Н.К. – См. о Н. Евг. по Указателю имён.

³⁶ **Бобин** Сергей Павлович (1868–1949) – Переписываю текст Примечаний из публикации Ф. Благовещенского (один из псевдонимов Ф.Ф. Перчёнка) «Фрагменты воспоминаний» В.П. Семенова-Тян-Шанского. Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. – М. – СПб.:, 1992. – С. 421:

Бобин Сергей Павлович (1868 – ? [1949]) – географ, преподаватель, автор пособий по географии. «Вообще это был один из самых культурных, знающих и разносторонне образованных преподавателей географии в Петербурге. Кроме того, у него был несомненный дар живописца и вкус. Он, как энтузиаст географии, трогательно переиздавал на свои скромные заработки некоторые экономгеографические работы Воейкова, а также переводил и издавал «на свой кошт», как выражались в старину, некоторые иностранные работы по экономической географии, например, Эрнста Фридриха. Всё это составляло серию чтений по географии. При этом за материальными выгодами он не гонялся, и его интересовала только идейная сторона». Один из инициаторов первого географического вуза в России – Высших географических курсов при Докучаевском почвенном комитете (1916; с 1918 Географический институт). После Октября – профессор различных вузов, один из ближайших сотрудников В.П. [Семенова-Тян-Шанского] по ЦГМ [Центральный Географический музей]. В 1936 арестован, получил 10 лет лагеря, замененных высылкой в Актюбинск, потом в Малую Вишеру».

³⁷ **Разумовская** Елена Эмильевна (1895–1975) – геолог широкого профиля, крупный специалист в области изучения полезных ископаемых. Сотрудник Геолкома, ЦНИГРИ, ВСЕГЕИ. Работала на Урале, в Монгольском Алтае, на Сибирской платформе. Начальник Восточносибирской экспедиции, директор Геологической службы I ранга. Доктор геолого-минералогических наук.

³⁸ **Судакова** Надежда Степановна (ок. 1885–1962) – «во второй половине 20^х гг. познакомилась с нами и сдружилась, переехала к нам и включилась в нашу коммуны. Однако, несмотря на близость и дружбу с нами, она до конца нашу работу не понимала. В 30^х годах она пришла к убеждению (и убедила Нат[алию] Алекс[андровну]), что наши идеи и устремления несовершенны и не отвечают советским установкам. Этим был вызван (неожиданный для нас) разрыв с ними в 1934 г. – В начале 30^х Надежда Степановна стала работать в Коммунистическом университете, куда затем увлекла и Наташу. Они жили вместе в той же квартире, где помещалась студия «Гептахор». В 1934 г. Н. Ст. и Н.А. вышли из коммуны. С начала 30^х

гг. Н. Ст. работала в музее «Дом-квартира С.М. Кирова». (Из воспоминаний С.Д. Рудневой.) ЦМАМЛС. Фонд 140. Оп. 1. Д. 27.

³⁹ **Фиш** Геннадий Семенович (1903–1971) – советский писатель, написал несколько книг о Карелии в годы гражданской войны и социалистического строительства. Воевал в Финской и Отечественной войнах. Есть повести о войне.

⁴⁰ **Фиш** Радий Геннадиевич (р. 1924–?) – участник ВОВ, окончил ближневосточный факультет Московского института востоковедения (1939). Плавал матросом на рыболовецких судах, что послужило материалом для повестей «За окунем через океан» (1962), «Иду с трапом» (1966). Автор книг по современной турецкой литературе: «Назым Хикмет» (1968). Опубликовал биографический роман-исследование «Джалалиддин Руми» (1972) о мыслителе мусульманского средневековья. См. Малая лит. энциклопедия.

⁴¹ **Фиш** Эмма Михайловна (1900–1975) – преданный друг и соратник С.Д. в воплощении теории и практики Музыкального движения в Московский период жизни С.Д. Э.М. работала в школах, клубах, Домах и Дворцах культуры Москвы и Московской области. ЦМАМЛС. Фонд 140. Оп. 1 Д. 543, Д. 544.

⁴² **Келлер** Лев Васильевич, отчим Н.В. Педьковой – ученый-математик, в будущем – доктор геофизических наук, ведущий отдел теоретической метеорологии в Главной геофизической обсерватории им. Воейкова (Из Автобиографии Н.В. Педьковой, написанной ею по просьбе С.Д. Рудневой. ЦМАМЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 432).

⁴³ **Оболикшто** Мария Сильвестровна (1877–1964) – сестра бабушки, бабушка Маня, была доброй, ласковой, открытой. Её-то мы не боялись! Она разрешала нам даже такую вольность, как залезть в бидончик с кислой капустой всей пятернюшкой и тут же, на галерее Гостинного двора, полакомиться. Так и вижу: мы все трое сгрудились около бидончика...

Наверное, и Наталии Васильевне было с ней легко и просто, она же хорошо её узнала в свои приезды к нам в Детское Село, потому-то и интересуется в одном из первых писем после войны о М.С., «в Детском ли она? Я хочу её повидать».

⁴⁴ **Семизорова** Кира Георгиевна – лауреат довоенного Всесоюзного конкурса вокалистов. В библиотеке С.-Петербургской филармонии хранятся отзывы о концертах Семизоровой из Бюро газетных вырезок от 11 II 1939, 14 III 1940. Исполнители – К.Г. Семизорова и органист И.А. Браудо. Думаю, Н.К. слушала этот дуэт и до войны.

⁴⁵ **Сизеран** Морис (Морис де ла Сизеран (1857–1924)) – Слепец о слепых. – Пер. с фр.: СПб, 1891.

⁴⁶ **Я написала** Н.В–не . о том, что произошло со мной зимой, в конце 41 г., в Пушкине: меня изнасиловал немец. Почему-то ей смогла написать, а вот с Мамой никогда не сказали друг другу об этом ни слова.

⁴⁷ **Андреевы**, их квартира в Соляном переулке 16, напротив училища Штиглица (б. Центральное училище технического рисования барона Штиглица). Когда-то весь дом принадлежал бабушке Ек. Вл. Андреевой, а теперь – только часть квартиры на втором этаже. Дом Андреевых на все годы студенчества, а потом моей аспирантуры стал для нас дорогим и важным центром духовного притяжения и общения. У нас установился обычай как бы отчитываться перед «Андреевыми», то есть перед Екатериной Владимировной и Наталией Васильевной, в своих «приобретениях»: Эрмитаж, театр, Филармония, Русский музей, парки, университетские дела... – Ек. Вл. и Н. Вас. приглашали нас и на парадные обеды на 7 XI, на Новый год, на Пасху... Однажды среди гостей был Д.Д. Шостакович.

Интерьер квартиры являл собой изысканное сочетание старинной мебели (немецкий буфет XVIII века!) со стилем модерн. На стенах – живописные шедевры художников 20^х гг... Две «горки» были заставлены миниатюрными раритетами из кости, фарфора, стекла, керамики... Были даже терракотовые «коры», фигурки женщин.

⁴⁸ **Андреева** Екатерина Владимировна, ур. Метальникова (1900–1977, 16 III) – писательница, популяризатор науки. Вот названия некоторых её книг: Вековые загадки. – М.: Гос. Научно-техн. Изд-во министерства по Геологии и охраны недр, 1954. – 182 с.; Жестокий путь. – Л.: Дет. Литература, 1964; в соавторстве с сыном Ю. Андреевым; Огнем рожденное. – Л.: Гос. Изд-во детской лит-ры Министерства Просвещения РСФСР, 1957. – 207 с. – В 1965 г. вышла её 15ая книга в научно-популярном жанре.

Ек. Вл. называла себя «ровесницей века» и так озаглавила свои воспоминания. Они не опубликованы.

⁴⁹ **Пресняков** Александр Александрович (1902–1953) – окончил ВВКУ в 1919 г. Член «Молодого Гептахора». В Гептахоре звали «Алькон», автор Гептахорского гимна. Сын профессора ВЖК историка А.В. Преснякова (1870–1929); основоположник научно-популярного кинематографа в Ленинграде.

⁵⁰ **Бражников** Максим Викторович (1902–1973) – исследователь древнерусского певческого искусства, композитор, пианист. Доктор искусствоведения, профессор Ленинградской консерватории. – Выпускник ВВКУ. Член Молодого Гептахора. Гептахорское имя – Буба. (См. Лейкина-Свирская В.Р., Селиванова И.В. «Школа в Финском переулке». – Санкт-Петербург: 1993). МЭ, – т. 1, 1973 – С. 554; Российский гуманитарный энциклопедический словарь в трех томах: М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002.

См. также Воспоминания о М.В. Бражникове А.Н. Кручининой в книге «Ленинградская консерватория в воспоминаниях». Издание второе, дополненное в двух книгах. Книга 1. Л-д: «Музыка». 1987.

⁵¹ **Бражников** Виктор Викторович (1900–VIII 1954, Сталинград) – выпускник ВВКУ, член Молодого Гептахора. Его звали «Кука», и так он подписал свое благодарственное письмо Гептахору весной 1919 г. в честь окончания учебного года в Гептахоре. «Инженер, погиб в 1944 г. на Урале, купаясь в озере», – такие сведения о В. Бражникове в Архиве С.Д. Рудневой, ЦМАМЛС. Фонд 140. Оп 1. Д. 560.

Письмо Н.К. Бриммер августа 1954 г. точно устанавливает время и место смерти В.В. Бражникова.

⁵² **Тагац** Евгения (р. 1903–?) – В Фонде С.Д. Рудневой есть конверт с фотографиями первых учениц Гептахора Тагац Веры и Жени (14 и 12 лет) с пояснениями С.Д.

«Мать Веры и Жени – зубной врач, у которой лечилась тётка Н.А. Энман. Услышав, что Н.А. занимается «свободными танцами» (как тогда называлось), она предложила ей и её подругам подготовить к ёлке 1914 г. домашний спектакль «в пользу раненых». Этот спектакль с участием трёх девочек [*была ещё одна участница*] послужил началом работы Гептахора с детьми и началом разработки методики Музыкального движения [*для детей*]. Женя и Вера были очень способными, музыкальными и обаятельными девочками. Особенно хороша была Женя. В 1918 г. они влились в «Молодой Гептахор», участвовали в Одиссее. Но с переходом студии к более широкой работе (в Институте Живого Слова) постепенно отошли от неё». 1978. ЦМАМЛС. Фонд 140. Оп. 1. Д. 562. Е. Тагац – хороший знаток музыки, постоянный посетитель Филармонии.

⁵³ **Насонов** Дмитрий Николаевич (1895–1957) – цитофизиолог, с 1945 – академик АМН СССР, сын Н.В. Насонова (1855-1939), зоолога, академика Петербургской АН (1906). Мать Дм. Ник. Насонова Екатерина Александровна была очень дружна с Верой Петровной Фандерфлит.

⁵⁴ **Ершов И.** – это Ершов Игорь Иванович (1916–середина 80^х) – художник-график. Сын И.В. Ершова (1867–1943), знаменитого певца Мариинского театра, вагнерианца. В Фонде 140. Оп. 1 есть фотооткрытки И.В. Ершова в ролях героев опер Р. Вагнера.

⁵⁵ **Беккер** Катя – член «Молодого Гептахора». ЦМАМЛС. Фонд 140. Оп. 1. Д. 171.

⁵⁶ **Андреев** Николай Николаевич – химик, профессор, в 40–50 гг. работал в институте холодильной промышленности.

Н. В. рассказывала о нем так: Н. Н. сделал серьезное изобретение какого-то взрывчатого вещества. Был высоко оценен правительством. Когда он отдыхал в Крыму, его хотела

похитить иностранная разведка. Он был ранен. После этого к научным открытиям он уже не смог вернуться.

⁵⁷ **Лозинская** Татьяна Борисовна (1885–1955) – ученица И.М. Гревса на Бестужевских курсах, историк и экскурсионист, жена поэта и переводчика М.Л. Лозинского. Сердечный, преданный друг Н.П. Анциферова и большой друг семьи Сидоровых.

⁵⁸ **Сидорова** Анна Ивановна (1913–2002) – кандидат физико-математических наук, доцент Ленинградского университета.

Анна Ивановна знала нас еще семилетними девочками, когда мы приходили заниматься к её маме, Марии Александровне Сидоровой и была сердечно верна привязанности М.А. к нам, всегда подчеркивала, что мы – «детскосёлки» (из Детского Села, б. Царское Село), называла нас «девочки Ходикайнен».

Анна Ивановна Сидорова была нашей опорой в студенческой жизни. В решающие повороты судьбы мы прибегали к её помощи: Люсин перевод с заочного на очное отделение – с участием Аси (Мы с довойны звали А.И. «Ася»). Я кончаю университет и с энтузиазмом планирую ехать в деревенскую школу. Сестра учиняет мне форменный разнос: как это я думаю только о себе, когда в Тарту Мама одна с бабушкой, ведь она и брат связаны профессией и домой не вернутся. Ася пишет письмо ректору Тартуского университета Ф.Д. Клементу (1903–1973), с которым вместе работала и была дружна, с просьбой принять меня на работу. К счастью, преподаватели русского языка эстонцам в ТГУ тогда, в 52ом году, были действительно нужны.

⁵⁹ **Анциферов** Николай Павлович (1889–1958) – выдающийся культуролог, историк, краевед, автор книги «Душа Петербурга» (Петроград, 1922 г.) и Воспоминаний «Из дум о былом». Вступительная статья, примечания и аннотированный Указатель имен А.И. Добкина. – М.: Феникс. Культурная инициатива, 1992. – 512 с. Тираж 30000 экз.

В чрезвычайно полном и насыщенном биографическими данными Аннотированном указателе имён отмечаю некоторые неточности.

«Руднев Никон (Фадеевич?), впоследствии музыкант», – так в Указателе (с одним «д»).

Отец Никона – Владимир Захарович Бульванкер. «Фадеевич» – подразумевался, видимо, Фаддей Францевич Зелинский.

Никон Руднев служил в армии, был офицером до выхода в отставку. Не был музыкантом.

⁶⁰ **Вношу коррективы.** Да, до войны день рождения Матвея праздновали вместе с днём рождения Папы. В 41ом, 42ом – не до дней рождения. В 43^{ем} сестра записывает в Дневнике:

«Сегодня, 14 октября, день рождения Матвея. Ему исполнилось 10 лет – целый этап жизни». Мы накануне депортации из Гатчины... Есть запись в Дневнике 15 X 44, но упоминания о Матвее и его дне – нет. В 45ом, после гибели Андрея, – неизжитое горе. Но убеждена, что уже в 46ом и 47ом гг. этот день середины октября был нашим общим праздником. Чем же иначе объяснить, что, начав учиться в Ленинграде, я пишу Маме ещё 4 X 48: «Мама, Господи, что же я не пишу Тебе как следует [*это конец письма*]. Вот хотела написать, чтобы вы постарались хорошо справить Матвеев день рождения. Может быть, можно, чтобы пришли какие-нибудь мальчики...». Матвеем шлю поздравление 11 X (оно придёт ровно 14 X – так тогда «ходила» почта между Тарту и Ленинградом): « [...] Очень хочу, чтоб твой день рождения прошёл бы хорошо, интересно, весело. [...] Чудно было бы, если бы день был солнечным, сухим. [...] Будь здоров, учись хорошо, повеселись в свой день рождения. Как дела с танцами?» («Дар любить». С. 136, 140)

Сестра 12 X тоже шлёт большое послание, сожалея в начале письма, что оно придёт с опозданием.

Как это не устроить мальчишке день рождения? Приглашать в гости Н.К. и не развернуться на вкусное чаепитие с приятелями?! В нашем окружении все были бедные, такие же, как мы... А уж пирожки Бабушка Дуня завела бы замечательные! Не понимаю...

⁶¹ **Мария Степановна** – К сожалению, личность М. Ст. не установила.

⁶² **Гросс Евгений Фёдорович** (1897–1972) – физик, профессор Ленинградского университета, лауреат Сталинской премии. А.И. Сидорова оставила совершенно прелестные, умные и тонкие воспоминания о Е.Ф. Гроссе «Молодой Гросс» поры их дружбы, а потом и молодого 14-летнего брака. С поразительной точностью А.И. воссоздала картину научных поисков Е.Ф. Прочитывала много писем Е.Ф. о слушании музыки, о музеях, о путешествиях по стране... Воспоминания опубликованы в книге воспоминаний разных лиц о Е.Ф. Гроссе.

⁶³ **Генералова** Лидия – ученица Н.К. Фандерфлит в детском рабочем клубе «Свободный труд». (См. Приложение. Автобиография Н.К. Фандерфлит и Примечание 63).

Л. Генералова – автор книги «Движение и музыка». Сборник игр, плясок и хороводов для детского сада. М.: Музыка, 1966.

Л. Генералова воспитала поколения методистов Музыкального движения и музыкальных работников для детских садов. Во многом благодаря ей в Ленинграде в воспитании дошкольников сохранялась преемственность идей и практик Гептахора. – В Фонде 140. Оп.1 почти нет биографических сведений о Л. Генераловой: есть фотография её рук, например. Думаю, она не успела выполнить просьбу С.Д. Рудневой написать о своей жизни.

⁶⁴ **Розинг-Гвелькмейер** Лидия Борисовна (ок. 1905–1979) – окончила архитектурный факультет Академии художеств. В годы блокады жила в АХ и работала по охране её. В 50ые гг. преподавала в одном из архитектурных вузов Ленинграда. – В студию «Гептахор» пришла в 1925 г. – Лидия Борисовна написала Воспоминания на 186 машинописных листах, очень подробно и с любовью рассказала о своих предках, отце и родственниках. Л.Б. происходила из «аптекарских детей», как называли потомков тех химиков, минералогов, которые были приглашены Петром в Россию. «Розинги вскоре обрусели, женились на русских и перешли в православие». «У отца хранилась грамота о пожаловании дворянства, подписанная самим [Ал. Григ.] Орловым». ЦММЛС. Фонд 140. Оп 1. Д. 517. – «Отец Л.Б. – известный физик Борис Розинг, дед по матери – музыкант, пианист, композитор. Л.Б. пришла в Гептахор в 1925 г., вскоре сделалась не только членом студии, но и художником коллектива (до 1934 г.)». Эти Воспоминания записаны С.В. Пузырёвым. ЦММЛС. Ф. 140. Оп.1 Д. 36.

В Русском музее на огромно полотне И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета в день 100-летнего юбилея со дня его учреждения» присутствует Розинг Илиодр Иванович (1830–1903), «из дворян, православный». Юрист.

⁶⁵ **Гандельман-Головчинер** Ольга Давыдовна (1899, Одесса – после 1978). С 1907 семья О.Д. живёт в Петербурге; в 1918 г. О.Д. поступает в Университет на историко-филологический факультет, но с 1919 учится уже в Институте Живого Слова; с осени 1920 – в студии «Гептахор». «С 15 января 1923 начались регулярные выступления Гептахора, камерные вечера на Дворянской. 20 марта 1923 г. на одну из репетиций пришли две ученицы Наталии Флит: Дуня Добрынина и Лида Генералова». [...] «Летом 1923 г. я ездила с гептахорцами (Нат[алией] Ал[ександровной], Нат[алией] Вас[ильевной] и Наташей Косатой в Железы на месяц». Стала жить в Гептахоре с декабря 1923 по март 1926. [...] «В 1932 г. Гептахор через Г.А. Дюперрона пригласили преподавать в Хореографическое училище. С.Д. предложила и мне эту работу. Вели там занятия Стеф[анида] Дмитр[иевна], Лида Генералова, Тася Набокова (затем её сменила Лида Розинг) и я». – «В мае 1936 г. Ст. Д. прислала мне письмо с приглашением работать летом в двух точках: в Сокольниках в парке пионера и школьника и в Клубе Мытищинского вагоноремонтного завода. Работать было так интересно». [...] «11 декабря 1937 г. я была выслана на Север, так как мой муж был репрессирован. Осенью 47 г. вернулась в Л[енинград] и сразу стала заниматься в кружке по музыкальному движению у Шелковой. Я стала заниматься педагогической работой с дошкольниками, которая продолжается до сих пор». [...] «Совместно с ученицами Лидии Ив[ановны] работала над Сборником «Музыкально-двигательные упражнения в детском саду». Сборник вышел в 1961 г.,

был переиздан в 1969». *Примечание С.Д.*: «Со слов О.Д. Головчинер записала Н.В. Фёдорова. 1978». Фонд 140. Оп 1. Д. 124. Д. 123.

⁶⁶ **Иванова** Елена Николаевна, **Лёля, Лёлица** (1899–1980) – в 1925 г. окончила факультет иностранных языков института им. Герцена в Ленинграде. Работала в Минералогическом музее, в Нефтяном институте, каждое лето выезжала «в поле». Выйдя на пенсию, много путешествовала по путёвкам. (Воспоминания Р.Н. Выставкиной (Ивановой) о Е.Н. Ивановой) ЦММЛС. Ф. 140. Оп 1. Д. 154. Увлечённо и серьёзно интересовалась Музыкальным движением, дружила со многими из окружения С.Д.

⁶⁷ **Вишкарёв** Леонид Васильевич (1907 – после 1980) – композитор, бывший концертмейстер студии «Гептахор».

⁶⁸ **Шелкова** Лидия Ивановна (1892–1968) – ученица и соратница Ст. Д. Рудневой. В Фонде С.Д. хранится достаточно подробный рассказ о Л. Ив., к которому С.Д. сделала примечание: «Собрала сведения и записала Н.В. Фёдорова, 1978 г.».

Л. Ив. родилась в Одессе в семье рабочего-металлиста, её мать – домашняя портниха. [...] В Ленинграде в 1920 г. стала работать в детском саду фабрики «Красное знамя». В 1925 г. поступила в студию «Гептахор», окончила её в 1931 г. [...] «В 1937 после отъезда Головчинер приняла руководство остатками студии», [...] «принимала активное участие в подборе и проверке упражнений для сборника «Музыкально-двигательные упражнения в детском саду», изданном в 1961 г.».

В Деле № 601 есть такая информация: «В Ленинграде работают кружки с муз[ыкальными] воспитателями». Примечание к заголовку С.Д.: «Руководители кружков – ученицы Л.И. Шелковой, О.Д. Головчинер и их преемниц».

Всего в списке 17 кружков из разных районов Ленинграда. Это сведения за 1975. Ещё примечание рукой С.Д.: «Сведения за 1975 г. действительны и для 1978 г.».

В этой же папке очень вдумчивые и сердечные воспоминания о Л. Ив. Шелковой её ученицы Г.И. Яшунской, которая знала Л. Ив. с весны 48 г., когда стала заниматься в её кружке музыкальным движением, и до самой смерти Лидии Ивановны. ЦММЛС. Фонд 140. Оп 1. Д. 514. Д. 601.

⁶⁹ **Каменецкая** Ольга Марковна (1896–?) с 1926 г. приобщилась к системе студии «Гептахор»; окончила Ленинградскую консерваторию в 1926 г.; готовила музыкальных работников для дошкольных учреждений в Ленинграде. В Институте им. Герцена читала лекции на дошкольном факультете. До ухода на пенсию в 1958 г. непрерывно работала в детских садах города, «посильно внедряя в музыкальные занятия систему Гептахора». ЦММЛС. Фонд 140. Оп 1. Д. 602.

⁷⁰ **Воль** Анатолий Яковлевич – художник, муж О.М. Каменецкой.

⁷¹ **Набокова** Тася [Таисия?] И. (1904, Бердянск – после 1982, Ленинград) – С декабря 1923 г. – в Петрограде. Нет работы, в институт не принимают, нет своего угла. Т.И. Набокова в своей Автобиографии подробно и впечатляюще рассказывает о трудностях первых шагов жизни на новом месте. И всё же: весной 1924 г. случайно, прочитав маленькое объявление, попадает на выступление Гептахора. «Никогда не видела такие движения, не под музыку, а идущие из музыки, вернее, как музыка в движениях». Т. Набокова поступила в студию. «Мы занимались и другими видами искусства, ходили в Эрмитаж со С.Д. Были у нас уроки пения и необычные совершенно уроки рисования». В 1930 окончила вечернее отделение Института истории искусств, литературно-библиографическое отделение. Работала в библиотеке Академии наук. «В 1931 г., сдав экзамен по Музыкальному движению (Бухстуде и «Фантазия» Моцарта), я окончила студию». [...] «В студии мы приобщились к делу Музыкального движения, которому надо было отдать всю жизнь, но не все смогли это сделать в силу очень многих серьёзных и печальных обстоятельств жизни после долгих и мучительных колебаний». – У Т.И. две дочери: Ариадна (1933 г.р.) – заслуженная артистка (арфа) КАССР и РСФСР, и Ирина (1938 г.р.) – кандидат химических наук. Т.И. помогала дочерям растить внуков. ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 516. – Я рада, что «познакомилась» с «Тасей», думаю, она по духу (по стойкости) была близка С.Д.

⁷² **Ольга Ивановна** – к сожалению, личность О.И. не установила.

⁷³ **Ленкина** Серафима Константиновна – принадлежала к тому кругу русских, которые то ли оказались после революции в Эстонии, то ли, что чаще, так и продолжали жить в ней ещё с дореволюционных времён. Это не была каста, это был именно к р у г интеллигентных образованных или высокопрофессиональных русских людей: врачи, преподаватели университета, учителя, библиотекари, художники, портнихи, вязальщицы... Все хорошо говорили по-эстонски, иногда, правда, я слышала в их эстонском неэстонскую интонацию. Очень многих из них объединяла церковь, наш Юрьевский собор. Но главное – выражение лиц было у них каким-то общим. Мне теперь кажется, что у большинства дам в лицах было что-то от княжны Марьи: благородная одухотворённость, утончённый душевный мир. Как много таких лиц встречалось в Aula, актовом зале университета, на концертах, например, на концерте Рихтера весной 47 г. Работа пионервожатой сблизила меня с несколькими учителями из «местных русских», а, вернувшись в Тарту после окончания университета, я стала преподавать русский язык в ТГУ, и новые знакомства завязывались сами собой. Так не помню уже через кого, я познакомилась с Ленкиными, Серафимой Константиновной и её мужем. Нет, не помню его имени и отчества, хотя сами визиты – помнятся очень. Моё общение происходило

главным образом с мужем С.К. Это был не старичок и не старик, это был старый человек. Он болел, был слаб и всегда полулежал. Но как хорошо говорилось с ним! Он оживлялся и веселел, когда я приходила. А, надо сказать, что мы с сестрой с отрочества любили, точнее быстро проникались симпатией (наверное, это шло от отношения к Крёстному) к пожилым мужчинам. Может быть, потому, что мы почти не стеснялись в их присутствии. Но, главное, мы чувствовали, что их возраст только выявлял в них всё лучшее: ум, эрудицию, ласковость к нам... Что-то было в отношении ко мне мужа С.К., что говорило, что ему мило, интересно со мной. Как-то он говорил о «Саге о Форсайтах», что наши отношения похожи на чьи-то в «Саге...». Ленкины жили на нашей, заречной, стороне, Яма, 20, недалеко от нас, и добежать до них мне ничего не стоило.

Когда в 54ом я уехала в Ленинград в аспирантуру, почти все мои дружбы перешли к Маме. Серафима Константиновна сблизилась с Мамой. А после смерти мужа она предложила Ю.Ф. вообще начать жить вместе, но Маму отпугивала страсть С.К. к изучению всех своих хвороб и бесконечные разговоры на эти темы. Сближало их в последние годы (С.К. умерла 24 VI 1964 г.) то, что обе несли вахту: Ю.Ф. – с внуком в Ленинграде, С.К. – в Москве у племянников.

В Маминой книжечке в датами отосланных писем: 20 XII 63; 24 III, 29 IV, 16 VI – в 64.

К сожалению, я не получила ответа из Тарту на вопросы о Ленкиных.

В Архиве Ю.Ф. сохранились две почтовых открытки Серафимы Константиновны (буднично-информационного содержания, одна – с приглашением на дачу в Эльва-Пээду); фотография с Коленькой лета 59 г. и непонятно как оказавшаяся у Ю.Ф. открытка издательства «Советский художник», чёрно-белая, скорее – серая (выпуск 2 VII 54 г.) Кукрыниксов к рассказу Чехова «Унтер Пришибеев»... Бориса Васильевича Правдина (1887–1960), написанная карандашом твёрдым мелко-бисерным почерком.

«27 IV 57.

Дорогая Серафима Константиновна!

Шлю Вам сердечный привет и поздравления с наступающим великим Праздником. Как Вы поживаете? [...] К Вам собираюсь заехать 3 мая, в пятницу (если получу машину). А, м[ожет] б[ыть], Вы зайдёте к нам на праздник? Или, по крайней мере, позвоните? Ведь у Вас будут, вероятно, гости! Всего хорошего! Ваш Б. Правдин».

Могу предположить, Серафима Константиновна поделилась с Ю.Ф. своей радостью долгой дружбы и общения с Б.В. Правдиным?

Мама знала о Б.В. ещё с той поры, когда я училась на курсе Тартуского университета и Б.В. читал нам курс фольклора. Тогда, в 1947–1948 учебном году, на нашем отделении русской филологии (это был первый набор русских студентов) Б.В. Правдин был, думаю, единственным человеком такой глубокой филологической эрудиции, к тому же – такого светлого обаяния.

Лекции Б.В. приблизили меня к началам русского народного искусства, увлекли, но курс был короткий. Помню, весной, Б.В. болел и я навестила его в университетской клинике, принесла букетик цветов.

Что сказать, я очень живо, остро чувствовала ту особую атмосферу, в которой жили, прожили жизнь «местные русские», как другой параллельный мир...

Не знаю, кажется, Б.В. был в звании доцента, хотя воспринимался многими из нас как профессор. Но, если формально Б.В. и не был профессором, то как филолог, как учёный это была Личность, продолжавшая традиции Юрьевско-Дерптского университета. Кроме того, в личности Б.В. Правдина, даже в его внешнем облике, воплощалась сама русская культура, духовное богатство Русского Зарубежья.

Б.В. дружил с Игорем Северяниным, и Северянин дружил с ним. Ещё в 1919 г. Б.В. посвящает И. Северянину своё стихотворение... В Юрьеве в 1926 г. Северянин вписывает в Альбом Б. Правдину стихотворение: «И тогда →» И. Северянин назвал Бориса Правдина «Принцем Нарциссов»...

Эти сведения о связях Б.В. Правдина и Игоря Северянина я почерпнула из превосходного тома «Игорь Северянин. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы». Серия «Литературные памятники», Наука, 2004, в примечаниях В.Н. Терёхиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой.

Как видим, Б.В. Правдин, поэт, филолог, преподаватель университета, – такой человек, о котором Серафима Константиновна могла многое и с любовью рассказать Ю.Ф. А передача писем, всякого рода посланий для прочтения в кругу Ю.Ф. и её приятельниц было делом привычным. Очень может быть, что и Серафима Константиновна поступала таким же образом.

⁷⁴ **Кулаковский** Лев Владимирович (1898–1989) – советский музыковед. [...] Автор книг и статей (с 1924 г.) по вопросам фольклора, педагогики, теории ладового ритма, музыкальной эстетики. [...]

Л.В. Кулаковский учился на научно-теоретическом факультете музыкально-драматического института им. Н.В. Лысенко (1924–27) (по системе «ладового ритма» Б. Л. Яворского, рук. А.А. Альшванг). См. МЭ, т. 3, М., 1976. Можно предположить, что Г.А.

Ильина хорошо знала Л.В. Кулаковского ещё по Киеву, хотя Л.В. уже с 1930 г. работал в Москве.

⁷⁵ **Как странно** читать сейчас эти строки... Нет, в годы нашей юности в Тарту никакого очарования домом в Маменьке заметно не было. Она не участвовала в домашних работах: «трудилась» мы с сестрой, а кухня, как я уже говорила, была на Бабушке Дуне. И только обретя свободу в одиночестве, Ю.Ф., думаю, стала сама собой, и всё вокруг в уютно распланированной маленькой квартире стало ей родным и любимым.

⁷⁶ **Цильдерман** Эвелина Михайловна (1897 – ?), как и её сестра Эмма Михайловна родилась в Риге. В Деле 545 (Фонд С.Д. Рудневой) хранится дореволюционная копия Свидетельства о рождении и крещении. Родители – латыши из Курляндии «лютеранского исповедания». Отец – «крестьянин-рабочий столяр». Эв. М. составила «Нашу биографию», к сожалению, незаконченную. О себе Эв. М. почти ничего не рассказала. Но вот об истории семьи, начиная с дедушки и бабушки, о матери и её юности много интересного, хотя в чём-то и типичного для того времени. Эвелина Михайловна, судя по письмам С.Д. Рудневой, была преданным другом Эммы Михайловны. ЦМАМЛС. Фонд 140. Оп. 1. Д. 543, Д. 545.

⁷⁷ **Ильина** Галина Александровна (ок. 1900 – ?) – ученица Г. Нейгауза. Болезнь руки заставила оставить профессию пианиста. – Сотрудник Киевского института психологии.

Впервые встретилась с Гептахором в 1925–26 гг. на выставке в Институте искусств, где среди стендов других студий был стенд Гептахора. В 1936–37 гг. приехала в Москву, занималась на курсах С.Д., а потом и сама стала вести кружок. Занималась психологией, специально интересуясь вопросами восприятия музыки и воспитания музыкальности движения. – В 60^х гг. С.Д. и Г.А. работали вместе над анализом Музыкального движения вообще, а также над анализом музыкально-двигательных упражнений взрослой программы. Г.А. делала анализ музыки по методу Б. Яворского, С.Д. – анализ движения.

С.Д. Руднева написала короткую биографию Г.А. Ильиной и небольшие «воспоминания о совместной работе». Дата 1979 VII. ЦМАМЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 29. Отсюда я почерпнула приведённые выше сведения. См. о Г.А. Ильиной в примечании 100.

⁷⁸ **Воинов** Всеволод Владимирович (1880–1945) – график, театральный художник, искусствовед, музыкальный работник. – В Каталоге РГБ я насчитала 18 карточек с его именем, например, обзоры художественных выставок «Выставка рисунков В.В. Лебедева» [обзор выставок] Л, 1928» или «Русская литография за последние 25 лет», Гос. тип. им. И. Фёдорова, 1923»; «Митрохин Дмитрий Исидорович. Выставка работ. Л, 1933.».

Но настоящее открытие ожидало меня, когда я получила в читальном зале маленькую книжечку – Всеволод Воинов. Гравюра на дереве 1922–23. Аквилон, Петербург, 1923. В вы-

ходных сведениях сообщается: «Настоящее издание напечатано в типогр. Им. Ивана Фёдорова (б. Голике и Вильборг) в мае 1923 г. [...] в количестве 100 нумерованных экземпляров». В книжечке 19 гравюр, формат листа 13,3 X 10,8 см. Вот некоторые названия: «Т.В. Воинова», «За чтением», «У «буржуйки», «Ковка лошади», «Сапожник», «Прачка», «Задворки», «Деревенский двор», «Лошадь», «Торговец», «Торговец цветами» (по рисунку Б.М. Кустодиева).

Поэзия этих небольших гравюр в поразительной точности образов, в лаконизме средств. Мне даже показалось, что есть какая-то особая монументальность в строгих линиях гравюр. Эти 19 небольших оттисков свидетельствуют о своём времени более значительно и цельно, чем вороха газет. – Запомнилась «Долина р. Госна», полная тихой задушевности. Поразил «Вестибюль Русского музея ночью» смелостью замысла и совершенством, масштабностью воплощения...

В III томе Автобиографических записок А.П. Остроумовой-Лебедевой (М.: «Изобразительное искусство», 1974) я встретила несколько раз фамилию художника В.В. Воинова. Во время блокады автору Записок предложили переехать в комнату в квартире уехавшего В.В. Воинова в здании Русского музея (С. 335, 336).

В.В. Воинов был членом общества «Мир искусства», вступил в него в числе «молодых талантливых художников» (С. 418) после 1918 г.

Безусловно, Н.К. была знакома и даже, может быть, дружила с В.В. Воиновым, ведь оба занимались деревянной гравюрой. Вероятно, и Ю.Ф. была наслышана о В. Воинове в те, 20ые годы, по крайней мере, так кажется из контекста. Но почему Н.К. так небрежно, так бессодержательно сообщает Ю.Ф. о своей статье (воспоминаниях?) о Воинове? Вот был бы повод прервать потоки «житейщины» (С.Д.) и поделиться своим горним светом... Ан нет...

Повторю уж кстати: как письма С.Д. будят ум, жажду знать, понимать жизнь, своё и прошедшее Время!

Всё-таки я хотела убедиться в догадках о дружеских отношениях Н.К. с В. Воиновым. И вот уже в апреле 2007 г. держу в руках тоненькую книгу в библиотечном картонном переплёте – «Гравюра на дереве. Сборник первый. Лето 1927». Так на обложке. «Издание Комитета популяризации Художественных Изданий при Государственной Академии Истории Материальной Культуры» – да, так, почти все слова с прописных букв! 20 страниц. Редактор или составитель Сборника не указан. Тираж 300 экземпляров.

Есть два раздела: «Текст» и «Гравюра».

«Текст». Е.Г. Лисенков. «Выставка: русская ксилография за 10 лет»: «С каждой выставкой всё больше нравятся энергичные гравюры В.В. Воинова, особенно портреты

(М.А. Кузмина и Андрея Белого) и пейзажи (1926 и 1927 гг.)» (С. 13). – В статье М.В. Доброклонского «Ленинградская гравюра по дереву» читаю: «В обладании технического умения вчерашние ученики Академии Художеств Н.Л. Бриммер, С.М. Мочалов, М.Н. Орлова, Н.К. Фан-дер-Флит являют себя уже самостоятельными художниками [...]» (С. 16).

В «Тексте» – статья «В.В. Матэ (1856–1917)» Всеволода Воинова и под инициалами «Н.Ф.» небольшая заметка на неполной странице «Гравированные книжные знаки».

В разделе «Гравюра» – на обложке большая гравюра «Рыбаки на Мурмане» Л. Бриммера, «на отдельном листе», мы бы сказали сейчас на наклейке, «Карусели» – «линогравюра в 3 доски» Н. Фан-дер-Флит, а в самой книжке ещё гравюра Н. Фан-дер-Флит «Домик в Шлиссельбурге»... Есть и маленькая гравюра В. Воинова «Деревня». Всего 11 гравюр, в том числе А. Карлуна, Д. Митрохина, С. Мочалова, М. Орловой-Мочаловой, П. Шиллинговского. «Марка издательства [гравюра] Л.С. Хижинского».

Сегодняшние поиски материалов для Примечаний к этой книге – моя последняя работа в РГБ. Спасибо Маме за её дружбы: ведь только благодаря им я держу в руках эту редкую, полную глубочайшего одухотворения книгу «Гравюра на дереве. Лето 1927»... 17 IV 07.

⁷⁹ **Мейерхольд** Всеволод Эмильевич (1874–1940). С.Д. читала вниги «Мейерхольд В.С. Статьи. Письма. Речи. Беседы [*Сост., ред. текстов и коммент. А.В. Февральского*]. Общ. ред. и вступит. статья, С. 3–57, Б.И. Ростоцкого. ч. 1 М., «Искусство», 1966. 350 с.; ч.2 1917–1939. 1968. 643 с.».

⁸⁰ **Яшунская** Генриетта Исаковна (1911–1991) – страстный продолжатель теории и метода Музыкального движения, ученица Л. Ив. Шелковой. Разработала уникальную методику для занятий музыкальным движением со слабослышащими детьми. Первые ученицы С.Д.: О.Д. Головчинер, Л. Ив. Шелкова и Г.И. Яшунская и некоторые другие – выпестовывали в Ленинграде второе поколение талантливых учениц, преданных Музыкальному движению. Вот их имена: Надежда Васильевна Фёдорова, Екатерина Павловна Раевская, Зоя Николаевна Ушакова, Галина Николаевна Соболева, Валентина Геннадиевна Царькова. В.Г. Царькова назвала этот кружок энтузиасток «Могучей кучкой» (Беседа в С.-Петербурге 6 II 06). Г.И. Яшунская – автор коллективных сборников для музыкальных работников в детских садах. – Уехала к дочери в Германию. Умерла в Германии (Сообщено В.Г. Царьковой).

⁸¹ **Музыкально-двигательные** упражнения в детском саду. Сост. Е. Раевская, С. Руднева, Г. Соболева, З. Ушакова. М.: Просвещение, 1969.

⁸² **К сожалению**, встречи с Н.К. давно уже не были для Ю.Ф. диалогом... Не комментирую. Привожу письмо Мамы ко мне тех лет.

Ю.Ф. – Зосе. 12 VII 71. «Милая Зосенька! [...] Напишу тебе о своём последнем душевном огорчении, поражении: позавчера была Нат. Конст., часа три. Всё рассказала о себе, своих, друзьях, просто знакомых, о встречах и только [*Подчёркнуто Ю.Ф.*] прощаясь, спросила о тебе. Ни одного вопроса о Матвее, о Люсиных впечатлениях о его жизни [*Люся была в Москве и повидала в течение нескольких дней Матвея и его семью в Зелёном.*], о Коле и о его болезни. О себе я, правда, сама рассказала. Как каждый раз после большой неожиданной встречи на другой день я не могла встать от слабости. Не скажу, чтоб для меня это было неожиданно, и раньше, если б я сама не прорывалась в поток [...]

Конец письма, видимо, где-то в других пачках...

⁸³ **Движение** и музыкальный образ. Дошкольное воспитание. Методический журнал Министерства просвещения РСФСР, 1970, № 1, С. 50–54.

Очаровательная статья! Абсолютно понятная, убедительная: «Чем больше музыкально-двигательный опыт детей, тем глубже делается восприятие и переживание музыки, ярче и точнее выразительность движений» (С. 54).

⁸⁴ **Леонтьев** Алексей Николаевич (1905–1979) – «был признанным лидером советской психологии 50–70 гг.»

Леонтьев организовал первый в стране факультет психологии в Московском университете и был его первым деканом с 1966 по 1979 г. Как я поняла из сведений о вкладе Леонтьева в психологию, он особое внимание уделял психологии детства («Очерки психологии детей», М, 1950 г.; «Вопросы психологии ребёнка дошкольного возраста». Изд-во Международного образовательного и психологического Колледжа, Москва, 1995). См. Психология: биографический библиографический словарь под редакцией Ноэль Шихи, Энтони Дж. Чепман, Уэнди А. Конрой. Евразия, С.-Петербург, 1999.

⁸⁵ **Гершуни** Евгений Павлович – К сожалению, сведений о Е.П. Гершуни не нашла.

⁸⁶ **Может быть**, речь шла о книге «Воспоминания о В.И. Вернадском. К 100-летию со дня рождения», сост. В.С. Неаполитанская. – М.: Наука, изд-во АН СССР, 1963.

⁸⁷ **Пиотровский** Адриан Иванович (8(20) XI 1898–1938) – советский литературовед, театровед, педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР (1935). [...] Знаток античной литературы, автор поэтических переводов (Аристофана, Эсхилла и др.), исследований по истории античного театра (БСЭ).

Безусловно, С.Д. читала книгу «Адриан Пиотровский. Театр. Кино. Жизнь.», Л., 1969. Автор вступительной статьи «Адриан Пиотровский. Его эпоха, его жизнь в искусстве» С.Л. Цимбал пишет: «Трудно найти точное, сколько-нибудь исчерпывающее обозначение его [*А. Пиотровского*] поприща. Теоретик современного театра и кинематографа, выдающийся

учёный-эллинист, драматург, переводчик, педагог, историк и критик, Адриан Иванович Пиотровский стоял у самой колыбели советской художественной культуры. Вместе со своими сверстниками он создавал эту культуру, прокладывая нашему искусству дорогу в будущее» (С. 3). – В этом предисловии С.Л. Цимбал, ярко характеризуя начало 20^х, знакомит читателя с несколькими дорогами для Ф.Ф. Зелинского идеями о роли идей античности для современного новаторства.

... Детство и юность А. Пиотровский провёл в Нижнем Новгороде в семье своей тётки Евгении Викторовны Пиотровской и её мужа Ивана Осиповича Пиотровского, воспитывавших его как родного сына. Мать Адриана – преподавательница латыни Вера Викторовна Петухова.

А.И. Пиотровский – «сын крупнейшего исследователя античности академика Ф.Ф. Зелинского» (См. Вступительную статью).

В толстом томе (511 стр., тираж 12000) собрано многое из творческого наследия А. Пиотровского (кое-что дано в сокращении), и перед читателем предстаёт зримый и запоминающийся образ творца, создателя новаторского театра, нового кино, новой культуры. – 21 человек оставили свои воспоминания о своём друге и соратнике, с удивлением и восхищением говоря о его безмерной талантливости и горько сожалея о его раннем уходе.

... Нигде в книге я не встретила сведений о том, когда, где и как оборвалась жизнь Адриана Пиотровского.

P.S. В Каталоге РГБ есть информация (несколько карточек) о новейших, конца 90^х и 2000–2001 гг., публикациях переводов А.И. Пиотровского пьес Аристофана.

В Российском гуманитарном энциклопедическом словаре (в 3^х т. М.: Гуманитарный изд. Центр ВЛАДОС) А.И. Пиотровский назван «энциклопедистом новой формации».

⁸⁸ **Рудницкий** Константин Лазаревич – «Режиссёр Мейерхольд», изд. Наука, 1969. Усл.печ.л. 42,57: большой, толстый том! Тираж 10000.

Мне хотелось подержать в руках те книги, которые так взволновали тогда С.Д. Книга о Мейерхольде написана страстно и необычайно ёмко по содержанию. Вот пример авторской речи: говоря о пьесе «На дне», Рудницкий пишет: «Драму из жизни подонков он [*Горький*] выстроил как диспут о смысле жизни. [...] Слова о том, что “человек – это звучит гордо”, что “правда – бог свободного человека” отданы были безнадёжному алкоголику, погибшему, ничтожному шулеру, жулику и лжецу».

Книга о Мейерхольде – это не только история творчества режиссёра, но и поразительный по тонкости психологический его портрет.

⁸⁹ **Приведу** здесь фрагмент своего письма сестре 21 XI 96, поры, когда я работала над книгой «Жизнь незабываемых людей»:

«Как многое мне открыла фотография Н.К. Очень многое! Ведь никакого «свысока», никакой позы, даже напротив, что-то незащищенное, ранимое в лице... Ты почувствовала? А весь этот «котурн» [*который мы знали в наши студенческие годы*]- защитная реакция от неудач, от бедности, от той жизни, в которой Н.К. пришлось жить ...».

⁹⁰ **Дервиз** Татьяна Львовна – падчерица Д.Д. Руднева, брата С.Д. Рудневой. Занималась в студии «Гептахор» у Н.В. Педьковой.

⁹¹ **Вейс** Дэвид. Возвышенное и земное. Роман о жизни Моцарта и его времени. Автор послесловия и научный консультант Игорь Бэлза. М.: Прогресс, 1970, 766 с. – Вейс Дэвид. Огюст Роден. М.: Искусство, 1969, 579 с. Серия «Жизнь в искусстве».

Переводчицы обеих книг с англ. И. Ветошкина, Э. Питерская.

⁹² **Тётя Велли** – К сожалению, сведений о тёте Велли не нашла.

⁹³ **На факультете** психологии МГУ мне ничего не могли сообщить о том, кто делал записи, где они могут храниться.

⁹⁴ **Окс** Нина – окончила ВВКУ, член Молодого Гептахора. В Фонде С.Д. Рудневой хранятся её два письма студии «Гептахор» 1921 г. из Лондона о концерте А. Дункан и о встречах с ней. Примечание С.Д. на конверте с письмами: «Н. Окс – падчерица Л.Б. Красина. Дружила с Гептахором в 1914–19 гг.». ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1105.

⁹⁵ **Фогельсон** Раиса Борисовна, Расбас (1902–1975) – окончила Ленинградскую консерваторию, аккомпанировала на занятиях в студии «Гептахор» на Дворянской, где и жила с 1924 г. ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 123.

Р.Б. Фогельсон в Гептахор направила друг Гептахора профессор консерватории Надежда Осиповна Голуб как свою ученицу. Впоследствии Р.Б. стала одновременно с работой в Гептахоре сотрудничать с певицей Зоей Алой [*Аллой*]. Живя в Москве в 35–36 гг., Р.Б. «согласилась» ездить со С.Д. работать в городах Подмосковья: в Ногинске, в Электростали, в Глухово. ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 33.

⁹⁶ **Дюперрон** Георгий Александрович (1877–1934). В Архиве С.Д. Рудневой есть «Краткая биография профессора Георгия Александровича Дюперрона» на восьми листах, написанных плотным, убористым почерком. Это как бы насыщенный фактами и датами конспект книги, которую автор К.К. Барышников планировал издать. Дата письма С.Д. Рудневой – 15 VII 73.

Вот важные сведения: в 1925–1933 гг. Г.А. Дюперрон работал как теоретик и методист в студии «Гептахор». – Он автор более 200 работ по истории и теории физической куль-

туры и спорту; переводил труды новаторов-практиков по физической культуре. ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 109.

Во всех современных энциклопедических словарях есть весьма содержательные статьи о Г.А. Дюперроне как о крупнейшем деятеле в области воспитания физической культуры человека. В Каталоге РГБ – около 30 карточек с названиями его работ.

⁹⁷ **Эндер Борис В.** (1893–1960) – О Борисе Эндере есть два архивных материала в Фонде 140. Оп. 1. «Письмо Е.М. Дубянской С.Д.–не о юности Б. Эндера». Д. 132.

Е.М. Дубянская поступила в 1913 г. на Бестужевские курсы и подружилась сразу с однокурсницей Верой Соловьёвой. «Отец Веры – архитектор, строил Троицкий мост [*в Петербурге*]». Борис Эндер был двоюродным братом Веры. «Он очень хорошо знал Эрмитаж, Русский музей, учился рисованию у художника Матюшина».

О Михаиле Васильевиче Матюшине (1861–1934), живописце, графике, композиторе [...], педагоге, в короткой, но основательной статье в Российском гуманитарном энциклопедическом словаре, на который я уже не раз ссылалась (т. 2), написано: «Развивал идеи «расширенного смотрения», разработал новую живописную систему, установив, что между двумя цветами в движении возникает третий, связующий их цвет (сцепление). Итоги исследования опубликованы в «Справочнике по цвету» (Л., 1932). И вот такая библиография: Л. Жадова. Цветовая система М. Матюшина. //Искусство, 1977; История русского авангарда: И. Харджиев, К. Малевич, М. Матюшин. Стокгольм, 1976.

«В Гептахор привела его на какое-то выступление. Знаю, что позднее Борис жил в Москве и был директором Музея современного искусства» [...].

Подпись «Ваша ученица Лена Дубянская».

Дата «6 II 1981».

Вторая архивная папка Д. 573 оказалась невероятно интересной и поразила и увлекла своим содержанием. Вот её название: «Б.В. Эндер. [*Работа в студии «Гептахор»*]. Статья. Гранки с правкой автора. Без начала». – Это на обложке папки. Внутри: «Вставка-статья Б.В. Эндера в статью «Гептахор» в сборник «Ритм и культура (С. 63–64). Academia, 1926. (не помещённая в нём)».

В гранках есть и нечто вроде врезки, представления автора: «Борис Эндер – художник, научный сотрудник Отдела Органической Культуры и Искусства при Ленинградском Институте Художественной Культуры».

«Под руководством художника ведётся в студии «Гептахор» и работа по рисованию и музыкальному цвету».

Цитаты из статьи: «Как гибкий живой инструмент он [*Гептахор*] отзывается на требования современной научно-художественной мысли, которые ведут его по пути разрешения новых задач. Большая жизненность и чуткость помогают ему услышать эти задачи, претворить в его области творчества, направляя его по новым неизведанным путям». [...] «Рядом с рисованием в студии ведётся специальная работа по цвету, отвечающему музыке». [*Цвет и музыка*] «слившись, оба искусства могут наполнить музыкальное впечатление до возможности, небывалой при условиях раздельного существования».

Представляю себе, как отвечали эти свежие и глубокие впечатления и суждения о Гептахоре исканиям С.Д. Рудневой...

Полное название книги в издательстве «Academia» – «Ритм и культура танца. Сборник статей З. Пуниной и Ю. Харламова, Н. Фореггера, Коллектив Гептахор, Т. Глебовой и З. Вербовой с предисловием А.А. Гвоздева». Л.: Academia, 1926.

«В настоящем сборнике слово предоставляется руководителям различных студий и школ свободного танца». (79 страниц. Тираж 310. Странички 13x17 см).

Как видим, студия «Гептахор» выступает как коллективный автор. Выписываю несколько цитат из статьи в книге. «Двигательный рефлекс на музыку свойственен каждому человеческому организму за редким исключением. Всесторонне развить этот рефлекс – вот задача, над которой работает студия Музыкального движения «Гептахор». Здесь, в подстрочном примечании: «Гептахор [...] имеет в настоящее время своими активными художественно работающими членами лиц: Педькова Н.В., Руднева С.Д., Тихомирова Ю.Ф., Энман Н.А., Бульванкер В.З., которые являются одними из разработавших систему «Гептахор» (С. 55–56).

У меня осталось впечатление, что в опубликованной статье высказаны все главные суждения Б.В. Эндера из находящейся в Архиве вёрстки.

«Экспериментальная работа Гептахора строится по трём направлениям: исканию новых движений, новых пространственных отношений и углублённой музыкальной восприимчивости».

Вот осмысление одной из задач: «Коллективная пляска ставит на разрешение задачу соотношения пластического объёма и веса, которые должны спаять отдельные тела в одно коллективное нераздельное движущееся целое. Под влиянием этого задания движение неизбежно выходит из линейной композиции и ищет новых пространственных соотношений». Гептахор строит «целый ряд упражнений, преследующих цель развития особого осязательного чутья пространства. [...] Работа эта ведётся при участии художника Б.В. Эндера. Под

руководством того же художника ведётся в студии «Гептахор» и работа по рисованию и музыкальному цвету» (С. 63).

Один пункт из четырёх тезисов задач, стоящих перед Гептахором, таков: «Развитие зрения по принципу расширенного смотрения», а в сноске к этому термину убедительно раскрывается суть термина «расширенное смотрение».

Очень всё интересно! Заставляет думать, и хочется знать больше! Но не переписывать же сюда, в Примечания, весь блистательный монолог художника о его исканиях и обретениях в работе с Гептахором... Я почти уверена, что статью писал Б. Эндер. Повторяются буквально целые абзацы, весь стиль художника, слог статьи – те же, что и в вёрстке. Предполагаю, что авторство Б.В. Эндера было снято и заменено собирательным «коллектив Гептахора».

Просмотрев довольно внимательно все статьи сборника, могу сказать, что только материал о Гептахоре – это в высшей степени научный, интеллектуальный анализ того, что делает Гептахор и к чему стремится. В книге есть фотографии «танцев» всех студий и Гептахора, конечно, тоже, всего семь иллюстраций.

⁹⁸ **Юдин** Михаил Алексеевич (1893, Петербург – 1948, Казань). В 1917 окончил естественный факультет Петербургского университета; в 1923 – Петроградскую консерваторию по классу композиции. С 1918 г. вёл музыкально-теоретические предметы в музыкальных школах и техникумах Ленинграда [...], преподавал композицию в Ленинградской и Казанской консерваториях (в 1926–42, с 1938 – профессор). МЭ, Т. 6. 1982.

В Фонде 140. Оп. 1. Д. 1144. хранятся «Песни для фортепьяно» М.А. Юдина, автограф. В пояснениях к ним С.Д. пишет: «М.А. Юдин был одним из видных композиторов и профессоров Ленингр[адской] консерватории в 20^x–30^x гг. Он очень интересовался работой Гептахора, участвовал в методической работе студии» [...].

⁹⁹ **Жак-Далькроз** Эмиль (1865–1950) – швейцарский композитор и педагог, создал систему музыкально-ритмического воспитания.

О Жаке-Далькрозе писал С.М. Волконский. (Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2^x томах. Том I. Лавры. Странствия. – М.: Искусство, 1992.) Описание Волконским школьных праздников в Хеллерау помогло мне понять принципиальное различие между ритмической системой Далькроза и танцем А. Дункан. У Далькроза ритм гармонизирует человеческое сообщество – танец Дункан раскрывает уникальность каждой индивидуальности.

¹⁰⁰ **Г.А. Ильина, С.Д. Руднева** (Институт психологии УССР, Киев). К вопросу о механизме музыкального переживания. – Академия психологических наук СССР, Вопросы психологии, 1971, № 5.

Статья чрезвычайно серьезная, основополагающая. Ссылки на статью А.Н. Леонтьева «О механизме чувственного отражения». Вопросы психологии, 1959, № 2; на статью Г.А. Ильиной «Особенности развития музыкального ритма у детей». Вопросы психологии, 1961, № 1; на статьи С.Д. Рудневой в рубрике «В помощь музыкальному руководителю» в журнале «Дошкольное воспитание» №№ 1, 2, 5, 7, 8, 10, 12 за 1962 г. и № 6, 11 за 1963 г.

¹⁰¹ **В клубе «Орлёнок»**, увы, никаких сведений об «опекунше» С.Д. я не получила. Но и то сказать: прошло почти 40 лет! 13 IV 2007 г.

¹⁰² **Яворский** Болеслав Леонидович (1877, Харьков – 1942, Саратов) – крупнейший музыкальный теоретик. Яворский создал теорию ладового ритма, оказавшую значительное влияние на развитие музыкальной науки (БСЭ, 3^{бс} изд., 1978 г. т. 30). См. также: Б. Яворский. Воспоминания, статьи, переписка. Том I. Редактор-составитель И.С. Рабинович. Второе издание. Советский композитор, М.: 1972. В статье одного из авторов этой книги Н.М. Гольденберг «Яворский и музыкальное воспитание детей» читаю о Г.А. Ильиной: пианист, психолог; в Указателе имён есть дата рождения Г.А. – 1903 г. Очень важно, что о Г.А. Ильиной написано как об «одном из молодых энтузиастов, преподавателе теоретического отдела», – это середина 20^х гг., Киев, Первая детская музыкальная школа для детей и подростков – увлечённом теорией «ладового ритма, системой Яворского». Позднее Б.Л. Яворский назвал эту теорию «теорией музыкального мышления», в основу её «легло понимание Яворским музыки как своеобразного вида речи, общения между людьми». МЭ. Т.6.

¹⁰³ **Фармаковский** Борис Владимирович (1870–1928) – специалист по античной археологии, археологии Северного Причерноморья и античного искусства. Проф. Фармаковский читал лекции на ВЖК с весны 1910 по 1916 г. В семинарии Б.В. Фармаковского занимались К. Тревер и С. Руднева.

¹⁰⁴ **Маркова** Екатерина Сергеевна – педагог-музыковед. Создала методику развития певческого голоса у детей на начальном этапе обучения.

¹⁰⁵ **Осипова** Лидия – «великолепный педагог (от Бога); Эммина ученица уже 15 лет, которая делает громадные успехи [...]» (Письмо С.Д. 30 XI 74).

¹⁰⁶ **Не хочу обсуждать** это поздравление Н.К., просто с горечью отмечаю абсолютное отсутствие стиля и минимальных усилий сделать внешний вид текста чуть-чуть параднее (ЗВ! Прописные буквы абзацев, виньетку с цифрой 85 и т.п. ...), отмечаю в высшей степени

неряшливый слог («отбрыкивание от врачей», «наверстать упущенное») и неприемлемую в данном случае будничность содержания... Очень жаль. Очень.

Уж не говорю о том, что все презенты: вино, конфеты, цветы – в большей мере остались на бумаге. Это был новый стиль Н.К.

¹⁰⁷ **Хитрово** Мария Николаевна – большой друг молодости С.Д. Рудневой.

В Фонде 140. Оп. 1. Д. 12. есть как бы послесловие к годам учения на Бестужевских курсах как особо значимая составляющая их часть: «О семье Хитрово, их имении Мураново Орловской губернии и их значении в жизни семьи Рудневых и моей лично». «Мой отец и Николай Николаевич Хитрово были однокашниками, воспитывались в Орловском кадетском корпусе и всю жизнь были друзьями и сослуживцами, так как оба были артиллеристы и оба долго служили в Петербурге». [...] «Впервые я попала в Мураново в 1911 г. летом», затем С.Д. бывала там в 1912, 1913, 1916 гг. Воспоминания очень конкретны, зримы и поэтичны. «Волшебство русской песни уносило в древние времена. [...] Настоящий быт русского поместья, близость деревни, бесконечность полей, приволье и какая-то удивительная упорядоченность и естественность жизни, установившаяся столетиями, – всё это захватило меня, необычайно обогатило, бурно расшевелило во мне моё русское нутро».

В Фонде С.Д. есть папка с фотографиями М.Н. Хитрово в народном костюме. Сама С.Д. заказала себе тоже настоящий народный костюм Орловской губернии...

Ек. Вл. Цинзерлинг в своих воспоминаниях писала: «Мы вообще увлекались старинными кустарными промыслами. У нас была целая коллекция старинных полотенец, у меня, в частности, из с. Вороново около Кондопоги... [*Гуля, дочь Е.В., подарила мне несколько половинок старинных русских полотенец, сохранившихся с тех пор*]». «У Рудневых занимались разучиванием старинных русских песен по сборнику Ляпунова, изучали старинные костюмы, даже сшили себе по образцам, выставленным в Этнографическом отделе Русского музея, сарафаны». «Стеня Руднева и Наташа Энман, главные поклонницы профессора Зелинского, приходили на занятия всегда с живыми цветами, одетые в модернизированные суконные светлых тонов сарафаны с густой ниткой бус вокруг шеи». (Е.В. Цинзерлинг. Воспоминания. Я много цитировала из них о Гептахоре в книге «Жизнь незабываемых людей»).

Но, слов нет, одно дело – приобщаться к народному творчеству на выставках, и совсем другое – окунуться в стихию народной жизни, как это произошло со С.Д. в Мураново. Я смотрю на фотографию 1912 г., вглядываюсь в девичьи лица, всматриваюсь в их наряды, в «густые» нитки бус, в бисерные украшения и думаю: как современны были эти девушки, как адекватны самым высоким идеям и пристрастиям своего Серебряного века, как жадно вдыхали его воздух. Сотворение такого наряда, создание своего образа в нём требовали увлечён-

ности, да что там, азарта, и высокой культуры, и эрудиции, и таланта услышать этот особый звук, особый тон крестьянской эстетики – в русском народном костюме.

В этой связи меня удивляет, как во мне-то родилось это упоение народным ткачеством, вышивкой, костюмом?! (Мне даже сшили в 80^х гг. «настоящее» марийское платье с передником в деревне Большие Шиды в Башкирии, где компактно живут марийцы!) Ведь из всего собранного за 40 слишком лет жизни в Уфе получилась коллекция на немалую выставку во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства (август 2002.) Откуда это? Из Маминой молодости, из Гептахора, от С.Д.?

Какое счастье, что Судьба одарила меня таким наследством – прикоснуться к народному строю жизни (я много бывала в деревнях) и узнать и полюбить работу народных мастеров... А всё оттуда, из гептахорских дружб... Свои редкостные старинные русские полотенца, старинные татарские, башкирские тастамалы, украинские рушники, вышивку, кружево отдам в Архив-музей: там они будут на месте.

¹⁰⁸ **Медушевский Вячеслав Вячеславович** (1939) – музыковед, профессор Московской консерватории.

Нахожу в Каталоге РГБ две карточки.

«Строение музыкального произведения в связи с его направленностью на слушателя. Автореферат на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. (Мос. Гос. Консерватория им. П.И. Чайковского) М.: 1971.»

Выписываю: «Эмоции различаются тонусом мышц. На этот признак широко опирается музыка, примеры чего анализируются в разделе «Характер движений, ощущения напряжения в передаче эмоций» (С. 11).

В книге «О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки (М.: Музыка, 1976) В.В. Медушевский пишет в главе 3 «О художественном моделировании эмоций в музыке» в разделе «Эмоциональная характеристика движений»: «Жизненные эмоции тесно связаны с движением. [...] Всё многообразие человеческих движений – шага, бега, прыжков, жестов музыка воспроизводит с величайшей точностью, а через движение воссоздаёт разноголосную симфонию многообразных чувств и переживаний людей. [...] Естественно предположение, что восприятие эмоциональных движений, выраженных в музыке, вызывает многообразные телесные реакции» (С. 66–67).

¹⁰⁹ **Зося «обвиняла»**... Убеждена, что никакого судилища не было. Но ведь и просто разговор о несчастном детстве, констатация неучастия Мамы в нашем счастливом детстве можно уже расценить как обвинение. Дело-то всё в том, что как никогда у нас с Мамой не было разговора о моём несчастье, об отце, так не было разговора и о нашем детстве.

Я же никогда не сказала Маме, как мы были запуганы их возвращением или о том, какая горечь копилась у меня в душе видя, как Папа демонстративно нежен с Матвеем. Всё помнилось, но ни разу не проговорилось и никуда не уходило из памяти... Эта внутренняя жизнь делала меня старше и наблюдательнее. Смешно: в 5ом классе меня выбрали в члены учкома большой средней школы, и ко мне приходила как-то одна мама советоваться о поведении одноклассника. – Н.К., встретившись со мной, писала Маме: [...] «Совершенно ясно, что Софьюшка настолько сложнее и «старше» Люси, что вообще нужно много и времени и обоюдного внимания и доверия, чтобы соприкоснуться» 29 I 48 (Дар любить. С. 87).

Н.К. 29 IX 47: «Ты, Юлич, в одном из предыдущих писем тоже обмолвилась, что мне с Люсенькой было «уютнее, милее». [...] С Зосенькой всё обстояло сложнее. Она сама, с её свойством «ревизовать» все свои впечатления и настроения [*и другие обстоятельства*] не давали возможности так легко и быстро соприкоснуться» («Дар любить». С. 73).

Не могу сказать, что я д у м а л а о нашем детстве, о нашем воспитании. Скорее – д у м а л о с ь. Просто как-то прозревала душа.

Привожу в pendant к письму Ю.Ф. своё письмо А.Д. Моргунову. В 1999 г. он вернул мне пачку моих писем. А.Д. упрекает меня в недостатке «дружеских чувств к подругам».

«10 VI 48. [...] А теперь о недостатке дружеских чувств к подругам. Саша, я буду предельно искренна в этом вопросе.

...Я знаю давно уже, что во мне внутри заключена какая-то холодность. От этого мне самой бывает очень тяжело [...]. Мой душевный мир не таков, как бы мне хотелось. Душевный, не духовный. Не подумайте, однако, что я не знаю горячей любви к девочкам, о, нет.

[...] Саша, признаёте ли Вы наследственность? Я испытываю её на себе и, значит, признаю. Начиная, с глаз... [*Папина мама, наша бабушка, умерла слепой, Папа был даже белобилетником по зрению, я, единственная из четверых детей, была близорука с отрочества.*] Наш отец был финн, по крови он был полуфинн-полуполяк. Характером же, складом ума, психики – финн. Ваше счастье, что Вы мало сталкивались с ними [*финнами*]: это несимпатичный (по душевному складу) народ. Финны очень трудолюбивы, трудоспособны, настойчивы и талантливы тоже. Но в них много замкнутости, суровости, пусть даже внешней... Обо всём этом я сужу по Папе и по многим встретившимся мне людям. – Саша, я ничего не хочу плохого сказать о Папе. Но знаете ли, дома у нас, в детстве, был очень суровый режим. Нам просто не разрешали играть с «дворовыми ребятами». Дома нежности у нас тоже не признавались. Безусловно, Папа и Мама любили нас, но об этом не говорилось. А без этой атмосферы дружбы и любви жить невесело. Саша, я это поняла, когда сделалась старше. Наш отец был очень одарённый человек [*Как я могла понять это тогда, ведь мы, мало об-*

щались с отцом... А вот – почувствовала!], но мы не видели от него – но и от Мамы тоже! – ласковости и нежности. Это очень сказалось и в нас. А потом, когда нам было лет 10–11, приехала Бабушка Дуня с Севой (наш двоюродный брат, тогда он кончал десятилетку). Бабушка Дуня очень любила Севу и не любила нас. Кажется, она не любила и Папу, вообще, эту сторону, ведь с нами жила и Папина мама, «наша бабушка». Это тоже тяжёлое время, тёмное пятно на детстве. Долго с Бабушкой Дуней были в прескверных отношениях, теперь стали лучше, всё равно уж... Это тоже не способствовало развитию “дружеских чувств”».

Война была тоже очень тяжела... Я, например, не ощущала чувства человеколюбия, то есть к своим русским, обиженным, несчастным да и сильно. Но сколько было плохих, богатых, сытых (всё это несправедно), ах, какая, нет, не напишу, что у меня было к ним. Голод, холод, страх – они коверкали душу. Иногда не чувствовала себя Человеком.

... А потом эта работа у эстонцев. Боже мой, Саша, Вы не можете себе представить, как мне было тяжело! Появилось какое-то озлобление против таких законов жизни, и не хотелось жить. И, когда я пришла в школу года три с половиной тому назад, я была замкнута, сдержанна... Только к 11 классу, в связи с работой пионервожатой, я больше сблизилась с людьми, немного оттаяла. К концу года меня уже «не узнавали» мои одноклассники и знакомые. А я была увлечена работой, очень любила своих пионеров и пеклась о них, интересовалась некоторыми учителями.

Поняли ли Вы что-нибудь о генезисе моих “дружеских чувств”?» («Дар любить». С. 99–102, в сокращении)/

Роман с А.Д. Моргуновым закончился разрывом. («Дар любить»: всё в письмах Маме!) Наверное, и не могло быть иначе. В самом начале знакомства А.Д. сказал про нас, что мы девочки «старинного производства». Но всё-таки был ли разрыв неизбежен? Я пишу Маме 22 III 49: «Да, о воспитании – оно во многом виной. И даже не Ты, наша добрая умная Мать (как говорил Папа), вообще, что-то: выбор книг, детство, отделение от всяких Ванек и Манек, папина наследственность. [...] Помнишь «старинное производство»?! Это верно, Мама» («Дар любить». С. 220).

О фразе «не понравились» внуки, мои мальчики. Нет, сказать надо, хоть поначалу и хотела промолчать. Ю.Ф. страстно любила Колю. И этим всё сказано. Конечно, Ю.Ф. не вела себя, как её мать, с нелюбимыми внуками. Но эта холодноватость, критический прищур по отношению к моим мальчикам в Ю.Ф. были всегда. А тут истина сама вылезла из-под подкорки. Чтобы не заметить ничего доброго, славного? Подкупающего?! Каких-то иных черт личности, чем у Коли?! Быть такой ослеплённой...

Наверное, я извлекла опыт из своего детства и уже сама училась делать жизнь сыновей если уж не счастливее, то веселей. Много читала. Из всего Макаренко зацепилась за мысль о «перспективной радости» и старалась следовать этой теории...

¹¹⁰ **Вольф** Хуго [Гуго] (1860–1903) – композитор. «Большую часть наследия Вольфа составляют песни (около 300), которые открыли новую страницу в истории вокальной музыки. Вольф ищет органического слияния слова и музыки, продуманной во всех деталях интерпретации поэтического текста. Во многих песнях Вольф достиг такой рельефности в передаче действия, что они воспринимаются как драматические сценки». (МЭ, т. 1, М.: 1973.) Большая, очень интересно и горячо написанная статья! Видимо, так хороша потому, что написал её автор нескольких работ о Г. Вольфе – П.А. Вульфийус.

О Г. Вольфе писал и Ромен Роллан.

¹¹¹ **Письма Н.К.** Фандерфлит С.Д. Рудневой. ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 170 (1963–1979 XII); Д. 171 (30 I 80 – 21XII 81).

Письма Н.К. С.Д.–не написаны всегда на хорошей бумаге. Мысль красиво, чётко замкнута в абзацы. Почерк – не наспех, на бегу, а графически отточенный. В этих письмах почти нет «житейщины»: они также обдуманно-изысканны, как речь Н.К., особенно когда она принимает гостей. – Н.К. «сохраняет дистанцию», она почтительна к С.Д., преисполнена благодарности за «немеркнувшее прошлое» («Да, Стенечка! “немеркнувшее прошлое” светит нам, и как спасает этот свет...» 12 VIII 79), помогает С.Д.–не вспомнить программы Молодого Гептехора. Это умные письма. Мне кажется, С.Д. сохранила их все и полностью.

Совершенно удивительно я встретила с письмами Н.К. в Архиве ГРМ, когда в мае пришла узнать о судьбе И.В. Тревер, той грани судьбы, которую отражает папка с «Личным делом»...

Мне пришлось сказать о публикации писем членов Гептахора, о дружбе Мамы с Н.К. Фандерфлит. Но много говорить – по телефону – не пришлось: молодая сотрудница на том конце провода была, как она сказала, «в теме». Дело в том, что недавно наследники Н.К. передали в Архив её Brouillon'ы (фр. – черновые письма, черновики писем), «нечто вроде дневников», добавила сотрудница.

Опуская подробности, отмечаю только предупредительность сотрудников Архива: срочно заказали пропуск на понедельник, неприёмный день (я в понедельник же уезжала в Москву!), все архивные папки были наготове к моему приходу.

Brouillon'ы – это стандартные общие тетради в тёмно-коричневых обложках, такие обычные в доперестроечное время, такие внешне непрезентабельные... На второй полосе форзаца (к страницам) и написано это старосветское французское слово.

Прочтение Brouillon'ов потребует немало усилий, терпения. Но какая это новая, даже неожиданная сторона личности Н.К.! В этих тетрадах черновые записи будущих писем действительно часто напоминают дневниковые пометы...

Всего тетрадей. Крайние даты –

Я всматривалась в бледные карандашные строки (почему-то записи только карандашом!), прочитать их тяжело, но всё-таки увидела среди адресатов «Люсю» и «Зосю». Сотрудница Архива, работающая с этими тетрадами, уточнила со мной некоторые имена, но вот о родственниках со стороны Е.С. Бобина ничего в письмах Н.К. Ю.Ф–не не было, а о переписке с какими-то далёкими потомками Пыпиных-Чернышевских я слышала только вскользь.

Письма Н.К. Ю.Ф–не; письма нам, детям; такие серьёзные, такие необходимые тогда, в 40ые гг. (они все опубликованы в книге «Дар любить»); письма С.Д–не; Автобиография; Brouillon'ы – какая невероятно сложная, во многом трудная для самой себя проступает из них Личность, несмотря ни на какие изломы судьбы, вся – в себе и, скажу прямо: для себя... Даже так: ради сбережения своей сути, своего «Я». Но, конечно, безотчётно, интуитивно... Возможно, это единственный путь Художника... к себе...

¹¹² **Вейнгартнер** (Weingartner) Феликс фон (1863–1942) – немецкий дирижёр, композитор и музыкальный писатель. «[...] В 1926 г. выступал в СССР». – Всё-таки мне кажется, что С.Д. несколько ошиблась: в Музыкальной энциклопедии говорится о Вейнгартнере главным образом как о дирижёре. [...] «Важной чертой его дирижирования было преобладание интеллектуального подхода к исполнению над непосредственной эмоциональностью». МЭ, Т. 1, М., 1973. – О Вейнгартнере как об авторе камерных лирических произведений ничего не сказано. В Фонде 140. Оп. 1 – фамилии Вейнгартнера не обнаружила.

¹¹³ **Швиндт** Мориц фон (1804–1871) – живописец и график, представитель позднего романтизма в немецком и австрийском искусстве XIX в.

В «Энциклопедии символизма» Жана Кассу (М.: Республика, 1998) о М. фон Швинде сказано как о художнике исторической живописи «спиритуалистической ориентации» (С. 45).

В рамке на сером паспорту открытка-репродукция «Прощание всадника» Морица фон Швинда висела у нас на Колпинской. Она висела так, что всегда глаз упирался в неё, когда выходишь из комнаты. Конь тяжело поднимается в гору по узкой тропе. Всадник обернулся назад. Прощается с прошлым... Открытку, изданную до революции в Мюнхене, Мама увезла с собой как самое дорогое, самое памятное. Она жива до сих пор. В начале 50^х в Тарту мне

даже посчастливилось купить монографию о Швинде на немецком языке, щедро иллюстрированную репродукциями. Но где она сейчас?...

¹¹⁴ **Гибис** Нора – член Молодого Гептахора, занималась у Н.В. Педьковой в начале 20^х гг., работала в библиотеке (?).

¹¹⁵ **Михайловская** Ноэми Михайловна – музыковед. – Н. Михайловская. Музыка и дети. Советский композитор, М.: 1977. В книге 259 страниц!

Н. Михайловская в главе «Заботы нашего времени», обозначая проблемы, стоящие перед обществом, пишет о «ценном опыте» некоторых музыкальных педагогов в детских садах. Приводит в подстрочных ссылках работы: Л. Генералова. Движение и музыка. Сб. игр, плясок и хороводов для детского сада, М.: Музыка, 1966; Музыкально-двигательные упражнения в детском саду. Сост. Е. Раевская, С. Руднева, Г. Соболева, З. Ушакова. М.: Просвещение, 1969.

Автор называет много имён музыкальных воспитателей и методистов, которые «приобрели известность в до- и послевоенное время», и среди этих имён я вижу имена Л. Генераловой, С.Д. Рудневой, О.М. Каменецкой. К сожалению, специального раздела о Музыкальном движении в книге нет. Ср. названия глав: «Детская песня», «Инструментальная музыка», «Опера для детей», «Детский музыкальный театр», «Детский балет» и т.д. – Н. Михайловская – автор небольших книг «Зара Долуханова» (125 с.), 1958; «Зара Левина», 1969.

¹¹⁶ ЦМAMЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 437.

¹¹⁷ ЦМAMЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 439.

¹¹⁸ **Цингер** Олег Александрович (1910–1998) – в архиве Юлии Фёдоровны есть чудом сохранившаяся групповая фотография, твёрдая, как старинная открытка. Видимо, она была послана в Петроград:

Дорогая Юлия Фёдоровна!

Мне жить здесь очень хорошо, приятно и весело. На фотографии это я с папой в мастерской у наших знакомых скульпторов, где я тоже работал, лепил животных. Сейчас мы живём за городом, где очень хорошая природа. Сегодня мы идём в Цирк, где хорошая программа.

Привет Наталье Васильевне.

Целую Вас.

Ваш Лёля Цингер.

Давно, в 95 г., ещё в Уфе, получив 11ый номер «Нового мира», я с волнением прочла в рубрике «Русская книга за рубежом» в обзоре С. Айдиняна о книге художника Олега Цинге-

ра «Где в гостях, а где дома». Воспоминания (Рисунки автора). – Книга вышла в Париже, в издательстве «Альбатрос» в 1994 г.

«В ровно-непринуждённом, совершенно естественном рассказе живописца всё же часть книги, посвящённая России, д е т с т в у [разрядка С. Айдиняна], наиболее выпукла, пристальна и детальна[...]. «В этом смысле особенно щемяще-реальны картины старого Крыма. Там, в Темис-Су, отец художника [Александр Васильевич Цингер] устроил для беспризорных детей, в революцию оставшихся без родителей, школу».

Книгу О. Цингера поначалу искала, когда собирала «Жизнь незабываемых людей», а потом и руки не дошли. С.А. Айдинян говорил мне в Москве по телефону в начале 2001 г., что имён учительниц автор не называет, просто упоминает «молодые учительницы». Я отослала книгу «Жизнь незабываемых людей» Рене Герра, издателю «Альбатроса», через Библиотеку Русского зарубежья, но отклика никакого не было. См. об О.А. Цингере Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники Русского Зарубежья: 1917–1939. СПб., 1999. С. 599–600.

¹¹⁹ **Институт Живого Слова** был организован в Петрограде весной 1918 г.

Весной 1919 г. его директор Всеволод Николаевич Всеволодский-Генгросс предложил студии «Гептахор» вести музыкальные занятия на театральном отделении. В Архиве Ю.Ф. сохранился такой документ:

РСФСР
Наркомпрос
Главнаука
Институт Живого Слова
Мая 3 дня 1923 г.
№ 131
Петроград
Пл. Александр. д. 7

Удостоверение

Дано сие ОБЩЕСТВУ «ГЕПТАХОР» в том, что члены его состояли преподавателями Института Живого Слова по классу пластики и пляски с 16 мая 1919 года по 4 апреля 1923 года.

Председатель института	подпись
печать	
Управляющий Делами	подпись

Институт Живого Слова привлёк к работе и выдающихся молодых лингвистов: Л.В. Щербу, Б.А. Ларина, связан был с ним и В.В. Виноградов. В Институте Живого Слова читали лекции Ф.Ф. Зелинский, Н. Гумилёв.

О своих занятиях в Институте прелестные воспоминания написала Ирина Одоевцева, умные, точные, часто ироничные... Не знаю, есть ли более полный, более глубокий портрет Н. Гумилёва... Воздухом этих лет дышали и С.Д. и её подруги по Гептахору и первые ученики. (Ирина Одоевцева. На берегах Невы. М.: «Художественная литература», 1989.)

¹²⁰ ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 438.

¹²¹ **Маменька и о своей** Рыбинской жизни рассказала нам столько, что хватит четырёх-пяти предложений. Что-то открылось через Бабушку Дуню.

... Все дети Е.Д. как потерявшие отца-кормильца учились на казённый счёт, бесплатно. – Классная дама отсылает Юлю намочить и гладко причесать волосы: у девочки они круто и крупно вьются. Как-то это прозвучало по поводу моих густых и вьющихся волос.

... Жили так бедно, что Б.Д. частенько выбегала на улицу смотреть, не идёт ли старьёвщик, чтобы продать ему кости. С тех времён, наверное, сохранилась привычка Б.Д. так намазывать масло на хлеб, будто она старалась соскоблить всё масло с бутерброда... – «Назавтрие» – оставить еду на завтра, не съесть всё сегодня! Это «назавтрие» мы слышали постоянно.

Из отрочества я помню выражение «держат нахлебников». Б.Д. держала нахлебников. В Словаре современного русского литературного языка (Изд-во АН СССР, Москва-Ленинград, 1958, Т. 7) слово «нахлебник» – человек, получающий за плату стол и помещение в чужой семье, имеет помету «устар.».

Но вот что изумляет меня до сих пор: Б.Д. увезла с собой в оккупацию маленькую машинку (или приспособление?), вращением ручки которой вынималась середина из картофелины и она набивалась мясом. Наверняка, эта машинка сохранилась у Б.Д. с Рыбинских времён! Была с нею всю жизнь в Рыбинске, во Владивостоке, когда она жила с тётёй Надей, в Пушкине, теперь – в Эстонии. Как-то в более сытые годы Б.Д. к православному Рождеству приготовила нам этот деликатес: запечённую фаршированную картошку. А как она запекала мясо целым куском, нашпигованное зубчиками чеснока и кусочками моркови, в большой нашей голландке в Тарту в 50ые гг.! Только где же было развернуться кулинарному таланту Б.Д. в нашей-то мизерии... И швырялось на стол некое месиво из овощей со словами: «Нате жрите!»

О Е.Д. Тихомировой, о многом незаурядном в её личности я рассказала в книге «Жизнь забытых людей», привела всё запомнившееся, вошедшее в нашу речь её словечки и выражения. Б.Д. одарила нас дивной русской речью... И этот её словник продолжает пополняться.

Тема Е.Д., по-видимому, почти отсутствовала в письмах Ю.Ф. Н. К–не. Только однажды Ю.Ф. «раскрылась», говоря об отношениях своей матери и внуков, и на эти признания взволнованно и вдумчиво откликнулась Н.К. в письме 17 III 45: «[...] Как это ужасно грустно, что рознь между бабушкой и детьми так обострилась. [...] Нет, я думала, что у бабушки с самого начала было много холодного и критического в отношении к ребятам и что это было началом их отчуждения» («Дар любить». С. 24).

Никогда больше в своих ответных письмах Н.К. не касалась обстоятельств жизни Е.Д. Но и в Маминых письмах нам едва ли упоминалось имя Бабушки Дуни...

¹²² **Всё было** не совсем так: главой семьи был А.М. и воплощались именно его идеи ведения Дома и домашнего хозяйства.

Он разбил маленький, в 8–10 соток, сад около дома, перед верандой, это был сад-цветник-огород, продуманно-изящный и функциональный: бордюры фигурных клумб-гряд составляли салат, свекла... Салат сеяли несколько раз за лето. Папа следил за кустами, формировал их, и шпалеры акаций, жимолости, жасмина служили живой изгородью... Элитные сорта сирени даже участвовали на какой-то выставке до войны... Было много табаков, резеды, настурций, георгинов... В общем, наш садик отдаленно напоминал Собственный садик у Зубовского корпуса в Екатерининском парке. Мы получали каждый свой урок прополки дорожек, гряд. Не буду объяснять Мамини «оговорки» абберрацией памяти. Это – другое...

И картофельное поле у железной дороги – это, если не только Папина идея, то уж непременно – общая, родителей...

Но совсем точно: «В 36^м году Папа завел поросенка», так это всегда говорилось, так и было. Сам чистил хлев и носил вёдра с запаренным кормом, «держат поросят» вошло в обычай. Брат помнит Маму «в чем-то белом» за прилавком, продающую свинину на рынке.

¹²³ **Письмо опубликовано** в статье Т. Яковлевой «Вечный урок» в разделе «Слово об учителе, у которого мы не учились» (С. 297) в книге «Ты, солнце святое, гори!»: Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове. Под ред. С.О. Шмидта. (М.: ООО «Профобразование», 2002. – 320 с. С. 297.

¹²⁴ ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 432.

¹²⁵ **Кеппен** Пётр Иванович (1793, Харьков – 1864, имение Карабаг, ок. Алушты) – русский учёный, статистик, этнограф, библиограф, академик Петербургской АН (1843). Сын врача (БСЭ, Т. 12).

«В 1845 г. Кеппен был одним из учредителей Императорского географического общества, в деятельности которого он принимал самое живое участие». «Из археологических работ его наиболее ценная “О древностях южного берега Крыма и гор Таврических” (Крымский Сборник, 1837)”. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона, том XIVА, СПб. 1895. Статья о П.И. Кеппене в этом Словаре – целая страница убористого шрифта, чрезвычайно содержательная.

¹²⁶ **Каким долгим** и мощным было увлечение Далькрозом (с 1912 г.!) видно из эмоциональной фразы А. Пиотровского в одной из рецензий 28 г.: «Когда же придёт конец далькрозианству? Запомним наконец – цирк, спорт ближе к античной технике движения, чем ритмирование в рубашках». (Цитирую по книге «Адриан Пиотровский». М., 1969. С. 67).

¹²⁷ **«В I Среднеминосский период** появляются [на *Крите*] сосуды с весьма сложной росписью разноцветными красками. Эти пёстрые расписные сосуды достигают высокого совершенства в так называемых сосудах “Камаресского” типа (орнамент состоит по преимуществу из кривых линий, розеток, растений), получивших своё название по местности, где были найдены первые типичные образцы их». Энциклопедический словарь Бр. Гранат и К°, том XVI, Статья «Греция». – В БСЭ в статье «Эгейская культура» – «орнаментально-декоративный стиль, достигший совершенства в вазописи “Камарес”, относят к 20–18 в. до н.э.».

¹²⁸ Дополняю Воспоминания Н.В. Педьковой об экскурсии в Грецию в конце мая 1914 г. стихами И. Тревер.

Стихи И. Тревер были хорошо известны в Гептахоре. Не знаю, были ли все они собраны и изданы в поздние, совсем советские годы, но истинно, что только Провидение сохранило до наших дней вот эту книжечку стихов Ильзы Тревер. Ее размер 14x8,5 см. в обложке твердого картона сложного сине-зеленоватого цвета. Сами странички чуть меньше: 13x7,5. Бумага отменная: плотная, в мелкий-мелкий горизонтальный рубчик, на некоторых листах проступают на свет водяные знаки какой-то европейской фирмы, листки просвечивают тонкими вертикальными линиями с интервалом в 2,5 см. 26 страничек. Титул: «Ильза Тревер В лазурную даль Стихи Петербург Государственная Академическая Типография 1920». Посвящение: «Кате, Стене и Наташе». На форзаце в конце книги: «Издание этой книжки задумано 27 апреля, обсуждено в Москве 20 июня; набрали ее 8 и 9 июля Камилла Тревер и Иосиф Орбели; сверстал книжку Михаил Стрельман, отпечатал Виктор Штейн; отпечатана 10 июля (27 июня) 1920 года в семи экземплярах».

На внутренней, к стихам, стороне этого форзаца — семь летящих ласточек... Семь книжечек... Семь гептахорских девушек...

Слово «Гептахор» не произнесено. Но бóльшая часть стихов — счастливая, ликующая радость всем вместе плыть «в лазурную даль», плыть в Грецию и быть в Греции.

Открывает сборни это стихотворение.

*Так чисто небо и так высоко.
Лазурь морская ясна всегда.
Земля и горы видны далеко.
Плывет наш белый корабль туда.
Плывут перед нами на юг дельфины.
Летают птицы у нас в снастях.
Мы миновали луга, равнины,
мы миновали Босфор в цветах.
Над нами солнце слепит и греет,
а море с каждой волной синей.
Уж горы ближе, земля яснее,
наш парус гнется, плывем быстрее.*

*Мы идем по широким ступеням,
поднимаемся вверх не спеша;
а вокруг замыкаются горы,
и вдали голубая волна.
Мы идем по горячим ступеням,
поджидаем отставших порой.
На камнях теневые узоры
от цветов, что несем мы с собой.
Мы идём по горячим ступеням.*

*Мы медлим у белого входа.
Бьется сердце так сильно в груди;
так долго мы ждали мгновенья,
так долго мы ждали прихода,
что медлим еще от волненья —
не можем так сразу войти.
Не видим мы синего свода.
Белый мраморверху впереди.
Мы в сердце скопили так много.*

*Стоим мы с цветами у входа,
одна привела нас дорога.
Высокой мы все принесли.*

Первые шесть стихотворений без дат. Может быть, они сразу и были написаны, во время или вскоре после встречи с возлюбленной Грецией.

Приведу еще одно:

Ю.Т.

*Ветер веселый играет кудрями.
Даль голубая бледна.
Синее море играет лучами,
парус качает волна.

Ветер и волны тебя всю качают,
взор твой в дали голубой.
Солнце и море лучи посылают.
всё для тебя и с тобой.*

1916

Еще одно стихотворение:

С.Р.

*Иди за светом
вся кой тропой.
Зимой и летом
за нашим светом
иду с тобой.

Иди за светом
новой весны.
И ярким летом
с тобой за светом –
мои мечты.*

*Горит высоко
наша звезда.
Хоть я далеко,
в душе глубоко
с тобой всегда.*

1920

«Ю. Т.» — это Юлия Тихомирова, «С.Р.» – Стеня Руднева.

Может быть, надо переписать сюда все 26 стихотворений?

Вот хотя бы еще это:

*Смотри, вот светлая дорога
сквозь жизни пестрый сад.
Смотри, над белым храмом бога
огни уже горят.*

*Иди по той дороге
сквозь жизни пестрый сад:
уснут твои тревоги,
уйдет твоя печаль.
В саду огни горят,
бросая тени вдаль.*

*И знай: на той дороге
тебя я буду ждать,
и вместе в храме бога,
забыв свои тревоги,
забыв свою печаль,
мы будем ночь стоять,
безмолвно глядя вдаль.*

*Спеши, вот светлая дорога
сквозь жизни пёстрый сад.
О, поспеши, над храмом бога
огни ещё горят.*

1919

Какая светлая одухотворенность... И особый, подлинный талант — всем существом помнить мгновения соприкосновения с вечностью — в природе, в искусстве, в истории... Впитать эти яркие мгновения и продолжать жить с этой вспышкой, с этим светом в душе...

Я повторяю про себя:

... Мы идём по горячим ступеням...

*... У нас цветы, и мы поём,
и на корме у нас венок...*

... О, поспеши, над храмом бога

огни ещё горят...

Господи, какое счастье, что в жизни Мамы были и курсы, и Гептахор, и Греция...

¹²⁹ ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 433.

¹³⁰ ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 151. Данные на Архивной папке Д. 151: «Крайние даты 8 X 1976 – 27 VI 1977». – В Фонде 140. Оп. 1. есть и другие материалы Н.В.: «О системе «Гептахор». Статья. Без даты. Д. 434; «Перечень личного репертуара». Д. 235.

¹³¹ ЦММЛС. Ф. 140. Оп. 1. Д. 519.

¹³² **Теперь уже** очень давно я узнала об отце Н.К. из Автобиографии Алексея Толстого: «[...] Я уехал в Петербург, чтобы продолжить учебу в Технологическом институте.

Начиналась эпоха реакции, и с нею вместе на сцену к огням рампы выходят символисты...

С их творчеством – Вячеслав Иванов, Бальмонт, Белый – впервые меня познакомил чиновник министерства путей сообщения и яхтсмен Константин Петрович Фан дер Флит, чудака и фантазера. По ночам у себя в мансарде на Васильевском острове, при свете керосиновой лампы, он читал мне стихи символистов и говорил о них с неподражаемым жаром фантазии». (Алексей Толстой. Краткая автобиография. 1943. Соб. Соч., т. I. – М.: Гос. Изд. Художественной литературы, 1958. С. 56.)

¹³³ **Я не рассказываю** о Наталии Константиновне и о её семье, я просто собираю в книгу сохранившиеся её письма (их более 400) и теперь, после окончания работы, передам их в ЦММЛС. Письма – документы, свидетельства Времени. У меня были и какие-то свои личные впечатления от облика Н.К., я делилась ими в письмах Маме. Это тоже были свидетельства о встречах с Н.К. по свежим следам. Они опубликованы в «Даре любить».

Рассказ о Н.К. я прочла в книге Н. Берберовой «Курсив мой: Автобиография». (М.: Согласие, 1996.). Автор пишет о своей петербургской юности: «Подруги были разные [*в гимназии*], сочетать их между собой было невероятно трудно. [...] Особенно одна из них, Наташа фан-дер-Флит [*«фан» – так в книге!*], правнучка декабриста Ивашёва, не подходила ни под какую рубрику [*Приводятся родословные бабушек. Идёт описание дома на Васильевском острове.*] [...] В доме скрипели полы и не было горничной в кружевном фартуке и накрахмаленной наколке, как у нас, а было много книг, маленькие оконца, выходившие на тихий двор, и тишина 6ой Линии возле Среднего проспекта. Светловолосая, голубоглазая Наташа [...] была внутренне чем-то очень похожа на меня, мы хорошо понимали друг друга, говорили о выборе профессии, о тайнах жизни, о декабристах, и обе дрожали от внутреннего нетерпения при мысли о будущем, которое несло на нас с невероятной скоростью и силой

(так мы считали), словно были мы обе два паруса, которые рвутся в море, а ветра всё нет, чтоб надуть их и умчать» (С. 656–567).

Многое в этом рассказе кажется мне дурной литературой и хвастливым кокетством: вот какой у меня был круг! Отсюда настойчивое поминание предков Н.К., перебирание их родственных связей. Но что это за «маленькие оконца»?! После возвращения наших родителей из ссылки осенью 1934 г. мы трое, сестра, Андрей и я, были (до марта 1935) у Веры Петровны в их «Старом Доме». Поразили антресоли в какой-то комнате, кровати под потолком. Разве могли быть в комнате с антресолями «оконца», да ещё «маленькие»?! Кстати, ещё одна врезавшаяся в память деталь этого посещения: Андрей прислонился к стене, а, оказывается, это была занавеска, просто белая простыня, и Андрей упал в таз с водой. К сожалению, ничего другого не запомнилось.

«Дрожали от внутреннего нетерпения...», «говорили о тайнах жизни»... Нет! Н.К. была абсолютно реалистичным и во многом рациональным человеком, я не представляю себе её такое самообнажение даже в юности... Вот как сама Н.К. свидетельствует о своём темпераменте в письмах Ю.Ф.: 29 IX 47 «Какие все девочки [Гуля, Лада, Люся, Зося] разные! [...] [Н.К. сравнивает Гулю и Ладу] По всему душевному строю и вкусам мне ближе Гуля. Но я никогда не была так общительна, свободна и весела с людьми» [...] («Дар любить». С. 74).

Вот ещё одно признание Н.К. о себе: «Как ни странно, но вот уже только теперь, «на склоне лет», у меня возникли какие-то связи с людьми (в ЛОСХ'е), с которыми, встречаясь десятилетиями, мы оставались почти незнакомыми» (21 V 52).

Краткое *nita bene*: Нина Берберова поступила 8^{ми} лет в младший подготовительный класс гимназии; «Наташа Флит» – 12^{ти} в ВВКУ. Вероятно, какое-то общение и было до ВВКУ, именно в детстве, тем более, что мамы девочек были очень дружны. (В Библиографическом-то справочнике, составленном самим втором, Н.Н. Берберова, говоря о К.П. Фан-дер-Флите, пишет: «Его дочь – Наташа, моя подруга детства». С. 700.) Но отрочество и юность Н.К. проходили в совершенно иной среде! См. Автобиографию Н.К.

Никаких иных биографических сведений о Н.К. в Справочнике нет.

Скажу попутно, что столь же поверхностны, не соответствуют реальному положению дел сведения о судьбе Р.И. Иванова-Разумника. Но в данном случае авторы Примечаний вносят необходимые коррективы к тексту «Курсива...». См. также: «Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордилайнен». С. 61, 62, 63; «Жизнь забытых людей. Дневники. Письма. Справки. Воспоминания». С. 164, 301.

В 1968 г. я навестила Н.К. на Карповке. Запись в подаренной Мамой эстонской книжке в тиснёном кожаном переплёте для записи «светлых и хороших минут жизни»: «Вчера: у Н.К. Её милая старомодная комната. Так всё напомнило о юности, о прошлом, что сильно заплакала. Всё: шкафы, зеркала, её стол, окно, вид из окна – всё прежнее, фандерфлитовское, давно близкое. [...] Кофе. Разговоры о переезде на новую квартиру. Н.К. так же неторопливо-изысканна в разговоре. Я снесла её тёмно-красную розу с двумя веточками зелени. Красиво» (21 VI 68).

В «Курсиве» есть ещё один пассаж о Н.К. Вернувшись летом 21го года в Петроград после трёх лет жизни у родственников отца в Ростове-на-Дону, Н.Н. Берберова пишет: «Я нашла кое-кого из старых друзей. [...] Другая Наташа [У Н.Н. Берберовой была и ещё одна Наташа – Шкловская.], в старом доме на Васильевском, бросалась от танцев Дункан к живописи, пела, сочиняла стихи, лепила и собиралась замуж».

Совершенно не представляю себе такого стиля поведения Н.К., или, как сказала бы она сама, «train» (Н.К. очень любила это словечко!), чтобы она «бросалась» к чему бы то ни было, это не было свойством её натуры... [train – фр. образ жизни, стиль жизни] И, кроме того, только на сторонний, поверхностный взгляд кружок С.Д. и её подруг занимался «танцами Дункан». (См. Автобиографию Н.К. в Приложениях.) Дункан и Гептахор – не одно и то же!

Имя Н.Н. Берберовой всплыло ещё и вот в каком контексте. Ещё в пору работы над книгой «Жизнь забытых людей» я много раз просила сестру навесить Елену Константиновну Вандерфлит, сестру Н. К., расспросить о прошлом. Письмо Ю.А. 4 IX 1996:

«Сегодня была у Алёны. Она дама 82 лет, по-прежнему красива аристократической красотой + интеллигентность, светлый разум, обаяние стиля и породистости. [...]

Да, самое интересное – мы разговорились о Берберовой!

Никакая она не подруга Н. К. Да, учились вместе, но никакой дружбы не было.

“Тетя Таля – Наталия Ив[ановна] Берберова, мать Нины, была ближайшим другом мамы. [*Внучка декабриста Вера Петровна фан-дер-Флит была подругой моей матери по гимназии*] («Курсив мой». Библиографический справочник, С. 660).] Да, Берберовы, родители, бывали у нас, но с Ниной были далеки”. Алена полна священного негодования при упоминании Б[ерберовой]. “Уехав, Нина Б[ерберова] вычеркнула родителей из своей жизни. [...] Лживая натура. Утверждает, что родители погибли в блокаду. [В «Биографическом справочнике» к книге «Курсив мой», составленном Н. Н. Берберовой, на С. 661 рядом с годом смерти матери «1942» стоит вопросительный знак.] А на самом деле их вывезли, как и многих, на санитарном поезде, и по дороге они умерли. Где, когда – неизвестно”.

Несколько лет спустя к ним в Оренбург, к Вере Петровне, пришла совсем простая женщина, типа крестьянки, и передала небольшой пакет, завязанный в тряпочку бечёвкой. Этот пакетик передала Нат. Ив. Берберова Вере Петровне. Там были сохранённые ею драгоценности: серьги, кольцо, еще что-то. Серьги носила Алёна, кольцо – Н. К.

Еще такой штрих: когда Вознесенский [в 1989] возил Б[ерберову] по Л[енингра]ду, то спросил ее: “Есть ли какой-то уголок города, который особенно Вам близок и дорог?” Берберова будто бы сказала, что ничего ей здесь близкого нет».

А ведь Н. К. была жива!

¹³⁴ **Вера Петровна** Фандерфлит «работала в гимназии (б. Мая)». Это выражение «бывшая Мая» хорошо знакомо всем, кто интересовался жизнью Петербургской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. – Карл Иванович Май (1820–1895), выдающийся организатор школьного дела, талантливый педагог демократических взглядов, был директором немецкой мужской гимназии на Васильевском острове в Петербурге. Кончил гимназию Мая? Значит, получил воспитание и образование высочайшей пробы. Свою «гимназию Мая» всегда помнил Д.С. Лихачев. «Первоначальное образование получил в гимназии Мая», – так пишет А.П. Остроумова-Лебедева о художнике А.Е. Яковлеве (Автобиографические записки. Том III. – М.: Изобразительное искусство, 1974. С. 114). Из гимназии Мая вышло немало художественно одаренных людей: Н.А. Бенуа, Николай и Святослав Рерихи, Валентин Серов, Константин Сомов.

Гимназисты имели свой «масонский» знак, значок «Майский жук», гордились своим «майским» братством.

И после смерти К. Ив. Мая, десятилетия спустя, эта гимназия сохраняла свои высокие стандарты воспитания и образования. Только теперь о ней говорили «б. Мая».

Сами преподаватели прекрасно осознавали свою причастность к замечательным педагогическим традициям гимназии К. Ив. Мая, и это понимали и их дети. Недаром Н.К. через всю, можно сказать, жизнь уточняет, в какой именно школе работала её мама Вера Петровна.

P.S. Примечание к неосуществившимся Примечаниям.

Стефанида Дмитриевна очень требовательно относилась к своим ученицам, к ученицам Эммы Михайловны Фиш. Но при этой взыскательности к их возможностям, способностям и талантам, как же она внимательна к их успехам, как верит в них, как надеется на их верность Музыкальному движению. К сожалению, многих она не назвала.

Поэтому я выделяю в одно большое Примечание этот круг молодых «посвящённых», с некоторыми сокращениями выписываю то, что она рассказывала о них в письмах Юлии

Фёдоровне. И, может быть, кто-то молодой и увлечённый этой ветвью русской культуры, Музыкальным движением, отыщет их след...

... Ещё скажу: столько лет нам приходилось замалчивать дорогое имя и родство духовное наше с Ysador'ой. Теперь этого больше не надо, мы свободно можем произносить её имя и считать себя её наследниками по самой главной чисто идейной линии (8 VII 63).

... С весны уже стала работать с одной из лучших Эмминых учениц [...] (26 VI 73).

... Уже на днях должна приехать моя ташк[ентская] уч[ени]ца Женя [...] (17 VI 77).

... Сегодня сюда приехала моя ученица из Ташкента, будем с ней вместе наметать методику (28 VII 74).

... Сейчас вместе с одной Эмминой ученицей, психологом, пишем статью в психологический сборник. Дело едет интересно и плодотворно (27 IX 74).

... Среди молодёжи, с которой я связана, есть трое, всерьёз «посвящённые» в Музыкальное движение.

Одна из этих девушек пишет диплом [...] на нашем материале [...].

Другая [...] исключительно одарённая музыкально, двигателью, эмоционально и интеллектуально (3 III 77).

... А вот наши гептахорские дела по-весеннему подают надежду на «новые урожаи». Что-то происходит в воздухе и на земле. Видно, наконец, «Душеводитель Гермес» занялся нами снова и привлёк к нам нужные нам «души» моих и Эмминых нескольких учениц... Одна из них одарена исключительно музыкально, двигателью, умна, упорна и идейно направлена... Думаю, что она одна из «форелей», которые «пробивают лёд, когда они упорны» (Кузмин) (28 IV 77).

... Эммины девушки принялись рьяно за работу, так как нашлось для нас «местечко под небом» (XI 77).

... Я тебе писала о моей молоденькой ученице Верочке, которая обещает быть нашим преемником в деле [...] (21 I 78).

... Выявились педагогические способности и волевые качества у одной из лучших учениц Эммы [...], и она возглавила дело (23 VI 78).

... Появились две младшие девушки (из её последних), которые проявили большие творческие признаки (28 VI 78).

И, в заключение:

... Но ничего! «Корабль наш белокрылый» гептахорский пробивает себе дорогу сквозь туман будущего. Он не пропадёт, несмотря на все трудности (27 IV 78).